Полное собрание сочинений

Виктора Гюго

ННП

ВИКТОРЪ ГЮГО
СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
ТОМЪ VII.
Книга 24.

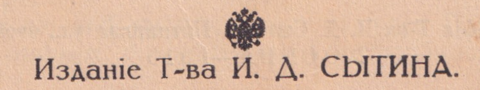
СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ВИКТОРА ГЮГО

ТОМЪ VII.

СЪ КРИТИКО-БІОГРАФИЧЕСКИМЪ ОЧЕРКОМЪ ПРОФЕССОРА А. И. КИРПИЧНИКОВА.

Изданіе Т-ва И. Д. СЫТИНА.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., свой домъ.
МОСКВА.—1915

БЮГЪ-ЖАРГАЛЬ.

Первый романъ автора, написанный имъ въ 16-лѣтнемъ возрастѣ.

Переводъ подъ редакціей Е. Н. Киселева.

I.

Когда наступила очередь капитана Леопольда д'Овернэ, то онъ взглянулъ на присутствующихъ во всѣ глаза и заявилъ имъ, что не знаетъ въ своей жизни ни одного событія, которое заслуживало бы разсказа.

— Но, позвольте, капитанъ,—сказалъ ему поручикъ Анри,—мы слышали, что вы не мало путешествовали и видѣли свѣтъ. Вѣдь, кажется, вы побывали на Антильскихъ островахъ, въ Африкѣ, въ Италіи и въ Испаніи?.. Ахъ, капитанъ! вотъ ваша хромая собака!

Д'Овернэ вздрогнулъ, уронилъ свою сигару и быстро обернулся къ входу въ палатку, какъ разъ въ ту минуту, когда къ нему подбѣгала огромная хромая собака.

По дорогѣ собака раздавила сигару капитана, на что капитанъ не обратилъ никакого вниманія.

Собака полизала ему ноги, помахала хвостомъ, ласково повизжала, попрыгала, какъ могла, а потомъ улеглась передъ нимъ. Взволнованный, тяжело дыша, капитанъ машинально гладилъ ее лѣвой рукой, отстегивая другой рукой ремень своей каски, и повторялъ отрывисто:

— Это ты, Раскъ! это ты!—наконецъ, онъ вскричалъ:—Да кто же тебя привелъ обратно?

— Съ вашего позволенія, я, г. капитанъ...

Приподнявъ полу палатки, на ея порогѣ стоялъ уже нѣсколько мгновеній сержантъ Тадэ, обернувъ шинелью правую руку, и, со слезами на глазахъ, безмолвно созерцая развязку Одиссеи. Наконецъ, онъ рѣшился произнести эти слова: *Съ вашего позволенія, я, г. капитанъ...* Д'Овернэ поднялъ на него глаза.

— Это ты, Тадъ! Да какъ это ты ухитрился?.. Бѣдная собака! Я думалъ, что она въ англійскомъ лагерѣ. Да гдѣ же ты ее нашелъ?

— Слава Богу! Знаете ли, г. капитанъ, я теперь радъ, какъ вашъ племянникъ, когда вы заставляли его склонять по-латыни слово: c o r n u, рогъ...

— Да скажи же мнѣ толкомъ, гдѣ нашелся Раскъ?

— Онъ не нашелся, г. капитанъ, я отправлялся за нимъ.

Капитанъ всталъ и протянулъ руку сержанту, но рука солдата оставалась завернутою въ шинель. Капитанъ не обратилъ на это вниманія.

— Дѣло въ томъ, г. капитанъ, что съ тѣхъ поръ, какъ этотъ бѣдный Раскъ пропалъ, я замѣтилъ, съ вашего, такъ сказать, позволенія, что вамъ чего-то недостаетъ. Откровенно говоря, мнѣ кажется, что въ тотъ вечеръ, какъ Раскъ не прибѣжалъ раздѣлить со мной, по обыкновенію, мою порцію чернаго хлѣба, старый Тадъ чуть было не разревѣлся, какъ ребенокъ. Но, благодаря Бога, я плакалъ только два раза въ жизни: первый разъ, когда... въ тотъ день, когда...—и сержантъ посмотрѣлъ съ тревогой на своего начальника.—А второй разъ въ тотъ день, какъ этому канальѣ, капралу Бальтазару, взбрело на умъ заставить меня вычистить пучокъ луку.

— Мнѣ, кажется, Тадэ,—вскричалъ, смѣясь, Анри,—что вы намъ не сказали, при какомъ случаѣ вы расплакались въ первый разъ.

— Должно-быть, въ тотъ день, старина, какъ тебя облобызалъ Ла-Туръ-д'Овернь, первый гренадеръ Франціи?—спросилъ ласково капитанъ, не переставая гладить собаку.

— Никакъ нѣтъ, г. капитанъ; ужъ если сержантъ Тадэ расплакался, согласитесь, что это могло случиться только въ тотъ день, когда онъ крикнулъ «пли» на Бюгъ-Жаргаля, или, иначе называемаго, Пьерро.

Лицо д'Овернэ омрачилось. Онъ поспѣшно подошелъ къ сержанту и хотѣлъ пожать ему руку, но, не взирая на такую чрезвычайную честь, старый Тадэ продолжалъ прятать руку подъ шинелью.

— Да, г. капитанъ,—продолжалъ Тадэ, отступая на нѣсколько шаговъ, тогда какъ д'Овернэ смотрѣлъ на него съ грустнымъ выраженіемъ,—да, въ тотъ разъ я плакалъ; по правдѣ сказать, онъ стоилъ слезъ! Онъ былъ черный, это такъ, но и порохъ тоже черенъ, а... а...

Доброму сержанту очень хотѣлось бы съ честью выпутаться изъ своего страннаго сравненія. Быть-можетъ, въ этомъ сближеніи понятій заключалось что-нибудь такое, что нравилось его уму, но всѣ его старанія высказаться оказались напрасными; и вотъ, послѣ нѣсколькихъ попытокъ такъ или иначе взять приступомъ свою мысль, онъ, подобно полководцу, которому не удается взять крѣпость, снялъ внезапно осаду, и продолжалъ, вовсе не замѣчая улыбокъ слушавшихъ его молодыхъ офицеровъ:

— Скажите, г. капитанъ, помните ли вы этого бѣднаго негра, когда онъ явился, весь запыхавшійся, въ ту самую минуту, какъ его десять товарищей стояли уже на мѣстѣ? По правдѣ говоря, ихъ пришлось связать. Командовалъ я. А тогда онъ ихъ отвязалъ самъ, чтобы занять ихъ мѣсто, несмотря на то, что они не хотѣли этого. Но онъ былъ непреклоненъ. О! Какой молодецъ! А еще помните, г. капитанъ, какъ онъ стоялъ прямо, точно собирался плясать, и какъ его песъ, вотъ этотъ самый Раскъ, понявъ, что хотятъ съ нимъ дѣлать, вцѣпился мнѣ въ горло?..

— Обыкновенно, Тадъ,—прервалъ капитанъ,—ты никогда не забывалъ въ этомъ мѣстѣ своего разсказа приласкать этого бѣднаго Раска; смотри, какъ онъ глядитъ на тебя.

— Вы правы,—сказалъ въ смущеніи Тадэ:—онъ глядитъ на меня, этотъ бѣдный Раскъ; но... дѣло въ томъ, что старуха Малагрида сказала мнѣ, что ласкать лѣвой рукой — приноситъ несчастіе.

— А почему же не правой?—спросилъ съ удивленіемъ д'Овернэ, впервые замѣтивъ теперь и спрятанную подъ шинелью руку и блѣдность лица Тадэ.

Смущеніе сержанта, казалось, еще возросло.

— Съ вашего позволенія, г. капитанъ, видите ли... У васъ уже имѣется хромая собака, а теперь я боюсь, что у васъ заведется однорукій сержантъ.

Капитанъ такъ и сорвался съ мѣста.

— Какъ? Что? что ты говоришь, старина?—однорукій! Покажи-ка руку. Однорукій, Боже мой!

Д'Овернэ дрожалъ; сержантъ медленно развернулъ шинель и показалъ своему начальнику руку, обмотанную окровавленной тряпкой.

— Ахъ! Боже мой!—прошепталъ капитанъ, приподнимая осторожно тряпку.—Но разскажи же мнѣ, старина...

— О, дѣло самое простое. Я сказалъ ужъ вамъ, что отлично замѣтилъ, что вы горюете съ тѣхъ поръ, какъ эти проклятые англичане увели вашего славнаго пса, этого бѣднаго Раска, собаку Бюга... Ну, да довольно. Я рѣшилъ привести его вамъ обратно, хотя бы цѣною моей жизни, для того, чтобы поужинать сегодня съ аппетитомъ. Тогда, наказавъ предварительно вашему денщику Матле хорошенько вычистить вашъ мундиръ, по тому случаю, что завтра будетъ сраженіе, я удралъ тайкомъ изъ лагеря, захвативъ только саблю, и сталъ пробираться прямо сквозь изгороди къ англійскому лагерю, потому что это—самый близкій путь; не успѣлъ я еще добраться до первыхъ окоповъ, какъ вдругъ, съ вашего позволенія, г. капитанъ, я увидѣлъ влѣво въ небольшой рощицѣ большую толпу красныхъ солдатъ. Я пошелъ впередъ, чтобы развѣдать, въ чемъ дѣло; на меня никто не обращалъ вниманія, а я успѣлъ разглядѣть Раска, привязаннаго къ дереву, тогда какъ двое молодцовъ, оголенныхъ до пояса, точно язычники, изъ всѣхъ силъ тузили другъ друга кулаками, такъ что кости трещали. Вообразите себѣ, что эти два англичанина дрались изъ-за вашей собаки. Но тутъ Раскъ увидалъ меня и такъ рванулся впередъ, что веревка его лопнула, и онъ очутился въ одинъ мигъ подлѣ меня. Вы понимаете, что остальная шайка не осталась позади. Я кинулся въ лѣсъ. Раскъ за мною. Нѣсколько пуль просвистѣло у меня надъ ухомъ. Раскъ заливался лаемъ, но, къ счастію, они его не слышали, потому что сами вопили french dog! french dog![1]) точно ваша собака не славный песъ изъ Санъ-Доминго. Я ужъ

[1]) Французская собака.

миновалъ чащу и собирался выйти изъ нея, какъ вдругъ передо мною очутились два красныхъ мундира. Моя собака покончила съ однимъ изъ нихъ и, конечно, покончила бы и съ другимъ, если бы его пистолетъ не былъ заряженъ пулей. Взгляните на мою правую руку. Ну, да все равно! french dog кинулся къ нему на шею, какъ къ старому знакомцу, и ручаюсь вамъ, что плотно его обнялъ,—англичанинъ свалился, какъ снопъ, задушенный Раскомъ. Самъ виноватъ, зачѣмъ такъ привязывался ко мнѣ, присталъ точно нищій къ семинаристу! Ну, словомъ, Тадъ вернулся въ лагерь, и Раскъ тоже. Я жалѣю только о томъ, что Господь Богъ не пожелалъ послать мнѣ лучше все это завтра во время стычки. Вотъ и все.

При мысли о томъ, что онъ получилъ рану не на полѣ сраженія, лицо стараго сержанта омрачилось.

— Тадэ!..—крикнулъ капитанъ гнѣвнымъ тономъ, но сейчасъ же добавилъ мягче:—Съ ума ты, что ли, сошелъ, что рискуешь жизнью ради собаки?

— Да я не ради собаки, г. капитанъ, а ради Раска.

Лицо д'Овернэ окончательно смягчилось. Сержантъ продолжалъ:

— Ради Раска, ради дога Бюга...

— Довольно! довольно, старый Тадъ!—вскричалъ капитанъ, закрывая глаза рукой.—Ну,—добавилъ онъ послѣ короткаго молчанія,—обопрись на меня и пойдемъ на перевязку.

Послѣ нѣкотораго почтительнаго сопротивленія Тадэ повиновался. Собака, успѣвшая во время этой сцены наполовину изгрызть прекрасную медвѣжью шкурv своего господина, встала и послѣдовала за ними обоими.

II.

Эпизодъ этотъ возбудилъ живѣйшее любопытство между веселыми собесѣдниками.

Капитанъ Леопольдъ д'Овернэ былъ однимъ изъ тѣхъ людей, которые, на какой бы ступени ни поставили ихъ природа и общественныя условія, всегда внушаютъ извѣстное уваженіе, смѣшанное съ участіемъ. А между тѣмъ въ немъ, быть-можетъ, не было ничего особенно поразительнаго на первый взглядъ; манеры у него были холодныя, взглядъ равнодушный. Тропическое солнце, хотя и покрыло загаромъ его лицо, но не придало ему той живости жестовъ и рѣчей, что сочетается у креоловъ съ граціозной небрежностью. Д'Овернэ говорилъ мало, слушалъ рѣдко и былъ постоянно готовъ дѣйствовать. Всегда первый на конѣ и послѣдній вечеромъ на ногахъ, онъ словно искалъ въ физическомъ утомленіи отвлеченія отъ своихъ думъ. Думы эти, печальная суровость которыхъ какъ бы выражалась въ преждевременныхъ морщинахъ его чела, не принадлежали къ такимъ, отъ которыхъ можно избавиться, повѣривъ ихъ другому человѣку, ни къ такимъ, которыя охотно сливаются съ мыслями постороннихъ посреди пустой болтовни.

Леопольдъ д'Овернэ, не поддававшійся физическому утомленію отъ боевыхъ трудовъ, казалось, смертельно усталъ отъ того, что мы называемъ умственными турнирами. Онъ столь же избѣгалъ споровъ, какъ искалъ битвъ. Если и случалось ему порой дать вовлечь себя въ споръ, онъ произносилъ нѣсколько словъ, полныхъ смысла или высокаго благоразумія, и вдругъ, въ ту минуту, какъ онъ могъ уже убѣдить своего противника, онъ круто останавливался, говоря: *къ чему?* и выходилъ, чтобы спросить у командира, что ему дѣлать въ ожиданіи часа атаки.

Его товарищи прощали ему его холодныя, сдержанныя, молчаливыя привычки, потому что онъ всегда былъ храбръ, добръ и доброжелателенъ. Онъ спасъ жизнь нѣсколькимъ изъ нихъ, рискуя своей собственной, и всѣмъ было извѣстно, что если онъ рѣдко раскрывалъ ротъ, то кошелекъ его никогда не закрывался. Въ полку его любили и даже прощали ему то почти благоговѣйное чувство, которое онъ внушалъ многимъ товарищамъ. Однако, онъ былъ молодъ. На видъ ему можно было дать 30 лѣтъ, а между тѣмъ, ему было еще далеко до этого возраста. Хотя онъ дрался уже довольно давно въ рядахъ республиканцевъ, никто не зналъ его исторіи. Единственное существо, которое могло, подобно Раску, добиться отъ него какого-нибудь живого проявленія привязанности, а именно старый сержантъ Тадэ, поступившій въ отрядъ вмѣстѣ съ нимъ и не отходившій отъ него, порой смутно передавалъ кой-какія обстоятельства изъ его жизни. Было извѣстно, что въ Америкѣ д'Овернэ постигли большія несчастія, что онъ женился въ Санъ-Доминго и лишился жены и всей своей семьи во время той рѣзни, которая ознаменовала собой вторженіе революціи въ эту великолѣпную колонію. Въ этотъ періодъ нашей исторіи несчастія такого рода были до того обычны, что къ нимъ всѣ относились съ какой-то неопредѣленной жалостью. И капитана д'Овернэ жалѣли не столько за перенесенныя имъ потери, сколько за то, какъ онъ страдалъ изъ-за нихъ. Дѣйствительно, подъ личиной его ледяного равнодушія проступалъ порою трепетъ неизлѣчимой, внутренней раны.

Какъ только начиналось сраженіе, чело его прояснялось. Онъ дрался съ такой отвагой, точно стремился добиться генеральства, а послѣ побѣды выказывалъ такую скромность, словно не хотѣлъ быть ничѣмъ инымъ, какъ простымъ солдатомъ. Видя его пренебреженіе къ почестямъ и чинамъ, товарищи его не понимали, почему передъ всякимъ сраженіемъ онъ точно на что-то надѣялся, и не догадывались, что изъ всѣхъ боевыхъ шансовъ д'Овернэ желалъ только одного,—смерти.

Народные представители, присланные съ миссіей въ армію, назначили его разъ бригаднымъ командиромъ на полѣ битвы; онъ отказался, потому что ему пришлось бы покинуть роту и разстаться съ сержантомъ Тадэ. Нѣсколько дней спустя онъ вызвался командовать опасной экспедиціей и уцѣлѣлъ вопреки всеобщему ожиданію и собственной надеждѣ. Тогда онъ пожалѣлъ, что не принялъ предложеннаго чина.

— Если вражескія пушки,—сказалъ онъ, вѣчно меня щадятъ,— то, быть-можетъ, гильотина, убивающая всѣхъ, кто возвышается, согласилась бы убить и меня.

III.

Таковъ былъ тотъ, о комъ завязался слѣдующій разговоръ, лишь только онъ вышелъ изъ палатки.

— Я готовъ держать пари,—вскричалъ поручикъ Анри, вытирая свой красный сапогъ, на которомъ виднѣлось широкое пятно грязи, оставленное на немъ собакой,—я готовъ держать пари, что капитанъ не отдалъ бы сломанной лапы своей собаки за тѣ десять корзинъ мадеры, что мы видѣли на-дняхъ въ большой генеральской фурѣ.

— Тише! тише!—сказалъ весело адъютантъ Паскаль.—Это было бы невыгодно. Корзины уже пусты, это мнѣ доподлинно извѣстно; и,—добавилъ онъ серьезно,—тридцать пустыхъ бутылокъ, разумѣется, не стоятъ, согласитесь, поручикъ, лапы этого пса, тѣмъ болѣе, что въ сущности, изъ этой лапы можно сдѣлать ручку для дверного звонка.

Серьезный тонъ послѣднихъ словъ адъютанта разсмѣшилъ всѣхъ. Одинъ только Альфредъ, молодой офицеръ баскскихъ гусаръ, не засмѣялся, а принялъ недовольный видъ.

— Не вижу, господа, что вы находите смѣшного во всемъ только что происшедшемъ. По-моему, эта собака и этотъ сержантъ, которыхъ я всегда видѣлъ подлѣ д'Овернэ, должны скорѣе возбуждать къ себѣ участіе. Наконецъ, эта сцена...

Паскаль, задѣтый за живое и неудовольствіемъ Альфреда и веселостью остальныхъ, перебилъ его:

— Пресентиментальная сцена. Скажите пожалуйста! Найденная собака и сломанная рука!

— Капитанъ Паскаль, вы не правы,—сказалъ Анри, выбрасывая изъ палатки только что опорожненную имъ бутылку:—этотъ Бюгъ, по прозвищу Пьерро, возбуждаетъ во мнѣ огромное любопытство.

Готовый ужъ разсердиться, Паскаль утихъ, замѣтя, что его стаканъ, который онъ считалъ пустымъ, наполненъ. Д'Овернэ вернулся и усѣлся на свое прежнее мѣсто, не говоря ни слова. Выраженіе его было еще задумчивое, но лицо стало уже спокойнѣе. Онъ казался до того озабоченнымъ, что не слышалъ ничего изъ того, что говорилось вокругъ него. Вернувшійся съ нимъ Раскъ улегся у его ногъ, слѣдя за нимъ безпокойнымъ взоромъ.

— Вотъ стаканъ, капитанъ д'Овернэ. Попробуйте-ка этого винца.

— О! слава Богу!—сказалъ капитанъ, воображая, что отвѣчаетъ на вопросъ Паскаля.—Рана оказалась не опасною, рука не сломана.

Только невольное уваженіе, внушаемое капитаномъ всѣмъ своимъ соратникамъ, сдержало взрывъ смѣха, уже готовый сорваться съ губъ Анри.

— Разъ вы перестали тревожиться о Тадэ,— сказалъ онъ,— и разъ мы условились разсказать по очереди какое-нибудь изъ своихъ приключенiй съ цѣлью скоротать эту ночь на бивакѣ, я надѣюсь, дорогой другъ, что вы сдержите свое слово и раскажете намъ исторiю вашей. хромой собаки и Бюга... не знаю дальше имени этого Пьерро, какъ говоритъ вашъ Тадъ.

Д'Овернэ не отвѣтилъ бы ничего на этотъ полушутливый, полусерьезный вопросъ, если бы всѣ остальные не присоединили къ нему свои настоянiя.

Въ концѣ-концовъ, онъ уступилъ ихъ просьбамъ.

— Такъ и быть, господа; но не ждите ничего, кромѣ разсказа объ очень простомъ происшествiи, въ которомъ лично я играю только совершенно второстепенную роль. Если вы ожидаете чего-либо необычайнаго, на основанiи той привязанности, что существуетъ между Тадэ, Раскомъ и мной, то вы ошибетесь, предупреждаю васъ. Начинаю.

Тогда наступило глубокое молчанiе. Паскаль выпилъ залпомъ свою флягу водки, Анри завернулся отъ ночного холода въ полупродранную медвѣжью шкуру, а Альфредъ допѣлъ начатую имъ пѣсенку.

Д'Овернэ призадумался, какъ бы припоминая мысленно событiя, давно уже вытѣсненныя изъ его памяти другими событiями. Наконецъ, онъ заговорилъ медленно, тихимъ голосомъ, дѣлая частыя паузы.

IV.

Родился я во Францiи, но еще юношей былъ отправленъ въ Санъ-Доминго, къ одному моему дядѣ, очень богатому колонисту, на дочери котораго предполагали меня женить.

Постройки жилища дяди были расположены по сосѣдству съ фортомъ Галифе, а его плантацiи занимали большую часть Акульскихъ равнинъ.

Это-то несчастное мѣстоположенiе, подробности о которомъ, вѣроятно, кажутся вамъ мало интересными, и было одной изъ первыхъ причинъ бѣдствiй и разоренiя, постигшихъ мою семью.

Восемьсотъ негровъ воздѣлывали огромныя помѣстья моего дяди. Признаюсь вамъ, что печальное положенiе этихъ невольниковъ ухудшалось еще безчувственностью ихъ господина. Мой дядя принадлежалъ къ числу тѣхъ плантаторовъ, по счастью, не очень многочисленныхъ, сердце которыхъ очерствѣло вслѣдствiе долголѣтней привычки къ безусловному деспотизму. Онъ такъ привыкъ, чтобы ему повиновались по одному его взгляду, что малѣйшее колебанiе со стороны невольника жестоко наказывалось и зачастую вмѣшательство его дѣтей только разжигало его гнѣвъ. А потому мы чаще всего бывали принуждены ограничиваться тайной подачей помощи, не будучи въ состоянiи предотвращать всѣ бѣды.

Изъ всѣхъ этихъ рабовъ только одинъ снискалъ милость дяди. То былъ испанскiй карликъ, отдаленная помѣсь негра и бѣлой

женщины, подаренный дядѣ лордомъ Эффингэмомъ, губернаторомъ Ямайки. Дядя долго прожилъ въ Бразиліи, усвоилъ себѣ привычки португальской пышности и любилъ окружать себя дома великолѣпіемъ, соотвѣтствовавшимъ его богатству. Толпа невольниковъ, выдрессированныхъ, какъ европейская прислуга, придавала его дому блескъ настоящаго дворца вельможи. Въ довершеніе всего онъ сдѣлалъ невольника лорда Эффингэма своимъ *шутомъ*, на манеръ прежнихъ феодаловъ, державшихъ при себѣ паяцовъ. Нельзя не признаться, что выборъ дяди былъ необыкновенно удаченъ. Хабибра (таково было его имя) представлялъ собою одно изъ тѣхъ существъ, физическое сложеніе которыхъ таково, что они казались бы чудовищами, если бы не были такъ смѣшны. Этотъ отвратительный карликъ былъ толстъ, имѣлъ короткія ноги и большой животъ и ходилъ съ необыкновенной быстротой на своихъ жидкихъ, худыхъ ногахъ, которыя складывались подъ нимъ, когда онъ садился, точно лапы паука. Его огромная голова, какъ бы вдавленная между плечъ, обросшая торчащими рыжими, курчавыми, похожими на шерсть волосами, украшалась двумя такими широкими ушами, что товарищи его утверждали, что когда Хабибра плакалъ, то отиралъ этими ушами свои слезы. Лицо его вѣчно гримасничало, но гримасы его постоянно мѣнялись; эта странная подвижность его чертъ вносила, по крайней мѣрѣ, нѣкоторое разнообразіе въ его уродливость. Мой дядя любилъ его безобразіе и невозмутимую веселость. Хабибра былъ его любимцемъ. Тогда какъ остальные невольники изнемогали подъ тяжкимъ трудомъ, Хабибра не имѣлъ другого дѣла, какъ носить за своимъ господиномъ большой вѣеръ изъ перьевъ райской птицы, чтобы отгонять имъ комаровъ и мухъ. Ѣлъ онъ всегда у ногъ дяди на камышевой цыновкѣ и дядя всегда передавалъ ему на тарелкѣ остатки какого-нибудь особенно любимаго имъ блюда. Зато Хабибра былъ, видимо, благодаренъ дядѣ за его доброту, и пользовался своими привилегіями шута, своимъ правомъ и говорить и дѣлать все, что угодно, только для развлеченія своего господина; онъ потѣшалъ его всякими шутками и гримасами, и при малѣйшемъ знакѣ бѣжалъ къ дядѣ съ проворствомъ обезьяны и покорностью собаки.

Я не любилъ этого невольника. Въ его раболѣпствѣ было что-то черезчуръ пресмыкающееся, а вѣдь если рабство не позорно, то раболѣпство унизительно. Я чувствовалъ искреннюю жалость къ этимъ несчастнымъ неграмъ, которые цѣлыми днями работали у меня на глазахъ почти нагими; но этотъ безобразный шутъ, этотъ бездѣльничающій рабъ въ своей дурацкой одеждѣ, пестрѣвшей галунами и усѣянной бубенчиками, внушалъ мнѣ одно лишь презрѣніе. Къ тому же, карликъ не пользовался тѣмъ вліяніемъ, которое онъ пріобрѣлъ съ помощью своего раболѣпства передъ дядей, для облегченія участи своихъ братьевъ. Никогда не выпросилъ онъ прощенія ни для кого изъ нихъ у своего господина, весьма часто каравшаго ихъ; наоборотъ, какъ-то разъ, когда онъ думалъ, что его никто не слышитъ, одинъ невольникъ услыхалъ, какъ онъ внушалъ дядѣ побольше строгости къ своимъ несчаст-

нымъ товарищамъ. Однако же, остальные невольники, которые казалось, должны бы были остерегаться его и завидовать ему, не выказывали никакой къ нему ненависти. Онъ внушалъ имъ какой-то почтительный страхъ, нимало не похожій на враждебность; а когда онъ проходилъ мимо ихъ хижинъ въ своемъ большомъ, островерхомъ колпакѣ, увѣшанномъ колокольчиками и испещренномъ странными узорами, нарисованными черными чернилами, они серьезно шептали другъ другу: *Это колдунъ*!

Всѣ эти подробности, на которыхъ я теперь останавливаю ваше вниманіе, господа, очень мало меня въ то время занимали. Всецѣло поглощенный чистыми волненіями любви, которой, повидимому, не грозили никакія превратности, любви, раздѣляемой съ дѣтства предназначавшейся мнѣ женою, я относился разсѣянно ко всему, что не было Маріей. Съ самаго ранняго дѣтства я привыкъ смотрѣть, какъ на свою будущую жену, на ту, которая была мнѣ почти сестрой, и между нами зародилось чувство довольно страннаго характера: это была какая-то смѣсь братской преданности, страстной экзальтаціи и супружескаго довѣрія. Немногимъ довелось провести болѣе счастливые годы молодости, чѣмъ тѣ, которые выпали на мою долю; немногимъ случалось расцвѣтать душою подъ болѣе прекраснымъ небомъ, при такомъ чудномъ сочетаніи счастія въ настоящемъ съ надеждой въ будущемъ. Окруженный почти съ рожденія всѣми утѣхами богатства, всѣми привилегіями высшихъ классовъ, въ странѣ, гдѣ стоитъ быть бѣлымъ, чтобы принадлежать къ высшему классу, проводя цѣлые дни съ любимымъ существомъ, при чемъ наши родители, которые могли бы помѣшать этой любви, только содѣйствовали ей, и все это въ такіе годы, когда кровь кипитъ, въ странѣ, гдѣ стоитъ вѣчное лѣто, гдѣ природа великолѣпна,—какъ могъ бы я не питать слѣпой вѣры въ свою счастливую звѣзду? и какъ мнѣ не сказать, что у немногихъ людей были такіе счастливые годы юности?

Капитанъ пріостановился, точно ему не хватало голоса подъ наплывомъ этихъ счастливыхъ воспоминаній. Затѣмъ онъ продолжалъ глубоко грустнымъ тономъ:

— Правда, что теперь я имѣю право добавить, что никому не придется печальнѣе доживать свой вѣкъ, чѣмъ мнѣ.

И, точно почерпнувъ новыя силы въ сознаніи своего несчастія, онъ заговорилъ снова твердымъ голосомъ.

V.

Среди этихъ иллюзій и слѣпыхъ надеждъ я достигалъ своего двадцатилѣтія. День моего рожденія приходился въ августѣ 1791 года, и дядя намѣтилъ этотъ день для моего брака съ Маріей. Вы легко поймете, что мысль о такомъ близкомъ счастіи поглощала меня всецѣло, а также, что у меня осталось лишь самое смутное воспоминаніе о тѣхъ политическихъ дебатахъ, которые волновали колонію уже цѣлыхъ два года. А потому я не стану описывать вамъ соперничества между *провинціальнымъ* собраніемъ Сѣвера и

тѣмъ *колоніальнымъ* собраніемъ, что приняло названіе *общаго* собранія, находя, что отъ слова *колоніальное* пахнетъ рабствомъ. Эти мелочи, такъ волновавшія тогда всѣ умы, не представляютъ теперь иного интереса, кромѣ тѣхъ бѣдъ, которыя онѣ причинили. Что касается меня, то посреди этой взаимной ревности, раздѣлявшей Капъ и Портъ-о-Прэнсъ, я долженъ былъ, конечно, склоняться въ сторону Капа, на территоріи котораго мы жили, и провинціальнаго собранія, гдѣ отецъ мой состоялъ членомъ.

Одинъ только разъ случилось мнѣ принять довольно живое участіе въ одномъ спорѣ о современныхъ событіяхъ. Случилось это изъ-за того злополучнаго декрета 15 мая 1791 года, которымъ національное собраніе Франціи предоставляло свободнымъ неграмъ и мулатамъ одинаковыя съ бѣлыми политическія права. На одномъ балѣ, дававшемся въ Капѣ губернаторомъ, нѣсколько молодыхъ колонистовъ громко осуждали этотъ законъ, такъ жестоко оскорблявшій самолюбіе бѣлыхъ, самолюбіе, быть-можетъ, и справедливое. Я не вмѣшивался еще въ разговоръ, когда къ группѣ споривших подошелъ одинъ богатый плантаторъ, котораго бѣлые допускали съ трудомъ въ свою среду и неопредѣленный цвѣтъ кожи котораго внушалъ подозрѣнія насчетъ его происхожденія. Я внезапно подошелъ къ этому человѣку, говоря ему громко: «Проходите мимо; здѣсь говорятся вещи, непріятныя для васъ, въ жилахъ котораго течетъ *смѣшанная кровь*». Это обвиненіе до такой степени его раздражило, что онъ вызвалъ меня на дуэль. Мы ранили другъ друга. Конечно, я былъ не правъ, но, по всѣмъ вѣроятіямъ, одного *предразсудка противъ черной расы* не было бы достаточно для того, чтобы толкнуть меня на этотъ вызовъ; съ нѣкоторыхъ поръ человѣкъ этотъ имѣлъ смѣлость заглядываться на мою кузину, и онъ только что протанцовалъ съ нею танецъ, когда я бросилъ ему въ лицо это неожиданное оскорбленіе.

Какъ бы то ни было, я видѣлъ съ радостью, что минута, когда Марія будетъ моею, приближается, и пребывалъ въ сторонѣ отъ все возраставшаго возбужденія, кружившаго вокругъ меня головы. Не видя передъ собою ничего, кромѣ своего надвигающагося счастія, я не замѣчалъ угрожающей тучи, которая уже закрывала почти всѣ пункты нашего политическаго горизонта и которой было суждено, разразившись, разбить всѣмъ намъ жизнь. Не то, чтобы даже самые легко пугающіеся умы уже тогда ожидали бы серьезно возстанія невольниковъ, нѣтъ, классъ этотъ слишкомъ презирали, чтобы бояться его, но между бѣлыми людьми и свободными мулатами существовала уже настолько сильная ненависть, что этотъ клокочущій вулканъ грозилъ перевернуть всю колонію своимъ пробужденіемъ. Въ самомъ началѣ этого августа, котораго я такъ пламенно ждалъ, случился одинъ странный инцидентъ, внесшій непредвидѣнную тревогу въ мои мирныя надежды.

VI.

На берегу хорошенькой рѣчки, омывавшей плантаціи моего дяди, онъ выстроилъ небольшой павильонъ изъ вѣтвей, окруженный чащей густыхъ деревьевъ, куда Марія приходила ежедневно подышать мягкимъ морскимъ воздухомъ, приносимымъ тѣмъ легкимъ вѣтеркомъ, что дуетъ аккуратно въ Санъ-Доминго съ утра до вечера въ самые жаркіе мѣсяцы года и свѣжесть котораго возрастаетъ или уменьшается одновременно съ самою жарой.

Каждое утро я заботливо украшалъ этотъ уголокъ самыми прекрасными цвѣтами, какіе только могъ найти.

Однажды Марія выбѣжала ко мнѣ навстрѣчу съ испуганнымъ лицомъ. Войдя по обыкновенію въ свой цвѣтущій уголокъ, она увидала, съ удивленіемъ, смѣшаннымъ съ ужасомъ, что всѣ цвѣты, принесенные мною утромъ, оборваны и растоптаны, а на томъ мѣстѣ, гдѣ она всегда сидѣла, лежитъ букетъ свѣже нарванныхъ ноготковъ. Не успѣла она еще оправиться отъ изумленія, какъ изъ самой чащи, окружавшей павильонъ, до нея долетѣли звуки гитары; вслѣдъ затѣмъ какой-то голосъ, не мой, а незнакомый ей, запѣлъ пѣсню, повидимому, испанскую, въ которой она разобрала только одно свое собственное имя, часто повторяемое, а разобрать остальное ей помѣшали смущеніе и дѣвическая скромность. Тогда она поспѣшила убѣжать и бѣгству ея, къ счастію, никто не воспротивился.

Этотъ разсказъ вызвалъ во мнѣ взрывъ негодованія и ревности. Я сейчасъ же заподозрилъ того плантатора, съ которымъ у меня уже была ссора, но, не будучи въ этомъ увѣренъ, я рѣшилъ ничего не предпринимать сгоряча. Я успокоилъ бѣдную Марію и далъ себѣ слово бдительно оберегать ее до той, недалекой уже минуты, когда мнѣ будетъ дозволено не разлучаться съ нею.

Предполагая, что тотъ смѣльчакъ, чья дерзость такъ напугала Марію, не ограничится этой первой попыткой открыть свою тайную любовь, я въ тотъ же вечеръ, какъ только въ плантаціи все заснуло, спрятался по близости того флигеля, гдѣ почивала моя невѣста. Я ждалъ, притаившись среди густыхъ, высокихъ сахарныхъ тростниковъ. Ожиданіе мое не было напрасно. Посреди ночи мое вниманіе было внезапно привлечено грустной, величественной прелюдіей, прозвучавшей въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня. Я такъ и вздрогнулъ: то былъ звукъ гитары, и прямо подъ окномъ Маріи! Внѣ себя, размахивая кинжаломъ, я бросился туда, откуда шли эти звуки, ломая по пути хрупкіе стебли сахарнаго тростника. Вдругъ меня кто-то схватилъ и бросилъ оземь съ силой, показавшейся мнѣ исполинской; изъ рукъ моихъ выхватили кинжалъ, который засверкалъ надъ моей же головой. Совсѣмъ близко сверкали надо мною въ темнотѣ два огненныхъ глаза и сквозь два ряда бѣлѣвшихъ во мракѣ зубовъ вылетѣли по-испански слова, выражавшія торжествующее бѣшенство: *Попался! попался!*

Скорѣе удивленный, чѣмъ испуганный, я тщетно отбивался отъ моего грознаго противника, и уже кончикъ кинжала вонзился въ мою одежду, когда Марія, разбуженная гитарой и всѣмъ этимъ шумомъ, показалась внезапно въ окнѣ. Она узнала мой голосъ, разглядѣла блескъ кинжала, и у нея вырвался крикъ ужаса и отчаянія. Этотъ раздирающій крикъ точно парализовалъ руку одолѣвшаго меня противника; онъ остановился, словно околдованный, провелъ нерѣшительно еще нѣсколько разъ кинжаломъ по моей груди, но потомъ вдругъ швырнулъ его прочь и сказалъ на этотъ разъ по-французки: «Нѣтъ, нѣтъ! Она пролила бы слишкомъ много слезъ!» Произнеся эти странныя слова, онъ исчезъ въ тростникѣ, и прежде чѣмъ я успѣлъ подняться на ноги, весь разбитый этой неравной и необычной борьбой, онъ безслѣдно исчезъ изъ моихъ глазъ.

Затрудняюсь передать свое душевное состояніе въ ту минуту, какъ я оправился отъ своего столбняка въ объятіяхъ моей кроткой Маріи, такъ непонятно пощаженный тѣмъ самымъ, который, казалось, намѣревался оспаривать ее у меня. Болѣе чѣмъ когда-либо негодовалъ я на этого неожиданнаго соперника, и мнѣ было стыдно, что я ему обязанъ жизнью. Въ сущности, подсказывало мнѣ мое самолюбіе, я обязанъ ею Маріи, разъ кинжалъ упалъ отъ одного звука ея голоса. Однако же, я не могъ не сознаться, что чувство, которое заставило моего невѣдомаго соперника пощадить меня, было не лишено великодушія. Но кто же былъ этотъ соперникъ? Я переходилъ отъ подозрѣнія къ подозрѣнію, при чемъ одно противорѣчило другому. То не могъ быть тотъ плантаторъ, на которомъ первоначально остановилась моя ревность. Онъ не обладалъ такой необыкновенной силой, да къ тому же голосъ былъ не его. Человѣкъ, съ которымъ я боролся, показался мнѣ обнаженнымъ до пояса. Одни лишь невольники такъ одѣвались въ колоніи. Но то не могъ быть невольникъ; я не считалъ возможнымъ встрѣтить у невольника чувство, подобное тому, которое заставило его отбросить кинжалъ; кромѣ того, все во мнѣ возмущалось отъ одного предположенія о возможности соперничества съ рабомъ. Кто же это былъ?

Я рѣшилъ выжидать и наблюдать.

VII.

Марія разбудила свою старую мамку, замѣнявшую ей мать, которая умерла, когда она была еще въ колыбели. Я провелъ остальную часть ночи подлѣ нея, и какъ только настало утро, мы сообщили дядѣ эти необъяснимыя событія. Онъ крайне удивился, но въ своей гордости, подобно мнѣ самому, ни минуты не подумалъ, что неизвѣстный обожатель его дочери могъ быть невольникомъ. Мамкѣ было приказано не отходить больше отъ Маріи ни на шагъ; а такъ какъ засѣданія колоніальнаго собранія, хлопоты, причиняемыя колонистамъ все болѣе и болѣе угрожающимъ положеніемъ колоніальныхъ дѣлъ, и работы на плантаціяхъ сов-

сѣмъ не оставляли дядѣ свободнаго времени, то онъ разрѣшилъ мнѣ сопровождать его дочь во всѣхъ ея прогулкахъ до самаго дня нашей свадьбы, назначенной на 22-е августа. Кромѣ того, предполагая, что новый поклонникъ его дочери былъ человѣкъ со стороны, онъ отдалъ приказаніе строже, чѣмъ когда-либо, сторожить днемъ и ночью ограды его владѣній.

Принявъ эти продосторожности, сообща съ дядей, я вздумалъ произвести опытъ. Я прошелъ въ павильонъ у рѣки, привелъ все въ порядокъ и вновь украсилъ его цвѣтами, какъ дѣлалъ всегда для Маріи.

Когда наступилъ тотъ часъ, когда она отправилась туда, я взялъ свой карабинъ, заряженный пулей, и предложилъ кузинѣ проводить ее до павильона. Старая мамка послѣдовала за нами.

Марія, которой я не сказалъ, что уничтожилъ всѣ слѣды разрушенія, такъ напугавшіе ее наканунѣ, вошла первою въ зеленую бесѣдку.

— Видишь, Леопольдъ, — сказала она мнѣ, — моя бесѣдка въ такомъ же безпорядкѣ, въ какомъ я оставила ее вчера; видишь, твоя работа уничтожена, твои цвѣты оборваны, измяты. Что удивляетъ меня, — добавила она, беря букетъ ноготковъ, лежавшій на дерновой скамьѣ,—что удивляетъ меня, такъ это то, что этотъ гадкій букетъ все еще не завялъ со вчерашняго дня. Взгляни, милый другъ, его точно только что нарвали.

Я такъ и окаменѣлъ отъ удивленія и гнѣва. Дѣйствительно, вся моя утренняя работа была уничтожена, и эти печальные цвѣты, свѣжесть которыхъ изумляла мою бѣдную Марію, вновь дерзко заняли мѣсто моихъ розъ.

— Успокойся,—сказала Марія, видя мое волненіе,—успокойся; это дѣло прошлое и этотъ дерзкій, конечно, больше не покажется; отбросимъ же все отъ себя, какъ этотъ противный букетъ.

Я не сталъ ее разубѣждать, изъ опасенія встревожить, и, не говоря ей, что тотъ, кто, по ея мнѣнію, не долженъ былъ болѣе *показываться,* уже вновь побывалъ здѣсь, я предоставилъ ей растоптать ноготки, въ порывѣ невиннаго негодованія. Затѣмъ, надѣясь, что теперь я узнаю, наконецъ, кто мой таинственный соперникъ, я усадилъ ее между мамкой и собою.

Только что мы усѣлись, какъ Марія приложила свой пальчикъ къ моимъ губамъ; до ея уха донеслись какіе-то звуки, ослабленные вѣтромъ и плескомъ воды. Я прислушался: то была та же самая грустная и медленная прелюдія, которая такъ взбѣсила меня предыдущей ночью. Я хотѣлъ вскочить со скамьи; Марія удержала меня жестомъ.

— Леопольдъ,—сказала она мнѣ шопотомъ,—сдержи себя, можетъ-быть, онъ запоетъ, и, вѣроятно, слова его откроютъ намъ, кто онъ.

И дѣйствительно, черезъ минуту изъ глубины лѣса донесся голосъ, звукъ котораго былъ и мужествененъ и жалобенъ; голосъ

этотъ сливался съ низкими нотами гитары и пѣлъ испанскій романсъ, каждое слово котораго такъ глубоко проникало въ меня, что въ моей памяти до сегодня сохранились почти всѣ выраженія.

«Почему бѣжишь ты отъ меня, Марія?—почему бѣжишь ты отъ меня, дѣвица?—откуда этотъ страхъ, едва ты услышишь мой голосъ? Правда, я страшенъ!—я умѣю любить, страдать и пѣть!

«Когда я вижу, сквозь стройные стволы кокосовыхъ прибрежныхъ пальмъ, твой легкій и чистый обликъ, глаза мои затуманиваются, о Марія! и мнѣ чудится, что передо мною проходитъ духъ!

«А когда я слышу, о Марія, чудные звуки, исходящіе изъ твоихъ устъ точно мелодія, мнѣ кажется, что мое сердце бьется въ самомъ мозгу и что его жалобный трепетъ сливается съ твоимъ гармоничнымъ голосомъ.

«Увы! твой голосъ для меня слаще пѣнія птицъ, рѣющихъ въ небѣ и прилетѣвшихъ изъ того края, гдѣ находится моя отчизна.

«Моя отчизна, гдѣ я былъ царемъ, моя отчизна, гдѣ я былъ свободенъ!

«Свободенъ и царь, о дѣвица! но для тебя я готовъ забыть все это, забыть все: царство, семью, домъ, месть, да, даже самую месть! — хотя близка минута, когда можно будетъ сорвать этотъ горькій и чудный плодъ, который такъ поздно созрѣлъ!»

Всѣ предыдущія строфы голосъ пропѣлъ съ частыми, тяжелыми паузами, но при послѣднихъ словахъ онъ сдѣлался грознымъ.

«О Марія! ты подобна прекрасной пальмѣ, стройно качающейся на своемъ стволѣ, и ты смотришься въ глаза своего молодого возлюбленнаго подобно тому, какъ пальма смотрится въ прозрачную воду ручья.

«Но развѣ ты этого не знаешь? — порой въ глубинѣ пустыни таится ураганъ, завидующій счастію любимаго ручья; онъ мчится, и подъ взмахомъ его тяжелыхъ крыльевъ песокъ сливается съ воздухомъ; онъ окутываетъ и дерево и ключъ вихремъ пламени; и ручей высыхаетъ, и на пальмѣ, подъ мертвящимъ дыханіемъ, свертываются зеленые листья, окружавшіе ее вѣнцомъ величественнымъ, какъ корона, и прелестнымъ, какъ волосы.

«Трепещи, о бѣлая дщерь Испаньолы [1])! Трепещи, какъ бы все вокругъ тебя не превратилось скоро въ ураганъ и пустыню! Тогда ты пожалѣешь, что не вняла голосу любви, который могъ привести тебя ко мнѣ!

«Почему ты отвергаешь мою любовь, Марія? Я царь и стою выше всѣхъ смертныхъ. Ты бѣлая, а я черный; но развѣ день не сливается съ ночью, чтобы породить зарю и закатъ, которые прекраснѣе его самого».

---

[1]) Такъ Христофоръ Колумбъ назвалъ впервые Санъ-Доминго, въ эпоху своего открытія Америки, въ декабрѣ 1492 г.

VIII.

Эти послѣднія слова сопровождались долгимъ вздохомъ и тягучей нотой трепетныхъ струнъ гитары. Я былъ внѣ себя. «Царь! черный! невольникъ!» Тысяча безсвязныхъ мыслей, пробужденныхъ необъяснимой пѣсней, только что мною услышанной, кружились въ моемъ мозгу. Мною овладѣло страстное желаніе покончить съ незнакомцемъ, осмѣливавшимся примѣшивать имя Маріи къ пѣснямъ любви и угрозъ. Я конвульсивно схватилъ свой карабинъ и выбѣжалъ изъ павильона. Испуганная Марія протягивала еще руки, чтобы удержать меня, но я уже былъ въ глубинѣ чащи, откуда слышался голосъ. Я обшарилъ лѣсъ повсюду, вонзая дуло своего мушкетона въ гущу всѣхъ кустарниковъ, я обошелъ вокругъ всѣхъ толстыхъ деревьевъ, перебралъ всѣ высокія травы, но не нашелъ ничего, ровно ничего! Эти безполезные поиски, въ связи съ безполезными размышленіями о только что слышанномъ романсѣ, внесли въ мой гнѣвъ нѣкоторую долю стыда. Неужели этотъ дерзкій соперникъ останется для меня и недостижимымъ, и непостижимымъ! Значитъ, мнѣ его не открыть и не встрѣтить! Въ эту минуту меня вывелъ изъ задумчивости звонъ бубенчиковъ. Я обернулся. Подлѣ меня стоялъ карликъ Хабибра.

— Здравствуйте, господинъ, — сказалъ онъ, почтительно кланяясь; но самый взглядъ, которымъ онъ смотрѣлъ на меня искоса, съ какимъ-то неопредѣлимымъ выраженіемъ хитрости и торжества, словно подчеркивалъ мое смятеніе.

— Отвѣчай,—вскричалъ я внезапно,—не видалъ ли ты кого-нибудь въ этомъ лѣсу?

— Никого, кромѣ васъ, senor mio, — отвѣчалъ онъ спокойно.

— А не слыхалъ ли ты голоса?—снова спросилъ я.

Невольникъ помолчалъ съ минуту, какъ бы спрашивая себя, что̀ ему отвѣчать. Я кипѣлъ нетерпѣніемъ.

— Скорѣй,—сказалъ я,—отвѣчай скорѣй, несчастный! не слыхалъ ли ты здѣсь голоса?

Онъ взглянулъ мнѣ смѣло въ глаза своими круглыми, какъ у хищнаго ястреба, глазами.

— О какомъ голосѣ говорите вы, господинъ? Голоса есть всюду и во всемъ; есть голосъ птицъ, есть голосъ воды, есть голосъ вѣтра въ листвѣ...

Я прервалъ его, сильно встряхнувъ его за плечо.

— Низкій шутъ! — перестань издѣваться надо мной, а не то ты услышишь вблизи голосъ дула моего карабина. Отвѣчай въ нѣсколькихъ словахъ. Не слыхалъ ли ты въ этомъ лѣсу мужского голоса, пѣвшаго испанскую мелодію?

— Да, синьоръ, — отвѣчалъ онъ мнѣ, нимало не взволнованный,—и слова на эту мелодію слышалъ... Послушайте, я разскажу вамъ, какъ было дѣло. Я гулялъ по опушкѣ этой рощи, прислушиваясь къ тому, о чемъ звенѣли мнѣ подъ ухо серебряные бубенчики моего колпака. Вдругъ вѣтеръ донесъ до меня нѣсколько

словъ на языкѣ, который вы называете испанскимъ, первый языкъ, на которомъ я лепеталъ, когда мой возрастъ опредѣлялся мѣсяцами, а не годами, и когда моя мать подвѣшивала меня къ себѣ на спину тесемками изъ красной и желтой шерсти. Я люблю этотъ языкъ, онъ напоминаетъ мнѣ то время, когда я былъ еще только ребенкомъ, а не карликомъ; я пошелъ въ сторону голоса и слышалъ конецъ пѣсни.

— Ну, что же, развѣ это все? — спросилъ я нетерпѣливо.

— Да, господинъ hermoso, но если вамъ угодно, то я скажу вамъ, кто такой тотъ человѣкъ, который пѣлъ.

Я чуть не расцѣловалъ бѣднаго шута.

— О! говори,—вскричалъ я,—говори, вотъ мой кошелекъ, Хабибра! И я дамъ тебѣ десятокъ еще другихъ кошельковъ, лучше этого, если ты мнѣ скажешь, кто этотъ человѣкъ.

Онъ взялъ кошелекъ, открылъ его и улыбнулся.

— Десять кошельковъ еще лучше этого, demonio! Помните, сеньоръ, послѣднія слова пѣсни! «Ты бѣлая, а я черный; но и дню приходится вступить въ союзъ съ ночью для того, чтобы породить зарю и закатъ, которые еще прекраснѣе его самого!» Такъ вотъ, если эта пѣсня говоритъ правду, то Хабибра, вашъ смиренный рабъ, родившійся отъ негритянки и бѣлаго, красивѣе васъ, senorito de amor. Я — плодъ союза дня и ночи, я — та заря или тотъ закатъ, о которомъ говорится въ испанской пѣснѣ. Значитъ, я прекраснѣе васъ, какъ вамъ будетъ угодно, прекраснѣе бѣлаго.

Карликъ примѣшивалъ къ этимъ страннымъ рѣчамъ долгіе взрывы смѣха. Я опять прервалъ его:

— Къ чему эти нелѣпости? Что ты хочешь сказать? Объяснишь ли ты мнѣ, кто тотъ человѣкъ, что пѣлъ въ этой рощѣ?

— Вотъ именно, сеньоръ,—возразилъ шутъ съ насмѣшливымъ взглядомъ. — Очевидно, что человѣкъ, пѣвшій такія, по вашему выраженію, нелѣпыя вещи, не можетъ быть ни чѣмъ инымъ, какъ такимъ же шутомъ, какъ я! Я заслужилъ свои *десять кошельковъ!*

Я поднялъ уже руку, чтобы наказать за дерзкую шутку осмѣлѣвшаго раба, какъ вдругъ въ рощѣ раздался страшный крикъ съ той стороны, гдѣ находились павильонъ и рѣка. Это былъ голосъ Маріи. Я пустился бѣжать, я летѣлъ впередъ, съ ужасомъ спрашивая себя заранѣе, какое новое несчастіе могло грозить мнѣ. Еле переводя дыханіе, я добѣжалъ до зеленой бесѣдки. Тамъ меня ожидало страшное зрѣлище. Чудовищный крокодилъ, тѣло котораго было наполовину скрыто прирѣчными тростниками, просунулъ свою огромную голову въ одну изъ зеленыхъ арокъ, подпиравшихъ крышу павильона. Его отвратительная, полуоткрытая пасть угрожала молодому негру, колоссальнаго роста, поддерживавшему одной рукой обезумѣвшую отъ ужаса дѣвушку и смѣло вонзавшему другой рукой желѣзный топоръ въ острыя челюсти чудовища. Крокодилъ бѣшено отбивался отъ этой смѣлой и могу-

чей руки, сдерживавшей его натискъ. Когда я показался у порога бесѣдки, Марія радостно вскрикнула, вырвалась изъ рукъ негра и упала ко мнѣ въ объятія, восклицая:

— Я спасена!

При этомъ движеніи и возгласѣ Маріи, негръ стремительно обернулся, скрестилъ руки на своей вздымавшейся груди и, вперивъ въ мою невѣсту скорбный взоръ, замеръ неподвижно, точно не замѣчая, что крокодилъ тутъ, подлѣ него, что онъ освободился отъ его топора и готовъ ужъ пожрать его. И храбрый негръ непремѣнно погибъ бы, если бы я, опустивъ Марію на руки ея кормилицы, застывшей въ ужасѣ на скамьѣ, не подошелъ бы къ чудовищу и не всадилъ бы ему въ упоръ прямо въ пасть весь зарядъ своего карабина. Звѣрь открылъ и закрылъ еще два или три раза свою окровавленную глотку и потухшіе глаза, но это ужъ была только конвульсія, затѣмъ онъ опрокинулся съ шумомъ навзничь, вытянувъ свои крупныя, чешуйчатыя лапы. Онъ былъ мертвъ.

Негръ, котораго я такъ удачно спасъ, повернулъ голову и увидалъ послѣднія судороги чудовища; онъ потупилъ тогда глаза въ землю, потомъ поднялъ ихъ на Марію, снова прижавшуюся къ моей груди, и сказалъ по-испански голосомъ, въ которомъ звучало нѣчто большее, чѣмъ отчаяніе:

— Зачѣмъ ты убилъ его?

И, не ожидая моего отвѣта, онъ удалился большими шагами, углубился въ рощу и исчезъ.

IX.

Въ головѣ моей царилъ хаосъ отъ этой страшной сцены, этой странной развязки и всѣхъ разнообразныхъ волненій, предшествовавшихъ, сопровождавшихъ и послѣдовавшихъ за моими поисками въ лѣсу. Марія не оправилась еще отъ своего страха, и прошло довольно много времени прежде, чѣмъ мы были въ состояніи обмѣняться своими безсвязными мыслями иначе, чѣмъ посредствомъ взглядовъ и пожатій рукъ. Наконецъ я нарушилъ молчаніе.

— Уйдемъ отсюда, Марія, — сказалъ я. — Въ этомъ мѣстѣ есть что-то гибельное!

Она поспѣшно встала, точно только и ждала моего разрѣшенія, оперлась рукой о мою руку, и мы вышли.

Тогда я спросилъ ее, какимъ образомъ явилась чудесная помощь въ лицѣ этого негра въ ту самую минуту, какъ она подвергалась такой страшной опасности, и знаетъ ли она, кто этотъ невольникъ, потому что грубые штаны, едва прикрывавшіе его наготу, ясно показывали, что онъ принадлежалъ къ самому низшему классу островитянъ.

— Этотъ человѣкъ,—сказала мнѣ Марія,—принадлежитъ, вѣроятно, къ неграмъ моего отца и работалъ поблизости рѣки въ ту минуту, когда появленіе крокодила вырвало у меня тотъ крикъ,

который извѣстилъ тебя, что я въ опасности. Все, что я могу тебѣ сказать, это то, что онъ выбѣжалъ ко мнѣ на помощь изъ лѣса въ самую критическую минуту.

— Съ какой стороны онъ явился?—спросилъ я ее.

— Со стороны противоположной той, откуда передъ тѣмъ доносился голосъ и куда ты направился въ рощу.

Эта подробность отстранила то невольное сопоставленіе, которое возникло въ моемъ умѣ, сопоставленіе между сказанной мнѣ по-испански уходившимъ негромъ фразой и романсомъ, пропѣтымъ на томъ же языкѣ моимъ невѣдомымъ соперникомъ. Я дѣлалъ уже и другія сопоставленія. Этотъ негръ, почти гигантскаго роста и необыкновенной силы, могъ быть вполнѣ тѣмъ могучимъ противникомъ, съ которымъ я схватился предыдущею ночью. Фактъ его наготы служилъ, впрочемъ, поразительной примѣтой. Лѣсной человѣкъ сказалъ: я негръ. Еще одно сходство. Тотъ объявлялъ себя царемъ, а этотъ былъ только невольникомъ, но я припоминалъ мысленно, не безъ удивленія, выраженіе суровости и величія на его лицѣ, рядомъ съ характерными чертами африканской расы, блескомъ его глазъ, бѣлизной его зубовъ на блестящей чернотѣ кожи, высоту его лба, особенно удивительную у негра, презрительную мину, придававшую толщинѣ его губъ и ноздрей что-то гордое и могучее, благородство его осанки, красоту его геркулесовскихъ членовъ, несмотря на ихъ худобу, на унизительный и утомительный ежедневный трудъ; вызывалъ въ умѣ весь величественный образъ этого невольника и говорилъ себѣ, что эта внѣшность могла быть царственной. Я подбиралъ массу другихъ подробностей, и подозрѣнія мои останавливались съ гнѣвнымъ трепетомъ на этомъ дерзкомъ негрѣ; я хотѣлъ приказать разыскать и наказать его. Но потомъ я опять поколебался. Въ сущности, гдѣ было основаніе для всѣхъ этихъ подозрѣній? Такъ какъ островъ Санъ-Доминго значительнымъ пространствомъ принадлежалъ Испаніи, то многіе негры, или первоначально принадлежавшіе здѣшнимъ колонистамъ, или родившіеся здѣсь, примѣшивали къ своему нарѣчію испанскій языкъ. И развѣ только потому, что этотъ невольникъ сказалъ мнѣ нѣсколько испанскихъ словъ, слѣдовало считать его авторомъ испанскаго романса, несомнѣнно, свидѣтельствовавшаго о такой степени умственной культуры, которая, по-моему, была совершенно невѣдома неграмъ? Что же касалось его страннаго упрека мнѣ за то, что я убилъ крокодила, то это просто доказывало у этого невольника отвращеніе къ жизни, объяснимое самымъ его положеніемъ, и для этого, конечно, не зачѣмъ было прибѣгать къ гипотезѣ невозможной любви негра къ дочери его господина. Его присутствіе въ рощѣ около бесѣдки могло быть вполнѣ случайнымъ; его силы и роста было еще далеко недостаточно для удостовѣренія тождественности его личности съ моимъ дѣйствительнымъ соперникомъ. Могъ ли я, только опираясь на такіе слабые признаки, обвинить такъ тяжко передъ моимъ дядей бѣднаго невольника, такъ храбро спасшаго Марію, и предать его неумолимой мести дядиной гордости?

Въ ту самую минуту, какъ мой гнѣвъ боролся съ этими мыслями, Марія окончательно успокоила меня, сказавъ своимъ громкимъ голосомъ:

— Леопольдъ, мы должны быть благодарными этому бѣдному негру; не будь его, я бы погибла. Ты бы опоздалъ

Эти слова произвели рѣшительное дѣйствіе. Мое намѣреніе разыскать невольника, спасшаго Марію, отъ этого не измѣнилось, но измѣнилась цѣль моего розыска. Сначала я его хотѣлъ наказать, а теперь я намѣренъ былъ его вознаградить.

Я передалъ дядѣ, что онъ обязанъ спасеніемъ жизни своей дочери одному изъ своихъ невольниковъ, и онъ обѣщалъ отпустить его на свободу, если мнѣ удастся найти его въ толпѣ этихъ несчастныхъ.

X.

До того дня я держался всегда вдали отъ плантацій, гдѣ работали негры, побуждаемый къ этому природнымъ направленіемъ моего ума. Мнѣ было слишкомъ тяжело смотрѣть на страданія людей, которымъ я не могъ ничѣмъ помочь. Но когда на другой же день дядя предложилъ мнѣ обойти вмѣстѣ съ нимъ работы, я поспѣшилъ принять его предложеніе, надѣясь найти среди рабочихъ спасителя моей возлюбленной Маріи.

Во время этой прогулки я могъ убѣдиться, какую власть имѣетъ взглядъ господина надъ невольниками, но также и въ томъ, какъ дорого покупается подобная власть. Негры, дрожа въ присутствіи дяди, удваивали, когда онъ проходилъ мимо, свои старанія и свое рвеніе: но сколько ненависти было въ этомъ страхѣ!

Вспыльчивый по привычкѣ, дядя готовъ уже былъ разсердиться изъ-за того, что придраться было не къ чему, какъ вдругъ его шутъ Хабибра, всюду слѣдовавшій за нимъ, указалъ ему на какого-то негра, заснувшаго отъ усталости подъ группой финиковыхъ деревьевъ. Дядя подбѣжалъ къ этому несчастному, грубо разбудилъ его и приказалъ вновь приняться за работу. Испуганный негръ вскочилъ, обнаруживъ молодой кустикъ бенгальскихъ розъ, на который онъ нечаянно легъ и который дядя выращивалъ съ особенной любовью. Кустикъ былъ измятъ. Уже взбѣшенный тѣмъ, что онъ считалъ лѣностью со стороны невольника, дядя пришелъ при видѣ измятаго куста, въ окончательную ярость. Внѣ себя, онъ снялъ съ пояса кнутъ изъ ремней съ желѣзными наконечниками, который всегда носилъ съ собою, и поднялъ уже руку, собираясь ударить негра, упавшаго на колѣни. Но поднятый кнутъ не опустился. Я не забуду никогда этой минуты. Могучая рука остановила руку колониста и другой негръ (именно тотъ самый, котораго я искалъ), крикнулъ ему по-французски:

— Накажи меня, оскорбившаго тебя сейчасъ; но не трогай моего брата, прикоснувшагося только къ твоему розовому кусту.

Это неожиданное вмѣшательство человѣка, которому я былъ обязанъ спасеніемъ Маріи, его жестъ, его взоръ, повелительный

тонъ его голоса повергли меня въ оцѣпенѣніе. Но его великодушная неосторожность не только не заставила дядю покраснѣть, а, напротивъ, удвоила его ярость и перенесла ее съ перваго негра на его защитника. Совершенно не помня себя, дядя вырвался отъ высокаго негра, осыпая его угрозами, и поднялъ вновь свой кнутъ, собираясь теперь ударить уже его. На этотъ разъ кнутъ былъ вырванъ у него изъ рукъ. Негръ сломалъ кнутовище, усѣянное гвоздями, точно соломинку, и растопталъ ногами это гнусное орудіе мести. Я застылъ на мѣстѣ отъ удивленія, дядя отъ бѣшенства; подобное оскорбленіе его власти было для него чѣмъ-то неслыханнымъ. Глаза его, казалось, были готовы выскочить изъ орбитъ, посинѣвшія губы дрожали. Невольникъ посмотрѣлъ на него съ минуту со спокойнымъ видомъ, и вдругъ, подавая ему съ достоинствомъ свой топоръ, сказалъ:

— Ужъ если ты хочешь ударить меня бѣлый, то возьми, по крайней мѣрѣ, этотъ топоръ.

Дядя былъ въ такомъ бѣшенствѣ, что, конечно, исполнилъ бы его желаніе, и уже былъ готовъ схватить топоръ, какъ въ дѣло, въ свою очередь, вмѣшался я. Быстро овладѣвъ топоромъ, я швырнулъ его въ сосѣдній колодецъ.

— Что ты дѣлаешь?—сказалъ мнѣ запальчиво дядя.

— Я избавляю васъ, — отвѣтилъ я, — отъ несчастія ударить спасителя вашей дочери. Вы обязаны жизнью Маріи именно этому невольнику; это тотъ самый негръ, которому вы передо мной обѣщали дать свободу.

Минута для напоминанія объ этомъ обѣщаніи была самая неподходящая. Мои слова не проникли въ раздраженную душу колониста.

— Ему-то свободу!—возразилъ онъ мнѣ мрачно.—Да, онъ заслуживаетъ того, чтобы его рабству пришелъ конецъ. Ему свободу! Посмотримъ, какого рода свободу подарятъ ему судьи военнаго суда.

Я весь заледенѣлъ отъ этихъ зловѣщихъ словъ. Мольбы Маріи и мои остались тщетными. Негръ, небрежность котораго была первой причиной всей этой сцены, былъ наказанъ палками, а его защитникъ былъ брошенъ въ тюрьму форта Галифе, какъ виновный въ томъ, что поднялъ руку на бѣлаго. А со стороны невольника это было уголовнымъ преступленіемъ.

XI.

Вы можете себѣ представить, господа, до какой степени всѣ эти обстоятельства должны были пробудить во мнѣ участіе и любопытство. Я сталъ собирать свѣдѣнія о заключенномъ и узналъ о немъ много страннаго, особеннаго. Мнѣ разсказали, что товарищи этого молодого негра относились къ нему съ самымъ глубокимъ уваженіемъ. Хотя онъ былъ такимъ же невольникомъ, какъ и они, всѣ повиновались ему по первому его знаку. Онъ родился не въ невольничьемъ поселкѣ, никто не могъ указать, кто его

отецъ и мать; говорили даже, что на берегъ Санъ-Доминго его высадило какое-то негроторговческое судно всего за нѣсколько лѣтъ передъ этимъ. Это обстоятельство дѣлало еще болѣе замѣчательнымъ ту власть, которую онъ имѣлъ надъ всѣми своими товарищами, не исключая даже негровъ *креоловъ;* а между тѣмъ, какъ вамъ это, вѣроятно, не безызвѣстно, господа, эти послѣдніе, относились обыкновенно съ глубочайшимъ презрѣніемъ къ неграмъ *Конго*, этому неправильному, слишкомъ общему прозвищу, примѣнявшемуся въ колоніи ко всѣмъ невольникамъ, привезеннымъ изъ Африки.

Хотя этотъ негръ казался поглощеннымъ тайной мрачной грустью, благодаря своей необычайной силѣ и удивительной ловкости, онъ былъ драгоцѣненъ для воздѣлыванія плантацій. Онъ вертѣлъ скорѣе и дольше самой здоровой лошади колеса *норій*. Случалось, что онъ исполнялъ за одинъ день работу десятерыхъ товарищей, чтобы спасти ихъ отъ наказанія за небрежность и лѣность. А потому невольники его боготворили; но благоговѣніе, съ которымъ они относились къ нему, совершенно отличное отъ ихъ суевѣрнаго страха по отношенію къ Хабибрѣ, тоже, повидимому, имѣло какое-то тайное основаніе; это было нѣчто въ родѣ культа.

Странно было также, какъ говорили мнѣ, что онъ былъ настолько же мягокъ и простъ съ своими равными, которые считали честью повиноваться ему, насколько онъ былъ гордъ и высокомѣренъ со своими надзирателями. По правдѣ говоря, эти привилегированные рабы, представлявшіе собою какъ бы промежуточныя звенья, связывавшія цѣпь рабства съ цѣпью деспотизма, присоединяли къ низости своего положенія дерзость своей власти, и съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ обременяли его трудомъ и преслѣдовали дурнымъ обращеніемъ. Тѣмъ не менѣе и они какъ-то невольно уважали въ немъ чувство гордости, которое заставило его оскорбить дядю. Никогда ни одинъ изъ нихъ не посмѣлъ подвергнуть его какому-либо унизительному наказанію. Если же имъ случалось приговорить его къ такому наказанію, то десятка два негровъ сами вызывались на его мѣсто, и онъ присутствовалъ при ихъ экзекуціи, не шевелясь, точно они только исполняли, такимъ образомъ, свой долгъ. Странный человѣкъ этотъ былъ извѣстенъ во всѣхъ хижинахъ подъ именемъ Пьерро.

XII.

Всѣ эти подробности воспламенили мое молодое воображеніе. Марія, полная благодарности и жалости, поддерживала мой энтузіазмъ, и Пьерро до того овладѣлъ нашими думами, что я рѣшилъ повидаться съ нимъ и помочь ему. Теперь я обдумывалъ средства переговорить съ нимъ.

Несмотря на мою молодость я былъ уже, въ качествѣ племянника одного изъ самыхъ богатыхъ колонистовъ Капа, капитаномъ мѣстнаго ополченія. Фортъ Галифе находился подъ его охраной,

а также подъ охраной отряда желтыхъ драгунъ, начальникъ которыхъ, обыкновенно унтеръ-офицеръ, командовалъ фортомъ. Случилось такъ, что въ ту минуту этимъ командиромъ былъ братъ одного бѣднаго колониста, которому мнѣ посчастливилось оказать большія услуги и который былъ всецѣло преданъ мнѣ...

Тутъ слушатели прервали д'Овернэ восклицаніемъ: Тадэ!

— Вы угадали, господа, — продолжалъ капитанъ. — Вы понимаете, что мнѣ было нетрудно получить его согласіе на входъ въ темницу къ негру. Какъ капитанъ ополченцевъ, я имѣлъ право бывать въ фортѣ. Тѣмъ не менѣе, не желая внушать подозрѣній дядѣ, гнѣвъ котораго еще не остылъ, я отправился туда только въ часъ его послѣобѣденнаго отдыха. Всѣ солдаты спали, кромѣ караульныхъ. Тадэ привелъ меня къ тюремной двери, открылъ ее и удалился. Я вошелъ.

Негръ сидѣлъ, потому что его высокій станъ не позволялъ ему выпрямиться во весь ростъ. Онъ былъ не одинъ: при моемъ входѣ, съ полу поднялся огромный догъ и, рыча, направился ко мнѣ.— «Раскъ!»—крикнулъ негръ. Молодой догъ смолкъ и снова улегся у ногъ своего господина, доѣдая остатки какой-то жалкой пищи.

Я былъ въ мундирѣ; слуховое окно, освѣщавшее эту тѣсную темницу, давало такой слабый свѣтъ, что Пьерро не могъ разсмотрѣть меня.

— Я готовъ, — сказалъ онъ мнѣ спокойнымъ тономъ, наполовину приподнявшись.

— Я думалъ,—сказалъ я, удивленный свободой его движеній,— я думалъ, что вы въ оковахъ.

Мой голосъ дрожалъ. Узникъ, казалось не узналъ его. Онъ толкнулъ ногою какіе-то желѣзные обломки, которые зазвенѣли.

— Вотъ мои оковы! — я разорвалъ ихъ.

Въ тонѣ его послѣднихъ словъ звучало что-то неуловимое, какъ бы говорившее: *я не рожденъ для цѣпей*. Я заговорилъ снова:

— Мнѣ не сказали, что къ вамъ пустили собаку.

— Я ее самъ впустилъ.

Удивленіе мое все возрастало. Дверь тюрьмы была заперта извнѣ тройнымъ засовомъ. Слуховое окно было всего въ шесть дюймовъ шириною и снабжено двумя желѣзными перекладинами. Очевидно, онъ понялъ, о чемъ я думаю, выпрямился, насколько позволялъ это слишкомъ низкій сводъ тюрьмы, вынулъ безъ усилій огромный камень изъ-подъ слухового окошка, снялъ обѣ перекладины, вдѣланныя позади этого камня, и, такимъ образомъ, получилось отверстіе, въ которое легко могли пролѣзть два человѣка. Отверстіе это выходило прямо въ банановую и кокосовую рощу, покрывавшую гору, къ которой примыкалъ фортъ.

Я просто онѣмѣлъ отъ удивленія; вдругъ на мое лицо упалъ лучъ свѣта: узникъ выпрямился, точно наступилъ нечаянно на

змѣю и стукнулся лбомъ о каменный сводъ. Въ глазахъ его быстро промелькнула неуловимая смѣсь тысячи противоположныхъ чувствъ — странное выраженіе ненависти, доброжелательства и скорбнаго удивленія. Но онъ сейчасъ же овладѣлъ собою, въ одно мгновеніе лицо его приняло холодное, спокойное выраженіе, и онъ остановилъ на мнѣ равнодушный взглядъ. Теперь онъ глядѣлъ мнѣ прямо въ лицо, точно на незнакомца.

— Я могу прожить еще два дня безъ пищи, — сказалъ онъ.

У меня вырвался жестъ ужаса и въ эту минуту мнѣ бросилась въ глаза худоба бѣдняги. Онъ добавилъ:

— Собака моя ѣстъ только изъ моихъ рукъ; если бы я не могъ расширить окошка, бѣдный Раскъ умеръ бы съ голоду. Пусть лучше умру я, чѣмъ онъ, такъ какъ я все равно долженъ умереть.

— Нѣтъ,—вскричалъ я,—нѣтъ, вы не умрете съ голоду!

Онъ меня не понялъ.

— Разумѣется, — заговорилъ онъ, горько улыбаясь, — я могъ бы прожить безь пищи еще два дня; но я готовъ, господинъ офицеръ: сегодня лучше, чѣмъ завтра; не дѣлайте только зла Раску.

Тогда я почувствовалъ, что значили его слова: *Я готовъ*. Обвиненный въ преступленіи, наказуемомъ смертью, онъ думалъ, что я пришелъ за нимъ, чтобы вести его на казнь; и человѣкъ этотъ, одаренный колоссальной силой, имѣвшій подъ рукой всѣ средства къ бѣгству, спокойно и кротко повторялъ стоявшему передъ нимъ юношѣ: *Я готовъ!*

— Только не дѣлайте зла Раску,—повторилъ онъ снова.

Я не выдержалъ.

— Какъ,—сказалъ я,—вы не только принимаете меня за своего палача, но сомнѣваетесь еще даже въ моемъ человѣчномъ отношеніи къ этой бѣдной, ни въ чемъ неповинной собакѣ!

Онъ растрогался и сказалъ измѣнившимся голосомъ, протягивая мнѣ руку:

— Прости меня, бѣлый, я люблю свою собаку; а твои сородичи, — добавилъ онъ послѣ короткаго молчанія, — сдѣлали мнѣ много зла.

Я обнялъ его, пожалъ ему руку и разубѣдилъ его.

— Развѣ вы меня не узнали? — спросилъ я.

— Я зналъ, что ты бѣлый, а вѣдь для бѣлыхъ, какъ бы они ни были добры, всякій негръ ничтожество. Впрочемъ, я имѣю кое-что и противъ тебя.

— Но что же? — спросилъ я, удивленный.

— Не спасъ ли ты мнѣ два раза жизнь?

Это странное обвиненіе заставило меня улыбнуться. Онъ замѣтилъ это и продолжалъ съ горечью:

— Да, я долженъ бы сердиться на тебя за это. Ты спасъ меня разъ отъ крокодила, другой разъ отъ колониста, и, что еще хуже, ты отнялъ у меня право ненавидѣть тебя. Какъ я несчастенъ!

Странность его рѣчей и его образа мыслей почти уже меня не удивляла. Она вполнѣ гармонировала съ самой его личностью.

— Я обязанъ вамъ болѣе, чѣмъ вы мнѣ,—сказалъ я.—Я обязанъ вамъ жизнью моей невѣсты Маріи.

Онъ вздрогнулъ, точно пронзенный электрическимъ токомъ.

— *Марія!*—сказалъ онъ глухимъ голосомъ, и голова его упала на судорожно стиснутыя руки, тогда какъ широкая грудь его вздымалась отъ тяжкихъ вздоховъ.

Признаюсь, что заснувшія было во мнѣ подозрѣнія пробудились вновь, но безъ гнѣва и ревности. Я былъ слишкомъ близокъ къ счастью, а онъ слишкомъ близокъ къ смерти, для того, чтобы подобный соперникъ, если онъ былъ имъ, могъ возбудить во мнѣ иныя чувства, кромѣ доброжелательства и жалости.

Наконецъ, онъ поднялъ голову и сказалъ:

— Не благодари меня!—и добавилъ послѣ паузы:—А вѣдь по своему званію я не ниже тебя.

Слова эти обнаруживали вещи, сильно возбуждавшія мое любопытство, и я сталъ настоятельно просить его разсказать мнѣ, кто онъ и что онъ выстрадалъ. Но онъ замкнулся въ мрачное молчаніе.

Однако, попытка моя его тронула; мои предложенія услугъ и просьбы побѣдили, повидимому, его отвращеніе къ жизни. Онъ вылѣзъ въ окно и принесъ нѣсколько банановъ и огромный кокосовый орѣхъ. Затѣмъ онъ вновь задѣлалъ отверстіе и сталъ ѣсть. Разговаривая съ нимъ, я убѣдился, что онъ свободно говоритъ по-французски и по-испански и не лишенъ нѣкотораго умственнаго развитія; онъ зналъ нѣсколько испанскихъ романсовъ и пѣлъ ихъ съ выраженіемъ. Человѣкъ этотъ былъ до того необъяснимъ во многихъ другихъ отношеніяхъ, что съ этой минуты чистота его рѣчи меня не поражала. Я снова попытался узнать причину всего этого, но онъ не отвѣчалъ. Наконецъ, я оставилъ его, поручивъ его заботливости и вниманію моего вѣрнаго Тадэ.

XIII.

Я сталъ видаться съ нимъ ежедневно въ тотъ же самый часъ. Меня тревожило его дѣло, потому что не взирая на мои мольбы, дядя упорно требовалъ суда надъ нимъ. Я не скрывалъ своихъ опасеній отъ Пьерро, который выслушивалъ меня равнодушно.

Часто, во время моихъ посѣщеній, являлся Раскъ, на шеѣ котораго висѣлъ крупный пальмовый листъ. Негръ отвязывалъ его, читалъ начертанныя на немъ на неизвѣстномъ мнѣ языкѣ слова, а потомъ разрывалъ листъ въ куски. Я привыкъ не разспрашивать его.

Разъ, когда я вошелъ къ нему, онъ не обратилъ на меня вниманія. Сидя спиной къ двери, онъ пѣлъ меланхолическимъ тономъ

испанскую пѣсню: *Я—контрабандистъ...* Кончивъ пѣсню, онъ быстро обернулся и крикнулъ мнѣ:

— Братъ, обѣщай мнѣ, что если ты когда-либо усомнишься во мнѣ, то отгонишь всѣ сомнѣнія, какъ только я запою эту пѣсню.

Взглядъ его былъ полонъ величія, я обѣщалъ исполнить его желаніе, не зная хорошенько, что онъ подразумѣвалъ подъ этими словами: *если ты когда-либо усомнишься во мнѣ...* Онъ взялъ глубокую скорлупу орѣха, сорваннаго имъ въ день моего перваго посѣщенія, наполнилъ ее кокосовымъ виномъ, предложилъ мнѣ хлебнуть изъ нея, а затѣмъ выпилъ залпомъ все вино. Съ этого дня онъ не сталъ звать меня иначе, какъ *братомъ*.

Между тѣмъ, я начиналъ питать кой-какія надежды. Дядя гнѣвался теперь меньше, приближавшіяся празднества по поводу моего брака съ Маріей отвлекали его мысли въ болѣе пріятную сторону. Марія умоляла его тоже. Я повторялъ ему каждый день, что Пьерро не думалъ оскорблять его, а хотѣлъ только помѣшать ему проявить излишнюю, можетъ-быть, строгость; что негръ этотъ спасъ Марію отъ вѣрной смерти, такъ смѣло бросившись на крокодила; что ему онъ обязанъ жизнью дочери, я—жизнью невѣсты; что къ тому же Пьерро былъ самый сильный изъ его невольниковъ (теперь я ужъ не мечталъ добиться его свободы, а только спасти его жизнь); что онъ работалъ одинъ за десятерыхъ и приводилъ одной рукой въ движеніе валы сахарной мельницы. Онъ выслушивалъ меня и порой намекалъ, что, можетъ-быть, онъ прекратитъ это дѣло. Я не говорилъ ничего негру о перемѣнѣ въ дядѣ, желая имѣть удовольствіе объявить ему о полной свободѣ, если мнѣ удастся добиться ея. Что удивляло меня, такъ это тотъ фактъ, что, считая себя приговореннымъ къ смерти, онъ не пользовался имѣвшимися у него средствами къ побѣгу. Когда я высказалъ ему это, онъ холодно отвѣчалъ:

— Я долженъ остаться; а то еще подумаютъ, что я струсилъ.

XIV.

Однажды утромъ Марія подошла ко мнѣ, вся сіяющая; на ея кроткомъ личикѣ читалось что-то еще болѣе ангельское, чѣмъ радость чистой любви, а именно желаніе сдѣлать доброе дѣло.

— Послушай,—сказала она,—черезъ три дня будетъ 22-е августа, день нашей свадьбы. Скоро мы...

Я прервалъ ее:

— Не говори, что скоро, Марія, когда осталось еще три дня.

Она улыбнулась и покраснѣла.

— Не сбивай меня, Леопольдъ,—снова заговорила она,—мнѣ пришла въ голову мысль, которая будетъ тебѣ пріятна. Ты знаешь, что я ѣздила вчера въ городъ съ отцомъ покупать разныя драгоцѣнности къ свадьбѣ. Не думай, что я дорожу всѣми этими вещами и брилліантами, отъ которыхъ я не сдѣлаюсь красивѣе въ твоихъ глазахъ. Я отдала бы всѣ жемчуга міра за одинъ изъ тѣхъ

цвѣтовъ, что испортилъ мнѣ тотъ гадкій человѣкъ; но дѣло не въ этомъ. Отецъ непремѣнно хочетъ задарить меня всякой всячиной, и я притворяюсь, что мнѣ всего этого хочется, чтобы сдѣлать ему удовольствіе. Вчера я видѣла платье изъ китайскаго, затканнаго большими цвѣтами, атласа, лежавшее въ ящикѣ изъ душистаго дерева, и обратила на него большое вниманіе. Очень дорогая вещь, но зато такая необыкновенная. Отецъ замѣтилъ, что платье это привлекло мое вниманіе. Вернувшись домой, я попросила его обѣщать мнѣ сдѣлать подарокъ, не зная, какой именно, какъ, бывало, дѣлали это рыцари; ты знаешь, что онъ любитъ, чтобы его сравнивали съ рыцарями прежнихъ временъ. Онъ поклялся мнѣ честью, что подаритъ мнѣ то, что я попрошу у него, что бы это ни было. Онъ думаетъ, что я попрошу платье изъ китайскаго атласа, но вовсе нѣтъ, я попрошу у него жизнь Пьерро. Это будетъ моимъ свадебнымъ подаркомъ.

Я не могъ не обнять этого ангела. Слово дяди было священно, и когда Марія пошла къ нему, чтобы выразить свое желаніе, я побѣжалъ въ фортъ Галифе объявить Пьерро о томъ, что теперь онъ навѣрное спасенъ.

— Братъ, — вскричалъ я, входя, — братъ, радуйся! ты спасенъ! Марія попроситъ твоей жизни у отца вмѣсто свадебнаго подарка!

Невольникъ вздрогнулъ.

— Марія! свадьба! моя жизнь! Какъ можетъ все это быть вмѣстѣ?

— Очень просто,—отвѣчалъ я,—Марія, которой ты спасъ жизнь, выходитъ замужъ.

— За кого?—вскричалъ невольникъ съ блуждающимъ и грознымъ взоромъ.

— Развѣ ты не знаешь?—отвѣчалъ я кротко.—За меня.

Его грозное лицо приняло вновь доброе и покорное выраженіе.

— Ахъ, да, правда,—сказалъ онъ,—за тебя! А когда свадьба?

— 22-го августа.

— 22-го августа! Да ты съ ума сошелъ!—проговорилъ онъ съ выраженіемъ тоски и испуга.

Онъ умолкъ. Я смотрѣлъ на него изумленный. Помолчавъ, онъ пожалъ мнѣ быстро руку.

— Братъ, я такъ обязанъ тебѣ, что долженъ дать тебѣ добрый совѣтъ. Вѣрь мнѣ, уѣзжай въ Капъ и обвѣнчайся раньше 22-го августа.

Напрасно просилъ я объяснить мнѣ смыслъ этихъ загадочныхъ словъ.

— Прощай,—сказалъ онъ мнѣ торжественно,—быть-можетъ, я сказалъ тебѣ ужъ слишкомъ много; но я еще болѣе ненавижу несправедливость, чѣмъ клятвопреступленіе.

Я ушелъ отъ него, полный колебаній и тревогъ, которыя вскорѣ, впрочемъ, были совершенно вытѣснены мыслью о близкомъ счастіи.

Дядя взялъ обратно свою жалобу въ тотъ же день.

Я отправился снова въ фортъ, чтобы выпустить Пьерро. Тадэ, зная объ его освобожденіи, вошелъ со мною въ тюрьму. Его тамъ не было. Тамъ былъ только Раскъ, который подошелъ ко мнѣ, ласкаясь; на шеѣ у него былъ привязанъ пальмовый листъ; я отвязалъ листъ и прочелъ слѣдующія слова: *Благодарю тебя, ты спасъ мнѣ жизнь въ третій разъ. Братъ, не забывай своего обѣщанія.* А внизу вмѣсто подписи, стояло по-испански: *Я—контрабандистъ.*

Тадэ былъ еще болѣе изумленъ, чѣмъ я; онъ не зналъ тайны слухового окошка и вообразилъ себѣ, что негръ превратился въ собаку. Я не выводилъ его изъ заблужденія и только потребовалъ, чтобы онъ молчалъ обо всемъ имъ видѣнномъ.

Я хотѣлъ увести съ собою Раска, но какъ только мы вышли изъ форта, онъ бросился въ лѣсъ и исчезъ.

XV.

Дядя пришелъ въ бѣшенство, узнавъ о побѣгѣ невольника. Онъ приказалъ разыскать его и написалъ губернатору, чтобы ему выдали Пьерро, если его поймаютъ.

22-е августа наступило. Наше бракосочетаніе состоялось при торжественной обстановкѣ въ Акульской церкви. Какимъ счастливымъ днемъ былъ этотъ день, съ котораго должны были начаться всѣ мои несчастія! Я былъ въ такомъ блаженномъ упоеніи, какого не понять тому, кто его не испыталъ. Я совершенно забылъ и Пьерро и его страшный совѣтъ. Такъ нетерпѣливо ожидаемый вечеръ, наконецъ, наступилъ. Моя молодая жена удалилась въ отведенныя намъ комнаты, куда я не могъ послѣдовать за нею такъ скоро, какъ бы мнѣ того хотѣлось, потому что мнѣ приходилось исполнить сначала одну скучную, но необходимую обязанность. Какъ капитанъ ополченцевъ я принужденъ былъ совершать въ тотъ вечеръ обходъ Акульскихъ постовъ; эта предосторожность являлась необходимой вслѣдствіи смутъ въ колоніи, вызванныхъ частичными возстаніями негровъ, правда, скоро подавляемыми, но все же происходившими въ іюнѣ, іюлѣ и даже въ первыхъ числахъ августа, на плантаціяхъ Тибо и Лагоссетъ, и особенно вслѣдствіе волненій среди свободныхъ мулатовъ, озлобленныхъ недавней казнью мятежника Ожэ. Дядя первый напомнилъ мнѣ о моемъ долгѣ, и мнѣ пришлось покориться. Я облекся въ свой мундиръ и отправился въ путь. Первые посты я обошелъ, не встрѣтивъ ничего тревожнаго, но около полночи, когда я прогуливался задумчиво близъ батарей залива, я увидѣлъ на горизонтѣ красноватый свѣтъ по направленію Лимонада и Санъ-Луи. Зарево поднималось все выше и выше и разрасталось; солдаты и я приняли это сначала за какой-нибудь случайный пожаръ, но, спустя минуту, пламя стало такимъ яркимъ, дымъ, подгоняемый вѣтромъ, до того сгустился, что я поспѣшилъ обратно въ фортъ, чтобы поднять тревогу и выслать помощь. Проходя мимо хижинъ

нашихъ негровъ, я былъ удивленъ царившимъ тамъ волненіемъ. Большинство изъ нихъ еще не спали и переговаривались между собою съ величайшимъ оживленіемъ. Посреди ихъ непонятнаго жаргона часто повторялось странное имя: *Бюгъ-Жаргаль*. Мнѣ удалось, однако, разобрать нѣсколько словъ, смыслъ которыхъ былъ, кажется, тотъ, что негры сѣверной равнины возмутились и подожгли жилища и плантаціи по ту сторону Капа. Проходя болотистымъ грунтомъ, я наткнулся ногой на кучу топоровъ и кирокъ, спрятанныхъ въ тростникахъ и мангиферахъ. Не безъ основанія встревоженный, я сейчасъ же крикнулъ собраться мѣстному ополченію и велѣлъ наблюдать за невольниками; все успокоилось.

Между тѣмъ, пожаръ съ минуты на минуту захватывалъ все большее и большее пространство. Вдали даже, какъ будто, слышался трескъ артиллеріи и ружейныхъ залповъ. Около двухъ часовъ ночи дядя, котораго я разбудилъ, будучи не въ силахъ долѣе сдерживать своей тревоги, приказалъ мнѣ оставить въ Акулѣ часть ополченія подъ командою поручика, и пока моя бѣдная Марія спала или ждала меня, я, повинуясь дядѣ, бывшему, какъ я уже говорилъ, членомъ провинціальнаго собранія, направился съ остаткомъ солдатъ въ Капъ.

Никогда не забуду я вида этого города. Пламя, пожиравшее окружавшія его плантаціи, заливало его мрачнымъ огненнымъ свѣтомъ, затемнявшимся клубами дыма, гонимаго вѣтромъ по улицамъ. Вихри искръ, образуемыхъ пылающими остатками сахарнаго тростника, стремительно летѣли, точно густой снѣгъ, на крыши домовъ въ городѣ и снасти судовъ на рейдѣ, угрожая съ минуты на минуту зажечь въ Капѣ пожаръ не менѣе ужасный, чѣмъ пожаръ окрестности. Страшное и величественное зрѣлище представляла вся картина: съ одной стороны, блѣдные городскіе жители, подвергавшіе опасности свою жизнь, чтобы спасти свой кровъ, единственный остатокъ стольких богатствъ, тогда какъ, съ другой стороны, суда, опасаясь той же участи и пользуясь благопріятнымъ для нихъ вѣтромъ, столь убійственнымъ для несчастныхъ колонистовъ, удалялись на всѣхъ парусахъ по морю, багровому отъ кроваваго зарева пожарища.

XVI.

Оглушенный пушечной пальбой изъ фортовъ, воплями бѣглецовъ и отдаленнымъ трескомъ разрушенія, я не зналъ, куда направить своихъ солдатъ, когда мнѣ встрѣтился на плацъ-парадѣ капитанъ желтыхъ драгунъ, который принялъ на себя обязанность быть нашимъ проводникомъ. Не стану описывать вамъ, господа, картину пылающихъ плантацій. Другіе не разъ уже описывали эти первыя бѣдствія Капа, и мнѣ не хочется останавливаться на этихъ кровавыхъ, ужасныхъ воспоминаніяхъ. Скажу вамъ только, что мятежные негры овладѣли уже всѣми ближайшими плантаціями, что наполняло меня тревогой за плантаціи дяди.

Я поспѣшилъ явиться въ домъ губернатора, г-на Бланшланда, гдѣ всѣ поддались смятенію, не исключая самого хозяина. Я спросилъ, каковы будутъ его приказанія, прося позаботиться поскорѣе о безопасности Акуля, который считали уже въ опасности. Подлѣ него находились генералъ-майоръ, г. де-Руврэ и одинъ изъ главнѣйшихъ землевладѣльцевъ острова, г. де-Рузаръ, подполковникъ Капскаго полка, нѣсколько членовъ колоніальнаго и провинціальнаго собраній и кое-кто изъ именитѣйшихъ колонистовъ. Когда я явился, это импровизированное собраніе шумно спорило.

— Господинъ губернаторъ,—говорилъ членъ провинціальнаго собранія,—къ сожалѣнію, это правда: это—негры, а не свободные мулаты, какъ мы давно это объявляли и предсказывали.

— Да, вы говорили, но не вѣрили этому, — колко отвѣтилъ членъ колоніальнаго или *общаго* собранія. Вы говорили это для того, чтобы пріобрѣсти значеніе въ ущербъ намъ; и вы такъ мало ожидали дѣйствительнаго возстанія невольниковъ, что интригами вашего собранія было устроено въ 1789 году знаменитое и смѣшное возстаніе трехъ тысячъ негровъ Капской горы,—возстаніе, во время котораго оказался лишь одинъ убитый волонтеръ, да и его убили его же товарищи!

— Повторяю вамъ,—возразилъ членъ *провинціальнаго* собранія,—что мы проницательнѣе васъ. И очень просто почему. Мы оставались здѣсь, наблюдая за дѣлами колоніи, пока ваше собраніе отправлялось въ полномъ составѣ во Францію за той смѣхотворной оваціей, которая окончилась выговоромъ отъ народнаго представительства: ridiculus mus! [1]).

Членъ колоніальнаго собранія отвѣчалъ съ горькимъ презрѣніемъ:

— Наши сограждане выбрали насъ вновь и единогласно!

— Нѣтъ, это вы и ваши преувеличенія виноваты въ томъ, что сняли голову тому бѣднягѣ, который показался въ Капѣ безъ трехцвѣтной кокарды, а также въ томъ, что повѣсили мулата Лакомба за прошеніе, начинавшееся этими *необычными* словами: Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа!

— Это неправда! — вскричалъ членъ общаго собранія. — Это борьба принциповъ и привилегій, *горбатыхъ и кривыхъ!*

— Я такъ и думалъ всегда, что вы изъ *независимыхъ!*

На этотъ упрекъ члена провинціальнаго собранія его противникъ отвѣчалъ съ торжествующимъ видомъ:

— Этимъ самымъ вы признаете себя *бѣлымъ помпономъ!*

Споръ зашелъ бы, пожалуй, и дальше, если бы не вмѣшался губернаторъ.

— Эхъ, господа! что общаго имѣетъ все это съ угрожающей намъ опасностью? Дайте мнѣ совѣтъ, а не перекоряйтесь. Вотъ доставленные мнѣ доклады. Возстаніе вспыхнуло сегодня ночью въ имѣніи Пюрпэнъ. Невольники, подъ командою англійскаго

[1]) «Смѣшная мышь». Намекъ на пословицу «гора родила мышь».

негра, по имени Букмана, увлекли за собой рабочихъ имѣній Клеменъ, Тремесъ, Флавиль и Ноэ. Они сожгли всѣ плантаціи и неслыханно звѣрски перерѣзали колонистовъ. Одной этой подробности будетъ достаточно для того, чтобы вы поняли, какіе это были ужасы. Ихъ знамя состояло изъ тѣла ребенка, воткнутаго на пику.

Слова г. Бланшланда были прерваны трепетомъ, пробѣжавшимъ среди присутствующихъ.

— Вотъ что происходитъ за предѣлами города,—продолжалъ онъ.—Въ городѣ же полная неурядица. Нѣкоторые жители Капа убили своихъ невольниковъ, потому что страхъ сдѣлалъ ихъ жестокими. Самые добрые или самые храбрые просто засадили ихъ подъ замокъ. Бѣлые не - землевладѣльцы обвиняютъ въ этихъ бѣдствіяхъ свободныхъ мулатовъ и нѣкоторые изъ послѣднихъ чуть не сдѣлались жертвами народной ярости. Я пріютилъ ихъ въ церкви, охраняемой батальономъ солдатъ. И теперь, въ доказательство того, что они не сообщники возставшихъ негровъ, мулаты просятъ дать имъ военную организацію и снабдить ихъ оружіемъ.

— Не соглашайтесь! — крикнулъ чей-то голосъ, который я узналъ; это былъ голосъ того плантатора, въ крови котораго подозрѣвали примѣсь черной крови и съ которымъ я дрался на дуэли.—Не дѣлайте этого, господинъ губернаторъ, не давайте оружія мулатамъ.

— Значитъ, вы не хотите драться?—спросилъ внезапно одинъ колонистъ.

Тотъ притворился, что не слышитъ, и продолжалъ:

— Люди смѣшанной крови—наши злѣйшіе враги. Они одни опасны для насъ. Я согласенъ съ тѣмъ, что возстанія можно было ждать только отъ нихъ, а не отъ невольниковъ. Развѣ невольники представляютъ что-либо изъ себя?

Бѣдняга надѣялся этими обвиненіями противъ мулатовъ навсегда отдѣлиться отъ нихъ и уничтожить подозрѣнія на свой собственный счетъ, въ умахъ своихъ бѣлыхъ слушателей, причислявшихъ его къ этой презрѣнной кастѣ. Но въ подобной уловкѣ было слишкомъ много трусости и ему далъ это почувствовать тотъ неодобрительный ропотъ, которымъ всѣ встрѣтили его слова.

— Нѣтъ, — возразилъ старый генералъ-майоръ Руврэ, — невольники кое-что изъ себя представляютъ; ихъ сорокъ противъ троихъ, и плохо пришлось бы намъ, если бы неграмъ и мулатамъ намъ было бы некого противопоставить, кромѣ такихъ бѣлыхъ, какъ вы.

Колонистъ прикусилъ губу.

— Что вы думаете, ваше превосходительство, о прошеніи мулатовъ?—спросилъ губернаторъ.

— Дайте имъ оружіе, господинъ губернаторъ, — отвѣчалъ г. Руврэ,—пустимъ въ ходъ всѣ наши средства!—и, обернувшись къ подозрительному колонисту, онъ добавилъ:—Слышите, сударь? Отправляйтесь вооружаться.

Униженный, такимъ образомъ, колонистъ вышелъ съ явными признаками затаенной злобы.

Между тѣмъ, отчаянные вопли, раздававшіеся по всему городу, доносились порою до губернаторскаго дома, напоминая членамъ этого совѣщанія о предметѣ ихъ собранія. Г. Бланшландъ вручилъ одному изъ своихъ адъютантовъ поспѣшно набросанный карандашомъ приказъ, и прервалъ мрачное молчаніе, въ которомъ собраніе прислушивалось къ этому грозному волненію.

— Мулаты будутъ вооружены, господа, но остается принять еще немало другихъ мѣръ.

— Надо созвать провинціальное собраніе,—сказалъ тотъ членъ этого собранія, который говорилъ, когда я вошелъ.

— Провинціальное собраніе! — возразилъ его противникъ изъ колоніальнаго собранія. — Что это такое провинціальное собраніе?

— Вы такъ говорите потому, что вы членъ колоніальнаго собранія!—отвѣчалъ *бѣлый помпонъ*.

Независимый прервалъ его:

— Я не знаю ни *колоніальнаго* ни *провинціальнаго* собранія. Существуетъ только общее собраніе. Слышите, сударь?

— Въ такомъ случаѣ, — отвѣчалъ бѣлый помпонъ,—я скажу вамъ, что существуетъ только національное парижское собраніе.

— Созвать провинціальное собраніе,—повторялъ независимый, смѣясь,—какъ будто оно не уничтожено съ той минуты, какъ общее собраніе рѣшило засѣдать здѣсь.

Слушателямъ надоѣлъ этотъ безполезный споръ и раздался всеобщій протестъ.

— Господа депутаты,—кричалъ одинъ плантаторъ,—вы занимаетесь глупостями! А что же мои хлопчатники и кошениль?

— А мои четыреста тысячъ посадокъ индиго? — добавилъ другой.

— А мои негры, за которыхъ я заплатилъ въ среднемъ по триста долларовъ за штуку? — сказалъ капитанъ невольничьяго судна.

— Каждая потерянная вами минута,—продолжалъ другой колонисть,—стоитъ мнѣ, считая по часамъ и по тарифу, десять центнеровъ сахару, что составляетъ, по семнадцати піастровъ за центнеръ, 130 франковъ 50 сантимовъ на французскія деньги!

— Колоніальное собраніе, которое вы называете общимъ, захватило власть неправильно!—снова началъ другой спорщикъ, покрывая шумъ своимъ голосомъ. Пусть оно сидитъ въ Портъ-о-Прэнсѣ и мастеритъ свои двухдневные декреты, а насъ пусть оставитъ въ покоѣ. Капъ принадлежитъ сѣверному провинціальному конгрессу, и только ему одному.

— Я утверждаю, — снова заговорилъ независимый, — что его превосходительство господинъ губернаторъ не имѣетъ права созывать какое-либо иное собраніе, кромѣ общаго собранія представителей колоніи, подъ предсѣдательствомъ г. Кадуша!

— Да гдѣ же онъ, этотъ вашъ предсѣдатель?—спросилъ бѣлый помпонъ.—Гдѣ же ваше собраніе?—изъ него тутъ нѣтъ еще и четырехъ членовъ, тогда какъ провинціальное собраніе все налицо. Или вы намѣреваетесь соединить въ своей персонѣ цѣлое собраніе, цѣлую колонію?

Это соперничество двухъ депутатовъ, являвшихся точнымъ отголоскомъ своихъ собраній, вновь потребовало вмѣшательства губернатора.

— Господа, куда это вы клоните съ вашими вѣчными различными собраніями? Принесете ли вы пользу настоящему собранію, обратившись къ тремъ или четыремъ другимъ собраніямъ?

— Чортъ возьми!—вскричалъ громовымъ голосомъ генералъ Руврэ, ударивъ сразмаху по столу.—Что за проклятые болтуны! Я предпочелъ бы перекрикивать пушку. Какое намъ дѣло до этихъ двухъ спорящихъ собраній? Ну, что жъ? — созовите оба собранія, господинъ губернаторъ, я превращу ихъ въ два полка и поведу на негровъ. Увидимъ тогда, станутъ ли ихъ ружья трещать такъ же, какъ ихъ языки.

Послѣ этой энергичной выходки, онъ наклонился къ своему сосѣду (то былъ я) и сказалъ вполголоса:

— Что прикажете дѣлать губернатору, назначенному французскимъ королемъ, между двумя здѣшними собраніями, которыя оба претендуютъ на власть? Въ здѣшней метрополіи все дѣло портятъ краснобаи да адвокаты. Если бы я имѣлъ честь быть королевскимъ намѣстникомъ, я разогналъ бы всѣхъ этихъ негодяевъ. Я сказалъ бы: король царствуетъ, а я управляю. Я отправилъ бы ко всѣмъ чертямъ отвѣтственность передъ такъ называемыми народными представителями, пообѣщалъ бы съ дюжину крестовъ отъ имени его величества, и оттѣснилъ бы всѣхъ мятежниковъ на островъ Черепахи, гдѣ жили когда-то такіе же разбойники, какъ и они, а именно морскіе разбойники. Не забудьте моихъ словъ, молодой человѣкъ. Знайте, что *философы* породили *филантроповъ*, а тѣ произвели на свѣтъ *негрофиловъ*, поражающихъ въ свою очередь ненавистниковъ бѣлаго племени. Эти, будто бы, либеральныя идеи, которыми упиваются во Франціи,—чистый ядъ подъ тропиками. Съ неграми надо было обращаться мягко, а не призывать ихъ къ внезапному освобожденію. Всѣ ужасы, которые вы теперь видите въ Санъ-Доминго, родились въ политическихъ клубахъ, и возстаніе невольниковъ является лишь отзвукомъ паденія Бастиліи.

Пока старый вояка излагалъ мнѣ, такимъ образомъ, свою узкую, но полную искренности и убѣжденія политику, бурный споръ продолжался. Одинъ колонистъ, нѣкто С., принадлежавшій къ небольшой кучкѣ ярыхъ революціонеровъ и называвшій себя гражданиномъ и генераломъ, въ силу того, что онъ устроилъ нѣсколько казней, вскричалъ:

— Казни нужнѣе сраженій. Націи требуютъ грозныхъ примѣровъ: наведемте ужасъ на негровъ! Я усмирилъ іюньскія и іюльскія возстанія, выставивъ на кольяхъ пятьдесятъ невольничьихъ

головъ по обѣ стороны въѣзда въ мой домъ. Пусть всѣ примкнутъ къ моему предложенію. Защитимте Капъ съ помощью оставшихся у насъ негровъ.

— Какъ! вотъ была бы неосторожность!—послышалось со всѣхъ сторонъ.

— Вы не понимаете, господа, — продолжалъ *гражданинъ-генералъ*.—Устроимте цѣпь изъ головъ негровъ вокругъ всего города, отъ Пиколе до мыса Караколь, и ихъ мятежные товарищи не осмѣлятся приблизиться. Въ подобную минуту надо жертвовать собою для общаго дѣла. И я первый предлагаю оставшихся у меня пятьсотъ невозставшихъ негровъ.

Это отвратительное предложеніе было встрѣчено выраженіемъ всеобщаго отвращенія.

— Это гнусно! это омерзительно!—вскричали всѣ голоса.

— Вотъ именно подобныя мѣры и погубили все, — сказалъ одинъ колонистъ.—Если бы не поторопились казнить всѣхъ іюньскихъ, іюльскихъ и августовскихъ мятежниковъ, то удалось бы открыть нить всего заговора, разрубленную топоромъ палача.

Гражданинъ и генералъ С. съ минуту молчалъ съ досады, а затѣмъ пробурчалъ сквозь зубы:

— Однако, я не считалъ, что меня могутъ подозрѣвать. Я нахожусь въ сношеніи съ негрофилами всѣхъ странъ! Да здѣсь и философовъ-то нѣтъ!

Г. Бланшландъ, между тѣмъ, предложилъ уже въ третій разъ выслушать совѣты присутствующихъ.

— Вотъ мой совѣтъ, господинъ губернаторъ, — сказалъ чей-то голосъ:—сядемте всѣ на *Леопольда*, стоящаго на рейдѣ.

— Назначимъ цѣну за голову Букмана, — сказалъ другой голосъ.

— Извѣстимъ обо всемъ происходящемъ губернатора Ямайки.

— Да, для того, чтобы онъ опять выслалъ намъ на помощь всего на всего пятьсотъ солдатъ,—сказалъ депутатъ провинціальнаго собранія. — Господинъ губернаторъ, отправьте во Францію вѣстовое судно и будемъ ждать!

— Ждать! ждать! — съ силою перебилъ г. де-Руврэ. — Развѣ негры станутъ ждать? А пламя, уже окружающее этотъ городъ, тоже развѣ станетъ ждать? Г. де-Тузаръ, прикажите бить тревогу, берите пушки и идите на главныя силы мятежниковъ съ вашими гренадерами и стрѣлками. Господинъ губернаторъ, прикажите разбить лагери во всѣхъ восточныхъ приходахъ; устройте военные посты въ Тру и Вальерѣ; я беру на себя равнины Дофинова форта. Я построю тамъ укрѣпленія, потому что смыслю кое-что въ этомъ дѣлѣ. Впрочемъ, равелины Дофинова форта, почти окруженныя моремъ и испанскими границами, имѣютъ форму полуострова, что составитъ имъ какъ бы природную защиту; полуостровъ Мола представляетъ такое же удобство. Воспользуемся всѣмъ этимъ и за дѣло!

Энергичная и положительная рѣчь ветерана внезапно прекратила всю разноголосицу во мнѣніяхъ. Генералъ былъ правъ. Такъ

какъ всякій человѣкъ сознаетъ, въ чемъ его настоящая выгода, то всѣ присоединились къ мнѣнію г. де-Руврэ; губернаторъ пожалъ съ благодарностью руку бараваго генерала, давая ему понять, что чувствуетъ, какъ цѣнны его совѣты, хотя онъ и высказалъ ихъ въ формѣ приказаній, и какъ важна его помощь, а всѣ колонисты стали требовать быстраго исполненія намѣченныхъ мѣръ.

Одни только депутаты соперничавшихъ собраній не присоединялись къ общему движенію и бормотали въ своемъ углу что-то о *захватѣ исполнительной власти, о поспѣшности рѣшенія* и объ *отвѣтственности*.

Я воспользовался этой минутой для того, чтобы добиться отъ г. де-Бланшланда нетерпѣливо просимыхъ мною приказаній, и вышелъ, чтобы вновь собрать своихъ солдатъ съ цѣлью немедленнаго возвращенія въ Акуль, не взирая на усталость всѣхъ моихъ спутниковъ. Но самъ я никакой усталости не чувствовалъ.

XVII.

День только занимался, я былъ на плацъ-парадѣ и будилъ ополченцевъ, разлегшихся на своихъ шинеляхъ, вперемежку съ желтыми и красными драгунами, бѣглецами изъ опустошенныхъ мѣстъ, мычащимъ и блеящимъ скотомъ и всевозможнымъ скарбомъ, навезеннымъ окрестными плантаторами. Понемногу я находилъ своихъ солдатъ среди этого безпорядка, какъ вдругъ замѣтилъ, что ко мнѣ несется во весь опоръ на конѣ желтый драгунъ, весь въ поту и пыли. Я бросился къ нему навстрѣчу и узналъ, къ своему ужасу, изъ его немногихъ словъ, что опасенія мои оправдались; что возстаніе достигло Акульскихъ равнинъ, и что негры осаждаютъ фортъ Галифе, гдѣ заперлись ополченцы и колонисты. Надо вамъ сказать, что, какъ укрѣпленіе, этотъ фортъ Галифе былъ сущимъ пустякомъ; въ Санъ-Доминго *фортомъ* называли всякія земляныя насыпи.

Значитъ, нельзя было терять ни минуты. Я посадилъ на коней тѣхъ изъ своихъ солдатъ, для которыхъ мнѣ удалось достать лошадей, и, руководимый драгуномъ, прибылъ къ владѣніямъ дяди къ десяти часамъ утра.

Я едва взглянулъ на эти огромныя плантаціи, представлявшія теперь лишь море пламени и тучи дыму, среди которыхъ пролетали порой, точно искры, гонимые вѣтромъ, цѣлые стволы деревьевъ, усѣянные огненными языками. Ужасающій трескъ, скрипъ и ропотъ словно отвѣчали отдаленному вою негровъ, которыхъ мы уже слышали, хотя ихъ еще не было видно. Мною владѣла всецѣло только одна мысль, и отъ нея не могло отвлечь меня уничтоженіе столькихъ богатствъ, а именно мысль о спасеніи Маріи. Разъ Марія будетъ спасена, не все ли мнѣ равно все остальное? Я зналъ, что она въ фортѣ, и молилъ Бога только о томъ, чтобы добраться туда во-время. Меня поддерживала только эта надежда, придававшая мнѣ львиныя мужество и силу.

Наконецъ, на одномъ поворотѣ дороги мы увидали фортъ Галифе. На платформѣ его еще развѣвался трехцвѣтный флагъ, и частый огонь выстрѣловъ опоясывалъ очертанія его стѣнъ. Я вскрикнулъ отъ радости: «Въ галопъ, пришпорьте коней, бросьте повода!» закричалъ я своимъ товарищамъ. И съ удвоенной быстротой мы бросились по полю къ форту, у подножія котораго мелькалъ еще домъ дяди, хотя и съ разбитыми уже дверями и окнами, красный отъ зарева, но не тронутый огнемъ, потому что вѣтеръ дулъ съ моря, а домъ стоялъ въ сторонѣ отъ плантацій.

Множество негровъ, засѣвшихъ въ этомъ домѣ, виднѣлось сразу во всѣхъ окнахъ и даже на крышѣ; ихъ факелы, пики, топоры сверкали посреди ихъ непрестанныхъ выстрѣловъ противъ форта, а другіе негры не переставали карабкаться по лѣстницамъ, приставленнымъ къ стѣнамъ осаждаемаго форта, падали, и снова лѣзли на эти стѣны. Этотъ потокъ негровъ, вѣчно отбрасываемый и снова появлявшійся на этихъ сѣрыхъ стѣнахъ, походилъ издали на рой муравьевъ, которые пытались взлѣзть на панцырь большой черепахи и отъ которыхъ медлительное животное отдѣлывалось тѣмъ, что время отъ времени вдругъ встряхивалось.

Наконецъ, мы достигли первыхъ окоповъ крѣпости. Не спуская глазъ съ развѣвавшагося на ней флага, я ободрялъ своихъ солдатъ, напоминая имъ объ ихъ семьяхъ, которыя вмѣстѣ съ моей семьей заперлись въ этихъ стѣнахъ и на помощь которымъ мы спѣшили. Въ отвѣтъ мнѣ раздался единодушный возгласъ, и, выстроивъ свой небольшой эскадронъ въ колонну, я приготовился подать знакъ къ атакѣ на нападающихъ негровъ.

Въ это мгновеніе изъ форта вырвался ужасный крикъ, вихрь дыма окуталъ все зданіе, клубясь нѣкоторое время вокругъ стѣнъ, откуда доносился трескъ пожара, и, разсѣявшись, открылъ намъ фортъ Галифе, увѣнчанный краснымъ флагомъ. Все было кончено!

XVIII.

Какъ мнѣ передать вамъ то, что произошло въ эту минуту въ моей душѣ? Этотъ взятый фортъ, гдѣ умертвили всѣхъ защитниковъ и перерѣзали двадцать семей, весь этотъ погромъ, все это, признаюсь къ стыду своему, ни на минуту меня не озаботило. Марія погибла для меня!—погибла для меня всего черезъ нѣсколько часовъ послѣ того часа, который отдалъ мнѣ ее навсегда! и погибла по моей винѣ, потому что, не разстанься я съ нею предыдущею ночью для того, чтобы отправиться въ Капъ, по приказанію дяди, я могъ бы, по крайней мѣрѣ, защищать ее или умереть подлѣ нея и съ нею! тогда я не лишился бы ея совсѣмъ! Эти мысли доводили мою скорбь до безумія. Отчаяніе мое было въ то же время и угрызеніемъ совѣсти.

Между тѣмъ мои спутники, внѣ себя отъ бѣшенства, взывали къ мщенію; мы бросились, съ саблями въ зубахъ, съ пистолетами въ обѣихъ рукахъ, въ самую гущу побѣдителей-возстанцевъ. Хотя они и сильно превышали насъ численностью, негры все-таки бѣ-

жали при нашемъ приближенiи, но мы ихъ явственно различали направо и налѣво, впереди и позади насъ; они убивали бѣлыхъ и спѣшили поджечь фортъ. Наше бѣшенство росло отъ зрѣлища ихъ гнусности.

У одного изъ подземныхъ выходовъ форта я увидалъ Тадэ, совершенно израненнаго.

— Ваше благородіе,—сказалъ онъ мнѣ,—вашъ Пьерро просто колдунъ, *оби*, какъ говорятъ эти проклятые негры, или, по меньшей мѣрѣ, дьяволъ. Мы держались, а съ вашимъ прибытіемъ, все было бы спасено, какъ вдругъ онъ проникъ въ фортъ, ужъ не знаю откуда, и вотъ, вы видите! Что же касается до вашего дяди, до его семьи и до вашей жены...

— Марія!—прервалъ я.—Гдѣ Марія?

Въ эту минуту изъ-за пылавшаго палисадника выбѣжалъ высокій негръ, неся на рукахъ кричавшую и вырывавшуюся отъ него молодую женщину. То была Марія, а негръ былъ Пьерро.

— Измѣнникъ!—вскричалъ я.

Я направилъ на него пистолетъ, но одинъ изъ мятежныхъ негровъ бросился подъ пулю и упалъ мертвый. Пьерро обернулся, точно крича мнѣ что-то, а потомъ скрылся вмѣстѣ со своей добычей посреди пылавшихъ сахарныхъ тростниковъ. Черезъ минуту за нимъ пробѣжалъ огромный песъ, неся въ пасти колыбель съ послѣднимъ ребенкомъ дяди. Я узналъ также и пса, — то былъ «Раскъ». Въ бѣшенствѣ я выстрѣлилъ въ него изъ второго пистолета, но промахнулся.

Я бросился, какъ безумный вслѣдъ за нимъ, но мои ночныя поѣздки, столько времени безъ отдыха и пищи, опасенія за Марію, внезапный переходъ отъ крайняго блаженства къ крайнему несчастію, всѣ эти душевныя волненія истощили меня еще больше, чѣмъ физическое утомленіе. Едва пробѣжавъ нѣсколько шаговъ, я пошатнулся, въ глазахъ у меня затуманилось, и я упалъ безъ чувствъ.

XIX.

Очнулся я въ опустошенномъ дядиномъ домѣ, въ объятіяхъ Тадэ. Этотъ честный человѣкъ смотрѣлъ на меня съ мучительнымъ безпокойствомъ во взорѣ.

— Побѣда!—вскричалъ онъ, какъ только почувствовалъ біеніе моего пульса.—Побѣда! Негры разсѣяны, а капитанъ воскресъ!

Я прервалъ его радостный крикъ своимъ вѣчнымъ вопросомъ:

— Гдѣ Марія?

Я не собралъ еще своихъ мыслей, я только чувствовалъ, а не сознавалъ постигшее меня несчастіе. Тадэ поникъ головою. Тогда ко мнѣ вернулась вся память; я припомнилъ свою ужасную свадебную ночь, и высокій негръ, уносящій Марію на рукахъ сквозь огонь, выросъ передо мною точно адскій призракъ. Убійственная истина, выяснившаяся въ колонiи, гдѣ бѣлымъ пришлось убѣдиться, что ихъ невольники—ихъ враги, представила мнѣ теперь этого добраго, великодушнаго, преданнаго Пьерро, трижды обя-

заннаго мнѣ жизнью, въ видѣ неблагодарнаго чудовища, соперника. Похищеніе моей жены въ самую ночь нашей свадьбы доказало мнѣ то, что прежде я только подозрѣвалъ, а теперь понялъ ясно, что пѣвецъ близъ бесѣдки былъ не кто иной, какъ гнусный похититель Маріи. Сколько перемѣнъ въ такой короткій срокъ!

Тадэ разсказалъ мнѣ, что онъ тщетно гнался за Пьерро и его собакой; что негры отступили, хотя ихъ было такъ много, что имъ было бы легко разбить наголову мою кучку солдатъ, что пожаръ владѣній моихъ родственниковъ продолжался и потушить его было невозможно.

Я спросилъ его, извѣстно ли, что сталось съ моимъ дядей, въ спальню котораго меня перенесли. Онъ взялъ меня молча за руку, подвелъ къ алькову и раздвинулъ его пологъ.

На постели лежалъ мой несчастный дядя весь въ крови и въ сердце его былъ глубоко вонзенъ кинжалъ. По спокойному выраженію лица было видно, что убитъ онъ былъ во снѣ. Постель карлика Хабибры, который спалъ обыкновенно у его ногъ, была также запятнана кровью и такія же пятна пестрили раззолоченную куртку бѣднаго шута, валявшуюся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ постели.

Я былъ убѣжденъ, что шутъ погибъ жертвой своей извѣстной привязанности къ дядѣ и былъ зарѣзанъ своими товарищами, быть-можетъ, защищая своего господина. Я горько упрекалъ себя за тѣ предубѣжденія, въ силу которыхъ я судилъ такъ несправедливо о Хабибрѣ и Пьерро; оплакивая теперь дядю, я пожалѣлъ также и его шута. Я приказалъ разыскать его тѣло, но всѣ поиски были напрасны.

Тогда я предположилъ, что негры унесли карлика и бросили его въ огонь, и приказалъ, когда станутъ отпѣвать дядю, чтобы помянули также вѣрнаго Хабибру и помолились бы объ его душѣ.

XX.

Фортъ Галифе былъ разрушенъ, жилища наши исчезли; дальнѣйшее пребываніе въ этихъ развалинахъ было безполезно и невозможно. Въ тотъ же самый вечеръ мы возвратились въ Капъ.

Тамъ я захворалъ жестокой горячкой. Напряженіе воли, употребленное мною на то, чтобы подавить въ себѣ отчаяніе, превысило мои силы. Черезчуръ натянутая пружина лопнула и мною овладѣлъ бредъ. Мои обманутыя надежды, моя оскверненная любовь, моя попранная дружба и испорченная будущность, а особенно неумолимая ревность, помутили мой разсудокъ. Мнѣ казалось, что въ жилахъ моихъ течетъ пламя, голова моя трещала, ярость клокотала въ сердцѣ. Я представлялъ себѣ Марію во власти другого, во власти повелителя-невольника, какого-то Пьерро! Мнѣ потомъ разсказывали, что я вскакивалъ съ постели и что нужна была сила шести человѣкъ, чтобы помѣшать мнѣ размозжить себѣ черепъ о стѣны. Зачѣмъ я тогда не умеръ!

Кризисъ миновалъ. Доктора, заботливый уходъ за мною Тадэ и таинственная жизненная сила, свойственная молодости, побѣдила злой недугъ, который могъ бы сослужить мнѣ такую службу. Я оправился черезъ десять дней и не огорчался этимъ, потому что радъ былъ пожить еще нѣкоторое время для того, чтобы отомстить.

Едва оправившись, я явился къ г. де-Бланшланду, проситься на службу. Онъ хотѣлъ поручить мнѣ защиту какого-нибудь поста, но я умолялъ его зачислить меня волонтеромъ въ одну изъ тѣхъ летучихъ колоннъ, что посылались время отъ времени противъ негровъ, чтобы очистить отъ нихъ мѣстность.

Капъ поспѣшили укрѣпить. Возстаніе дѣлало ужасающіе успѣхи. Негры въ Портъ-о-Прэнсѣ начинали волноваться; Біассу командовалъ неграми Лэмбе, Дондона и Акуля; Жанъ-Франсуа провозгласилъ себя генералиссимусомъ повстанцевъ равнины Марибару; Букманъ, прославившійся позднѣе своей трагической смертью, рыскалъ со своей шайкой по берегамъ Лимонады; и, наконецъ, негры Красной Горы признали своимъ вождемъ какого-то негра, по имени Бюгъ-Жаргаля.

Если вѣрить слухамъ, то характеръ этого послѣдняго представлялъ поразительный контрастъ со свирѣпостью остальныхъ. Тогда какъ Букманъ и Біассу изобрѣтали всевозможныя пытки для попадавшихъ въ ихъ руки плѣнныхъ, Бюгъ-Жаргаль спѣшилъ дать имъ средство покинутъ островъ. Первые вступали въ сдѣлки съ испанскими корсарами, крейсеровавшими у береговъ, и запродавали имъ заранѣе пожитки тѣхъ несчастныхъ, которые были принуждены бѣжать; Бюгъ-Жаргаль потопилъ нѣсколько такихъ корсаровъ. По его приказанію девять лучшихъ колонистовъ, уже привязанные Букманомъ къ колесу, были отвязаны. Молва приводила тысячу другихъ примѣровъ его великодушія, разсказывать вамъ о которыхъ заняло бы слишкомъ много времени.

Моя надежда на мщеніе не была близка къ осуществленію. О Пьерро я больше ничего не слыхалъ. Мятежники подъ предводительствомъ Біассу продолжали осаждать Капъ и даже осмѣлились однажды приступить къ горѣ, возвышающейся надъ городомъ, и пушкѣ цитадели едва удалось отбить ихъ. Губернаторъ рѣшилъ оттѣснить ихъ въ глубину острова. Наша дѣйствующая армія состояла изъ ополченія Акуля, Лэмбе, Уанамита и Марибару, въ соединеніи съ капскимъ полкомъ и съ грозными желтой и красной ротами. Городской гарнизонъ состоялъ изъ ополченій Дондона и Дофинова квартала, усиленныхъ корпусомъ волонтеровъ, подъ начальствомъ негоціанта Понсиньона.

Прежде всего губернаторъ вздумалъ отдѣлаться отъ безпокоившаго его Бюгъ-Жаргаля, и послалъ противъ него уанамитское ополченіе и одинъ изъ капскихъ батальоновъ. Спустя два дня, корпусъ этотъ возвратился, разбитый наголову. Губернаторъ упорствовалъ въ своемъ желаніи побѣдить Бюгъ-Жаргаля и отправилъ тотъ же самый корпусъ, усиленный полсотней желтыхъ драгунъ и четырьмя сотнями марибарускихъ ополченцевъ. Это второе войско потерпѣло пораженіе еще больше перваго. Тадэ, участвовавшій

въ этой экспедиціи, былъ страшно раздосадованъ, и поклялся мнѣ, въ свою очередь, что отомститъ Бюгъ-Жаргалю.

На глазахъ д'Овернэ навернулись слезы; онъ скрестилъ руки на груди и погрузился на нѣсколько минутъ въ скорбное раздумье; наконецъ, онъ продолжалъ:

XXI.

Пришло извѣстіе, что Бюгъ-Жаргаль покинулъ Красную Гору и ведетъ свое войско горами, съ цѣлью соединиться съ Біассу. Губернаторъ запрыгалъ отъ радости и сказалъ, потирая руки: «Ну, теперь онъ намъ попался!» На другой день колоніальная армія была уже за милю отъ Капа. При нашемъ приближеніи, возстанцы покинули поспѣшно Портъ-Марго и фортъ Галифе, гдѣ они устроили постъ, защищенный крупными пушками, снятыми съ береговыхъ батарей; всѣ шайки отступили къ горамъ. Губернаторъ торжествовалъ, а мы продолжали итти впередъ. Каждый изъ насъ, проходя этими безплодными, опустошенными равнинами, пытался кинуть еще хоть печальный прощальный взглядъ на эти мѣста, гдѣ были его поля, жилище, богатство; но часто нельзя было узнать даже самаго мѣста.

Порой путь намъ преграждали горѣвшіе лѣса и саванны, подожженныя наравнѣ съ обработанными пылавшими полями. Въ этомъ климатѣ, гдѣ почва еще дѣвственна, гдѣ растительность изобильна до чрезмѣрности, лѣсной пожаръ сопровождается странными явленіями. Пожаръ этотъ слышенъ еще издали; прежде чѣмъ его увидишь, уже доносится трескъ и шумъ точно отъ низвергающагося водопада. Трескающіеся стволы деревьевъ, ломающіеся сучья, лопающіеся подъ землей корни, шумящія высокія травы, свистъ пламени въ воздухѣ, — все это вмѣстѣ производитъ невообразимый шумъ, то стихающій, то увеличивающійся по мѣрѣ усиленія пожара. Порой пылающій очагъ долго окруженъ зеленой опушкой еще нетронутыхъ деревьевъ. Вдругъ въ одномъ изъ концовъ этого свѣжаго пояса появляется огненный языкъ, змѣйка голубоватаго пламени быстро пробѣгаетъ вдоль стеблей, и въ одинъ мигъ линія лѣса исчезаетъ подъ золотымъ волнующимся покровомъ; все загорается сразу. Тогда, подъ дыханіемъ вѣтра, спускается отъ времени до времени пологъ дыма и заволакиваетъ пламя. Дымъ клубится и стелется, поднимается кверху и опять спускается, разсѣивается и сгущается, становится внезапно чернымъ, потомъ по всѣмъ краямъ его быстро вырѣзывается что-то вродѣ огненной бахромы, раздается сильный трескъ, бахрома исчезаетъ, дымъ поднимается вверхъ и изъ него вылетаетъ потокъ краснаго пепла, долго падающаго на землю дождемъ.

XXII.

На третій день вечеромъ мы вступили въ ущелье Большой Рѣки. Всѣ полагали, что негры находятся въ горахъ, верстахъ въ двадцати.

Мы расположились лагеремъ на пригоркѣ, повидимому, уже служившимъ имъ для того же употребленія, судя по его опустошенному виду. Позиція эта была не изъ удачныхъ, но, по правдѣ сказать, мы были спокойны. Со всѣхъ сторонъ надъ пригоркомъ возвышались остроконечныя скалы, поросшія густымъ лѣсомъ. Расщелины здѣсь были до того усѣяны шероховатостями, что мѣсто это прозвали *Укротителемъ мулатовъ*. Большая Рѣка протекала въ тылу лагеря, и, сжатая между двухъ скалъ, была здѣсь узка и глубока. Ея крутые, высокіе берега поросли группами кустарниковъ, непроницаемыхъ для глаза. Зачастую даже ея водная поверхность исчезала подъ гирляндами ліанъ, которыя, цѣпляясь за вѣтви кленовъ съ ихъ красными цвѣтами, разбросанными среди кустарниковъ, перекидывались съ берега на берегъ, перепутывались на тысячи ладовъ и образовывали надъ рѣкою зеленые шатры. Если смотрѣть на нихъ съ вышины сосѣднихъ скалъ, то казалось, что видишь луга, еще мокрые отъ росы. Лишь глухой шумъ да внезапный полетъ дикой утки, прорывавшій эту цвѣтущую завѣсу, обличали существованіе рѣки.

Скоро солнце перестало золотить острыя вершины Дондонскихъ горъ; мало-по-малу надъ лагеремъ воцарилась тишина, нарушаемая лишь криками журавлей да мѣрнымъ шагомъ часовыхъ.

Вдругъ надъ нашими головами раздались грозные звуки революціонныхъ пѣсенъ негровъ, пальмы и кедры, увѣнчивавшіе скалы, загорѣлись, и при багровомъ пламени пожара мы разглядѣли на сосѣднихъ вершинахъ многочисленныя шайки негровъ и мулатовъ, мѣдныя лица которыхъ казались красными отъ зарева. То была шайка Біассу.

Опасность была на носу. Внезапно разбуженные командиры бросились собирать своихъ солдатъ, барабанъ забилъ сборъ, трубы загремѣли тревогу; ряды наши безпорядочно выстраивались, а между тѣмъ мятежники, вмѣсто того, чтобы воспользоваться нашимъ смятеніемъ, стояли неподвижно и смотрѣли на насъ, распѣвая свои пѣсни.

Гигантскаго роста негръ показался надъ одной изъ второстепенныхъ прибрежныхъ скалъ; надъ его челомъ развѣвалось огненно-красное перо, въ правой рукѣ онъ держалъ топоръ, а въ лѣвой— красный флагъ; я узналъ Пьерро! Если бы у меня оказался подъ рукой карабинъ, я, быть-можетъ, совершилъ бы въ бѣшенствѣ настоящую низость. Онъ повторилъ припѣвъ революціонной пѣсни, водрузилъ свой флагъ на вершинѣ, швырнулъ въ насъ своимъ топоромъ и исчезъ въ волнахъ рѣки. Я подумалъ, что ему не умереть уже отъ моей руки, и горько пожалѣлъ объ этомъ.

Тогда негры принялись скатывать на наши колонны огромныя каменныя глыбы; на нашъ пригорокъ посыпался градъ пуль и стрѣлъ. Наши солдаты выходили изъ себя отъ того, что не могли добраться до нападающихъ и умирали въ отчаяніи, раздавленные каменными глыбами, пронзенные пулями или стрѣлами. Въ войскѣ царило страшное смятеніе. Вдругъ, точно изъ самой середины Большой Рѣки, послышался ужасный шумъ. Тамъ происходила не-

обыкновенная сцена. Желтые драгуны, сильно пострадавшіе отъ громадъ, скатываемыхъ мятежниками съ горныхъ вершинъ, надумали, спасаясь отъ нихъ, спрятаться подъ гибкіе своды ліанъ, закрывавшихъ рѣку. Первый прибѣгнулъ къ этому хитрому средству Тадэ...

Здѣсь разсказчика вдругъ перебили.

XXIII.

Уже болѣе четверти часа, какъ сержантъ Тадэ, никѣмъ не замѣченный, съ подвязанной правой рукой, пробрался въ уголокъ палатки и только жестами выражалъ свой интересъ къ рѣчамъ капитана, до той минуты, какъ ему показалось, что онъ не можетъ, изъ почтенія, пропустить такую прямую похвалу, не поблагодаривъ за нее д'Овернэ. И вотъ онъ забормоталъ сконфуженнымъ тономъ:

— Покорно благодарю, г. капитанъ.

Раздался общій взрывъ смѣха. Д'Овернэ обернулся и крикнулъ строгимъ тономъ:

— Какъ! Вы здѣсь! А ваша рука?

При этихъ необычныхъ для него словахъ лицо стараго солдата омрачилось; онъ пошатнулся и откинулъ голову назадъ, словно для того, чтобы подавить слезы, уже навернувшіяся ему на глаза.

— Вотъ ужъ не думалъ,—сказалъ онъ, наконецъ, тихимъ голосомъ,—никогда не думалъ, что г. капитанъ способенъ такъ обидѣть своего стараго сержанта—сказать ему *вы*.

Капитанъ стремительно всталъ.

— Прости, старый другъ, прости меня я это сказалъ нечаянно. Ну, что же, Тадъ, прощаешь?

Слезы брызнули невольно изъ глазъ сержанта.

— Ужъ это въ третій разъ,—прошепталъ онъ,—но эти слезы—слезы радости.

Миръ былъ заключенъ. Наступило короткое молчаніе.

— Но скажи мнѣ, Тадъ,—спросилъ мягко капитанъ,—почему ты ушелъ изъ госпиталя сюда?

— Прошу прощенья, г. капитанъ, я пришелъ спросить васъ, надо ли завтра надѣть на вашего коня чепракъ съ галунами?

Анри расхохотался.

— Вы бы лучше спросили у полкового лѣкаря, Тадэ, надо ли положить завтра двѣ унціи корпіи на вашу больную руку.

— Или узнали бы,—сказалъ Паскаль,—можно ли вамъ подкрѣпиться немного виномъ; а пока что, вотъ выпейте эту рюмку водки, это можетъ быть вамъ только полезно. Попробуйте-ка, дружище.

Тадэ подошелъ, почтительно поклонился, извинился въ томъ, что беретъ рюмку лѣвой рукой, и осушилъ ее за здоровье своей роты. Онъ оживился:

— Вы дошли до того мѣста, какъ вы, г. капитанъ... Ну, да, я-то предложилъ скрыться подъ ліаны для того, чтобы добрыхъ

христіанъ не убивали каменьями. Нашъ командиръ, не умѣя плавать, противился этому всѣми силами, потому что боялся утонуть, что весьма естественно, пока не увидалъ, какъ крупный камень, который чуть не задавилъ его, упалъ въ рѣку, но не погрузился въ воду, потому что его задержали травы. «Ужъ лучше,—сказалъ онъ тогда,—умереть смертью египетскаго фараона, чѣмъ смертью святого Стефана. Мы не святые, а фараонъ былъ такой же солдатъ, какъ и мы». Какъ видите, командиръ былъ ученый; и вотъ онъ согласился поступить по моему совѣту, съ условіемъ, что я попробую исполнить это первый. Я и пошелъ, спустился по берегу, прыгнулъ подъ навѣсъ, держась за верхнія вѣтки, но вообразите, ваше благородіе, я почувствовалъ, что меня тянутъ за ногу; я вырывался, звалъ на помощь, меня били саблей, но тутъ всѣ драгуны, злые какъ черти, бросились, какъ попало, въ ліаны. Оказалось, негры съ Красной Горы спрятались тамъ, хотя никто и не подозрѣвалъ этого, и, вѣроятно намѣревались скоро напасть на насъ. Плохая минута была бы для рыбной ловли! Всѣ дрались, ругались, кричали. Такъ какъ они были обнажены, то они были проворнѣе насъ, но зато наши удары были мѣтче. Плывя одной рукой, мы дрались другою, какъ это всегда дѣлается въ такихъ случаяхъ. А кто не умѣлъ плавать, тѣ, вообразите, г. капитанъ, цѣплялись одной рукой за ліаны, а негры тянули ихъ за ноги. Посреди свалки я разглядѣлъ высокаго негра, отбивавшагося съ силой Вильзевула отъ восьми или десяти моихъ товарищей; я поплылъ туда и узналъ Пьерро, иначе говоря Бюга... Но это вѣдь откроется только потомъ, не правда ли, г. капитанъ? Я узналъ Пьерро. Со взятія форта мы были въ ссорѣ; я схватилъ его за горло, и онъ собирался уже заколоть меня кинжаломъ, какъ вдругъ взглянулъ на меня, и, вмѣсто того, чтобы убить меня, сдался; и это было кстати, г. капитанъ, потому что, не сдайся онъ... Но это все узнается потомъ. Какъ только негры увидали, что онъ въ плѣну, какъ бросились на насъ, чтобы освободить его; и вотъ ополченцы собирались ужъ тоже лѣзть въ воду, къ намъ на помощь, какъ вдругъ Пьерро, понимая, должно-быть, что негровъ перерѣжутъ, сказалъ нѣсколько словъ на какомъ-то чортовомъ языкѣ, отъ котораго они всѣ разбѣжались. Они нырнули и въ одну минуту исчезли. Это сраженіе подъ водою было бы пріятно и позабавило бы меня, если бы я не лишился тамъ пальца и не подмочилъ десяти патроновъ, и если бы... бѣдняга! но это ужъ было такъ суждено, г. капитанъ.

И сержантъ, отдавъ почтительно честь лѣвой рукой, поднялъ эту руку къ небу, съ вдохновеннымъ видомъ.

Д'Овернэ былъ, повидимому, сильно взволнованъ.

— Да,—сказалъ онъ,—да, ты правъ, старина, эта ночь была роковою ночью.

И онъ погрузился бы въ ту глубокую задумчивость, которая была свойственна ему, если бы присутствующіе не стали горячо упрашивать его продолжать. И онъ заговорилъ снова.

XXIV.

— Пока за пригоркомъ происходила сцена, описанная Тадэ (Тадэ всталъ съ гордымъ видомъ сзади капитана), мнѣ удалось съ нѣсколькими солдатами вскарабкаться на остроконечную гору, прозванную *Павлиньимъ Пикомъ* вслѣдствіе радужныхъ переливовъ слюды, разсыпанной по его поверхности и сверкавшей на солнцѣ. Этотъ пикъ возвышался на одномъ уровнѣ съ позиціями негровъ. Когда путь былъ пробитъ, вершина быстро покрылась ополченцами, и мы принялись отстрѣливаться. Негры, не такъ хорошо вооруженные, какъ мы, не могли отвѣчать намъ такимъ же огнемъ; они начали падать духомъ, мы же удвоили рвеніе, и скоро сосѣднія скалы были очищены отъ мятежниковъ, которые, однако, сбросили своихъ мертвецовъ на остатокъ войска, еще выстроеннаго въ линію на пригоркѣ. Тогда мы срубили и связали пальмовыми листьями и веревками нѣсколько стволовъ этихъ огромныхъ дикихъ хлопчатныхъ деревьевъ, изъ которыхъ первые жители острова устраивали пирогу на сотню гребцовъ. Съ помощью этого импровизованнаго мостика мы перебрались на покинутыя вершины, и часть войска оказалась, такимъ образомъ, на выгодной позиціи. Видъ этотъ поколебалъ мужество мятежниковъ. Мы поддерживали огонь. Вдругъ въ войскѣ Біассу раздались жалобные вопли, среди которыхъ то и дѣло слышалось имя «Бюгъ-Жаргаль». Страшный ужасъ овладѣлъ мятежниками. Нѣсколько негровъ Красной Горы появились на скалѣ, гдѣ развѣвался красный флагъ; они пали ницъ, сняли свое знамя и бросились съ нимъ въ пучину Большой Рѣки. Очевидно, это значило, что ихъ вождь убитъ или взятъ въ плѣнъ.

Это до того увеличило нашу смѣлость, что я рѣшилъ прогнать мятежниковъ холоднымъ оружіемъ съ еще занимаемыхъ ими высотъ. Я приказалъ перебросить мостъ изъ древесныхъ стволовъ между нашимъ пикомъ и ближайшей скалой, и кинулся первый въ середину негровъ. Мои солдаты готовились послѣдовать за мною, когда одинъ изъ мятежниковъ разбилъ вдребезги мостъ однимъ взмахомъ топора. Обломки скатились въ бездну, страшно гремя по скаламъ.

Я обернулся и въ ту же минуту меня схватили семь или восемь негровъ, которые сейчасъ же обезоружили меня. Я отбивался, какъ левъ, но они связали меня древесными веревками, не обращая вниманія на градъ пуль, которыми осыпали ихъ солдаты.

Отчаяніе мое смягчалось только побѣдными криками, которые раздались минуту спустя вокругъ меня; скоро я увидалъ, что негры и мулаты взбираются вразсыпную на самыя крутыя вершины, испуская отчаянные вопли. Мои караульщики послѣдовали ихъ примѣру, при чемъ самый сильный изъ нихъ взвалилъ меня къ себѣ на плечи и потащилъ къ лѣсу, перескакивая со скалы на скалу съ проворствомъ серны. Скоро свѣтъ пламени пересталъ освѣщать ему дорогу, но и блѣднаго свѣта луны оказалось для него достаточно, онъ лишь умѣрилъ свой бѣгъ.

XXV.

Пробравшись сквозь лѣсныя чащи и миновавъ нѣсколько потоковъ, мы достигли возвышенной долины, поразительно дикой. Мѣсто это было мнѣ совершенно незнакомо.

Долина эта находилась въ самомъ сердцѣ горъ, въ такой мѣстности, какая называется въ Санъ-Доминго *двойными горами*. Это была обширная зеленая саванна, усѣянная группами сосенъ и капустныхъ пальмъ и стиснутая между стѣнами оголенныхъ скалъ. Рѣзкій холодъ, почти постоянно царящій въ этой мѣстности, хотя морозовъ тамъ не бываетъ, казался еще ощутительнѣе, благодаря ночной прохладѣ. Утро едва брезжилось, заря чуть начинала золотить бѣлизну высокихъ окрестныхъ вершинъ, и долина, еще погруженная въ глубокій мракъ, освѣщалась лишь множествомъ огней, зажженыхъ неграми, ибо это мѣсто было ихъ сборнымъ пунктомъ. Разсѣянныя части ихъ войска безпорядочно стекались сюда. Отъ времени до времени появлялись разрозненными кучками негры и мулаты, испускавшіе крики отчаянія или яростный ревъ. Съ минуты на минуту во мракѣ саванны загорались новые огоньки, блестѣвшіе словно глаза тигровъ; это доказывало, что линія лагеря расширялась.

Негръ, захватившій меня въ плѣнъ, опустилъ меня у подножія дуба, откуда я беззаботно наблюдалъ это странное зрѣлище. Онъ привязалъ меня за талію къ стволу дерева, у котораго я стоялъ, стянулъ еще крѣпче двойные узлы, связывавшіе меня, надѣлъ мнѣ на голову свой красный шерстяной колпакъ, вѣроятно, въ знакъ того, что я принадлежу ему, и, убѣдившись такимъ образомъ, что я не могу ни убѣжать отъ него ни быть уведеннымъ другими, сдѣлалъ уже движеніе, чтобы уйти. Тогда я рѣшился заговорить съ нимъ и спросилъ его на креольскомъ жаргонѣ, принадлежитъ ли онъ къ Дондонской шайкѣ или къ шайкѣ Красной Горы. Онъ остановился и отвѣчалъ мнѣ съ гордымъ видомъ: *Красная Гора!* У меня мелькнула мысль. Я много слышалъ о великодушіи вождя этой шайки, Бюгъ-Жаргаля, и хотя я былъ вполнѣ готовъ къ смерти, избавлявшей меня отъ всѣхъ бѣдъ, я не могъ не содрогаться при мысли о тѣхъ пыткахъ, которымъ я могъ подвергнуться, попавъ въ лапы Біассу. Я не желалъ бы ничего иного, кромѣ смерти, но только не въ пыткахъ. Быть-можетъ это слабость, но я думаю, что въ подобныя минуты наша человѣческая природа всегда возмущается. Итакъ, я думалъ, что если мнѣ удастся миновать когтей Біассу, то я могу добиться отъ Бюгъ-Жаргаля смерти, достойной солдата, смерти безъ пытокъ. И вотъ я попросилъ этого негра съ Красной Горы проводить меня къ его вождю, Бюгъ-Жаргалю. Онъ вздрогнулъ.

— Бюгъ-Жаргаль!—сказалъ онъ, хлопнувъ себя съ отчаяніемъ по лбу, а затѣмъ, быстро переходя къ бѣшенству, крикнулъ, показывая мнѣ кулакъ:—Біассу! Біассу!—и, произнеся это грозное имя, онъ ушелъ отъ меня.

Гнѣвъ и отчаяніе негра напомнили мнѣ тотъ эпизодъ сраженія, изъ котораго мы заключили, что вождь шаекъ Красной Горы или взятъ въ плѣнъ или убитъ. Теперь я въ этомъ уже не сомнѣвался и приготовился къ мести Біассу, которою, очевидно, негръ грозилъ мнѣ.

XXVI.

Между тѣмъ, мракъ покрывалъ еще долину, куда безпрестанно прибывали новыя толпы негровъ и гдѣ количество огней все росло. Кучка негритянокъ расположилась подлѣ меня и зажгла костеръ. По безчисленнымъ браслетамъ изъ синихъ, красныхъ и фіолетовыхъ бусъ, сверкавшихъ на ихъ рукахъ и ногахъ, по обручамъ, висѣвшимъ въ ихъ ушахъ, по кольцамъ, украшавшимъ всѣ пальцы на рукахъ и на ногахъ, по амулетамъ на груди и по ожерелью на шеѣ, по переднику изъ пестрыхъ перьевъ, единственной одеждѣ, прикрывавшей ихъ наготу, а главное, по ихъ мѣрнымъ воплямъ, по ихъ мутнымъ и блуждающимъ взорамъ я понялъ, что передо мною *гріоты*. Вамъ, быть-можетъ, неизвѣстно, что среди негровъ, населяющихъ различныя области Африки, существуютъ негры, одаренные какимъ-то непонятнымъ грубымъ поэтическимъ талантомъ импровизаціи, смахивающимъ на безуміе. Негры эти, кочующіе изъ области въ область, представляютъ собою въ этихъ дикихъ краяхъ то, чѣмъ были въ древности рапсоды, а въ средніе вѣка *минестрели* въ Англіи, *миннезенгеры* въ Германіи и *трубадуры* во Франціи. Ихъ называютъ *гріотами*. Ихъ женщины, такъ же, какъ и они, одержимы бѣсомъ безумія, сопровождаютъ варварскія пѣсни мужей разнузданными плясками, представляя собою карикатурную пародію на индустанскихъ баядерокъ и египетскихъ алмей. И вотъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня нѣсколько такихъ женщинъ усѣлись въ кружокъ, поджавъ подъ себя по-африкански ноги, вокругъ большой кучи сухихъ вѣтокъ, ярко пылавшихъ и бросавшихъ на ихъ отвратительныя лица колеблющійся красный отблескъ.

Какъ только образовался кругъ, онѣ взялись всѣ за руки, и самая старая изъ нихъ, въ волосахъ которой красовалось перо цапли, принялась выкрикивать: *Уанга!* Я понялъ, что они намѣрены произвести одно изъ тѣхъ заклинаній, которымъ онѣ дали это названіе. Всѣ повторили: *Уанга!* Самая старая, благоговѣйно помолчавъ, вырвала у себя клокъ волосъ и бросила его въ огонь, произнося на жаргонѣ негровъ-креоловъ, таинственныя слова: Мале-о-гіабъ, означающія: я пойду къ черту! Всѣ остальныя, подражая самой старшей, также бросили въ пламя клокъ своихъ волосъ, съ важностью повторяя тѣ же слова.

Это странное возваніе и сопровождавшія его комическія гримасы вызвали во мнѣ ту невольную конвульсію, которая часто овладѣваетъ противъ воли самымъ серьезнымъ или самымъ огорченнымъ человѣкомъ и которая именуется хохотомъ. Напрасно старался я подавить его, не выдержалъ и расхохотался. И этотъ

смѣхъ, вырвавшійся изъ глубины скорбнаго сердца, вызвалъ сцену чрезвычайно мрачную и ужасающаго свойства.

Всѣ эти негритянки, потревоженныя посреди ихъ таинственнаго обряда, вскочили, точно внезапно разбуженныя. До той минуты онѣ не замѣчали моего присутствія. Онѣ стремительно бросились ко мнѣ съ воемъ: *Бѣлый! бѣлый!* Никогда не видывалъ я болѣе разнообразнаго сборища ужасныхъ лицъ, какъ всѣ эти взбѣшенныя чернокожія лица съ бѣлыми зубами и сверкающими глазными бѣлками, испещренными крупными кровавыми жилками.

Онѣ были готовы меня разорвать. Старуха съ перомъ цапли сдѣлала какой-то знакъ и крикнула нѣсколько разъ: *Стройтесь! стройтесь!* Фуріи внезапно остановились, и я увидалъ не безъ изумленія, что онѣ срываютъ съ себя свои передники изъ перьевъ; побросавъ эти передники на траву, онѣ закружились вокругъ меня въ дикой пляскѣ, которая называется неграми «чика».

Пляска эта, смѣшныя позы и быстрота которой выражаютъ только удовольствіе и веселье, принимала здѣсь, въ силу различныхъ побочныхъ обстоятельствъ, зловѣщій характеръ. Угрожающіе взоры, которые метали на меня эти вѣдьмы, посреди своихъ рѣзвыхъ эволюцій, мрачная окраска, придаваемая ими веселому мотиву *чики*, пронзительный, протяжный стонъ, время отъ времени извлекаемый почтенной предсѣдательницей чернаго синедріона изъ своего *балафо*, инструмента въ родѣ шпинета, рокочущаго какъ органчикъ и состоящаго приблизительно изъ двадцати деревянныхъ трубочекъ, постепенно укорачивающихся и утончающихся, а особенно смѣхъ, съ которымъ каждая нагая колдунья въ промежуткахъ пляски подходила вплотную ко мнѣ, почти прижимаясь лицомъ къ моему лицу, ясно предвѣщали мнѣ страшную кару, грозившую *бѣлому*, осквернившему ихъ *уангу*. Я вспомнилъ, что эти дикія племена имѣли привычку плясать вокругъ плѣнниковъ, прежде чѣмъ ихъ зарѣзать, и терпѣливо предоставилъ этимъ женщинамъ исполнить балетъ драмы, въ которой героемъ кровавой развязки предстояло сдѣлаться мнѣ самому. Однакоже, я не могъ не содрогнуться, когда увидалъ, какъ подъ звуки *балафо* колдуньи принялись класть въ костеръ, кто острее сабельнаго клинка, кто желѣзный наконечникъ топора, кто длинную парусную иглу, клещи или зубчатую пилу.

Пляска подходила къ концу; орудія пытки были раскалены докрасна. По знаку старухи, негритянки, одна за другою, отправивились вынимать изъ огня эти ужасные инструменты.

Кому не удалось вооружиться раскаленнымъ желѣзомъ, тѣ запаслись пылающей головней. Тогда я понялъ ясно, какая именно готовилась мнѣ пытка, а также и то, что каждая танцовщица будетъ моимъ палачомъ. Послѣ новой команды предводительницы, онѣ начали кружиться въ послѣдній разъ, испуская страшные вопли. Я закрылъ глаза, чтобы не видѣть, по крайней мѣрѣ, потѣхи этихъ дьявольскихъ бабъ, которыя теперь, задыхаясь отъ усталости и бѣшенства, мѣрно стучали надъ головами своими

раскаленными желѣзными орудіями, издававшими пронзительный лязгъ и разбрасывавшими миріады искръ.

Собравъ всѣ свои силы, я ждалъ той минуты, когда тѣло мое ощутитъ страшную боль, когда кости станутъ обгорать, когда я весь буду извиваться отъ огненнаго прикосновенія клещей и пилъ, и по членамъ моимъ пробѣжалъ трепетъ. То была ужасная минута.

Къ счастію, она длилась недолго. Танецъ вѣдьмъ приходилъ уже къ концу, когда до меня донесся издали голосъ негра, взявшаго меня въ плѣнъ. Онъ бѣжалъ къ намъ, крича:

— Что вы дѣлаете, чортовы бабы? Что вы дѣлаете? Оставьте моего плѣнника!

Я открылъ глаза. Теперь было уже совсѣмъ свѣтло. Негръ спѣшилъ добѣжать до насъ, расточая тысячу гнѣвныхъ жестовъ. Колдуньи остановились: но, очевидно, ихъ гораздо менѣе волновали его угрозы, чѣмъ поражалъ видъ довольно страннаго субъекта, сопровождавшаго негра.

То былъ очень толстый и очень маленькій человѣчекъ, нѣчто въ родѣ карлика, лицо котораго было закрыто бѣлымъ покрываломъ, гдѣ были прорѣзаны три дырочки, для глазъ и для рта, какъ это дѣлается для кающихся. Покрывало это ниспадало ему на шею и плечи, обнажая его косматую грудь, имѣвшую цвѣтъ кожи мулатовъ; на груди блестѣла на золотой цѣпи серебряная помятая дароносица. Крестообразная рукоятка грубаго кинжала торчала надъ его краснымъ поясомъ, придерживавшимъ юбку съ зелеными, желтыми и черными полосами, бахрома которыхъ падала до его огромныхъ, уродливыхъ ногъ. Въ рукахъ, обнаженныхъ какъ и грудь, онъ держалъ бѣлую палку; на поясѣ, подлѣ кинжала, болтались четки; а на головѣ его красовалась остроконечная шапка, увѣшанная колокольчиками, въ которой, когда онъ приблизился, я узналъ съ огромнымъ изумленіемъ колпакъ Хабибры. Только посреди іероглифовъ, испещрявшихъ эту своеобразную митру, виднѣлись пятна крови. Вѣроятно, то была кровь вѣрнаго шута. Эти кровяные слѣды были для меня еще новымъ доказательствомъ смерти Хабибры и вновь пробудили въ моемъ сердцѣ сожалѣніе о погибшихъ.

Когда колдуньи увидали этого наслѣдника колпака Хабибры, онѣ вскричали всѣ вмѣстѣ: *Колдунъ*!—и пали ницъ. Я догадался, что то былъ чародѣй войска Біассу.

— Довольно! довольно!—сказалъ онъ, подходя къ нимъ, глухимъ и строгимъ голосомъ.—Оставьте плѣнника Біассу!

Негритянки вскочили въ безпорядкѣ на ноги, побросали свои смертоносныя орудія, облеклись вновь въ свои передники изъ перьевъ, и, по одному жесту колдуна, разсѣялись словно стая саранчи.

Въ эту минуту взглядъ колдуна остановился на мнѣ; онъ вздрогнулъ, отступилъ на шагъ и взмахнулъ своей бѣлой палкой по направленію негритянокъ, какъ бы собираясь вернуть ихъ. Однако, пробормотавъ сквозь зубы слово: *Проклятый!* онъ сказалъ что-то на ухо негру и медленно удалился, скрестивъ руки, съ видомъ глубокаго раздумья.

XXVII.

Тогда мой сторожъ сообщилъ мнѣ, что Біассу желаетъ меня видѣть и что я долженъ приготовиться къ свиданію съ этимъ вождемъ, которое состоится черезъ часъ.

Несомнѣнно, судьба дарила мнѣ еще часъ жизни. Въ ожиданіи появленія Біассу, мои взоры блуждали по лагерю мятежниковъ, и странный видъ этого лагеря ярко выступалъ теперь при дневномъ свѣтѣ. Будь я въ иномъ настроеніи, я бы не могъ не посмѣяться надъ идіотскимъ тщеславіемъ негровъ, которые почти всѣ были увѣшаны военными и священническими украшеніями и знаками отличія, снятыми съ ихъ жертвъ. Большинство этихъ украшеній представляли не что иное, какъ растерзанные, окровавленные лохмотья. Нерѣдко офицерскій значокъ блестѣлъ подъ брыжжами, или на ризѣ красовались эполеты. Желая, вѣроятно, отдохнуть отъ работы, на которую они были осуждены въ теченіе всей жизни, негры пребывали теперь въ бездѣйствіи, незнакомомъ нашимъ солдатамъ даже тогда, когда они сидятъ въ палаткахъ. Нѣкоторые спали на самомъ солнцепекѣ, головой къ пылающему костру, другіе, глядя передъ собой то мутнымъ, то яростнымъ взоромъ, тянули какую-то заунывную, однообразную пѣсню, присѣвъ на корточки на порогѣ чего-то въ родѣ землянокъ, крытыхъ листьями банановыхъ деревьевъ или пальмъ; коническая форма этихъ землянокъ напоминала наши солдатскія палатки. Жены ихъ, черныя или мѣдно-красныя, приготовляли пищу для сражающихся, имъ помогали маленькія негритята. Я смотрѣлъ, какъ онѣ мѣшали вилами иньямъ, бананы, пататы, горохъ, кокосовые орѣхи, маисъ, караибскую капусту, именуемую ими *тайо*, и кучу другихъ туземныхъ плодовъ, варившихся на ряду съ большими кусками свинины, черепашьяго и собачьяго мяса. Вдали, у границъ лагеря, *гріоты* обоихъ половъ кружились большими хороводами вокругъ костровъ, и вѣтеръ доносилъ до меня отрывки ихъ варварскихъ пѣсенъ вмѣстѣ со звуками гитаръ и *балафо*. Нѣсколько часовыхъ, поставленныхъ на вершинахъ сосѣднихъ скалъ, слѣдили за окрестностями главной квартиры Біассу, единственный ретраншементъ которой, на случай нападенія, состоялъ изъ кольцеобразной цѣпи телѣжекъ, нагруженныхъ добычей и боевыми припасами. Эти черные часовые, стоя на остроконечныхъ вершинахъ гранитныхъ пирамидъ, которыми были усѣяны горы, часто поворачивались на мѣстѣ, подобно флюгерамъ готическихъ шпицовъ, и кричали другъ другу, во всю силу своихъ легкихъ, въ знакъ полной безопасности: *Ничего! ничего!*

По временамъ вокругъ меня собирались кучки любопытныхъ негровъ. Всѣ они метали на меня грозные взгляды.

XXVIII.

Наконецъ, ко мнѣ подошелъ взводъ темнокожихъ солдатъ, довольно хорошо вооруженныхъ. Негръ, которому я, должно-быть, принадлежалъ, отвязалъ меня отъ дуба и передалъ начальнику

взвода; тотъ передалъ ему взамѣнъ меня толстый мѣшокъ, который негръ тотчасъ же открылъ. Въ мѣшкѣ оказались піастры. Пока негръ, стоя на колѣняхъ на травѣ, жадно разглядывалъ ихъ, солдаты меня увели. Я разсматривалъ съ любопытствомъ ихъ костюмъ испанскаго покроя, сшитый изъ толстаго коричневато-краснаго и желтаго сукна. Нѣчто въ родѣ кастильской шапки, украшенной крупной красной испанской кокардой, прикрывало ихъ волосы, похожіе на шерсть. Вмѣсто лядунокъ, у нихъ болтались на боку сумки, въ родѣ охотничьихъ. Оружіе ихъ состояло изъ тяжеловѣснаго ружья, сабли и кинжала. Потомъ я узналъ, что мундиръ этотъ былъ мундиромъ личнаго конвоя Біассу.

Обойдя неправильные ряды шалашей, загромождавшихъ лагерь, мы добрались до входа въ пещеру, высѣченную самой природой у подножія одной изъ огромныхъ скалъ, что стѣной окружали саванну. Внутренность этой пещеры была скрыта отъ глазъ большой занавѣсью изъ той тибетской матеріи, которая называется кашемиромъ и которая замѣчательна не столько яркостью своихъ красокъ, сколько мягкостью складокъ и разнообразіемъ рисунковъ. Пещера была окружена двойными рядами солдатъ, обмундированныхъ какъ и тѣ, что привели меня сюда.

Обмѣнявшись паролемъ и лозунгомъ съ двумя часовыми, прохаживавшимися передъ порогомъ пещеры, предводитель отряда приподнялъ кашемировую занавѣсъ, впустилъ меня и опустилъ ее снова.

Мѣдный свѣтильникъ съ пятью рожками, привѣшенный къ своду на цѣпяхъ, бросалъ колеблющійся свѣтъ на сырыя стѣны этой лишенной дневного свѣта пещеры. Между двумя шпалерами солдатъ-мулатовъ я разсмотрѣлъ темнокожаго человѣка, сидѣвшаго на огромномъ стволѣ краснаго дерева, лишь наполовину прикрытаго ковромъ изъ перьевъ попугая. Человѣкъ этотъ принадлежалъ къ роду *сакатрасовъ*, отличающемуся отъ негровъ лишь небольшимъ оттѣнкомъ въ цвѣтѣ кожи, часто совершенно незамѣтнымъ. Костюмъ его былъ просто смѣшонъ. На немъ красовался великолѣпный поясъ, изъ плетенаго шелка, на которомъ висѣлъ крестъ св. Людовика; поясъ этотъ придерживалъ посрединѣ живота короткіе панталоны изъ синяго грубаго холста; одѣяніе это довершалось курткой изъ бѣлаго канифаса, такой короткой, что она не доходила до пояса. На ногахъ у него были сѣрые сапоги, на головѣ круглая шляпа, украшенная красной кокардой, а на плечахъ эполеты, изъ которыхъ одинъ былъ золотой, съ двумя серебряными генералъ-майорскими звѣздочками, а другой изъ желтой шерсти; на этомъ послѣднемъ были прикрѣплены двѣ мѣдныя звѣздочки, повидимому, колесца отъ шпоръ, для того, вѣроятно, чтобы сдѣлать его достойнымъ его блестящаго товарища. Не прикрѣпленные на своемъ мѣстѣ поперечными шнурками, эполеты эти болтались на груди вождя, справа и слѣва. Подлѣ него на коврѣ изъ перьевъ лежали сабля и пистолеты съ богатой насѣчкой.

Позади него, молча и неподвижно, стояли двое дѣтей, одѣтыхъ въ невольничьи панталоны; каждый изъ нихъ держалъ боль-

шой вѣеръ изъ павлиньихъ перьевъ. Эти дѣти-невольники были бѣлые.

Направо и налѣво отъ краснаго деревяннаго чурбана лежали двѣ бархатныя подушки ярко-малиноваго цвѣта, вѣроятно, взятыя съ какого-нибудь церковнаго налоя; на одной изъ нихъ, справа, возсѣдалъ тотъ колдунъ, который вырвалъ меня изъ рукъ старыхъ фурій. Онъ сидѣлъ, поджавъ подъ себя ноги, держа передъ собой свою палку, неподвижный, какъ фарфоровый идолъ въ китайской пагодѣ. Только глаза его сверкали сквозь дырки его покрывала, и онъ не отрывалъ отъ меня своего пылающаго взора.

По обѣ стороны вождя красовались связки знаменъ, хоругвей и значковъ всевозможныхъ сортовъ, между которыми я различилъ бѣлое знамя съ изображеніемъ лилій, трехцвѣтное знамя и знамя Испаніи. Остальные были фантастическіе флаги и посрединѣ ихъ красовалось черное знамя.

Вниманіе мое было еще привлечено другимъ предметомъ въ глубинѣ пищеры, надъ самой головой вождя. То былъ портретъ мулата Ожэ, колесованнаго за годъ передъ тѣмъ въ Капѣ за мятежъ вмѣстѣ съ его помощникомъ Жанъ-Батистомъ Шаланомъ и двадцатью другими неграми и мулатами. На портретѣ этомъ Ожэ, сынъ капскаго мясника, былъ изображенъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ имѣлъ обыкновеніе себя изображать, въ подполковничьемъ мундирѣ съ крестомъ св. Людовика и орденомъ Льва, который онъ купилъ въ Европѣ у князя Лимбургскаго.

Вождь *Падасакатра*, къ которому меня привели, былъ средняго роста. Его гнусная физіономія представляла рѣдкую смѣсь лукавства и жестокости. Онъ подозвалъ меня къ себѣ и нѣкоторое время молча на меня смотрѣлъ; наконецъ, онъ засмѣялся точно гіэна.

— Я—Біассу,—сказалъ онъ мнѣ.

Я ожидалъ услыхать это имя, но, когда оно было произнесено этими устами, среди этого хищнаго смѣха, я не могъ не содрогнуться внутренно. Тѣмъ не менѣе, лицо мое осталось спокойнымъ и гордымъ, и я не отвѣчалъ ни слова.

— Ну, что же,—продолжалъ онъ довольно ломанымъ французскимъ языкомъ,—развѣ тебя посадили уже на колъ, что ты не можешь согнуть спинного хребта въ присутствіи Жана Біассу, генералиссимуса покоренныхъ странъ и генералъ-майора войскъ *его католическаго величества*? (Тактика главныхъ вождей мятежниковъ состояла въ томъ, что они увѣряли, что дѣйствуютъ отъ имени короля Франціи, или въ пользу революціи, или еще въ пользу испанскаго короля.)

Я скрестилъ на груди руки и пристально взглянулъ на него. Онъ началъ опять смѣяться, что составляло его привычку.

— О! о! должно-быть, ты храбрый малый! Ну, такъ выслушай меня. Ты креолъ?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я,—я—французъ.

Мой твердый тонъ заставилъ его нахмурить брови. Затѣмъ, онъ продолжалъ, усмѣхаясь:

— Тѣмъ лучше! По твоему мундиру я вижу, что ты офицеръ. Сколько тебѣ лѣтъ?

— Двадцать.

— Когда минуло тебѣ двадцать лѣтъ?

При этомъ вопросѣ, пробудившемъ во мнѣ такія скорбныя воспоминанія, я погрузился на мгновеніе въ задумчивость. Онъ съ живостью повторилъ вопросъ. Я отвѣчалъ:

— Въ тотъ день, какъ повѣсили твоего товарища Леогри.

Черты его исказились злобой, и онъ опять усмѣхнулся. Однакожъ, онъ сдержалъ себя.

— Леогри повѣсили двадцать три дня тому назадъ,—сказалъ онъ.—Сегодня вечеромъ ты скажешь ему отъ меня, французъ, что ты пережилъ его на двадцать четыре дня. Я хочу оставить тебя въ живыхъ еще на одинъ день для того, чтобы ты могъ разсказать ему, въ какомъ положеніи находятся дѣла по освобожденію его братьевъ, что ты видѣлъ въ главной квартирѣ Жана Біассу, генералъ-майора, и какова власть этого генералиссимуса надъ *королевскимъ войскомъ*.

Такъ Жанъ-Франсуа, именовавшій себя *генералъ-адмираломъ Франціи*, и его товарищъ Біассу называли свои шайки изъ негровъ и мятежниковъ мулатовъ.

Затѣмъ онъ приказалъ, чтобы меня посадили между двухъ конвойныхъ въ углу пещеры, и, сдѣлавъ знакъ рукой нѣсколькимъ неграмъ, наряженнымъ въ адъютантскую форму, сказалъ:

— Пусть бьютъ сборъ, пусть вся армія выстроится вокругъ нашей главной квартиры, чтобы мы могли произвести ей смотръ. А вы, господинъ капелланъ,—добавилъ онъ, обращаясь къ колдуну,—облачитесь въ свои священническія одежды и отслужите намъ и нашимъ солдатамъ святую обѣдню.

Колдунъ всталъ, низко склонился передъ Біассу и сказалъ ему на ухо нѣсколько словъ, которыя вождь прервалъ рѣзкимъ и громкимъ голосомъ:

— Вы говорите, что у васъ нѣтъ алтаря, *сеньоръ священникъ?* Что же въ этомъ страннаго, разъ мы посреди такихъ горъ? Но не все ли равно, съ какихъ поръ Господь Богъ нуждается въ роскошномъ храмѣ, въ алтарѣ, украшенномъ золотомъ и кружевами? Гедеонъ и другіе молились Ему передъ грудами камней; поступите и вы такъ же, *добрый отче*: Господу Богу достаточно сердечной молитвы. У васъ нѣтъ алтаря! Да развѣ нельзя устроить его изъ большого сахарнаго ящика, взятаго третьяго дня королевскими солдатами изъ жилища Дюбюиссона?

Предложеніе Біассу было немедленно приведено въ исполненіе. Въ одно мгновеніе внутренность пещеры приготовили къ этой пародіи на священное таинство. Были принесены дарохранительница и дароносица, похищенныя изъ Акульскаго прихода, изъ того самаго храма, гдѣ мой злополучный бракъ съ Маріей былъ освященъ благословеніемъ Неба. Изъ украденнаго сахарнаго ящика соорудили алтарь, прикрывъ его бѣлой простыней, вмѣсто пелены,

что не мѣшало читать на боковыхъ стѣнкахъ этого алтаря, *Дюбюиссонъ и К⁰, въ Нантѣ.*

Когда священные сосуды были поставлены на простынѣ, колдунъ замѣтилъ, что недостаетъ креста; тогда онъ вынулъ изъ-за пояса свой кинжалъ, съ крестообразной рукояткой, и воткнулъ его въ ящикъ между чашей и дароносицей, передъ дарохранительницей. Потомъ, не снимая своего колпака и покрывала, онъ быстро накинулъ на спину и на голую грудь ризу, похищенную у Акульскаго настоятеля, развернулъ подлѣ дарохранительницы требникъ съ серебряной застежкой, по которому читались молитвы при моемъ роковомъ бракосочетанiи, и, обернувшись къ Бiассу, сѣдалище котораго находилось въ нѣсколькихъ шагахъ отъ алтаря, отвѣсилъ глубокiй поклонъ, давая этимъ понять, что онъ готовъ.

По знаку вождя кашемировая занавѣска была сейчасъ же отдернута, и мы увидали всю черную армiю, выстроенную тѣснымъ квадратомъ передъ отверстiемъ пещеры; Бiассу снялъ свою круглую шляпу и опустился на колѣни передъ алтаремъ.

— На колѣни!—крикнулъ онъ громкимъ голосомъ.

— На колѣни!—повторили командиры всѣхъ батальоновъ. Раздался барабанный бой. Всѣ шайки опустились на колѣни.

Я одинъ оставался неподвижнымъ на своемъ мѣстѣ, возмущенный тѣмъ гнуснымъ кощунствомъ, которое эти люди готовились совершить у меня на глазахъ; но здоровенные мулаты, сторожившiе меня, выдернули изъ-подъ меня сидѣнье, грубо толкнули меня за плечи, и я упалъ на колѣни, какъ и другiе, принужденный оказывать подобiе почтенiя этому подобiю обряда.

Колдунъ началъ важно служить обѣдню. Маленькiе бѣлые пажи Бiассу исполняли обязанности дiакона и дьячка.

Толпа мятежниковъ, колѣнопреклоненная, присутствовала при этой церемонiи съ благоговѣнiемъ, первый примѣръ котораго подавалъ *генералиссимусъ*. Въ минуту святого причащенiя колдунъ, поднимая въ рукахъ освященную облатку, обернулся къ войску и вскричалъ на креольскомъ жаргонѣ:

— *Вы всѣ знаете Господа Бога; вотъ это Онъ Самъ. Бѣлые убили Его; убейте всѣхъ бѣлыхъ!*

При этихъ словахъ, произнесенныхъ громкимъ, какъ будто бы уже когда-то слышаннымъ мною голосомъ, вся шайка испустила страшное рычанiе; негры потрясали своимъ оружiемъ и понадобилось покровительство самого Бiассу для того, чтобы этотъ зловѣщiй лязгъ не ознаменовалъ моего послѣдняго часа. Я понялъ, до какихъ крайностей мужества и жестокости могли доходить люди, для которыхъ кинжалъ служилъ крестомъ, и умъ которыхъ быстро и глубоко воспринималъ всякое впечатлѣнiе.

XXIX.

Окончивъ службу, колдунъ обернулся къ Бiассу съ почтительнымъ поклономъ. Тогда вождь всталъ и, обращаясь ко мнѣ, сказалъ по-французски:

— Насъ обвиняютъ въ томъ, что у насъ нѣтъ никакой религіи; ты видишь, что это клевета и что мы добрые католики.

Не знаю, говорилъ ли онъ иронически или искренно. Потомъ онъ приказалъ принести стеклянный сосудъ, полный черныхъ маисовыхъ зеренъ, и всыпалъ туда нѣсколько зеренъ бѣлаго маиса; поднявъ затѣмъ сосудъ надъ своей головой такъ, чтобы онъ былъ виденъ всему войску, онъ сказалъ:

— Братья, вы,—черный маисъ, а бѣлые, ваши враги, это—маисъ бѣлый!

Съ этими словами онъ встряхнулъ сосудъ; когда почти всѣ бѣлыя зерна изчезли подъ черными, онъ вскричалъ съ вдохновеннымъ и торжествующимъ видомъ:

— Видите, что такое бѣлые относительно васъ.

Притчу вождя привѣтствовали новые клики, повторенные всѣми горными эхо. Біассу продолжалъ, часто перемѣшивая свой ломаный французскій языкъ съ креольскими и испанскими фразами:

— Времена кротости миновали! Мы были долготерпѣливы, какъ бараны, съ шерстью которыхъ бѣлые сравниваютъ наши волосы; будемъ теперь неумолимы, какъ пантеры и ягуары тѣхъ странъ, откуда они вырвали насъ. Права можно пріобрѣсти только съ помощью одной силы: все принадлежитъ тому, кто силенъ и безжалостенъ. Они пришли, они пришли, враги возрожденія человѣчества, эти бѣлые, эти колонисты, плантаторы, торгаши, исчадія адовы! Они пришли во всеоружіи дерзости; они были увѣшаны, эти гордецы, оружіемъ, султанами, великолѣпными на видъ одеждами, и они презирали насъ за то, что мы черны и наги. Въ своей гордости они полагали, что могутъ разсѣять насъ такъ же легко, какъ эти павлиньи перья разгоняютъ черныя стаи москитовъ и комаровъ.

Въ заключеніе этого сравненія онъ вырвалъ изъ рукъ бѣлаго невольника одинъ изъ вѣеровъ, которые тѣ носили за нимъ, и сталъ размахивать имъ надъ головой, неистово жестикулируя. Потомъ онъ снова заговорилъ:

— Но, о братья, наше войско ринулось на нихъ, какъ вороны на трупы; они пали, облеченные въ свои нарядные мундиры, подъ ударами этихъ черныхъ рукъ, которыя они считали безсильными, не вѣдая, что хорошее дерево бываетъ крѣпче, когда съ него содрана кора. Теперь они дрожатъ, эти ненавистные тираны! Они струсили!

Въ отвѣтъ на этотъ возгласъ вождя раздался вопль радости и торжества, и всѣ шайки многократно повторяли: *Они струсили!*

— Слушайте, креолы и мулаты—добавилъ Біассу,—мщеніе и свобода! Не поддавайтесь чарамъ *бѣлыхъ чертей*. Ваши отцы находятся въ ихъ рядахъ, но ваши матери—въ нашихъ. Къ тому же, о братья души моей, они никогда не обращались съ вами, какъ отцы, но какъ повелители; вы были рабами, наравнѣ съ неграми. Тогда какъ ваше сожженное солнцемъ тѣло едва прикрывалъ дрянной передникъ, не защищавшій васъ отъ жгучихъ солнечныхъ лучей, ваши варвары-отцы важно расхаживали въ широкополыхъ *сомбреро*, одѣтые въ нанковыя куртки въ рабочіе дни, а по празд-

никамъ въ шелковыя или бархатныя одежды. Прокляните этихъ безчувственныхъ людей! Но такъ какъ святыя заповѣди Господни запрещаютъ это, то пусть каждый не убиваетъ самъ своего отца. Если вы встрѣтите его въ рядахъ вражескихъ, кто мѣшаетъ вамъ, друзья, сказать другъ другу: *Убей моего отца, а я убью твоего*? Мщеніе, королевскіе воины! Свобода для всѣхъ! Кликъ этотъ будитъ эхо по всѣмъ островамъ; раздавшись впервые на Санъ-Доминго, онъ будитъ Табаю и Кубу. Наше знамя было поднято вождемъ ста двадцати пяти негровъ-марроновъ Синей Горы, ямайскимъ негромъ Букманомъ. Его первымъ братскимъ дѣломъ была побѣда. Послѣдуемъ же его славному примѣру, съ факеломъ въ одной рукѣ, съ топоромъ въ другой! Да не будетъ пощады бѣлымъ плантаторамъ! Перерѣжемъ ихъ семьи, опустошимъ ихъ плантаціи; не оставимъ въ ихъ владѣніяхъ ни единаго дерева, не вывороченнаго корнями вверхъ. Перевернемъ все на землѣ такъ, чтобы она поглотила бѣлыхъ! Мужайтесь же, друзья и братья! Скоро мы станемъ сражаться и истреблять. Мы побѣдимъ или умремъ. Если мы будемъ побѣдителями, то станемъ въ свою очередь наслаждаться всѣми радостями жизни; если же умремъ, то пойдемъ на небо, гдѣ насъ ждутъ всѣ святые, въ рай, гдѣ всякій храбрецъ будетъ получать по двойной порціи водки и по піастру въ день!

Эта солдатская проповѣдь, которая вамъ, господа, кажется просто смѣшною, произвела на мятежниковъ поразительное дѣйствіе. По правдѣ говоря, необыкновенная пантомима Біассу, вдохновенный тонъ его голоса, странная усмѣшка, прерывавшая порой его слова, придавали его рѣчи какую-то непонятную силу обаянія и очарованія. Искусство, съ которымъ онъ перемѣшивалъ свою декламацію подробностями, созданными для того, чтобы льстить страстямъ или аппетитамъ мятежниковъ, придавало еще болѣе силы этому краснорѣчію, пріуроченному къ пониманію подобной аудиторіи.

А потому я и не пытаюсь описать вамъ мрачнаго энтузіазма, обнаруженнаго арміей инсургентовъ послѣ воззванія Біассу. То былъ нестройный концертъ криковъ, воплей, стоновъ. Одни ударяли себя въ грудь, другіе стучали палицами и саблями. Иные, стоя на колѣняхъ или распростершись ницъ, такъ и замерли въ состояніи экстаза. Нѣкоторыя негритянки раздирали себѣ груди и руки рыбьими костями, служившими имъ гребенками для расчесыванія волосъ. Къ ружейнымъ залпамъ примѣшивались звуки гитаръ, тамъ-тамовъ, барабановъ и балафо. Это походило на какой-то шабашъ.

Біассу сдѣлалъ рукой жестъ: шумъ прекратился, точно по волшебству, и каждый негръ вернулся молча на свое мѣсто. Эта дисциплина, къ которой Біассу пріучилъ равныхъ себѣ лишь властью своей мысли и воли, поразила меня и привела въ восхищеніе. Всѣ солдаты этого мятежнаго войска послушно ходили и говорили по мановенію руки вождя, подобно клавишамъ клавесинъ подъ пальцами музыканта.

XXX.

Вскорѣ вниманіе мое было привлечено другимъ зрѣлищемъ, другимъ родомъ шарлатанства и чаръ, а именно перевязки раненыхъ. Колдунъ, исполнявшій въ арміи двойную должность, врача духовнаго и врача тѣлеснаго, приступилъ къ осмотру больныхъ. Онъ снялъ свои церковныя одежды и приказалъ поставить подлѣ себя большой ящикъ съ перегородками, заключавшій въ себѣ его снадобья и инструменты. Прибѣгалъ онъ къ хирургическимъ инструментамъ весьма рѣдко, и за исключеніемъ ланцета изъ рыбьей кости, которымъ онъ очень ловко пускалъ кровь, онъ показался мнѣ весьма неловкимъ въ обращеніи съ клещами, замѣнявшими ему щипцы, и съ ножомъ, замѣнявшимъ ланцетъ. Въ большинствѣ случаевъ онъ ограничивался предписаніемъ отвара изъ лѣсного апельсина, питья изъ оспеннаго корня или сассапарели или нѣсколькихъ глотковъ старой сахарной водки. Его любимымъ и, по его словамъ, превосходнѣйшимъ лѣкарствомъ было питье, приготовленное изъ трехъ стакановъ краснаго вина, къ которому онъ примѣшивалъ порошокъ мускатнаго орѣха и яичный желтокъ, при чемъ и орѣхъ и яйцо были испечены подъ золой. Онъ употреблялъ это специфическое средство противъ всякаго рода ранъ и болѣзней. Вы легко поймете, что лѣкарство это было такъ же смѣшно, какъ и отправляемое имъ богослуженіе; по всѣмъ вѣроятіямъ, малаго числа случайныхъ исцѣленій не было бы достаточно для поддержанія довѣрія даже среди негровъ, если бы онъ не присоединялъ къ своимъ снадобьямъ различныхъ фокусовъ, и если бы онъ не старался тѣмъ сильнѣе дѣйствовать на воображеніе негровъ, чѣмъ онъ менѣе исцѣлялъ ихъ недуги. Такъ, иногда онъ ограничивался лишь прикосновеніемъ къ ихъ ранамъ, при чемъ онъ дѣлалъ какіе-то мистическіе знаки; порой, ловко пользуясь остаткомъ старинныхъ суевѣрій, которыя они вносили въ недавно принятый ими католицизмъ, онъ вкладывалъ въ раны маленькій камешекъ-фетишъ, обернутый въ корпію, и больной приписывалъ камешку благодѣтельное дѣйствіе корпіи. Если ему объявляли, что какой-нибудь раненый, котораго онъ лѣчилъ, умеръ отъ своей раны, а можетъ-быть, и отъ его перевязки, онъ отвѣчалъ торжественнымъ тономъ:

— Я это предвидѣлъ: онъ былъ измѣнникъ; при пожарѣ такого-то дома, онъ спасъ одного бѣлаго. Его смерть есть кара небесная!

Изумленная толпа мятежниковъ рукоплескала, все болѣе и болѣе проникаясь чувствами ненависти и мщенія. Между прочимъ, шарлатанъ этотъ употребилъ одно средство исцѣленія, которое поразило меня. Онъ долго осматривалъ рану, перевязалъ ее какъ могъ лучше, а потомъ, поднявшись на алтарь, сказалъ:

— Все это пустяки.

Затѣмъ онъ вырвалъ изъ требника три или четыре листка, сжегъ ихъ на пламени свѣчей, горѣвшихъ въ похищенныхъ изъ

Акульской церкви майданахъ, и, всыпавъ немного пепла этой священной бумаги въ нѣсколько капель вина изъ чаши, сказалъ раненому:

— Выпей: это тебя исцѣлитъ.

Тотъ выпилъ съ глупымъ видомъ, не сводя полныхъ довѣрія глазъ съ фокусника, который воздѣвалъ надъ нимъ руки, какъ бы призывая благословеніе Неба, и, быть-можетъ, увѣренность раненаго въ исцѣленіи способствовала тому, что онъ потомъ выздоровѣлъ.

XXXI.

За этой сценой послѣдовала другая, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ которой былъ опять замаскированный колдунъ, — врачъ смѣнилъ священника, колдунъ смѣнилъ теперь врача.

— Внимайте, человѣки! — вскричалъ колдунъ, вскакивая съ необыкновеннымъ проворствомъ на импровизованный алтарь, гдѣ онъ оказался сидящимъ на корточкахъ, поджавъ ноги подъ своей пестрой юбкой. — Внимайте, человѣки! Пусть приблизятся тѣ, кто хочетъ прочесть правду о своей жизни въ книгѣ судебъ, и я скажу ее имъ, ибо я изучалъ египетскую науку.

Къ нему быстро направилась толпа негровъ и мулатовъ.

— Подходить поодиночкѣ! — скомандовалъ колдунъ, глухой голосъ котораго принималъ порою тотъ крикливый тонъ, который поражалъ меня, какъ какое-то неопредѣленное воспоминаніе.— Если вы подойдете всѣ сразу, то вы всѣ вмѣстѣ сойдете въ могилу.

Они остановились, какъ вкопанные. Въ эту минуту какой-то темно-кожій человѣкъ, одѣтый въ куртку и бѣлые панталоны, съ уборомъ на головѣ, какой носятъ богатые колонисты, подошелъ къ Біассу. Лицо его выражало печаль.

— Что случилось?—спросилъ *генералиссимусъ* шопотомъ.—Что съ вами, Риго?

То былъ одинъ изъ вождей мулатовъ, прославившійся позднѣе подъ именемъ *генерала Риго*, человѣкъ, таившій хитрость подъ чистосердечной внѣшностью, жестокость подъ видомъ кротости. Я внимательно разсматривалъ его.

— Генералъ,—отвѣчалъ Риго (говорилъ онъ очень тихо, но я стоялъ подлѣ Біассу и слышалъ все), — тамъ, за чертой лагеря, появился лазутчикъ отъ Жана-Франсуа. Букманъ только что убитъ въ схваткѣ съ г. де-Тузаромъ, и, должно-быть, бѣлые выставили его голову въ городѣ, какъ трофей.

— И это все?—проговорилъ Біассу, и въ глазахъ его сверкнула тайная радость отъ того, что число вождей уменьшалось, увеличивая, такимъ образомъ, его личное значеніе.

— Лазутчикъ Жана-Франсуа имѣетъ, кромѣ того, передать вамъ какое-то порученіе.

— Ладно,—отвѣчалъ Біассу.—Бросьте этотъ унылый видъ, мой милый Риго.

— Но, — возразилъ Риго, — не опасаетесь ли вы, генералъ, того впечатлѣнія, которое смерть Букмана произведетъ на ваше войско?

— Милѣйшій Риго, вы вовсе не такой простофиля, какимъ вы кажетесь, — возразилъ вождь: — сейчасъ вы увидите, каковъ Біассу. Постарайтесь лишь замедлить на четверть часа пріемъ посланца.

Тогда онъ подошелъ къ колдуну, который во время этого разговора, слышаннаго только мною, приступилъ къ отправленію своихъ обязанностей гадателя, разспрашивая пораженныхъ негровъ, разсматривая всякую линію ихъ лицъ и рукъ и распредѣляя имъ болѣе или менѣе крупную долю будущаго счастія, смотря по звону, свѣту или толщинѣ монеты, бросаемой каждымъ негромъ на позолоченный серебряный дискосъ. Біассу сказалъ ему на ухо нѣсколько словъ. Колдунъ, тѣмъ не менѣе, продолжалъ свои лицегадательныя операціи.

— Тотъ, — говорилъ онъ, у котораго имѣется посреди лба, на солнечной складкѣ, маленькій четырехугольный или треугольный знакъ, сильно разбогатѣетъ безъ заботы и труда. Знакъ, состоящій изъ трехъ буквъ S, одна подлѣ другой, на какомъ бы то ни было мѣстѣ лба,—зловѣщій знакъ; тотъ, у кого есть этотъ знакъ, неминуемо потонетъ, если не станетъ тщательно избѣгать воды. Четыре линіи, идущія отъ носа и загибающіяся попарно на лбу надъ бровями, предвѣщаютъ, что обладатель ихъ попадетъ въ плѣнъ и будетъ томиться во власти чужестранцевъ.

Здѣсь колдунъ пріостановился.

— Товарищъ,—добавилъ онъ съ важностью,—я видѣлъ этотъ знакъ на лбу Бюгъ-Жаргаля, вождя храбрыхъ воиновъ Красной Горы.

Слова эти, еще разъ подтвердившія мнѣ взятіе въ плѣнъ Бюгъ-Жаргаля, вызвали причитанія и вопли шайки, состоявшей исключительно изъ негровъ, вожди которыхъ были одѣты въ ярко-красные штаны; это была шайка Красной Горы.

Между тѣмъ колдунъ продолжалъ:

— Если у васъ есть на правой части лба, на лунной линіи, значокъ въ видѣ вилъ, то остерегайтесь бездѣлья или излишняго пристрастія къ кутежу. Есть одинъ очень важный маленькій знакъ, представляющій арабскую цифру 3, пересѣкающій солнечную линію и предвѣщающій палочные удары...

Колдунъ былъ прерванъ какимъ-то старымъ негромъ, который волочился къ нему, моля о перевязкѣ. Онъ былъ раненъ въ лобъ и одинъ его глазъ висѣлъ, вырванный изъ орбиты и весь окровавленный. Колдунъ пропустилъ его, когда производилъ свой медицинскій осмотръ. Въ ту минуту, какъ онъ его увидалъ, онъ вскричалъ:

— Круглыя фигуры на правой части лба, на лунной линіи, предвѣщаютъ глазныя болѣзни. Человѣкъ, — обратился онъ къ раненому бѣднягѣ,—этотъ знакъ ясно виденъ на твоемъ лбу; покажи руку.

— Увы! добрѣйшій сеньоръ,—сказалъ негръ по-испански,— осмотрите мой глазъ.

— Вздоръ,—возразилъ недовольно колдунъ,—не зачѣмъ мнѣ осматривать твой глазъ! Давай руку, говорю тебѣ!

Несчастный протянулъ руку, продолжая повторять: «мой глазъ!»

— Ладно!—сказалъ колдунъ.—Когда на линіи жизни имѣется точка, окруженная небольшимъ кольцомъ, это значитъ, что человѣкъ окривѣетъ, потому что фигура эта предвѣщаетъ потерю глаза. Вотъ точка, вотъ и колечко,—ты окривѣешь.

— Я уже окривѣлъ,—отвѣчалъ старый негръ съ жалобнымъ стономъ.

Но колдунъ, прекратившій исполненіе врачебныхъ своихъ обязанностей, грубо оттолкнулъ его и продолжалъ, не обращая вниманія на стоны бѣднаго кривого:

— Слушайте, человѣки! Если семь линій лба мелки, извилисты и слабо очерчены, то онѣ предвѣщаютъ короткую жизнь. У кого на лунной линіи, между бровей, имѣется фигура, представляющая двѣ скрещенныя стрѣлы, тотъ погибнетъ въ сраженіи. Если линія жизни, проходящая по рукѣ, имѣетъ на самомъ концѣ, у сустава, крестъ, то это значитъ, что человѣкъ этотъ попадетъ на эшафотъ... И вотъ, я долженъ сказать вамъ, что одинъ изъ храбрѣйшихъ столповъ независимости, Букманъ, отмѣченъ этими тремя роковыми знаками.

При этихъ словахъ всѣ негры затаили дыханіе; ихъ неподвижные глаза, уставившіеся на фокусника, выражали тотъ родъ вниманія, который походитъ на столбнякъ.

— Только,—добавилъ колдунъ,—я не могу согласовать между собою эти оба знака, сразу грозящіе Букману и битвой и эшафотомъ. А между тѣмъ наука моя непогрѣшима.

Онъ остановился и обмѣнялся взглядомъ съ Біассу. Біассу сказалъ что-то на ухо одному изъ своихъ адъютантовъ, который вышелъ тотчасъ же изъ пещеры.

— Разинутый ротъ,—продолжалъ колдунъ, оборачиваясь къ своимъ слушателямъ, насмѣшливымъ, пошлымъ тономъ,—нелѣпая поза, болтающіяся руки, при чемъ лѣвая кисть вывернута неизвѣстно почему, обличаютъ природную глупость, ничтожество, пустоту, тупое любопытство.

Біассу усмѣхался. Въ эту минуту адъютантъ вернулся, ведя за собою негра, покрытаго грязью и пылью, ноги котораго, исцарапанныя терніемъ и камнями, доказывали, что онъ совершилъ длинный путь. Это было посланецъ, о которомъ говорилъ Риго. Въ одной рукѣ онъ держалъ запечатанный пакетъ, а въ другой развернутый пергаментъ съ печатью, изображавшей пылающее сердце. Посреди красовался вензель, составленный изъ характерныхъ, переплетшихся буквъ *M* и *H*, вѣроятно, выражавшихъ союзъ свободныхъ мулатовъ и рабовъ-негровъ. Подлѣ этого вензеля я прочелъ надпись: «Предразсудокъ побѣжденъ, желѣзный прутъ сломанъ; *да здравствуетъ король!*» Пергаментъ этотъ былъ паспортъ, выданный Жаномъ-Франсуа.

Лазутчикъ представилъ его Біассу и, поклонившись ему до земли, передалъ запечатанный пакетъ. Генералиссимусъ быстро вскрылъ его, пробѣжалъ заключавшіяся въ немъ депеши, сунулъ одну изъ нихъ въ карманъ своей куртки и, скомкавъ другую въ рукѣ, вскричалъ съ огорченнымъ видомъ:

— Королевскіе солдаты!

Негры отвѣсили глубокій поклонъ.

— Королевкіе солдаты! вотъ что сообщаетъ Жану Біассу, генералиссимусу покоренной страны, генералъ-майору войскъ его католическаго величества, Жанъ-Франсуа, генералъ-адмиралъ Франціи, генералъ-лейтенантъ арміи его величества короля испанскаго и всѣхъ Индій: «Букманъ, вождь ста двадцати негровъ Синей Горы, что на Ямайкѣ, признанныхъ независимыми генералъ-губернаторомъ Бель-Комба, палъ въ славной борьбѣ за свободу и гуманность противъ деспотизма и варварства. Этотъ великодушный вождь былъ убитъ въ схваткѣ съ бѣлыми разбойниками гнуснаго Тузара. Изверги отрубили ему голову и объявили, что выставятъ ее позорно на эшафотѣ плацъ-парада въ ихъ городѣ Капѣ. — Мщеніе!»

Послѣ этого чтенія въ войскѣ на минуту наступило мрачное молчаніе, признакъ упадка духа. Но колдунъ выпрямился на алтарѣ и воскликнулъ, размахивая своей бѣлой палочкой, съ торжествующими жестами:

— Соломонъ, Зоровавель, Карданъ, Іуда, Боутарихтъ, Аверроэсъ, Альбертъ Великій, Боабдилъ, Жанъ де-Гагенъ, Анна Баратро, Рахиль Флинцъ, Альторнино! хвала вамъ. Наука провидцевъ не обманула меня. Сыновья, друзья, братья, молодцы, дѣти, матери и вы всѣ, внимающіе мнѣ здѣсь, что я вамъ предсказалъ? Что я сказалъ? Знаки на лбу Букмана предвѣщали мнѣ, что онъ проживетъ недолго и умретъ на полѣ битвы; линіи его руки объявили мнѣ, что онъ будетъ на эшафотѣ. Откровенія моей науки осуществляются, и событія сами согласуются такъ, что исполняются даже такія вещи, которыхъ мы не могли согласовать вмѣстѣ, а именно смерть на полѣ битвы и эшафотъ! Братья, изумляйтесь!

Во время этой рѣчи уныніе негровъ смѣнилось какимъ-то удивленнымъ испугомъ. Они слушали колдуна съ довѣріемъ, къ которому примѣшивался страхъ; а тотъ, опьяненный собственными словами, расхаживалъ взадъ и впередъ по сахарному ящику, размѣръ площади котораго соотвѣтствовалъ его мелкимъ шажкамъ. Біассу усмѣхнулся, а затѣмъ обратился къ колдуну:

— Господинъ капелланъ, разъ ужъ вы умѣете читать будущее, то намъ угодно, чтобы вы согласились предсказать, что будетъ съ нами, Жаномъ Біассу, генералъ-майоромъ.

Колдунъ гордо остановился на томъ смѣшномъ алтарѣ, гдѣ онъ казался чуть не божествомъ всѣмъ этимъ легковѣрнымъ неграмъ, и сказалъ генералъ-майору:

— Пусть ваша милость подойдетъ!

Въ эту минуту колдунъ былъ самымъ важнымъ лицомъ въ войскѣ. Военная власть подчинилась власти священнической. Біассу подошелъ. Въ глазахъ его читалась нѣкоторая досада.

— Вашу руку, генералъ,—сказалъ колдунъ, наклоняясь, чтобы взять ее.—Я начинаю. *Суставная линія*, одинаково ясно очерченная во всю длину, сулитъ вамъ богатство и счастіе. *Линія жизни*, длинная, отчетливая, предвѣщаетъ вамъ безболѣзненную жизнь и цвѣтущую старость; тонкость ея обличаетъ вашу мудрость, вашъ тонкій умъ, великодушіе вашего сердца; наконецъ, я вижу здѣсь то, что *хироманты* называютъ счастливѣйшимъ изъ знаковъ, массу мелкихъ морщинъ, придающихъ этой линіи форму дерева, отягченнаго вѣтвями, поднимающимися вверхъ руки; это вѣрный провозвѣстникъ роскоши и величія. *Линія здоровья*, очень длинная, подтверждаетъ указанія линіи жизни, а также изобличаетъ мужество; загибаясь къ мизинцу, она образуетъ нѣчто въ родѣ крючка. Генералъ, это признакъ цѣлесообразной строгости.

При этихъ словахъ блестящій взоръ маленькаго колдуна устремился на меня сквозь дырочки его покрывала, и мнѣ опять почудился знакомый тонъ, какъ бы замаскированный необычайной важностью голоса. Онъ продожалъ съ той же преднамѣренностью жестовъ и интонаціи:

— Усѣянная маленькими колечками, *линія здоровья* предвѣщаетъ вамъ большое число необходимыхъ казней, которыя вамъ придется произвести. Она прерывается посрединѣ, гдѣ образуетъ полукругъ,—признакъ того, что вы будете подвергаться большимъ опасностямъ со стороны хищныхъ звѣрей, то-есть бѣлыхъ, если вы ихъ только не истребите. *Линія богатства*, окруженная, какъ и линія жизни, маленькими развѣтвленіями, идущими вверхъ руки, подтверждаетъ, что вы призваны къ могуществу и главенству; прямая и тонкая въ своей верхней части, она обличаетъ даръ умѣнія управлять людьми. Пятая линія, линія треугольника, доходящая до начала средняго пальца, обѣщаетъ вамъ самую полную удачу во всякомъ предпріятіи. Посмотримъ пальцы. Большой палецъ, перерѣзанный во всю длину мелкими линіями, идущими отъ ногтя къ суставу, сулитъ вамъ большое наслѣдство; разумѣется, вы унаслѣдуете славу Букмана!—добавилъ колдунъ громкимъ голосомъ.—Маленькое возвышеніе, составляющее начало указательнаго пальца, испещрено мелкими, слабо очерченными линіями; это почести и чины! Средній палецъ ничего не предвѣщаетъ. Вашъ безыменный палецъ изборожденъ взаимно перекрещивающимися линіями; вы побѣдите всѣхъ вашихъ враговъ, вы возвыситесь надъ всѣми вашими соперниками! Линіи эти образуютъ кресты, признакъ генія и предусмотрительности! Суставъ, соединяющій мизинецъ съ рукой, представляетъ извилистыя линіи; фортуна осыплетъ васъ своими дарами. Я вижу еще изображеніе круга, еще одно предзнаменованіе, также обѣщающее вамъ могущество и почести! Счастливъ тотъ, у кого имѣются всѣ эти признаки. Судьба сама позаботится объ его благоденствіи,

и звѣзда его одаритъ геніальностью, которая ведетъ къ славѣ. А теперь, генералъ, позвольте мнѣ вопросить ваше чело: «Тотъ, говоритъ цыганка Рахиль Флинцъ, у котораго посреди чела, на солнечной линіи, есть маленькій квадратикъ или треугольникъ, пойдетъ далеко»... Вотъ, ясно очерченный, этотъ знакъ. «Если этотъ знакъ находится направо, то онъ сулитъ большое наслѣдство»... Все наслѣдство Букмана!.. Подковообразный знакъ между бровей, подъ лунной линіей, обозначаетъ, что человѣкъ этотъ сумѣетъ отомстить за оскорбленіе и тиранство. У меня есть этотъ знакъ, и у васъ тоже.

Тонъ, которымъ колдунъ произнесъ эти слова: *у меня есть этотъ знакъ*, опять поразилъ меня.

— Его наблюдаютъ, — добавилъ онъ тѣмъ же тономъ, — у храбрецовъ, умѣющихъ задумать мужественное возстаніе и порвать цѣпи рабства съ помощью оружія. Львиный коготь, виднѣющійся у васъ надъ бровью, знаменуетъ вашу блистательную отвагу. Наконецъ, генералъ Жанъ Біассу, чело ваше имѣетъ самый яркій призракъ благоденстія; это—сочетаніе линій, образующее букву *М*, первую букву имени Богородицы. На какой бы части чела, на какой бы складкѣ ни образовалось это изображеніе, оно обозначаетъ геній, славу и могущество. Тотъ, кто отмѣченъ имъ, всегда восторжествуетъ во всякомъ предпринятомъ имъ дѣлѣ; тѣмъ, кому онъ будетъ вождемъ, не придется никогда оплакивать никакой потери; онъ одинъ будетъ стоить всѣхъ защитниковъ своей партіи. Вы — этотъ избранникъ судьбы!

— Благодарю васъ, господинъ капелланъ, — сказалъ Біассу, собираясь уже вернуться на свой тронъ изъ краснаго дерева.

— Позвольте, генералъ, — снова заговорилъ колдунъ, — я упустилъ еще одинъ знакъ. Солнечная линія, рѣзко обозначенная на вашемъ челѣ, доказываетъ умѣнье жить, желаніе сдѣлать другихъ счастливыми, большую щедрость и склонность къ великолѣпію.

Біассу, повидимому, понялъ, что если одинъ изъ нихъ что-либо упустилъ, то скорѣе онъ, а не колдунъ. Онъ вынулъ изъ кармана довольно тяжелый кошелекъ и бросилъ его на серебряное блюдо, чтобы не заставить солгать *солнечную линію*.

Между тѣмъ ослѣпительный гороскопъ вождя произвелъ сильное впечатлѣніе на войско. Всѣ мятежники, надъ которыми слова колдуна пріобѣли еще большую власть съ той минуты, какъ смерть Букмана стала извѣстной, перешли отъ унынія къ энтузіазму, и, слѣпо довѣряясь своему непогрѣшимому прорицателю и судьбой предназначенному вождю, кричали теперь наперерывъ.

— Да здравствуетъ чародѣй! да здравствуетъ Біассу!

Колдунъ и Біассу переглянулись и мнѣ послышалось, что первый вторитъ глухимъ смѣхомъ усмѣшкѣ генералиссимуса.

Не знаю почему, чародѣй этотъ не выходилъ у меня изъ головы; мнѣ казалось, что я уже видѣлъ и слышалъ гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ что-то похожее на это странное существо, мнѣ захотѣлось заставить его высказаться яснѣе.

— Господинъ чародѣй, сеньоръ цѣнитель, докторъ медикусъ, господинъ капелланъ, добрый отче! — сказалъ я ему, мѣшая такъ же, какъ и онъ, испанскія и французскія выраженія.

Онъ быстро обернулся.

— Здѣсь находится человѣкъ, судьбы котораго вы не предсказали; человѣкъ этотъ я.

Онъ скрестилъ руки на серебряномъ солнцѣ, покрывавшемъ его волосатую грудь, и не отвѣчалъ мнѣ. Я продожалъ:

— Мнѣ очень хотѣлось бы знать, что вы думаете о моемъ будущемъ; но ваши честные товарищи отняли у меня часы и кошелекъ, а вы не изъ тѣхъ колдуновъ, которые пророчествуютъ *даромъ*.

Онъ поспѣшно приблизился ко мнѣ и сказалъ мнѣ глухо на ухо:

— Ты ошибаешься! Дай-ка свою руку.

Я протянулъ руки, глядя ему прямо въ глаза. Глаза эти сверкали; онъ притворился, что разсматриваетъ мою руку.

— Если линія жизни,—сказалъ онъ мнѣ,—пересѣкается посрединѣ двумя маленькими поперечными и очень рѣзкими линіями, то это знаменуетъ скорую смерть. Твоя смерть близко. Если линія здоровья не находится посрединѣ руки, а имѣются только линія жизни и линія богатства, сходящіяся вмѣстѣ и образующія уголъ, то при наличности подобнаго знака не слѣдуетъ ожидать естественной смерти. Не жди для себя естественной смерти! Если по изнанкѣ указательнаго пальца проходитъ во всю его длину прямая линія, то человѣкъ умретъ насильственной смертью!

Въ этомъ громовомъ голосѣ, объявлявшемъ о смерти, было что-то веселое; я слушалъ его равнодушно и презрительно.

— Колдунъ,—сказалъ я ему съ пренебрежительной улыбкой,— ты—ловкій человѣкъ и предсказываешь навѣрняка.

Онъ подошелъ ко мнѣ вплотную.

— Ты сомнѣваешься въ моей наукѣ—слушай дальше. Перерывъ солнечной линіи на твоемъ челѣ доказываетъ мнѣ, что ты принимаешь врага за друга и друга за врага.

Смыслъ этихъ словъ относился, казалось, къ этому вѣроломному Пьерро, котораго я любилъ и который предалъ меня, а также къ вѣрному Хабибрѣ, котораго я ненавидѣлъ, и окровавленная одежда котораго свидѣтельствовала о преданности и мужественной смерти.

— Что ты хочешь сказать? — вскричалъ я.

— Слушай до конца,—продолжалъ колдунъ.—Я говорилъ тебѣ о будущемъ, а вотъ кое-что изъ прошлаго: лунная линія на твоемъ челѣ слегка изогнута, это значитъ, что у тебя похитили жену.

Я вздрогнулъ и хотѣлъ сорваться съ мѣста, но сторожа мои меня не пустили.

— Ты нетерпѣливъ,—продолжалъ колдунъ, — выслушай же до конца: небольшой крестъ, пересѣкающій кончикъ этого изгиба, довершаетъ объясненіе. Жену твою похитили въ самый день свадьбы.

— Негодяй! — вскричалъ я. — Ты знаешь гдѣ она! Кто ты?

Я пытался опять освободиться и сорвать съ него покрывало, но мнѣ пришлось уступить передъ численностью и силою враговъ; и я глядѣлъ съ яростью на удаляющагося колдуна, который бросилъ мнѣ, уходя:

— Вѣришь мнѣ теперь? Готовься же къ близкой смерти!

XXXII.

Эта странная сцена повергла меня въ страшное недоумѣніе, отъ котораго меня отвлекла на нѣсколько мгновеній новая драма, смѣнившая передъ моими глазами ту дикую комедію, которую Біассу и колдунъ разыграли передъ своей изумленной шайкой.

Біассу вновь усѣлся на своемъ сѣдалищѣ краснаго дерева; колдунъ помѣстился по правую его руку, Риго по лѣвую, оба на подушкахъ. Скрестивъ руки на груди, чародѣй казался погруженнымъ въ глубокое созерцаніе; Біассу и Риго жевали табакъ; одинъ изъ адъютантовъ только что спросилъ у вождя, надо ли провести передъ нимъ войско церемоніальнымъ маршемъ, какъ вдругъ у входа въ пещеру появились съ шумомъ и бѣшеными воплями группы негровъ; каждая изъ этихъ кучекъ привела съ собой плѣнника, котораго желала передать въ руки Біассу, не столько для того, чтобъ узнать, соблаговолитъ ли онъ помиловать ихъ, сколько для того, чтобы услыхать, на какой родъ смерти онъ пожелаетъ обречь этихъ несчастныхъ. И зловѣщіе крики ясно это возвѣщали:

– Смерть! смерть! Muerte! muerte! Death! death!—воскликнуло нѣсколько англійскихъ негровъ, вѣроятно, изъ шайки Букмана, уже успѣвшихъ присоединиться къ испанскимъ и французскимъ неграмъ Біассу.

Біассу движеніемъ руки приказалъ имъ замолчать и велѣлъ подвести плѣнниковъ къ выходу въ пещеру. Къ своему удивленію, я узналъ двухъ изъ нихъ; одинъ былъ тотъ *гражданинъ-генералъ C****, тотъ филантропъ, что велъ переписку со всѣми негрофилами земного шара и высказалъ такое жестокое по адресу рабовъ предложеніе на совѣтѣ у губернатора. Другой былъ тотъ подозрительный плантаторъ, который чувствовалъ такое отвращеніе къ мулатамъ, между тѣмъ какъ къ нимъ причисляли его самого всѣ бѣлые. Третій принадлежалъ, повидимому, къ классу *простыхъ бѣлыхъ*; на немъ былъ надѣтъ кожаный передникъ, а рукава были засучены повыше локтя. Всѣ трое попались въ плѣнъ порознь, когда они собрались укрыться въ горы. Послѣдняго изъ нихъ допросили первымъ.

— Кто ты такой? — сказалъ ему Біассу.

— Я Жакъ Белэнъ, плотникъ церковной больницы въ Канѣ.

Въ глазахъ *генералиссимуса покоренныхъ странъ* мелькнуло удивленіе, смѣшанное со стыдомъ.

— Жакъ Белэнъ!—проговорилъ онъ, прикусывая губу.

— Да.—Замѣтилъ плотникъ,—А ты развѣ не узнаешь меня?

— Прежде всего,—сказалъ Біассу,—взгляни, кто передъ тобою, и поклонись мнѣ.

— Я не поклонюсь своему невольнику! — отвѣчалъ плотникъ.

— Твоему невольнику, негодяй! — вскричалъ генералиссимусъ.

— Да,—возразилъ плѣнникъ, — да, я твой первый господинъ. Ты притворяешься, что не узнаешь меня, но вспомни-ка, Жанъ Біассу: я продалъ тебя за тридцать піастровъ одному домингскому купцу.

Сильнѣйшая досада исказила лицо Біассу.

— Какъ!—продолжалъ бѣлый. — Тебѣ точно совѣстно, что ты былъ моимъ слугой! Развѣ Жанъ Біассу не долженъ считать за честь для себя то, что онъ принадлежалъ Жаку Белэну? Твоя собственная мать, сумасшедшая старуха, часто мела мою лавченку; но теперь я продалъ ее господину управляющему церковной больницей; она до того одряхлѣла, что онъ согласился дать за нее тридцать два франка да шесть су въ придачу. Вотъ какова твоя и ея исторія; но, говорятъ, что вы нынче загордились, вы, негры да мулаты, и ты, очевидно, позабылъ о томъ времени, когда ты на колѣняхъ прислуживалъ метру Жаку Белэну, плотнику въ Капѣ.

Біассу слушалъ его съ той свирѣпой усмѣшкой, что придавала ему видъ тигра.

— Хорошо! — сказалъ онъ.

Тогда онъ обратился къ неграмъ, приведшимъ мастера Белэна:

— Принесите двѣ деревянныхъ кобылы, двѣ доски и пилу, и уведите этого человѣка. Жакъ Белэнъ, плотникъ въ Капѣ, поблагодари меня: я доставлю тебѣ плотничью смерть.

Смѣхъ его окончательно пояснилъ, какой страшной казнью будетъ казнена гордость его бывшаго повелителя. Я затрепеталъ, но Жакъ Белэнъ не сморгнулъ, а гордо обернулся къ Біассу.

— Да,—сказалъ онъ,—я долженъ быть тебѣ благодаренъ, потому что продалъ тебя за тридцать піастровъ, и такимъ образомъ, ты принесъ мнѣ, конечно, больше, чѣмъ стоишь на самомъ дѣлѣ.

Его увели.

XXXIII.

Двое другихъ плѣнниковъ, ни живы ни мертвы, присутствовали при этомъ странномъ прологѣ ихъ собственной трагедіи. Эта смиренная и испуганная пара составляла контрастъ съ немного хвастливой твердостью плотника; они дрожали всѣмъ тѣломъ.

Біассу разсматривалъ ихъ обоихъ со своимъ лисьимъ видомъ и, желая продлить ихъ пытку, принялся разговаривать съ Риго на тему о различныхъ сортахъ табаку, утверждая, что гаванскій табакъ пріятно курить только въ сигарахъ, и что онъ не знаетъ лучшаго нюхательнаго табаку, чѣмъ тотъ испанскій табакъ, котораго покойный Букманъ прислалъ ему два боченка, отнятыхъ у г. Леботтю, владѣльца острова Черепахи. И, обращаясь внезапно къ *гражданину-генералу С****, онъ спросилъ:

— А ты какъ думаешь?

При этомъ неожиданномъ обращенiи гражданинъ пошатнулся и отвѣчалъ, заикаясь:

— Я полагаюсь, генералъ, на мнѣнiе вашего превосходительства.

— Льстивыя рѣчи! — возразилъ Бiассу. — Я спрашиваю у тебя твоего, а не своего мнѣнiя. Можешь ли ты указать лучшiй нюхательный табакъ, чѣмъ табакъ г. Леботтю?

— Нѣтъ, не могу, милостивый государь, — сказалъ С***, смущенiе котораго потѣшало Бiассу.

— *Генералъ! превосходительство! милостивый государь!*—повторилъ вождь съ нетерпѣливымъ видомъ.—Ты просто аристократъ.

— О! вотъ ужъ нѣтъ! — вскричалъ гражданинъ-генералъ, — я добрый патрiотъ 91-го года и страстный негрофилъ.

— *Негрофилъ!* — прервалъ генералиссимусъ. — Что это такое негрофилъ?

— Это другъ чернокожихъ, — пробормоталъ гражданинъ.

— Быть другомъ чернокожихъ еще недостаточно, — строго возразилъ Бiассу, — нужно быть также другомъ всѣхъ цвѣтныхъ.

Я, кажется говорилъ уже, что Бiассу былъ изъ расы *сакатра.*

— Я именно это и подразумѣвалъ,—отвѣчалъ смиренно негрофилъ. — Я состою въ дружбѣ со всѣми самыми знаменитыми сторонниками негровъ и мулатовъ.

Довольный возможностью унизить бѣлолицаго, Бiассу снова прервалъ его:

— *Негровъ и мулатовъ!* Что это значитъ? Или ты явился сюда, чтобъ оскорблять насъ этими гнусными кличками, изобрѣтенными презрѣнiемъ бѣлолицыхъ? Здѣсь имѣются темнокожiе и чернокожiе, слышите, господинъ колонистъ?

— Это просто дурная привычка, усвоенная съ дѣтства, — сказалъ С***; — простите, я ни мало не имѣлъ намѣренiя оскорблять васъ, сеньоръ.

— Перестань такъ называть меня; повторяю тебѣ, что не люблю этихъ аристократическихъ замашекъ.

С*** принялся снова извиняться и забормоталъ новое объясненiе:

— Если бы вы меня знали, гражданинъ...

— Гражданинъ! за кого ты меня принимаешь? — вскричалъ гнѣвно Бiассу.—Я ненавижу этотъ якобинскiй жаргонъ. Ужъ не якобинецъ ли ты, чего добраго? Не забывай, что ты говоришь съ генералиссимусомъ королевскаго войска! *Гражданинъ!* какова дерзость!

Несчастный негрофилъ не зналъ больше, какимъ тономъ говорить съ этимъ человѣкомъ, не желавшимъ, чтобы его титуловали ни *превосходительствомъ* ни *гражданиномъ*, не признававшимъ ни языка аристократовъ ни языка патрiотовъ! онъ былъ подавленъ. Бiассу, только притворявшiйся разсерженнымъ, испытывалъ жестокое наслажденiе при видѣ его смущенiя.

— Увы!—сказалъ, наконецъ, С***,—какого вы дурного мнѣнiя обо мнѣ, благородный защитникъ неотъемлемыхъ правъ цѣлой половины рода человѣческаго.

Не зная какъ титуловать этого вождя, который, повидимому, отказывался отъ всѣхъ титуловъ, онъ прибѣгнулъ къ одной изъ тѣхъ громкихъ фразъ, какія охотно употребляются революціонерами, вмѣсто имени и титула того, къ кому они обращаются съ рѣчью.

Біассу пристально взглянулъ на него и сказалъ:

— Значитъ, ты любишь чернокожихъ и метисовъ?

— Люблю ли я ихъ!—вскричалъ гражданинъ С***.—Да я переписываюсь съ Бриссо и...

Біассу прервалъ его съ усмѣшкой:

— А-а! Очень радъ видѣть въ тебѣ сторонника нашего дѣла. Въ такомъ случаѣ, ты должно-быть, ненавидишь тѣхъ подлыхъ колонистовъ, которые карали наше справедливое возстаніе самыми жестокими казнями; ты, разумѣется, думаешь, какъ и мы, что настоящіе мятежники, это бѣлые, а не чернокожіе, такъ какъ они возстаютъ противъ природы и человѣчества, и, разумѣется, ты проклинаешь этихъ извергов!

– Я ихъ проклинаю! — отвѣчалъ С***.

— Хорошо!—продолжалъ Біассу.—Что же ты думаешь тогда о человѣкѣ, который, стремясь подавить послѣднія попытки невольниковъ, выставилъ на кольяхъ пятьдесятъ головъ чернокожихъ по обѣимъ сторонамъ аллеи, ведущей къ его жилищу?

С*** страшно поблѣднѣлъ.

— Что ты думаешь о томъ бѣломъ, который предложилъ опоясать городъ Капъ рядомъ невольничьихъ головъ?..

— Пощадите! пощадите!—сказалъ С*** въ ужасѣ.

— Развѣ я тебѣ угрожаю?—продолжалъ холодно Біассу.—Дай мнѣ договорить... рядомъ головъ, который шелъ бы вокругъ всего города, отъ форта Пиколе до мыса Караколь? Что бы ты объ этомъ подумалъ? отвѣчай!

Эти слова Біассу: *Развѣ я тебѣ угрожаю?*—возвратили С*** нѣкоторую надежду; онъ подумалъ, что, можетъ-быть, вождь узналъ объ этихъ ужасахъ, не зная, кто ихъ виновникъ, и отвѣчалъ съ нѣкоторой твердостью, въ предупрежденіе какого-либо невыгоднаго для себя подозрѣнія:

— Я думаю, что это тяжкія преступленія.

Біассу усмѣхнулся.

— Ладно! А какому наказанію подвергъ бы ты виновнаго?

Здѣсь несчастный С*** запнулся.

— Ну, что же! — снова заговорилъ Біассу. — Ты другъ чернокожихъ или нѣтъ?

Изъ двухъ золъ С*** выбралъ наименѣе опасное для себя и не замѣчая никакой враждебности къ себѣ во взорѣ Біассу, проговорилъ слабымъ голосомъ:

— Виновный достоинъ смерти.

– Прекрасный отвѣтъ, — сказалъ спокойно Біассу, выплевывая табакъ, который онъ жевалъ.

Между тѣмъ, его равнодушный видъ вернулъ немного увѣренности бѣдному негрофилу, и онъ сдѣлалъ попытку устранить всѣ тѣ подозрѣнія, которыя могли тяготѣть надъ нимъ.

— Никто,—вскричалъ онъ,—не желалъ пламеннѣе меня вашего торжества. Я переписываюсь съ Бриссо и Прюно де-Поммъ-Ружъ во Франціи, Магау въ Америкѣ, Петеромъ Паулусомъ въ Голландіи, Аббатомъ Тамбурини въ Италіи...

И онъ перечислялъ съ наслажденіемъ этотъ списокъ филантроповъ, который онъ всегда охотно приводилъ, какъ это было при другихъ обстоятельствахъ и съ другой цѣлью у г. Бланшланда; но Біассу остановилъ его:

— Ну, что мнѣ за дѣло до всѣхъ этихъ твоихъ корреспондентовъ? Укажи мнѣ только, гдѣ твои магазины и склады; мое войско нуждается въ провіантѣ. Ты долженъ обладать богатыми плантаціями и крупной торговлей, разъ ты переписываешься со всѣми негоціантами міра.

Гражданинъ С*** позволилъ себѣ робкое замѣчаніе:

— Герои человѣчества—это не негоціанты, а философы, филантропы, негрофилы.

— Ну, вотъ,—сказалъ Біассу, качая головой,—опять онъ заговорилъ непонятныя чортовскія слова. Послушай, если у тебя нѣтъ ни складовъ ни магазиновъ, которые можно разграбить, то на что же ты годенъ?

Вопросъ этотъ подавалъ лучъ надежды, за который и ухватился съ жадностью С***

— Преславный полководецъ —отвѣчалъ онъ,—имѣется ли въ вашей арміи экономистъ?

— Это еще что такое?—спросилъ вождь.

— Это,—сказалъ плѣнникъ со всей напыщенностью, на какую онъ былъ способенъ въ своемъ страхѣ,—это необходимѣйшій человѣкъ, единственный оцѣнщикъ матеріальныхъ средствъ государства, судящій о нихъ, по ихъ взаимной цѣнности; онъ заноситъ ихъ по порядку, согласно ихъ значенію, распредѣляетъ по ихъ стоимости, улучшаетъ ихъ, согласуя ихъ источники и ихъ результаты, и вливаетъ ихъ, по мѣрѣ надобности, какъ оплодотворяющіе источники, въ великую рѣку общей пользы, которая въ свою очередь, расширяетъ море общественнаго благосостоянія.

— Чортъ возьми!—сказалъ Біассу, наклоняясь къ колдуну.— Что онъ хочетъ сказать этими словами, нанизанными другъ на друга словно бусы вашихъ четокъ?

Колдунъ пожалъ плечами, въ знакъ невѣдѣнія и презрѣнія. Между тѣмъ, гражданинъ С*** продолжалъ:

— Соблаговолите выслушать меня, отважный вождь храбрыхъ возродителей Санъ-Доминго! Я изучалъ великихъ экономистовъ Тюрго, Рэналя и Мирабо, друга человѣчества. Я примѣнялъ ихъ теорію на практикѣ. Мнѣ знакома наука, необходимая для управленія государствами и всякими штатами.

— Экономистъ не экономенъ въ рѣчахъ!—сказалъ Риго со своей мягкой и насмѣшливой улыбкой.

Біассу вскричалъ:

— Скажи-ка мнѣ, болтунъ, развѣ я имѣю королевства и штаты, которыми надо управлять?

— Пока еще нѣтъ, великій человѣкъ,—возразилъ С***,—но это можетъ случиться; но, впрочемъ, моя наука снисходитъ, ничуть не считая это предосудительнымъ, до подробностей, полезныхъ для управленія арміей.

Генералиссимусъ опять прервалъ его внезапно:

— Я не управляю своей арміей, господинъ плантаторъ, я ею командую.

— Прекрасно,—замѣтилъ гражданинъ,—вы будете предводителемъ, а я интендантомъ. Я обладаю спеціальными познаніями по части скотоводства.

— Развѣ ты воображаешь, что мы занимаемся скотоводствомъ?—сказалъ съ усмѣшкой Біассу.—Скотъ идетъ намъ на пищу. Когда истощится скотъ французской колоніи, я переберусь за пограничныя горы и возьму испанскихъ быковъ и барановъ, что пасутся на большихъ равнинахъ Котюи, Веги, Сантъ-Яго и на берегахъ Юны; если понадобится, я доберусь и до тѣхъ, что пасутся на Саманскомъ полуостровѣ и на склонахъ Цибосской горы, начиная отъ устья Нэба и за Санъ-Доминго. Впрочемъ, мнѣ будетъ пріятно наказать этихъ проклятыхъ испанскихъ плантаторовъ, потому что они выдали Ожэ! Ты видишь, что я не терплю недостатка въ провіантѣ и что я не нуждаюсь въ твоей наукѣ, по-твоему, *необходимѣйшей!*

Это энергичное заявленіе сбило съ толку бѣднаго экономиста; тѣмъ не менѣе, онъ попытался ухватиться за послѣдній якорь спасенія:

— Мои труды не ограничились изученіемъ скотоводства. Я обладаю другими спеціальными познаніями, могущими оказаться вамъ весьма полезными. Я укажу вамъ какъ надо разрабатывать каменноугольныя копи.

— А на что мнѣ это?—сказалъ Біассу.—Когда мнѣ нуженъ уголь, я сжигаю три мили лѣса.

— Я научу васъ, на какое употребленіе годны различные сорта дерева,—и С*** принялся перечислять нескончаемыя названія сортовъ и ихъ назначеніе.

Чтобъ взяли тебя черти всѣхъ семнадцати адовъ! — вскричалъ по-испански потерявшій терпѣніе Біассу.

– Что прикажете, милостивый хозяинъ?—сказалъ, весь дрожа, экономистъ, не понимавшій по-испански.

— Послушай,—снова заговорилъ Біассу,—кораблей мнѣ не надо, не зачѣмъ мнѣ ихъ строить. Ну, а въ свитѣ моей имѣется всегда одно вакантное мѣсто, но не мѣсто mayor-domo, а мѣсто камердинера. Подумай, сеньоръ философъ, годится ли оно тебѣ. Ты станешь прислуживать мнѣ на колѣняхъ, подавать трубку, рагу и супъ изъ черепахи; а еще ты станешь носить за мной вѣеръ изъ павлиньихъ перьевъ или изъ перьевъ попугая, какъ вотъ эти два пажа. Гмъ! отвѣчай, хочешь быть моимъ камердинеромъ?

Гражданинъ С***, не думавшій ни о чемъ, кромѣ спасенія своей жизни, склонился до земли, расточая изъявленіе радости и благодарности.

— Значитъ, ты согласенъ?—спросилъ Біассу.

— Можете ли вы предполагать, мой великодушный повелитель, чтобы я сталъ колебаться хоть минуту, когда дѣло идетъ о высокой чести прислуживать вашей особѣ?

При этомъ отвѣтѣ Біассу разразился дьявольскимъ смѣхомъ. Онъ скрестилъ руки, всталъ съ торжествующимъ видомъ и, оттолкнувъ ногою голову бѣлаго, распростертаго передъ нимъ, вскричалъ громкимъ голосомъ:

— Я былъ очень радъ возможности испытать, до чего можетъ дойти низость бѣлолицыхъ, уже наглядѣвшись, до чего можетъ дойти ихъ жестокость! Гражданинъ С***, тебѣ обязанъ я этимъ двойнымъ примѣромъ. Я знаю тебя! Какъ могъ ты быть настолько глупымъ, чтобы не замѣтить этого? Іюньскими, іюльскими и августовскими смертными казнями распоряжался ты; пятьдесятъ головъ чернокожихъ были посажены на колъ тобою, взамѣнъ пальмъ по обѣ стороны аллеи, ведущей къ твоему жилищу; точно такъ же ты хотѣлъ перерѣзать остальныхъ пятьсотъ негровъ колодниковъ, оставшихся въ твоей власти послѣ возстанія, и опоясать городъ Капъ невольничьими головами, отъ форта Пиколе до мыса Караколь. Если бы ты могъ, ты сдѣлалъ бы трофей изъ моей головы; а теперь ты считалъ бы счастьемъ для себя, чтобы я согласился взять тебя въ камердинеры. Нѣтъ! нѣтъ! я больше забочусь о твоей чести, чѣмъ ты самъ; я не нанесу тебѣ этого оскорбленія. Готовься къ смерти.

По его знаку негры положили рядомъ со мной бѣднаго негрофила, который, какъ подкошенный, безъ словъ упалъ къ погамъ Біассу.

XXXIV.

— Теперь очередь за тобой!—сказалъ вождь, обращаясь къ послѣднему изъ плѣнниковъ, тому колонисту, въ которомъ бѣлые подозрѣвали метиса и который вызывалъ меня на дуэль за это оскорбленіе.

Отвѣтъ колониста былъ заглушенъ всеобщимъ воплемъ мятежниковъ.

— Muerte! muerte! Смерть! Death! Touyé! touyé!—кричали они, скрежеща зубами и грозя кулаками несчастному плѣнному.

— Генералъ,—сказалъ одинъ изъ мулатовъ, выражавшійся яснѣе другихъ,—это бѣлолицый; онъ долженъ умереть!

Съ помощью усиленныхъ жестовъ и криковъ бѣдному плантатору удалось, наконецъ, произнести нѣсколько словъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! господинъ генералъ! нѣтъ, братья мои, я вовсе не бѣлолицый! Это гнусная клевета! Я мулатъ, какъ и вы, сынъ негритянки, какъ ваши матери и сестры!

— Онъ лжетъ!—говорили взбѣшенные негры.—Онъ изъ бѣлыхъ. Онъ всегда ненавидѣлъ чернокожихъ и мулатовъ.

— Никогда,—увѣрялъ плѣнникъ.—Я ненавижу бѣлолицыхъ. Я одинъ изъ вашихъ братьевъ. Я всегда говорилъ вмѣстѣ съ вами! *Негры—повелители, а бѣлолицые—рабы.*

— Нѣтъ! нѣтъ!—кричала толпа.—Убейте бѣлолицаго, убейте бѣлолицаго.

Несчастный продолжалъ жалобно:

— Я мулатъ! Я одинъ изъ вашихъ!

— Гдѣ доказательство?—сказалъ холодно Біассу.

— Доказательство,—отвѣчалъ тотъ внѣ себя отъ страха,—въ томъ, что бѣлые всегда меня презирали.

— Это, можетъ-быть, и правда, — возразилъ Біассу, — но ты дерзкій человѣкъ.

Какой-то молодой мулатъ съ живостью обратился къ колонисту:

— Бѣлолицые презирали тебя, это вѣрно; но зато ты выказывалъ явное презрѣніе къ мулатамъ, къ которымъ они тебя причисляли. Я слышалъ даже, что ты какъ-то разъ вызвалъ на дуэль одного бѣлаго, который упрекнулъ тебя въ принадлежности къ нашей кастѣ.

Въ негодующей толпѣ послышался общій ропотъ и еще болѣе громкія требованія его смерти покрыли оправданія колониста, который, бросая на меня искоса взоръ, полный разочарованія и мольбы, повторялъ, плача:

— Это клевета! Для меня нѣтъ иной чести и иного счастія, какъ принадлежать къ чернокожимъ. Я мулатъ.

— Если бы ты былъ, дѣйствительно, мулатъ,—замѣтилъ спокойно Риго,—ты не употреблялъ бы этого слова.

— Увы! знаю ли я толкомъ, что я говорю?—продолжалъ колонистъ.—Господинъ предводитель, взгляните на этотъ черный кругъ на моихъ ногтяхъ, доказывающій смѣшанность моей крови.

Біассу оттолкнулъ эту умоляющую руку.

Я не обладаю знаніемъ господина капеллана, угадывающаго людей по осмотру ихъ руки. Но слушай: наши солдаты обвиняютъ тебя, одни въ томъ, что ты изъ бѣлыхъ, другіе въ томъ, что ты только притворяешься ихъ братомъ. Если это такъ, то ты долженъ умереть. Ты же утверждаешь, что принадлежишь къ нашей кастѣ и что никогда не отрекался отъ нея. У тебя въ рукахъ всего одно средство доказать свои слова и спасти себя.

— Какое, генералъ, какое?—спросилъ съ поспѣшностью колонистъ.—Я готовъ.

— Вотъ оно,—сказалъ холодно Біассу.—Возьми этотъ кинжалъ и заколи имъ самъ этихъ двухъ бѣлыхъ плѣнныхъ.

Говоря это, онъ указывалъ на насъ глазами и рукой. Колонистъ отступилъ въ ужасѣ передъ кинжаломъ, который Біассу протягивалъ ему съ адской улыбкой.

– Ну, что же,—сказалъ вождь,—ты колеблешься? Однакоже, это единственное средство доказать, какъ мнѣ, такъ и моей арміи, что ты не бѣлый и что ты изъ нашихъ. Ну, рѣшайся же, ты отнимаешь у меня время.

Глаза плѣнника блуждали съ выраженіемъ страха. Онъ сдѣлалъ шагъ къ кинжалу, потомъ опустилъ руки и остановился, поникнувъ головой. Все тѣло его тряслось, какъ въ лихорадкѣ.

— Ну же!—вскричалъ Біассу тономъ нетерпѣнія и гнѣва.—Я тороплюсь. Выбирай: или убей ихъ самъ, или ты умрешь вмѣстѣ съ ними.

Колонистъ стоялъ неподвижно, точно окаменѣлый.

— Прекрасно!—сказалъ Біассу, оборачиваясь къ неграмъ.—Разъ онъ не хочетъ быть палачомъ, онъ будетъ самъ казненъ. Я вижу, что это бѣлый; уведите его.

Негры приготовились схватить колониста. Это движеніе рѣшило его выборъ между убійствомъ другого и собственной смертью. Крайняя низость имѣетъ также свое мужество. Онъ бросился на кинжалъ, который подавалъ ему Біассу, и, не давая себѣ времени на размышленіе, негодяй этотъ ринулся, какъ тигръ, на гражданина С***, лежавшаго подлѣ меня.

Тогда завязалась ужасная борьба. Негрофилъ, котораго развязка мучительнаго допроса Біассу повергла въ мрачное, тупое отчаяніе, хотя онъ и смотрѣлъ пристально на сцену между вождемъ и темнокожимъ плантаторомъ, но былъ до того поглощенъ страхомъ предстоявшей ему казни, что казалось, не понялъ смысла этой сцены; но когда онъ увидалъ ринувшагося на него колониста, когда кинжалъ засверкалъ надъ его головой, неизбѣжность опасности внезапно пробудила его. Онъ вскочилъ на ноги и остановилъ руку убійцы, воскликнувъ жалобнымъ голосомъ:

— Пощадите! пощадите! Чего вы хотите отъ меня? Что я вамъ сдѣлалъ?

— Вы должны умереть, сударь,—отвѣчалъ тотъ, стараясь высвободить руку и останавливая на своей жертвѣ растерянный взоръ.—Пустите меня дѣйствовать свободно, я не причиню вамъ боли.

— Умереть отъ вашей руки,—проговорилъ экономистъ,—но почему же? Пощадите меня! Быть-можетъ, вы злы на меня за то, что я сказалъ когда-то, что вы темнокожій? Но оставьте мнѣ жизнь, и я увѣряю васъ, что признаю васъ бѣлымъ. Да, вы бѣлый, я всюду это объявлю, но пощадите меня!

Негрофилъ ошибся въ выборѣ средства самозащиты.

— Молчи! молчи!—вскричалъ въ бѣшенствѣ темнокожій, страшась, какъ бы негры не услыхали этого заявленія.

Но тотъ, не слушая его, оралъ во всю глотку, что онъ бѣлый и даже изъ хорошаго рода. Колонистъ прибѣгнулъ къ послѣднему средству заставить его молчать,—съ силой раздвинулъ удерживавшія его руки и вонзилъ свой кинжалъ въ одежду гражданина С***. Несчастный почувствовалъ прикосновеніе кончика кинжала и вцѣпился съ яростью зубами въ руку, вонзавшую въ него кинжалъ.

— Извергъ! негодяй! ты убиваешь меня!

Онъ бросилъ взглядъ на Біассу.

— Защитите меня, мститель за человѣчество.

Но убійца сильно надавилъ на кинжалъ, и струя крови брызнула вокругъ его руки, до самаго его лица. Колѣни несчастнаго

негрофила внезапно подогнулись, руки упали, какъ плети, глаза потухли, изъ устъ вырвался глухой стонъ. И онъ упалъ мертвый.

XXXV.

Эта сцена, въ которой я тоже ожидалъ сыграть свою роль, привела меня въ оцѣпенѣніе, такъ велико было мое омерзѣніе. *Мститель за человѣчество* глядѣлъ, не сморгнувъ, на борьбу своихъ двухъ жертвъ. Когда все было кончено, онъ обратился къ своимъ перепуганнымъ пажамъ.

— Принесите мнѣ еще табаку,—сказалъ онъ и принялся снова спокойно жевать его.

Колдунъ и Риго не шевелились, и даже негры казались испуганными тѣмъ отвратительнымъ зрѣлищемъ, которое доставилъ имъ ихъ вождь.

Оставалось, однако же, зарѣзать еще одного бѣлаго, меня; теперь наступила моя очередь. Я взглянулъ на этого убійцу, которому предстояло стать моимъ палачомъ. И мнѣ стало его жаль. Губы его посинѣли, зубы стучали, онъ пошатывался отъ конвульсивной дрожи всего тѣла, а рука его то и дѣло поднималась машинально ко лбу, какъ бы для того, чтобы отереть съ него кровавые слѣды, и онъ глядѣлъ безумнымъ взоромъ на еще теплое тѣло, распростертое у его ногъ. Его блуждающіе глаза не могли оторваться отъ его жертвы.

Я ждалъ той минуты, когда онъ довершитъ моей смертью заданную ему задачу. Мое положеніе относительно этого человѣка было престранное; онъ ужъ чуть не убилъ меня разъ, для того, чтобы доказать, что онъ бѣлый, а теперь ему предстояло зарѣзать меня въ доказательство того, что онъ мулатъ.

— Ну, хорошо,—сказалъ Біассу,—я доволенъ тобой, другъ!—Взглянувъ мелькомъ на меня, онъ добавилъ:—Другого я тебѣ позволяю не убивать. Иди себѣ. Мы объявляемъ тебя добрымъ негромъ и назначаемъ тебя палачемъ при нашей арміи.

При этихъ словахъ вождя, изъ рядовъ вышелъ какой-то негръ, поклонился трижды Біассу и вскричалъ на своемъ жаргонѣ, который я перевожу для того, чтобы вамъ было понятно:

— Ну, а какъ же я, генералъ?

— Ты-то! Что ты хочешь сказать?—спросилъ Біассу.

— Развѣ вы не сдѣлаете ничего для меня, ваше превосходительство? — сказалъ негръ. — Вы даете повышеніе этому бѣлолицому псу, который рѣжетъ людей для того, чтобы его признали нашимъ. Развѣ вы не дадите повышенія и мнѣ, настоящему негру?

Эта неожиданная просьба точно смутила Біассу; онъ наклонился къ Риго, и тотъ сказалъ ему по-французски:

— Его нельзя удовлетворить, постарайтесь отклонить его просьбу.

— Дать тебѣ повышеніе?—сказалъ тогда Біассу.—Съ удовольствіемъ. Какого же чина тебѣ хочется?

— Я хотѣлъ бы быть офицеромъ.

— Офицеромъ!—повторилъ генералиссимусъ. — А, каковы же твои права на полученіе эполетъ?

— Я поджегъ домъ Магоссета въ самыхъ первыхъ числахъ августа,—сказалъ напыщенно негръ.—Я самъ зарѣзалъ г. Клемана, плантатора, и я же вздѣлъ на пику голову его сахаровара. Я перерѣзалъ десять бѣлыхъ женщинъ и семерыхъ маленькихъ дѣтей; одинъ изъ нихъ послужилъ даже значкомъ храбрымъ неграмъ Букмана. Потомъ я сжегъ четыре семьи колонистовъ въ одной изъ комнатъ форта Галифе, которую я заперъ на ключъ, прежде чѣмъ поджечь ее. Отецъ мой былъ колесованъ въ Капѣ, братъ былъ повѣшенъ въ Рокру и меня самого едва не разстрѣляли. Я сжегъ три кофейныхъ плантаціи, шесть плантацій индиго, двѣсти грядъ сахарнаго тростнику; я убилъ своего хозяина г. Ноэ, а его мать...

— Избавь насъ отъ своего послужного списка,—сказалъ Риго, притворное благодушіе котораго скрывало настоящую жестокость, но который, будучи свирѣпъ, соблюдалъ внѣшнюю пристойность и не переносилъ цинизма въ разбоѣ.

— Я могъ бы перечислить еще многое другое,—возразилъ съ гордостью негръ,—но вы, безъ сомнѣнія, найдете, что этого уже достаточно для того, чтобы заслужить чинъ офицера и носить золотые эполеты на курткѣ, какъ вотъ эти наши товарищи.

Онъ указывалъ на адъютантовъ и на штабъ Біассу. Генералиссимусъ какъ бы призадумался на минуту, а затѣмъ обратился важно къ негру со слѣдующими словами:

— Я былъ бы очень радъ дать тебѣ чинъ; я доволенъ твоей службой, но тутъ надобно еще нѣчто другое. Знаешь ли ты полатыни?

Изумленный разбойникъ выпучилъ глаза и сказалъ:

— Что такое, ваше превосходительство?

— Ну, да,—продолжалъ Біассу,—знаешь ли ты по-латыни?

— По... латыни?..—повторилъ пораженный негръ.

— Да, да, да, по-латыни! знаешь ли ты по-латыни? — продолжалъ хитрый вождь. И, развернувъ знамя, на которомъ былъ написанъ стихъ изъ псалма In exitu Israel de Aegypto [1]), онъ добавилъ:—Объясни намъ, что значатъ эти слова.

Внѣ себя отъ изумленія, негръ застылъ въ безмолвной неподвижности; рука его машинально мяла его передникъ, а глаза перебѣгали растерянно отъ генерала къ знамени и отъ знамени къ генералу.

— Ну, отвѣчай же!—сказалъ съ нетерпѣніемъ Біассу.

Негръ, почесавъ въ головѣ, открылъ и закрылъ нѣсколько разъ свой ротъ, а подъ конецъ уронилъ смущенно:

— Я не понимаю, что хочетъ сказать генералъ.

Лицо Біассу приняло внезапно выраженіе гнѣва и негодованія.

---

[1]) При исходѣ Израиля изъ Египта. (Пс. 113).

— Какъ! Мерзавецъ!—вскричалъ онъ.—Какъ! ты хочешь быть офицеромъ, а не знаешь по-латыни!

— Но, ваше превосходительство...—пробормоталъ негръ, сконфуженный и дрожащій.

— Молчать! — продолжалъ Біассу, повидимому, съ возрастающей запальчивостью.—Самъ не знаю, почему я не велю разстрѣлять тебя сейчасъ же за твою самонадѣянность. Можете вы себѣ представить, Риго, этого смѣшного офицера, который даже не знаетъ по-латыни? Ну, вотъ, негодяй, разъ ты не понимаешь, что написано на этомъ знамени, я сейчасъ тебѣ это объясню. In exitu, — всякій солдатъ, Israel, — не знающій по-латыни, de Aegypto,—не можетъ быть назначенъ офицеромъ. Вѣдь именно такъ, господинъ капелланъ?

Маленькій колдунъ сдѣлалъ утвердительный жестъ. Біассу продолжалъ:

— Этотъ братъ, котораго я назначилъ военнымъ палачомъ и которому ты завидуешь, знаетъ по-латыни.

Онъ обернулся къ новому палачу.

— Не правда ли, другъ? Докажите этому животному, что вы ученѣе его. Что значитъ Dominus vobiscum?

Несчастный темнокожій колонистъ, выведенный изъ своей мрачной задумчивости этимъ грознымъ голосомъ, поднялъ голову, и, хотя умъ его былъ еще подавленъ только что совершеннымъ имъ подлымъ убійствомъ, страхъ заставилъ его повиноваться. Было что-то странное въ лицѣ этого человѣка, пытавшагося припомнить школьные уроки, тогда какъ его давили странныя мысли и угрызенія совѣсти, а также и въ томъ мрачномъ тонѣ, которымъ онъ далъ требуемое объясненіе:

— Dominus vobiscum... это значитъ: Господь да будетъ съ вами!

— Et cum spiritu tuo! [1])—добавилъ торжественно загадочный колдунъ.

— Amen,—сказалъ Біассу. Потомъ онъ снова заговорилъ гнѣвнымъ тономъ, и, пересыпая свои притворно гнѣвныя слова плохими латинскими фразами, въ духѣ Сганареля, чтобы убѣдить негровъ въ учености ихъ вождя, закричалъ честолюбивому негру:— Вернись послѣднимъ въ ряды. Sursum corda! [2]) И не смѣй больше претендовать на то, чтобы возвыситься до твоихъ начальниковъ, знающихъ по-латыни, — orate, fratres [3]), — или я велю тебя повѣсить! Bonus, bona, bonum!

Негръ, и восхищенный и устрашенный, вернулся на свое мѣсто, со стыдомъ понуривъ голову, посреди общихъ свистковъ товарищей, негодовавшихъ на него за его неосновательныя претензіи и таращившихъ восторженные глаза на своего ученаго генералиссимуса.

---

[1]) И со духомъ твоимъ.
[2]) Горѣ имѣимъ сердца!
[3]) Молитесь, братья!

Въ этой сценѣ была своя комическая сторона, окончательно, однако, внушившая мнѣ высокое мнѣніе о ловкости Біассу. Смѣшное средство, къ которому онъ прибѣгнулъ съ такимъ успѣхомъ, чтобы разбить на-голову честолюбивые замыслы, всегда столь требовательные въ средѣ мятежныхъ шаекъ, дало мнѣ сразу понятіе и о тупости негровъ и о ловкости ихъ предводителя.

XXXVI.

Тѣмъ временемъ наступилъ часъ завтрака Біассу. Передъ *генералъ-майоромъ его католическаго величества* поставили большой черепашій щитъ, въ которомъ дымилась какая-то olla podrida, щедро приправленная ломтями сала, гдѣ черепашье мясо замѣняло мясо ягненка, а пататы—турецкій горохъ. Огромный кочанъ караибской капусты плавалъ поверхъ этой смѣси. По обѣ стороны черепашьяго щита, служившаго заразъ и котломъ и миской, стояли два сосуда изъ кокосовой коры, наполненные изюмомъ, арбузами, иньямомъ и смоквами; это былъ десертъ. Маисовый хлѣбъ и козій мѣхъ, наполненный виномъ, довершали сервировку трапезы. Біассу вынулъ изъ кармана нѣсколько головокъ чесноку и самъ намазалъ имъ хлѣбъ; а потомъ, даже не приказавъ убрать еще теплый трупъ, лежавшій передъ его глазами, сталъ ѣсть и предложилъ Риго раздѣлить съ нимъ завтракъ. Въ аппетитѣ Біассу было что-то страшное.

Колдунъ не участвовалъ въ трапезѣ. Я понялъ, что, какъ всѣ ему подобные, онъ никогда не ѣлъ при людяхъ, для того, чтобы внушить неграмъ, что онъ существо сверхъестественное и существуетъ безъ пищи.

Продолжая завтракать, Біассу приказалъ одному изъ адъютантовъ приступить къ смотру, и шайки стали проходить въ полномъ порядкѣ передъ пещерой. Негры Красной Горы прошли первыми; ихъ было около четырехъ тысячъ, раздѣленныхъ на тѣсные взводы, предводительствуемые начальниками, украшенными, какъ я ужъ говорилъ, короткими штанами или красными поясами. У этихъ негровъ, которые были почти всѣ высоки ростомъ и сильны, имѣлись ружья, топоры и сабли; многіе изъ нихъ были вооружены луками, стрѣлами и кинжалами, которые они выковали для себя сами, за недостаткомъ другого оружія. Знамени у нихъ не было и они шли шагомъ, съ удрученнымъ видомъ.

Глядя на прохожденіе этого сброда, Біассу нагнулся къ уху Риго и сказалъ ему по-французски:

— Когда же картечь Бланшланда и Руврэ избавитъ меня отъ этихъ бандитовъ Красной Горы? Я ихъ ненавижу; они принадлежатъ почти всѣ къ расѣ Конго! Кромѣ того, они умѣютъ убивать только въ сраженіи; они слѣдовали примѣру своего болвана вождя, своего кумира Бюгъ-Жаргаля, молодого безумца, желавшаго быть великодушнымъ. Вы его не знаете, Риго, и надѣюсь, что никогда не узнаете. Бѣлые взяли его въ плѣнъ и избавятъ меня отъ него, какъ они избавили меня отъ Букмана.

— Кстати о Букманѣ,—отвѣчалъ Риго.—Вотъ проходятъ бѣлые негры изъ Макайи, и я вижу въ ихъ рядахъ того негра, котораго прислалъ къ вамъ Жанъ-Франсуа, чтобы извѣстить васъ о смерти Букмана. Знаете ли вы, что этотъ человѣкъ можетъ уничтожить все впечатлѣніе предсказаній колдуна о кончинѣ этого вождя, если ему вздумается разсказать, что его задержали полчаса на аванъ-постахъ, и что онъ передалъ мнѣ свое извѣстіе раньше, чѣмъ вы приказали его позвать?

— Diabolo!—сказалъ Біассу.—Вы правы, мой милый, надо заткнуть глотку этому человѣку. Постойте!

И, возвысивъ голосъ, онъ крикнулъ:

— Макайя!

Начальникъ бѣлыхъ негровъ приблизился къ нему и отдалъ ему почтительно честь своимъ мушкетономъ съ широкимъ дуломъ.

— Вызовите изъ рядовъ,—сказалъ Біассу,—вотъ того негра, который стоитъ тамъ и которому не мѣсто въ вашихъ рядахъ.

Это былъ вѣстникъ Жана-Франсуа. Макайя подвелъ его къ генералиссимусу, лицо котораго приняло внезапно то выраженіе гнѣва, которое онъ умѣлъ притворно принимать.

— Кто ты такой?—спросилъ онъ у опѣшившаго негра.

— Ваше превосходительство, я негръ.

— Caramba! это я вижу! Но какъ тебя зовутъ?

— Прозвище мое Вaвеламъ; а мой патронъ на небѣ святой Савва, діаконъ и мученикъ, котораго празднуютъ въ двадцатый день до Рождества Христова.

Біассу прервалъ его:

— Какъ осмѣлился ты явиться на парадъ, посреди блестящихъ мушкетоновъ и бѣлыхъ портупей со своей саблей безъ ноженъ, въ разорванныхъ штанахъ и съ грязными ногами?

— Ваше превосходительство,—отвѣчалъ негръ,—это не моя вина. Генералъ-адмиралъ Жанъ-Франсуа поручилъ мнѣ принести вамъ извѣстіе о смерти Букмана; и если одежда моя изорвана, а ноги грязны, такъ это потому, что я спѣшилъ къ вамъ съ этой вѣстью, не переводя духа: но меня задержали въ лагерѣ и...

Біассу нахмурилъ брови.

— Дѣло не въ этомъ, gavacho! Но какъ ты осмѣлился присутствовать на смотру въ такомъ видѣ! Поручи свою душу святому Саввѣ, діакону и мученику, твоему патрону. Иди и вели себя разстрѣлять!

Здѣсь я увидѣлъ еще одно доказательство нравственной власти Біассу надъ мятежниками. Несчастный, которому велѣли самому итти на разстрѣляніе, не позволилъ себѣ ни единаго слова ропота; онъ поникъ головой, скрестилъ на груди руки, поклонился три раза своему безжалостному судьѣ и, преклонивъ колѣни передъ колдуномъ, который преважно далъ ему краткое разрѣшеніе отъ грѣховъ, вышелъ изъ пещеры. Нѣсколько минутъ спустя, ружейный залпъ возвѣстилъ Біассу, что негръ повиновался и окончилъ свое существованіе..

Избавившись отъ всякаго безпокойства, съ этой стороны, вождь обернулся къ Риго, со сверкающимъ отъ удовольствія взоромъ, и съ торжествующей усмѣшкой, какъ бы говорившей: восхищайтесь!

XXXVII.

Между тѣмъ, смотръ продолжался. Это войско, безпорядочный видъ котораго представлялъ мнѣ такое необычайное зрѣлище за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, было не менѣе необычайно и подъ ружьемъ. То проходили совершенно обнаженные негры, вооруженные палицами, томагавками, кастетами, маршировавшіе подъ звуки рожка, какъ дикари; то проходили батальоны мулатовъ, одѣтые по-испански или по-англійски, хорошо воруженные и дисциплинированные, мѣрно маршировавшіе подъ барабанный бой; или появлялись толпы негритянокъ и маленькихъ негровъ, вооруженныхъ вилами и веретенами; шли старые, негодные къ службѣ негры, согнувшись подъ старыми ружьями безъ курковъ и безъ дула; шли гріоты въ своихъ пестрыхъ украшеніяхъ, гримасничая и кривляясь, напѣвая непонятныя пѣсни подъ звукъ гитары, тамъ-тама или балафо. Эта странная процессія порой прерывалась самыми сбродными отрядами различныхъ темнокожихъ расъ, мараби, сакатра, квартероновъ, маменюковъ, свободныхъ мулатовъ, или бродячими шайками бѣглыхъ негровъ, съ гордой осанкой, съ блестящими карабинами, тащившими за собой нагруженныя тачки или отнятую у бѣлыхъ пушку, служившую имъ менѣе орудіемъ, чѣмъ трофеемъ, и горланившихъ, что было мочи, гимны лагеря, Большого Луга или Уа-Нассе. Надъ всѣми этими головами развѣвались знамена всѣхъ цвѣтовъ, съ разными девизами, бѣлыя, красныя, трехцвѣтныя, украшенныя лиліями или увѣнчанныя фригійскимъ колпачкомъ, съ разными надписями: *Смерть священникамъ и аристократамъ! Да здравствуетъ религія! Свобода! Равенство! Да здравствуетъ король!—Долой метрополію!*—Viva Espana! *Нѣтъ болѣе тирановъ!* и т. д. Подозрительное смѣшеніе, доказывавшее, что всѣ силы мятежниковъ были лишь безцѣльнымъ скопищемъ и что въ этомъ войскѣ царилъ не меньшій безпорядокъ зъ мысляхъ, чѣмъ во внѣшности солдатъ.

Проходя по очереди передъ пещерой, шайки склоняли свои знамена, и Біассу отвѣчалъ на поклоны. Онъ обращался къ каждому отряду съ какимъ-нибудь выговоромъ или съ похвалой; и всякое слово, падавшее изъ его устъ, строгое или лестное, принималось его людьми съ фанатическимъ почтеніемъ и съ какимъ-то суевѣрнымъ страхомъ.

Наконецъ, этотъ потокъ варваровъ и дикарей прошелъ. Признаюсь, что зрѣлище столькихъ разбойниковъ, вначалѣ развлекавшее меня, теперь меня тяготило. Между тѣмъ, день склонялся къ вечеру, и вь ту минуту, какъ проходили послѣдніе ряды, солнце кидало уже только мѣдно-красный отблескъ на гранитную верхушку восточныхъ горъ.

XXXVIII.

Біассу казался задумчивымъ, когда смотръ былъ конченъ и онъ отдалъ свои послѣднія приказанія; а когда всѣ мятежники вернулись въ свои землянки, онъ обратился ко мнѣ.

— Молодой человѣкъ,—сказалъ онъ мнѣ,—ты успѣлъ убѣдиться въ моемъ геніи и въ моемъ могуществѣ. Теперь наступилъ для тебя часъ дать въ этомъ отчетъ Всевышнему.

— Не моя вина въ томъ, что часъ этотъ не наступилъ раньше,—отвѣчалъ я ему холодно.

— Ты правъ,—возразилъ Біассу. Онъ пріостановился на минуту, какъ бы высматривая на моемъ лицѣ дальнѣйшія слова, и добавилъ:—Но отъ тебя одного зависитъ, чтобы онъ не наступилъ вовсе.

— Какъ! — вскричалъ я, удивленный. — Что ты хочешь сказать?

— Да,—продолжалъ Біассу,—жизнь твоя зависитъ отъ тебя; ты можешь спасти ее, если захочешь.

Этотъ порывъ милосердія, первый и, вѣроятно, послѣдній, проявленный когда-либо Біассу, показался мнѣ чудомъ. Колдунъ, удивленный какъ и я, сорвался съ сѣдалища, гдѣ онъ такъ долго пребывалъ въ одной и той же экстатической позѣ, по модѣ индійскихъ факировъ. Онъ всталъ противъ генералиссимуса и гнѣвно возвысилъ голосъ:

— Что говоритъ преславнѣйшій сеньоръ генералъ-майоръ? Помнитъ ли онъ то, что онъ мнѣ обѣщалъ? Онъ уже не можетъ, какъ не можетъ и Самъ Господь Богъ, располагать этой жизнью; она принадлежитъ мнѣ.

Въ эту минуту, услышавъ этотъ гнѣвный тонъ, мнѣ опять показалось, что я встрѣчалъ раньше этого проклятаго карлика; но то была неуловимая минута и ничего она мнѣ не освѣтила.

Біассу всталъ, не волнуясь, поговорилъ съ минуту шопотомъ съ чародѣемъ, указалъ ему на черное знамя, уже замѣченное мною, и обмѣнялся съ нимъ нѣсколькими словами; колдунъ кивнулъ головой сверху внизъ и поднялъ ее снизу вверхъ въ знакъ согласія. И тогда оба вновь усѣлись на свои мѣста и приняли прежнія позы.

— Слушай,—сказалъ мнѣ генералиссимусъ, вынимая изъ кармана своей куртки вторую депешу Жана-Франсуа, спрятанную имъ:—дѣла наши идутъ плохо; Букманъ погибъ въ сраженіи. Бѣлые истребили двѣ тысячи возставшихъ въ одной провинціи негровъ, колонисты продолжаютъ укрѣпляться и покрывать равнину военными постами; мы, по своей винѣ, прозѣвали возможность взять Капъ; она долго не представится вновь. Съ восточной стороны главная дорога пересѣкается рѣкой; желая помѣшать ее перейти, бѣлые устроили тамъ понтонную батарею и разбили на каждомъ берегу по небольшому лагерю. На югѣ проходитъ большая дорога, идущая по гористой мѣстности, называемой верхнимъ Капомъ;

тамъ они поставили войско и орудія. Позиція укрѣплена также и со стороны земли крѣпкимъ заборомъ изъ кольевъ, надъ которымъ трудились всѣ обитатели и прибавили къ нему еще рогатки. Такимъ образомъ, Капъ внѣ нашего нападенія, наша засада въ ущельяхъ Укротителя Мулатовъ не удалась. Ко всѣмъ нашимъ неуспѣхамъ присоединяется еще сіамская лихорадка, опустошающая лагерь Жана-Франсуа. Вслѣдствіе этого генералъ-адмиралъ Франціи думаетъ, и мы раздѣляемъ его мнѣніе, что слѣдуетъ вступить въ переговоры съ губернаторомъ Бланшландомъ и съ колоніальнымъ собраніемъ. Вотъ письмо, съ которымъ мы обращаемся по этому поводу къ собранію. Слушай!

«Господа депутаты!

«Великія бѣды постигли эту богатую и значительную колонію; онѣ распространились и на насъ, и намъ ничего больше не остается сказать въ свое оправданіе. Когда-нибудь придетъ день, когда вы отдадите намъ всю ту справедливость, которой заслуживаетъ наше положеніе. Мы должны быть включены въ общую амнистію, провозглашенную Людовикомъ XVI для всѣхъ, безъ различія.

«Въ противномъ же случаѣ, такъ какъ король Испаніи—добрый король, хорошо обращающійся съ нами и *оказывающій намъ награды*, мы будемъ продолжать служить ему ревностью и преданностью.

«Мы видимъ по закону 28 сентября 1791 года, что національное собраніе и король даютъ вамъ право опредѣлять окончательно гражданское состояніе лицъ не свободныхъ и политическое состояніе темнокожихъ. Мы станемъ защищать декреты національнаго собранія и ваши декреты, облеченные въ законную форму, до послѣдней капли нашей крови. Было бы даже хорошо, если бы вы *объявили*, посредствомъ постановленія, утвержденнаго господиномъ генераломъ, что вы намѣрены заняться судьбой невольниковъ. Зная, что они—предметъ вашихъ заботъ, о чемъ они узнали бы черезъ своихъ вождей, которымъ вы переслали бы эту бумагу, они были бы удовлетворены, и нарушенное равновѣсіе быстро возстановилось бы.

«Однако, не разсчитывайте, господа представители, чтобы мы согласились вооружиться для исполненія желаній революціонныхъ собраній. Мы—подданные трехъ королей: короля Конго, прирожденнаго повелителя всѣхъ негровъ; короля Франціи, представляющаго нашихъ отцовъ, и короля Испаніи, представляющаго нашихъ матерей. Эти три короля—потомки тѣхъ людей, которые, руководимые звѣздою, ходили поклониться Богочеловѣку. Если бы мы стали служить собраніямъ, мы были бы, пожалуй, вовлечены въ войну противъ нашихъ братьевъ, подданныхъ этихъ трехъ королей, которымъ мы клялись въ вѣрности.

«Къ тому же, мы не знаемъ, что подразумѣвается подъ волею націи, потому что, *съ тѣхъ поръ, какъ миръ царитъ*, мы исполняли только волю короля. Французскій государь насъ любитъ. Испанскій государь постоянно намъ помогаетъ. Мы помогаемъ

имъ, а они намъ; это интересы человѣчества. Впрочемъ, если бы мы лишились величествъ, мы скорехонько опять *посадили бы короля.*

Таковы наши намѣренія. На этихъ условіяхъ мы согласимся заключить миръ.

Подписались: Жанъ-Франсуа, генералъ; Біассу, генералъ-майоръ; Дерпе, Манзо, Туссэнъ, Оберъ, комиссары ad hoc».

— Видишь,—добавилъ Біассу по прочтеніи этого образчика негритянской дипломатіи, врѣзавшейся слово въ слово въ мою память,—ты видишь, что мы люди миролюбивые. Слушай, чего я хочу отъ тебя. Ни Жанъ-Франсуа ни я не были воспитаны въ школахъ бѣлыхъ, гдѣ учатся красно говорить. Мы умѣемъ драться, но не умѣемъ писать. Однако, мы не желаемъ, чтобы въ нашемъ посланіи къ собранію осталось бы что-либо такое, что возбудило бы высокомѣрныя насмѣшки нашихъ прежнихъ повелителей. Повидимому, ты обученъ этой суетной наукѣ, которой недостаетъ намъ. Исправь тѣ ошибки въ нашей депешѣ, которыя могли бы возбудить смѣхъ бѣлолицыхъ; взамѣнъ я дарю тебѣ жизнь.

Въ этой роли корректора дипломатическихъ ошибокъ Біассу было что-то до того противное моей гордости, что я не могъ колебаться ни одной минуты. Къ тому же, на что была мнѣ жизнь? Я отвергъ это предложеніе.

Онъ казался удивленнымъ.

— Какъ!—вскричалъ онъ.—Ты предпочитаешь лучше умереть, чѣмъ исправить нѣсколько словъ на клочкѣ пергамента?

— Да,—отвѣчалъ я ему.

Повидимому, мое рѣшеніе его смущало. Онъ сказалъ мнѣ, подумавъ съ минуту:

- Послушай, юный безумецъ, я менѣе упрямъ, чѣмъ ты. Я даю тебѣ отсрочку до завтрашняго вечера, а ты подумай хорошенько; завтра, на закатѣ солнца, тебя снова приведутъ ко мнѣ. Приготовься удовлетворить мое желаніе. Прощай. Утро вечера мудренѣе. Но помни, что у насъ смерть не есть просто смерть.

Смыслъ этихъ послѣднихъ словъ, сопровождавшихся совершенно недвусмысленнымъ смѣхомъ, былъ ясенъ; я прекрасно зналъ, что Біассу имѣлъ обыкновеніе изобрѣтать страшныя пытки для своихъ жертвъ.

— Уведите плѣнника, Канди,—продолжалъ Біассу,—отдайте его подъ стражу неграмъ Красной Горы; я хочу, чтобы онъ прожилъ еще сутки, а мои остальные солдаты, чего добраго, не имѣли бы терпѣнія подождать двадцать четыре часа.

Мулатъ Канди, начальникъ его конвоя, приказалъ скрутить мнѣ руки. Одинъ изъ солдатъ взялся за кончикъ веревки, и мы вышли изъ пещеры.

XXXIX.

Когда необычныя событія, потрясенія и катастрофы обрушиваются на васъ внезапно, среди счастливой и обаятельно-однообразной жизни, то эти неожиданныя трёволненія и превратности

судьбы вдругъ пробуждаютъ отъ сна душу, дремавшую въ тиши монотоннаго благополучія. Но несчастіе, постигающее васъ подобнымъ образомъ, кажется не пробужденіемъ, а только сномъ. Для того, кто былъ всегда счастливъ, отчаяніе начинается съ удивленія. Непредвидѣнная бѣда похожа на торпеду; она встряхиваетъ, но погружаетъ въ оцѣпенѣніе, и грозный свѣтъ, проливаемый внезапно ею передъ нашими глазами, не есть дневной свѣтъ. Люди, предметы, событія—все это проходитъ передъ нами въ какомъ-то фантастическомъ видѣ, все это движется точно во снѣ. Все измѣняется на горизонтѣ нашего существованія, какъ атмосфера, такъ и перспектива; но проходитъ не мало времени, прежде чѣмъ наши глаза отвыкнутъ отъ свѣтлаго образа прошлаго, какъ бы слѣдующаго за нами, непрестанно становящагося между нашими глазами и мрачной дѣйствительностью, что мѣняетъ ея окраску и придаетъ ей что-то фальшивое. И тогда все то, что есть, кажется намъ невозможнымъ и безсмысленнымъ; мы едва вѣримъ своему собственному существованію, потому что, не видя болѣе вокругъ себя ничего изъ того, что составляло наше существо, мы не понимаемъ, какъ могло все это исчезнуть, не увлекши насъ за собой, и почему отъ всей нашей жизни остались только мы сами. Когда подобное душевное состояніе длится долго, то это нарушаетъ равновѣсіе мышленія и превращается въ безуміе; быть-можетъ, это послѣднее состояніе есть счастіе, потому что для такого несчастнаго самая жизнь превращается лишь въ волшебное видѣніе, а самъ онъ—въ призракъ

XL.

Самъ не знаю, господа, зачѣмъ я вамъ все это высказываю. Это не такія мысли, которыя понятны всякому и которыя можно пояснять. Ихъ надо перечувствовать, и я ихъ перечувствовалъ. Все это составляло мое душевное состояніе въ ту минуту, когда конвой Біассу передавалъ меня неграмъ Красной Горы. Мнѣ казалось, что какіе-то призраки передаютъ меня другимъ призракамъ, и я, не оказывая никакого сопротивленія, далъ привязать себя за талію къ стволу дерева. Они принесли мнѣ нѣсколько пататъ, сваренныхъ въ водѣ, и я съѣлъ ихъ съ той машинальной инстинктивностью, которую Богъ, по благости Своей, поддерживаетъ въ человѣкѣ, какъ бы ни былъ умъ его озабоченъ.

Тѣмъ временемъ ночь наступала, мои стражи разошлись по своимъ землянкамъ и подлѣ меня осталось всего шестеро человѣкъ, сидѣвшихъ или лежавшихъ у большого костра, разведеннаго ими отъ ночного холода. Черезъ нѣсколько минутъ всѣ они крѣпко уснули.

Мое тогдашнее физическое изнеможеніе не мало способствовало тому, что я впалъ въ этотъ неопредѣленный бредъ. Я припоминалъ ясные, однообразные дни, проводимые мною, всего нѣсколько недѣль тому назадъ, подлѣ Маріи, когда въ будущемъ я даже не предполагалъ иной возможности, кромѣ возможности вѣч-

наго счастья. Я сравнивалъ эти дни съ только что истекшимъ днемъ, въ теченіе котораго передо мною прошло столько странныхъ картинъ, какъ бы для того, чтобы я усомнился въ возможности существованія всего этого, съ днемъ, въ теченіе котораго я былъ три раза приговоренъ къ смерти и все-таки не былъ окончательно спасенъ. Я вдумывался въ мое ближайшее будущее, состоявшее теперь всего изъ одного дня и не представлявшее мнѣ ничего вѣрнаго, кромѣ муки и смерти, впрочемъ, по счастью, недалекой. Мнѣ чудилось, что я борюсь съ какимъ-то страшнымъ кошмаромъ. Я спрашивалъ себя, возможно ли, что все сегодня происшедшее прошло, что все окружающее меня не что иное, какъ лагерь кровожаднаго Біассу, что Марія навсегда потеряна для меня, и что этотъ плѣнникъ, котораго стерегутъ шестеро варваровъ, который связанъ и обреченъ на вѣрную смерть, этотъ самый плѣнникъ, на котораго падаетъ свѣтъ разбойничьихъ костровъ,—это я самъ. И, несмотря на всѣ мои усилія избавиться отъ преслѣдованія еще болѣе мучительной мысли, сердце мое все возвращалось къ думѣ о Маріи. Я тревожился объ ея судьбѣ и, хотя крѣпко связанный, напрягалъ всѣ свои силы, точно собираясь летѣть къ ней на помощь, все еще надѣясь, что этотъ отвратительный сонъ разсѣется, и что Богъ не попуститъ, чтобы всѣ тѣ ужасы, на которыхъ я не смѣлъ даже останавливать свои мысли, могли постичь ангела, даннаго Имъ мнѣ въ жены. Скорбныя думы смѣняли одна другую; снова мнѣ припомнился Пьерро, и въ душѣ моей поднялось бѣшенство, граничившее съ помѣшательствомъ; казалось, жилы на моемъ лбу были готовы лопнуть; я ненавидѣлъ, проклиналъ, презиралъ себя за то, что хоть одну минуту связалъ съ моей любовью къ Маріи дружбу къ Пьерро, и, не пытаясь разобрать, какая причина могла заставить его кинуться въ вѣчныя войны, я жалѣлъ, что не убилъ его. Онъ умеръ, скоро умру и я; единственно о чемъ я жалѣлъ теперь, это о томъ, что я не отомстилъ.

Все это волновало меня, несмотря на тотъ полусонъ, въ который я погрузился отъ полнаго изнеможенія. Не знаю, сколько времени продолжался этотъ полусонъ, но я былъ внезапно вырванъ изъ своего забытья звукомъ мужественнаго голоса, ясно, хотя еще и гдѣ-то далеко напѣвавшаго *я контрабандистъ*. Вздрогнувъ, я открылъ глаза; было темно, негры спали, огонь потухалъ. Теперь я больше ничего не слышалъ; подумавъ, что голосъ этотъ послышался мнѣ просто во снѣ, я снова опустилъ свои отяжелѣвшія вѣки. Но я ихъ вторично поспѣшно открылъ, потому что голосъ раздался вновь, печально напѣвая приблизительно слѣдующій куплетъ какого-то испанскаго романса:

Какъ попался я въ плѣнъ
Въ Оканьянскихъ поляхъ;
Въ Котадилью я взятъ,
И несчастенъ я тамъ!

Нѣтъ, это былъ ужъ не сонъ. Это былъ голосъ Пьерро! А еще черезъ минуту онъ раздался опять во мракѣ и туманѣ, и вторично

пропѣлъ, почти надъ самымъ моимъ ухомъ, знакомый мотивъ: *Я—контрабандистъ!* У ногъ моихъ радостно терся большой догъ, и это былъ «Раскъ». Я поднялъ глаза. Передо мною стоялъ негръ и свѣтъ отъ костра бросалъ рядомъ съ собакой его колоссальную тѣнь; это былъ Пьерро. Меня охватило желаніе мести; отъ удивленія я не могъ ни пошевелиться ни заговорить. Я не спалъ. Какъ! Мертвые воскресаютъ! То былъ ужъ не сонъ, а видѣніе. Я отвернулся съ гадливымъ чувствомъ. При этомъ видѣ онъ поникъ головой.

— Братъ,—прошепталъ онъ тихимъ голосомъ,—ты обѣщалъ мнѣ никогда не сомнѣваться во мнѣ, когда я запою эту пѣсню; братъ, скажи, ты забылъ свое обѣщаніе?

Гнѣвъ вернулъ мнѣ даръ слова.

— Извергъ!—вскричалъ я.—Наконецъ-то ты опять передо мной! Палачъ, убійца дяди, похититель Маріи, какъ ты смѣешь называть меня своимъ братомъ? Не подходи ко мнѣ!

Я забылъ, что связанъ такъ, что не могу сдѣлать почти ни одного движенія. Я невольно опустилъ глаза, точно ища своей сабли у себя на боку. Это очевидное намѣреніе поразило его, и лицо его приняло взволнованное, но мягкое выраженіе

— Нѣтъ, — сказалъ онъ, — я не подойду. Ты несчастенъ и мнѣ тебя жаль; ты же меня не жалѣешь, хотя я несчастнѣе тебя.

Я пожалъ плечами. Онъ понялъ этотъ нѣмой упрекъ и взглянулъ на меня съ задумчивымъ видомъ.

— Да, ты лишился многаго; но, повѣрь мнѣ, я лишился большаго, чѣмъ ты.

Между тѣмъ, голоса наши разбудили сторожившихъ меня шестерыхъ негровъ. При видѣ посторонняго человѣка они поспѣшно вскочили, схватившись за оружіе, но едва взгляды ихъ остановились на Пьерро, какъ у нихъ вырвался крикъ изумленія и радости, и они пали ницъ, стукаясь лбами о землю.

Но ни знаки почтенія этихъ негровъ по адресу Пьерро ни ласки «Раска», перебѣгавшаго отъ своего хозяина ко мнѣ, при чемъ онъ смотрѣлъ на меня съ тревогой, точно удивленный оказываемымъ ему мной холоднымъ пріемомъ, ничто въ эту минуту не производило на меня впечатлѣнія. Меня всецѣло обуревало бѣшенство, безсильное, благодаря связывавшей меня веревкѣ.

— О!—вскричалъ я, наконецъ, плача отъ ярости подъ удерживавшими меня путами.—О! Какъ я несчастенъ! Я жалѣлъ было о томъ, что этотъ негодяй наказалъ себя самъ; я считалъ его умершимъ и былъ въ отчаяніи, что не могу отомстить ему. А теперь онъ является самъ издѣваться надо мною; вотъ онъ, живой, у меня на глазахъ, и я не могу имѣть счастья заколоть его! О! Кто избавитъ меня отъ этихъ гнусныхъ минутъ?

Пьерро обернулся къ неграмъ, все еще распростертымъ передъ нимъ.

— Товарищи,—сказалъ онъ,—развяжите плѣнника!

XLI.

Ему сейчасъ же повиновались. Мои шестеро сторожей съ поспѣшностью перерѣзали связывавшія меня веревки. Я выпрямился, свободный теперь, но не шевелился; теперь меня сковывало изумленіе.

— Это не все,—сказалъ тогда Пьерро и, вырвавъ у одного изъ негровъ его кинжалъ, онъ подалъ его мнѣ, говоря:—Утоли свое желаніе. Богъ свидѣтель, что я нимало не оспариваю у тебя право располагать моей жизнью. Ты мнѣ спасъ ее трижды; теперь она вполнѣ принадлежитъ тебѣ; убей меня, если ты этого хочешь!

Въ голосѣ его не слышалось ни упрека ни горечи. Въ немъ звучали только грусть и покорность судьбѣ.

Эта неожиданная возможность мести, вдругъ предоставленная мнѣ самымъ предметомъ этой мести, заключала въ себѣ что-то черезчуръ ужъ странное и легкое. Я почувствовалъ, что всей моей ненависти къ Пьерро, всей моей любви къ Маріи, было недостаточно для того, чтобы подвигнуть меня на убійство; впрочемъ, невзирая на всѣ внѣшніе признаки, какой-то внутренній голосъ кричалъ мнѣ изъ самаго тайника души, что никогда врагъ или виновный человѣкъ не идетъ такъ прямо навстрѣчу мести и наказанію. Наконецъ, скажу вамъ, что въ томъ властномъ престижѣ, который окружалъ это необыкновенное существо, заключалось что-то такое, что покоряло даже меня въ эту минуту, совершенно вопреки моей волѣ. Я оттолкнулъ кинжалъ.

— Несчастный,—сказалъ я ему,—я хочу убить тебя на поединкѣ, а не зарѣзать, какъ убійца. Защищайся!

— Чтобы я защищался!—отвѣчалъ онъ съ удивленіемъ.—Но противъ кого?

— Противъ меня!

Онъ сдѣлалъ изумленный жестъ.

— Противъ тебя? Это единственное въ чемъ я не могу тебѣ повиноваться. Видишь «Раска»? Я могу его зарѣзать и онъ дастъ себя зарѣзать, но заставить его бороться противъ меня я не могу, онъ не понялъ бы даже, чего я отъ него хочу. Я тебя не понимаю; для тебя я «Раскъ».

Онъ добавилъ послѣ небольшого молчанія:

— Я читаю въ глазахъ твоихъ ненависть, подобно тому, какъ ты могъ однажды прочесть ее въ моихъ глазахъ. Я знаю, что тебя постигли большія бѣды, дядю твоего умертвили, нивы твои сожгли, друзей перерѣзали; дома твои разграбили, наслѣдство твое уничтожили; но сдѣлалъ это не я, а мои сородичи. Слушай, я говорилъ тебѣ какъ-то, что твои сородичи сдѣлали мнѣ много зла, ты мнѣ отвѣчалъ, что не ты причинилъ мнѣ это зло; что̀ я тебѣ тогда отвѣчалъ?

Лицо его прояснилось; онъ ожидалъ, что я упаду въ его объятія. Я посмотрѣлъ на него съ суровымъ видомъ.

— Ты отрекаешься отъ всего того, что сдѣлали мнѣ твои сородичи,—сказалъ я ему со злобой,—и не заикаешься о томъ, что ты мнѣ сдѣлалъ самъ!

— Что же именно?—спросилъ онъ.

Я стремительно подошелъ къ нему и сказалъ громовымъ голосомъ:

— Гдѣ Марія?—Что ты сдѣлалъ съ Маріей?

При этомъ имени по челу его прошло облако грусти; онъ казался смущеннымъ. Наконецъ, онъ отвѣчалъ:

— *Марія*! Да, ты правъ... Но вокругъ насъ слишкомъ много ушей.

Его замѣшательство, эти слова *ты правъ*, снова зажгли въ сердцѣ моемъ адское пламя. Мнѣ показалось, что онъ обходитъ мой вопросъ. Въ эту минуту онъ взглянулъ на меня со своимъ открытымъ видомъ и сказалъ мнѣ съ глубокимъ волненіемъ:

— Не подозрѣвай меня, умоляю тебя. Я скажу тебѣ все въ другомъ мѣстѣ. Лучше люби меня такъ, какъ я люблю тебя, съ полнымъ довѣріемъ.

Онъ пріостановился на минуту, чтобы разобрать, какое впечатлѣніе производятъ его слова, и добавилъ растроганно:

— Могу ли я называть тебя братомъ?

Но мой ревнивый гнѣвъ опять разошелся во всю, и эти нѣжныя слова, показавшіяся мнѣ лицемѣрными, только раззадорили меня.

— Какъ ты смѣешь напоминать мнѣ объ этомъ времени?—вскричалъ я.—Неблагодарный человѣкъ!

Онъ прервалъ меня. Въ глазахъ его блестѣли крупныя слезы.

— Если кто не благодаренъ, то ужъ, конечно, не я!

— Ну, хорошо, говори!—продолжалъ я вспыльчиво.—Куда ты дѣвалъ Марію?

— Не здѣсь, не здѣсь!—отвѣчалъ онъ мнѣ.—Здѣсь нашъ разговоръ слушаютъ не одни наши уши. Впрочемъ, ты, вѣроятно, не повѣрилъ бы мнѣ на слово, а время не терпитъ. Уже свѣтаетъ, а мнѣ надо вырвать тебя отсюда. Слушай, разъ ты сомнѣваешься во мнѣ, значитъ, все кончено, и самое лучшее, чтобы ты добилъ меня кинжаломъ; но подожди еще немного прежде, чѣмъ привести въ исполненіе то, что ты называешь своей местью; сначала мнѣ надо освободить тебя. Идемъ со мною къ Біассу.

Все его поведеніе и слова скрывали какую-то тайну, которой я не могъ постичь. Невзирая на всѣ мои предубѣжденія противъ этого человѣка, голосъ его заставлялъ всегда звучать какую-то струну въ моемъ сердцѣ. Слушая его, я былъ подъ обаяніемъ какой-то непостижимой власти. Я ловилъ себя на колебаніи между местью и жалостью недовѣріемъ и слѣпымъ преданіемъ себя его волѣ. И я послѣдовалъ за нимъ.

XLII.

Мы вышли изъ лагеря негровъ Красной Горы. Я удивлялся тому, что прохожу свободно по этому лагерю варваровъ, гдѣ наканунѣ каждый изъ этихъ разбойниковъ словно жаждалъ моей

крови. Негры и мулаты не только не пытались остановить насъ, но падали при нашемъ проходѣ ницъ, съ восклицаніями удивленія, радости и почтенія. Я не зналъ, какое именно положеніе занималъ Пьерро въ войскѣ мятежниковъ, но я помнилъ власть его надъ товарищами-невольниками и объяснялъ себѣ безъ труда то обаяніе, которое признавали въ немъ его товарищи по возстанію.

Когда мы дошли до линіи конвоя, караулившаго пещеру Біассу, къ намъ подошелъ начальникъ конвоя, мулатъ Канди, спрашивая насъ издали съ угрозами, какъ мы осмѣлились такъ близко подойти къ генералу; но какъ только разстояніе между нами уменьшилось, и онъ могъ различать ясно черты Пьерро, онъ снялъ внезапно свою вышитую золотую шляпу и, точно ужаснувшись своей собственной дерзости, склонился до земли и ввелъ насъ къ Біассу, бормоча тысячу извиненій, на которыя Пьерро отвѣчалъ лишь пренебрежительнымъ жестомъ.

Уваженіе, оказываемое Пьерро простыми неграми солдатами, меня не удивило, но когда я увидѣлъ, что Канди, одинъ изъ ихъ главныхъ офицеровъ, преклоняется передъ невольникомъ моего дяди, я сталъ спрашивать себя, кто могъ быть этотъ человѣкъ, власть котораго казалась такой большой. Но ужъ окончательно я опѣшилъ, когда увидалъ, что генералиссимусъ, сидѣвшій одиноко, когда мы вошли, и спокойно завтракавшій, быстро поднялся при видѣ Пьерро, и, скрывая тревожное удивленіе и сильнѣйшую досаду подъ маской глубочайшаго почтенія, смиренно склонился передъ своимъ товарищемъ и предложилъ ему свой собственный деревянный тронъ. Пьерро отказался.

— Жанъ Біассу,—сказалъ онъ,—я пришелъ не отнимать у васъ ваше мѣсто, а просто попросить у васъ одной милости.

— Alteza,—отвѣчалъ Біассу, усиленно кланяясь,—вамъ извѣстно, что вы можете располагать всѣмъ, что зависитъ отъ Жана Біассу, всѣмъ, что принадлежитъ Жану Біассу, какъ и самимъ Жаномъ Біассу.

Этотъ титулъ alteza, равносильный *высочеству* или *свѣтлости*, даваемый Пьерро самимъ Біассу, увеличилъ еще болѣе мое удивленіе.

— Я не требую такъ много,—продолжалъ съ живостью Пьерро,—я прошу у васъ только свободы и жизни этого плѣнника.

Онъ указалъ на меня рукой. На минуту Біассу опѣшилъ, но замѣшательство его длилось недолго.

— Вы приводите въ отчаяніе вашего слугу, alteza; вы требуете отъ него болѣе, чѣмъ онъ можетъ дать, къ великому его сожалѣнію. Плѣнникъ этотъ не Жана Біассу, не принадлежитъ Жану Біассу и не зависитъ отъ Жана Біассу.

— Что вы хотите сказать?—строго спросилъ Пьерро.—Отъ кого же онъ зависитъ? Развѣ здѣсь имѣется другая власть, кромѣ вашей?

— Увы, да, alteza.

— Какая же?

— Мое войско.

Ласковый и лукавый видъ, съ которымъ, Біассу обходилъ высокомѣрные и прямые вопросы Пьерро, доказывалъ, что онъ твердо намѣренъ ограничиться лишь тѣмъ внѣшнимъ почетомъ, какой онъ обязанъ оказывать ему

— Какъ,—вскричалъ Пьерро,—ваше войско! Развѣ вы не командуете имъ?

Чувствуя, что преимущество на его сторонѣ, Біассу отвѣчалъ съ притворной искренностью, не мѣняя, однако, своей подначальной позы:

— Развѣ alteza дѣйствительно думаетъ, что можно командовать людьми, возставшими только для того, чтобы больше не повиноваться?

Я придавалъ слишкомъ мало цѣны моей жизни для того, чтобы нарушить свое молчаніе; но мнѣ стоило разсказать все видѣнное мною наканунѣ и доказывавшее безграничную власть Біассу надъ его шайками, чтобы опровергнуть его и изобличить его двоедушіе. Пьерро возразилъ ему:

— Ну, хорошо! если вы не умѣете справляться со своимъ войскомъ, если ваши солдаты—ваши начальники, то объясните, какіе поводы имѣютъ они ненавидѣть этого плѣнника?

— Букманъ только что палъ жертвой правительственныхъ войскъ, — сказалъ Біассу, придавая грустное выраженіе своему свирѣпо-насмѣшливому лицу,—мои солдаты рѣшили отомстить на этомъ бѣломъ смерть вождя бѣглыхъ ямайскихъ негровъ, трофею они хотятъ противопоставить трофей, хотятъ, чтобы голова этого молодого офицера служила противовѣсомъ головѣ Букмана на тѣхъ вѣсахъ, на которыхъ Господь Богъ взвѣситъ обѣ партіи.

— Какъ могли вы, — сказалъ Пьерро, — примкнуть къ этому гнусному мщенію? Выслушайте меня, Жанъ Біассу: подобныя жестокости губятъ наше справедливое дѣло. Будучи плѣнникомъ въ лагерѣ бѣлыхъ, откуда мнѣ удалось бѣжать, я не былъ освѣдомленъ о смерти Букмана, о которой узнаю только отъ васъ. Это справедливая кара небесъ за его преступленія. Сообщу вамъ сейчасъ другую новость: Жанно, тотъ самый вождь негровъ, который былъ проводникомъ бѣлыхъ и заманилъ ихъ въ засаду укротителя мулатовъ, Жанно тоже только что погибъ. Вамъ извѣстно... не прерывайте меня, Біассу... что онъ соперничалъ въ звѣрствѣ съ Букманомъ и съ вами; и вотъ, потрудитесь обратить на это вниманіе, онъ сраженъ громомъ небеснымъ, онъ палъ не отъ руки бѣлыхъ, а отъ руки самаго Жана-Франсуа, совершившаго этотъ актъ правосудія.

У Біассу, слушавшаго съ мрачнымъ почтеніемъ, вырвалось изумленное восклицаніе. Въ эту минуту вошелъ Риго, отвѣсилъ Пьерро глубокій поклонъ и зашепталъ что-то на ухо генералиссимусу. Въ пещеру доносилось сильное волненіе, царившее въ лагерѣ. Пьерро продолжалъ:

— Да, Жанъ-Франсуа, единственный недостатокъ котораго его пагубная любовь къ роскоши эта смѣшная карета съ шестеркой

лошадей, что возитъ его ежедневно къ обѣднѣ въ церковь Большой Рѣки, Жанъ-Франсуа покаралъ неистовства Жанно. Невзирая на трусливыя мольбы разбойника и несмотря на то, что въ послѣднюю минуту онъ такъ вцѣпился отъ страха въ маргеландскаго священника, напутствовавшаго его, что его пришлось оторвать отъ того силой, извергъ былъ вчера разстрѣлянъ, у подножія того самаго дерева, усѣяннаго желѣзными крюками, на которые онъ вѣшалъ своихъ жертвъ живьемъ. Біассу, поразмыслите надъ этимъ примѣромъ. Къ чему эти избіенія, понуждающія бѣлыхъ къ жестокости? къ чему прибѣгать еще къ фокусамъ для того, чтобы еще возбуждать ярость нашихъ несчастныхъ товарищей, и безъ того уже разъяренныхъ? Въ Тру-Коффи имѣется какой-то шарлатанъ, мулатъ, фанатизирующій шайку негровъ; онъ оскверняетъ святую обѣдню; онъ увѣряетъ ихъ, что находится въ сношеніяхъ съ Божіей Матерью, будто бы говорящей съ нимъ, и побѣждаетъ своихъ товарищей къ убійствамъ и грабежамъ во имя Пресвятой Дѣвы Маріи.

Въ той интонаціи, съ которой Пьерро произнесъ это имя, звучало, быть-можетъ, болѣе нѣжное, нежели религіозное благоговѣніе. Не знаю уже почему, но я почувствовалъ себя оскорбленнымъ и раздраженнымъ.

— Я слышалъ,—продолжалъ Пьерро,—что въ вашемъ лагерѣ имѣется тоже какой-то колдунъ, какой-то фокусникъ въ этомъ родѣ! Я знаю, что, предводительствуя войскомъ, состоящимъ изъ людей всѣхъ странъ, всѣхъ родовъ, всѣхъ цвѣтовъ, вамъ необходимо имѣть общее связующее звено; но развѣ вы не можете выбрать что-либо другое, кромѣ свирѣпаго фанатизма и смѣшныхъ суевѣрій? Вѣрьте мнѣ, Біассу, бѣлые менѣе жестоки, чѣмъ мы. Я видѣлъ многихъ плантаторовъ, защищавшихъ жизнь своихъ невольниковъ; мнѣ не безызвѣстно, что для многихъ изъ нихъ дѣло шло не о томъ, чтобы спасти человѣческую жизнь, а о томъ, чтобы сохранить извѣстную сумму денегъ; по крайней мѣрѣ, корысть придавала имъ хоть какую-нибудь добродѣтель. Будемъ же не менѣе милосердными, чѣмъ они, это также въ нашемъ интересѣ. Развѣ дѣло наше станетъ святѣе и справедливѣе, когда мы истребимъ женщинъ, перерѣжемъ дѣтей, замучимъ стариковъ и сожжемъ колонистовъ въ ихъ домахъ? А между тѣмъ, таковы наши ежедневные подвиги. Развѣ нужно, отвѣчайте, Біассу, чтобы единственнымъ слѣдомъ нашего шествія былъ всегда кровавый или огненный слѣдъ?

Онъ умолкъ. Блескъ его взора, тонъ его голоса придавали его словамъ силу убѣжденія и что-то непередаваемо властное. Точно у лисицы, попавшей въ когти льву, опущенные и искоса глядѣвшіе глаза Біассу показывали, что онъ придумываетъ какую-то хитрость, съ цѣлью вырваться изъ-подъ этой власти. Пока онъ размышлялъ, Риго, тотъ самый Риго, который такъ невозмутимо присутствовалъ наканунѣ и при столькихъ звѣрствахъ, притворно негодовалъ на описанные Пьерро ужасы и вскричалъ съ лицемѣрной скорбью:

— Боже мой, Боже! вотъ что значитъ разъярившійся народъ!

XLIII.

Тѣмъ временемъ шумъ извнѣ все возрасталъ и тревожилъ, очевидно, Біассу. Позднѣе я узналъ, что волненіе это было поднято неграми Красной Горы, обѣгавшими лагерь съ извѣстіемъ о возвращеніи моего освободителя и выражавшими намѣреніе содѣйствовать ему, съ какой бы цѣлью онъ ни отправился къ Біассу. Риго только что увѣдомилъ объ этомъ обстоятельствѣ генералиссимуса; и только боязнь пагубной смуты въ войскѣ заставила хитраго вождя рѣшиться на нѣчто въ родѣ уступки желаніямъ Пьерро.

— Alteza,—сказалъ онъ съ раздосадованнымъ видомъ,—если мы строги къ бѣлымъ, то вы строги къ намъ. Вы несправедливо обвиняете меня въ дикомъ насиліи: меня просто увлекаетъ потокъ событій. Но, наконецъ, что же я могу сдѣлать теперь, что было бы вамъ пріятно?

— Я уже сказалъ вамъ что, *сеніоръ* Біассу,—отвѣчалъ Пьерро:—отдайте мнѣ этого плѣнника.

Біассу призадумался на минуту, а потомъ вскричалъ, придавая своимъ чертамъ наивозможно открытое выраженіе:

— Хорошо, alteza, я хочу доказать вамъ, какъ велико мое желаніе вамъ угодить. Позвольте мнѣ только сказать плѣннику два слова по секрету; а потомъ онъ можетъ слѣдовать за вами.

— Ну, что же, извольте,—отвѣчалъ Пьерро, и лицо, до той минуты гордое и недовольное, просіяло отъ радости; онъ отошелъ на нѣсколько шаговъ.

Біассу увлекъ меня въ уголокъ пещеры и сказалъ мнѣ шопотомъ:

— Я могу подарить тебѣ жизнь только подъ однимъ условіемъ, тебѣ извѣстнымъ; принимаешь ты его?

Онъ показалъ мнѣ письмо Жана-Франсуа. Согласіе съ моей стороны показалось бы мнѣ низостью.

— Нѣтъ!—сказалъ я ему.

— А!—продолжалъ онъ со своей усмѣшкой.—Ты все такъ же твердъ! Значитъ, ты очень разсчитываешь на своего покровителя? Знаешь ли ты, кто онъ?

— Да,—отвѣчалъ я съ живостью,—это такой же извергъ, какъ ты, только еще большій лицемѣръ!

Онъ удивленно выпрямился и, стараясь разгадать по моимъ глазамъ, серьезно ли я говорю, сказалъ:

— Какъ! развѣ ты его не знаешь?

Я отвѣчалъ съ пренебреженіемъ:

— Я знаю его только какъ невольника его дяди, по прозвищу Пьерро.

Біассу усмѣхался.

— А! а! вотъ это странно! Онъ требуетъ твоей жизни и свободы, а ты величаешь его «извергомъ, подобнымъ мнѣ».

— Не все ли мнѣ равно? — отвѣчалъ я. — Если я получу минуту свободы, то я потребую отъ него не моей жизни, а его смерти!

— Что такое? — сказалъ Біассу.—Повидимому, ты говоришь именно то, что думаешь, и я не думаю, чтобы ты сталъ шутить съ вопросомъ своей собственной жизни. Подъ этимъ кроется что-то для меня непонятное. Тебѣ покровительствуетъ человѣкъ, котораго ты ненавидишь; онъ проситъ твоей жизни, а ты хочешь его смерти! Впрочемъ, мнѣ это все равно. Ты желаешь минуту свободы, а это единственная вещь, которую я могу даровать тебѣ. Я позволю тебѣ слѣдовать за нимъ; дай мнѣ только сначала честное слово снова отдать себя въ мои руки за два часа до солнечнаго заката. Вѣдь ты французъ?

Какъ мнѣ выразить это, господа? Жизнь была для меня бременемъ, и къ тому же мнѣ претило быть обязаннымъ ею этому Пьерро, который, казалось, былъ такъ достоинъ моей ненависти; я даже не зналъ, не способствовала ли моему рѣшенію увѣренность, что Біассу, не легко выпускавшій добычу изъ рукъ, никогда не согласился бы освободить меня; я, дѣйствительно, не желалъ ничего иного, кромѣ нѣсколькихъ часовъ свободы, чтобы прежде чѣмъ умереть, выяснить окончательно судьбу моей возлюбленной Маріи и свою собственную. Честное слово, котораго просилъ у меня Біассу, довѣрявшій чести француза, представляло вѣрное и легкое средство прожить еще одинъ день; я далъ это слово.

Связавъ меня такимъ образомъ, вождь подошелъ къ Пьерро.

— A l t e z a,—сказалъ онъ подобострастнымъ тономъ,—бѣлый плѣнникъ къ вашимъ услугамъ; вы можете увести его, онъ свободенъ слѣдовать за вами.

Никогда не видывалъ я такого выраженія счастія въ глазахъ Пьерро.

— Благодарю, Біассу! — вскричалъ онъ, протягивая тому руку.—Благодарю тебя! Ты оказалъ мнѣ сейчасъ такую услугу, что впредь можешь требовать отъ меня чего захочешь! Продолжай командовать моими братьями Красной Горы до моего возвращенія.

Онъ обернулся ко мнѣ:

— Такъ какъ ты свободенъ,—сказалъ онъ,—то идемъ!

И онъ увлекъ меня за собой съ особенной, странной энергіей.

Біассу слѣдилъ за нами глазами съ удивленіемъ, проступавшимъ даже подъ изъявленіями почтенія, которыми онъ провожалъ Пьерро.

XLIV.

Я ждалъ съ нетерпѣніемъ той минуты, когда останусь наединѣ съ Пьерро. Проявленное имъ замѣшательство, когда я спросилъ его о Маріи, дерзкая нѣжность, съ которой онъ осмѣливался произносить ея имя, еще усилили въ моемъ сердцѣ чувства презрѣ-

нія и ревности къ нему, зародившіяся во мнѣ въ тотъ моментъ, когда во время пожара форта Галифе онъ унесъ у меня на глазахъ ту, которую я едва успѣлъ назвать своей женой. Какое мнѣ было послѣ этого дѣло до великодушныхъ упрековъ, съ которыми онъ обратился въ моемъ присутствіи къ кровожадному Біассу, до его заботъ о моей жизни, и даже до того необыкновеннаго отпечатка, что лежалъ на всѣхъ его рѣчахъ и поступкахъ. Что мнѣ было за дѣло до окружавшей его, повидимому, тайны, въ силу которой онъ появлялся живымъ предо мной, когда я думалъ, что уже присутствовалъ при его смерти, въ силу которой онъ оказывался плѣнникомъ бѣлыхъ послѣ того, какъ я видѣлъ, что онъ погибъ въ волнахъ, въ силу которой невольникъ превратился въ высочество, а плѣнникъ въ освободителя? Изъ всѣхъ этихъ непостижимыхъ вещей я понималъ ясно только одно гнусное похищеніе Маріи; мнѣ нанесено оскорбленіе, за которое надо отомстить, совершено преступленіе, которое надо покарать. Всего страннаго, уже совершившагося у меня на глазахъ, было едва достаточно для отсрочки моего суда, и я съ нетерпѣніемъ ждалъ той минуты, когда я буду въ состояніи принудить моего соперника объясниться. Наконецъ, минута эта наступила.

Мы миновали тройныя шпалеры распростертыхъ по нашему пути негровъ, восклицавшихъ съ изумленіемъ: *Чудо! онъ ужъ болѣе не плѣнникъ!* Не знаю, кого они подразумѣвали, меня или Пьерро. Мы миновали уже послѣднюю черту лагеря, за деревьями и скалами уже скрылись изъ нашихъ глазъ послѣдніе часовые Біассу; «Раскъ» то весело бѣжалъ впереди насъ, то подбѣгалъ къ намъ, Пьерро шелъ быстро впередъ; я остановилъ его.

— Послушай,—сказалъ я ему,—дальше итти безполезно. Никого нѣтъ, кого ты опасался, никто не можетъ болѣе слышать насъ; говори, куда ты дѣвалъ Марію?

Голосъ мой прерывался отъ сдерживаемаго волненія. Онъ кротко посмотрѣлъ на меня.

— Опять!—отвѣчалъ онъ мнѣ.

— Да, опять!—вскричалъ я бѣшено. — Опять! Я стану спрашивать тебя объ этомъ до твоего послѣдняго издыханія, до моего послѣдняго вздоха. Гдѣ Марія?

— Итакъ, ничто не можетъ разсѣять твоихъ сомнѣній въ моей вѣрности? Ты скоро узнаешь, гдѣ она.

— Скоро, извергъ!—возразилъ я. — Я хочу знать это сейчасъ. Гдѣ Марія? гдѣ Марія? слышишь? Отвѣчай, или бейся со мною! Защищайся!

— Я говорилъ уже тебѣ,—сказалъ онъ съ грустью, — что это невозможно. Потокъ не борется противъ своего источника; ты спасъ мнѣ три раза жизнь, я не могу защищать ее противъ тебя. Впрочемъ, если бы я даже и захотѣлъ этого, все-таки, это было бы невозможно. У насъ всего одинъ кинжалъ на двоихъ!

При этихъ словахъ онъ вынулъ изъ-за пояса кинжалъ и протянулъ его мнѣ.

— Возьми,—сказалъ онъ.

Я былъ внѣ себя, схватилъ кинжалъ и приставилъ къ его груди. Онъ даже не попытался отстраниться.

— Несчастный,— сказалъ я ему, — не вынуждай меня на убійство. Я вонжу тебѣ этотъ клинокъ въ самое сердце, если ты не скажешь мнѣ сейчасъ же, гдѣ моя жена.

Онъ отвѣчалъ мнѣ безъ малѣйшаго гнѣва:

— На то твоя воля. Но умоляю тебя, подари мнѣ еще часъ жизни и слѣдуй за мной. Ты сомнѣваешься въ томъ, кто три раза обязанъ тебѣ жизнью, въ томъ, кого ты называлъ своимъ братомъ! Но, послушай, если черезъ часъ ты все еще будешь сомнѣваться во мнѣ, ты можешь меня убить. Это ты всегда успѣешь сдѣлать. Вѣдь ты видишь, что я не хочу сопротивляться тебѣ. Заклинаю тебя именемъ самой *Маріи...* — онъ добавилъ съ усиліемъ:—твоей жены. Подожди еще часъ; и повѣрь, что если я такъ тебя умоляю, то это для тебя же, а ничуть не для себя!

Въ тонѣ его голоса было что-то невыразимо убѣдительное и скорбное. Внутри меня какой-то тайный голосъ точно подсказывалъ мнѣ, что, быть-можетъ, онъ говоритъ правду, что одно желаніе спасти свою жизнь не могло придать его голосу этой глубокой нѣжности, этой умоляющей кротости, и что онъ защищалъ не одного себя. И еще разъ я поддался тому тайному вліянію, которое онъ имѣлъ на меня и въ которомъ, въ эту минуту, я стыдился себѣ сознаться.

— Хорошо, — сказалъ я, — я дарю тебѣ эту часовую отсрочку; идемъ.

Но когда я захотѣлъ возвратить ему кинжалъ, онъ отвѣчалъ мнѣ:

— Нѣтъ, оставь его при себѣ, разъ ты мнѣ не довѣряешь. Но идемъ же, не надо терять времени.

XLV.

Онъ повелъ меня дальше. «Раскъ», который во время нашего разговора часто пытался продолжать путь и снова возвращался къ намъ, какъ бы спрашивая глазами, почему мы остановились, побѣжалъ теперь весело дальше. Мы углубились въ дѣвственный лѣсъ. Приблизительно черезъ четверть часа мы вышли на красивую зеленую саванну, орошаемую горнымъ источникомъ и окаймленную свѣжей опушкой высокихъ вѣковыхъ лѣсныхъ деревьевъ. На саванну эту выходило отверстіе пещеры, зеленоватыя стѣны которой были покрыты зеленью ліанъ, жасмина и другихъ ползучихъ растеній. «Раскъ» собрался было поднять лай, но Пьерро знакомъ заставилъ его молчать и, не говоря ни слова, увлекъ меня за руку въ пещеру.

Въ пещерѣ этой, спиной ко входу, на плетеной цыновкѣ сидѣла женщина. На шумъ нашихъ шаговъ она обернулась. Друзья мои, то была Марія!

Она была одѣта въ то же бѣлое платье, какъ въ день нашей свадьбы, и въ волосахъ ея еще красовался вѣнокъ изъ померан-

цевыхъ цвѣтовъ, послѣднее дѣвственное украшеніе новобрачной, еще не снятое съ ея головы моими руками. Она увидала меня, узнала, вскрикнула и упала въ мои объятія, полумертвая отъ радости и удивленія. Я растерялся.

При этомъ крикѣ, изъ сосѣдней комнаты, продѣланной въ углубленіи пещеры, прибѣжала старуха съ ребенкомъ на рукахъ. То была кормилица Маріи съ младшимъ ребенкомъ моего несчастнаго дяди. Пьерро принесъ воды изъ ближайшаго источника и брызнулъ ею въ лицо Маріи. Свѣжесть воды привела ее въ чувство и она открыла глаза.

— Леопольдъ,—сказала она,—мой Леопольдъ!

— Марія!..—отвѣчалъ я, и мы слились съ нею въ поцѣлуѣ.

— Хотя бы не при мнѣ, по крайней мѣрѣ!—вскричалъ раздирающій душу голосъ.

Мы подняли глаза: то былъ Пьерро. Онъ находился тутъ же, присутствуя при нашихъ ласкахъ, точно на пыткѣ. Изъ его вздымавшейся груди вылетало отрывистое дыханіе, ледяной потъ капалъ крупными каплями съ его лба, и всѣ члены его тряслись. Вдругъ онъ закрылъ лицо руками и выбѣжалъ изъ пещеры, повторяя страннымъ тономъ: «Не при мнѣ!»

Марія приподнялась въ моихъ объятіяхъ и вскричала, провожая его глазами:

— Великій Боже! Леопольдъ, любовь наша, кажется, причиняетъ ему страданія. Неужели онъ меня любитъ?

Возгласъ невольника доказалъ мнѣ, что онъ былъ моимъ соперникомъ, а восклицаніе Маріи доказывало, что онъ былъ такъ же и моимъ другомъ.

— Марія! — отвѣчалъ я, и безконечное блаженство проникло мнѣ въ сердце вмѣстѣ съ мучительнымъ сожалѣніемъ. — Марія! развѣ ты этого не знала?

— Да я и теперь этого не знаю,—сказала она съ цѣломудренной краской въ лицѣ.—Какъ! онъ любитъ меня! Я этого никогда не замѣчала!

Я съ упоеніемъ прижалъ ее къ своему сердцу.

— Я обрѣлъ вновь свою жену и своего друга!—вскричалъ я.— Какъ я счастливъ и какъ я виновенъ! Я усомнился въ немъ.

— Какъ! — заговорила снова Марія съ удивленіемъ. — Ты усомнился въ немъ! въ Пьерро! О, да, ты очень виновенъ передъ нимъ. Ты обязанъ ему дважды моею жизнью и, быть-можетъ, еще бо́льшимъ,—добавила она, опуская глаза.—Не будь его, меня пожралъ бы рѣчной крокодилъ; не будь его, негры... Пьерро вырвалъ меня изъ ихъ рукъ въ ту минуту, какъ они собирались, вѣроятно, отправить меня туда же, куда уже отправили моего несчастнаго отца.

Она остановилась и заплакала.

— Но почему же,—спросилъ я ее, — Пьерро не отослалъ тебя обратно въ Капъ, къ твоему мужу?

— Онъ пытался это сдѣлать, — отвѣчала она, — но не могъ. Это было трудно потому, что онъ былъ принужденъ скрыватьс-

одинаково какъ отъ бѣлыхъ, такъ и отъ негровъ. Къ тому же, никто не зналъ, что сталось съ тобою. Одни говорили, что видѣли, какъ тебя убили, но Пьерро увѣрялъ меня, что нѣтъ, и я была вполнѣ увѣрена, что ты живъ, потому что меня извѣстилъ бы о твоей смерти тайный голосъ: если бы ты умеръ, я умерла бы одновременно съ тобой.

— Значитъ,—сказалъ я,—Пьерро и привезъ тебя сюда?

— Да, Леопольдъ; эта уединенная пещера извѣстна только ему. Вмѣстѣ со мною онъ спасъ все, что осталось отъ моей семьи, мою добрую кормилицу и маленькаго брата; и онъ спряталъ насъ здѣсь. Увѣряю тебя, что въ этой пещерѣ очень удобно, и, не будь повсемѣстной войны, изъ-за которой обшариваются всѣ уголки, я съ радостью стала бы здѣсь жить съ тобой теперь, когда мы разорены. Пьерро доставлялъ намъ все нужное. Онъ часто навѣщалъ насъ; на головѣ его красовалось красное перо. Онъ утѣшалъ меня, говорилъ мнѣ о тебѣ, увѣрялъ, что мы съ тобой опять соединимся. Однакоже, не видя его цѣлыхъ три дня, я начала было безпокоиться, когда онъ вдругъ вернулся вмѣстѣ съ тобою... Бѣдный другъ, значитъ онъ ходилъ за тобой?

— Да,—отвѣчалъ я.

— Но какимъ же образомъ,—продолжала она,—онъ влюбленъ въ меня, при всемъ этомъ? Ты увѣренъ, что это такъ?

— Да, теперь я увѣренъ!—сказалъ я.—Именно онъ-то и собирался заколоть меня, но пощадилъ изъ боязни огорчить тебя; именно онъ пѣлъ тебѣ тѣ любовныя пѣсни тамъ, въ рѣчномъ павильонѣ.

— Неужели! — продолжала Марія съ наивнымъ удивленіемъ.— Онъ твой соперникъ! Онъ тотъ злой человѣкъ, который портилъ мои цвѣты! Не могу этому повѣрить. Онъ держался со мной такъ смиренно, такъ почтительно, еще почтительнѣе, чѣмъ когда онъ былъ нашимъ невольникомъ! Правда, что иногда онъ смотрѣлъ на меня съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ, которое я приписывала постигшему меня несчастію. Если бы ты зналъ, съ какой горячей преданностью онъ говорилъ со мной о моемъ Леопольдѣ! Дружба его къ тебѣ почти такая же, какъ и моя любовь.

Объясненія эти восхищали и въ то же время терзали меня. Мнѣ вспоминалось, съ какой жестокостью я обращался съ этимъ бѣднымъ Пьерро, и чувствовалъ теперь всю силу его нѣжнаго и покорнаго упрека, когда онъ сказалъ, что *неблагодарный не онъ!*

Въ эту минуту вернулся Пьерро. Лицо его было мрачно и скорбно. Онъ походилъ на приговореннаго къ пыткѣ, перенесшаго ее, но справившагося съ нею. Онъ приблизился ко мнѣ медленными шагами и сказалъ мнѣ серьезнымъ голосомъ, указывая на кинжалъ, заткнутый за моимъ поясомъ:

— Часъ прошелъ.

— Часъ! какой часъ?—сказалъ я.

— Тотъ, что ты даровалъ мнѣ; мнѣ онъ былъ нуженъ для того, чтобы привести тебя сюда. Я умолялъ тебя оставить мнѣ жизнь, а теперь я заклинаю тебя убить меня.

Сердце мое мучительно ныло отъ переполнявшихъ его нѣжныхъ чувствъ любви, дружбы, благодарности. Я упалъ къ ногамъ невольника, не будучи въ состояніи вымолвить ни одного слова и горько рыдая. Онъ поспѣшно поднялъ меня.

— Что ты дѣлаешь?—проговорилъ онъ.

– Воздаю тебѣ должное; я недостоинъ болѣе такой дружбы, какъ твоя. Твоя признательность не можетъ простираться до прощенія мнѣ моей неблагодарности!

Лицо его хранило еще нѣкоторое время суровое выраженіе; казалось, въ душѣ его происходила сильная борьба; онъ сдѣлалъ было шагъ ко мнѣ и отступилъ, открылъ было ротъ и промолчалъ. Но минута эта длилась недолго, и онъ раскрылъ мнѣ свои объятія со словами:

— Могу ли я теперь называть тебя братомъ?

Я отвѣчалъ ему только тѣмъ, что кинулся къ нему на грудь.

Онъ добавилъ послѣ небольшой паузы:

— Ты добръ, но несчастіе сдѣлало тебя несправедливымъ.

— Я вновь обрѣлъ своего брата, — сказалъ я ему; — теперь я больше не несчастенъ, но вина моя велика,

— Твоя вина, братъ! Я былъ тоже виноватъ и еще больше, чѣмъ ты. Но только ты ужъ больше не несчастенъ, а я несчастенъ навѣки!

XLVI.

Радость, выражавшаяся на его лицѣ подъ впечатлѣніемъ первыхъ изліяній дружбы, потухла; черты его приняли выраженіе какой-то странной и энергичной грусти.

— Послушай, — сказалъ онъ мнѣ холоднымъ тономъ, — отецъ мой былъ царемъ въ странѣ Каконго. Онъ творилъ судъ надъ своими подданными у своихъ воротъ, и каждый разъ, какъ рѣшалъ какое-нибудь дѣло, выпивалъ, согласно обычаю, полный кубокъ пальмоваго вина. Мы были счастливы и могущественны. Къ намъ явились европейцы и надѣлили меня тѣми суетными познаніями, которыя тебя такъ поразили. Начальникъ ихъ былъ испанскій капитанъ: онъ посулилъ отцу болѣе обширное царство, чѣмъ его, и бѣлыхъ женщинъ; отецъ мой послѣдовалъ за нимъ со всѣмъ своимъ семействомъ. Братъ, они продали насъ!

Грудь негра вздымалась, глаза его сверкали; машинально онъ сломалъ молодое деревцо, у котораго стоялъ, и продолжалъ, какъ бы вовсе не обращаясь ко мнѣ:

— Повелитель страны Каконго очутился, въ свою очередь, во власти повелителя, а сынъ его сталъ невольникомъ и воздѣлывалъ санъ-домингскія поля. Молодого львенка разлучили съ его старымъ отцомъ для того, чтобы легче было обуздать обоихъ. Молодыхъ женъ отняли у мужей, чтобы выручить большой барышъ, соединивъ ихъ съ другими. Маленькія дѣти не знали, гдѣ матери, вскормившія ихъ, гдѣ отцы, купавшіе ихъ въ потокахъ; ихъ окружали только жестокіе тираны — спали они вмѣстѣ съ псами!

Онъ умолкъ, но губы его продолжали шевелиться, глаза были неподвижны и выражали безуміе. Наконецъ, онъ вдругъ схватилъ меня за руку.

— Слышишь, братъ? Меня перепродавали нѣсколькимъ плантаторамъ, точно скотину. Ты помнишь казнь Ожэ; въ тотъ день я снова свидѣлся съ отцомъ. Но увидалъ я его на колесѣ.

Я содрогнулся. Онъ добавилъ:

— Жена моя была отдана во власть бѣлымъ, — продолжалъ онъ.—Слушай, братъ: она умерла, прося меня отомстить за нее. Признаться ли?—проговорилъ онъ нерѣшительно и опуская глаза.—Я согрѣшилъ, я полюбилъ другую. Но оставимъ это! Всѣ мои сородичи торопили меня, умоляя освободить ихъ и отомстить за себя. «Раскъ» приносилъ мнѣ ихъ посланія. Но я не могъ удовлетворить ихъ желанія, потому что самъ былъ въ тюрьмѣ у твоего дяди. Въ тотъ день, какъ ты добился моего помилованія, я ушелъ для того, чтобы вырвать своихъ дѣтей изъ рукъ жестокаго господина. Наконецъ, я прибылъ на мѣсто: братъ, послѣдній изъ внуковъ царя Каконго только что испустилъ послѣдній вздохъ подъ ударами бѣлаго. Другіе умерли еще раньше него.

Онъ остановился и спросилъ меня холодно:

— Братъ, что сдѣлалъ бы ты на моемъ мѣстѣ?

Этотъ грустный разсказъ заставилъ меня похолодѣть отъ ужаса. На вопросъ его я отвѣтилъ угрожающимъ жестомъ. Онъ понялъ меня и горько улыбнулся. Потомъ онъ продолжалъ:

— Невольники возмутились противъ своего господина и покарали его за убійство моихъ дѣтей. Меня они выбрали своимъ вождемъ. Тебѣ извѣстны бѣдствія, вызванныя этимъ возстаніемъ. Я узналъ, что невольники твоего дяди готовились послѣдовать этому примѣру. Я прибылъ въ Акуль въ самую ночь мятежа. Ты отсутствовалъ. Дядя твой былъ только что заколотъ въ постели. Негры поджигали уже плантаціи. Не будучи въ состояніи остановить ихъ, такъ какъ они думали, что мстятъ за меня, поджигая владѣнія твоего дяди, я могъ только спасти уцѣлѣвшихъ членовъ твоей семьи. Я проникъ въ фортъ съ помощью мною самимъ продѣланнаго прохода. Кормилицу твоей жены я сдалъ на руки одному вѣрному негру, но *Марію* твою спасти мнѣ было гораздо труднѣе. Она бросилась къ пылавшей части форта, чтобы вырвать оттуда самаго младшаго брата, единственнаго, который уцѣлѣлъ отъ избіенія. Ее окружили негры и собирались убить, когда я появился и приказалъ имъ предоставить мнѣ самому отомстить за себя. Они удалились. Я взялъ твою жену на руки, поручилъ ребенка «Раску» и скрылъ ихъ обоихъ въ этой пещерѣ, существованіе и доступъ въ которую извѣстны мнѣ одному. Братъ, вотъ въ чемъ мое преступленіе.

Все сильнѣе и сильнѣе обуреваемый угрызеніями совѣсти и благодарностью, я хотѣлъ броситься опять къ ногамъ Пьерро, но онъ остановилъ меня съ оскорбленнымъ видомъ.

— Ну, идемъ,—сказалъ онъ черезъ минуту, беря меня за руку,—возьми свою жену и отправимся въ путь всѣ пятеро.

Я спросилъ его съ удивленіемъ, куда онъ хочетъ вести насъ.

— Въ лагерь бѣлыхъ, — отвѣчалъ онъ мнѣ. — Это убѣжище перестало быть безопаснымъ. Завтра, на разсвѣтѣ, бѣлые должны напасть на лагерь Біассу. Лѣсъ будетъ, разумѣется, подожженъ. Къ тому же мы не можемъ терять ни минуты; за мою голову отвѣчаютъ десять головъ. Мы можемъ спѣшить, потому что ты свободенъ, и должны спѣшить, потому что я не свободенъ.

Отъ этихъ словъ удивленіе мое еще болѣе возросло; я попросилъ у него объясненія.

— Развѣ ты не слышалъ, что Бюгъ-Жаргаль взятъ въ плѣнъ?— сказалъ онъ съ нетерпѣніемъ.

— Слышалъ, но что же общаго между тобою и этимъ Бюгъ-Жаргалемъ?

Въ свою очередь, онъ казался удивленнымъ и отвѣчалъ серьезно:

— Этотъ Бюгъ-Жаргаль—я.

XLVII.

Я привыкъ уже, такъ сказать, ко всякимъ неожиданностямъ съ этимъ человѣкомъ. Не безъ удивленія присутствовалъ я за минуту передъ тѣмъ при превращеніи невольника Пьерро въ африканскаго царя, а теперь я былъ внѣ себя отъ изумленія, узнавъ, что онъ-то и есть грозный и великодушный Бюгъ-Жаргаль, вождь мятежниковъ Красной Горы. Наконецъ-то я понялъ, почему окружали его такимъ почетомъ всѣ мятежники и даже самъ Біассу,— для нихъ онъ былъ вождь Бюгъ-Жаргаль и царь Каконго.

Повидимому, онъ не обратилъ вниманія на впечатлѣніе, произведенное на меня его послѣдними словами.

— Мнѣ передали, — продолжалъ онъ, — что, въ свою очередь, ты находишься въ плѣну въ лагерѣ Біассу, я и явился туда, чтобы освободить тебя.

— Почему же ты мнѣ только что говорилъ, что ты не свободенъ?

Онъ взглянулъ на меня, словно пытаясь разгадать, что вызвало этотъ вполнѣ естественный вопросъ.

— Слушай, — сказалъ онъ мнѣ,—сегодня утромъ я находился въ плѣну у твоихъ сородичей. И вотъ я услыхалъ, что въ лагерѣ распространилось извѣстіе, что Біассу объявилъ свое намѣреніе умертвить до солнечнаго заката одного молодого плѣнника, по имени Леопольда д'Овернэ. Тогда усилили мою стражу, и я узналъ, что моя казнь послѣдуетъ за твоею, и что, въ случаѣ моего побѣга, за меня отвѣтятъ десятеро моихъ товарищей. Ты видишь, что мнѣ надо спѣшить.

Я опять удержалъ его.

— Значитъ, ты убѣжалъ?—сказалъ я.

— Какъ же бы я попалъ сюда? Развѣ не надо было спасти тебя? Не обязанъ ли я тебѣ жизнью? Ну, идемъ же теперь. Всего часъ ходьбы намъ, какъ до лагеря бѣлыхъ, такъ и до лагеря

Біассу. Смотри, тѣнь этихъ кокосовыхъ пальмъ удлиняется и ихъ круглыя вершины образуютъ на травѣ точно огромныя яйца кондора. Черезъ три часа солнце зайдетъ. Идемъ, братъ, время не терпитъ.

Черезъ три часа солнце зайдетъ!

Отъ этихъ простыхъ словъ я похолодѣлъ, точно передо мной выросъ призракъ смерти. Они напомнили мнѣ роковое обѣщаніе, данное мною Біассу. Увы! свидѣвшись снова съ Маріей, я позабылъ о нашей вѣчной и близкой разлукѣ; я всецѣло находился подъ обаяніемъ восхищенія и упоенія; всѣ эти волненія отшибли у меня память, и посреди своего счастія я позабылъ о близости своей смерти. Слова моего друга рѣзко вернули меня къ сознанію моего несчастія.

Черезъ три часа солнце зайдетъ! Чтобы вернуться въ лагерь Біассу, мнѣ надобно было всего часъ времени. Долгъ мой вставалъ неумолимо предо мною; я далъ слово этому разбойнику и лучше было умереть, чѣмъ дать этому варвару право презирать единственную вещь, которой онъ еще, казалось, довѣрялъ—честь француза. Выборъ былъ мучителенъ; я выбралъ то, что долженъ былъ выбрать, но, признаться ли вамъ, господа, у меня была минута колебанія. Было ли то преступленіемъ съ моей стороны?

XLVIII.

Наконецъ, вздохнувъ, я взялъ одной рукой руку Бюгъ-Жаргаля, а другой—руку моей бѣдной Маріи, съ тревогой слѣдившей за тѣнью, омрачившей мои черты.

— Бюгъ-Жаргаль,—сказалъ я съ усиліемъ,—поручаю тебѣ единственное сокровище въ мірѣ, которое я люблю больше, чѣмъ тебя, мою Марію. Возвращайтесь въ лагерь безъ меня, ибо я не могу слѣдовать за вами.

— Боже мой!—вскричала Марія, почти задыхаясь.—Еще новое несчастіе!

Бюгъ-Жаргаль вздрогнулъ. Въ глазахъ его отразилось горестное удивленіе.

— Братъ, что ты говоришь?

Ужасъ, охватившій Марію при одной мысли о несчастіи, которое словно угадывала ея черезчуръ проницательная любовь, требовалъ, чтобы я скрылъ отъ нея дѣйствительность и избавилъ бы ее отъ раздирающей сцены прощанья; я нагнулся къ уху Бюгъ-Жаргаля и сказалъ ему шопотомъ:

— Я въ плѣну. Я поклялся Біассу, что вернусь и отдамся ему вновь въ руки за два часа до восхода солнца; я обѣщалъ умереть.

Онъ пришелъ въ бѣшенство и загремѣлъ громовымъ голосомъ:

— Чудовище! Вотъ зачѣмъ онъ хотѣлъ говорить съ тобой по секрету; онъ хотѣлъ вырвать у тебя это обѣщаніе. Мнѣ не слѣдовало довѣрять этому низкому Біассу. Какъ могъ я не предвидѣть какого-нибудь вѣроломства съ его стороны? Онъ не негръ, а мулатъ.

— Что такое? Какое вѣроломство? Какое обѣщаніе?—воскликнула Марія въ ужасѣ.—Кто этотъ Біассу?

— Молчи, молчи,—повторилъ я шопотомъ Бюгъ-Жаргалю,—не надо тревожить Марію.

— Хорошо,—сказалъ онъ мнѣ мрачнымъ тономъ.—Но какъ могъ ты согласиться на подобное обѣщаніе? Зачѣмъ ты далъ его?

— Я считалъ тебя неблагодарнымъ предателемъ и думалъ, что Марія погибла для меня. Къ чему была мнѣ жизнь?

— Но устное обѣщаніе, данное такому разбойнику, не можетъ же связывать тебя?

— Я далъ свое честное слово.

Казалось, онъ старался понять, что я хочу сказать.

— Твое честное слово! Что это такое? Вы не пили изъ одного кубка? Вы не переломили пополамъ кольцо или кленовую вѣтку съ красными цвѣтами?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ въ чемъ же дѣло? Что можетъ связывать тебя?

— Моя честь,—отвѣчалъ я.

— Я не знаю, что это значитъ. Ничто не связываетъ тебя съ Біассу. Иди съ нами.

— Не могу, братъ, я обѣщалъ.

— Нѣтъ! ты не обѣщалъ!—вскричалъ онъ съ запальчивостью; а потомъ, возвышая голосъ, онъ продолжалъ:—Сестра, присоединитесь ко мнѣ; не позволяйте вашему мужу оставлять насъ; онъ хочетъ вернуться въ лагерь негровъ, откуда я вырвалъ его, вернуться подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ обѣщалъ умереть ихъ вождю, Біассу.

— Что ты сдѣлалъ?—воскликнулъ я.

Теперь уже было поздно предупредить дѣйствіе его великодушнаго порыва, побудившаго его обратиться за помощью къ той, которую онъ любилъ самъ, и все для того, чтобы спасти жизнь своего соперника. Марія кинулась въ мои объятія съ отчаяннымъ крикомъ. Обвивъ руками мою шею, она повисла у меня на груди, почти безъ чувствъ, безъ силъ.

— О,—прошептала она съ трудомъ,—что говоритъ онъ, Леопольдъ? Вѣдь онъ обманываетъ меня, не такъ ли? Вѣдь не въ ту же минуту, какъ онъ вновь соединилъ насъ, хочешь ты покинуть меня, и для того покинуть, чтобы умереть? Отвѣть мнѣ скорѣе, или я умру. Ты не имѣешь права располагать своей жизнью, потому что не можешь приносить въ жертву мою жизнь! Не можешь же ты желать разстаться со мной навсегда!

— Марія, не вѣрь этому,—отвѣчалъ я:—я, дѣйствительно, покину тебя, потому что такъ надо; но мы увидимся снова въ другомъ мѣстѣ.

— Въ другомъ мѣстѣ?—повторила она съ испугомъ.—Гдѣ же?..

— На небѣ,—отвѣчалъ я, не будучи въ силахъ солгать этому ангелу.

Она вновь лишилась чувствъ, но теперь уже отъ горя. Время шло, рѣшеніе мое было принято. Я передалъ ее на руки Бюгъ-Жаргалю, глаза котораго были полны слезъ.

— Итакъ, ничто не можетъ удержать тебя?—сказалъ онъ мнѣ.— Я ничего не прибавлю къ тому, что ты видишь самъ. Какъ можешь ты противостоять Маріи? За одно изъ тѣхъ словъ, которыя она говорила тебѣ, я принесъ бы ей въ жертву цѣлый міръ, а ты не можешь пожертвовать ей своей смертью?

— Честью!—поправилъ я.—Прощай, Бюгъ-Жаргаль; прощай, братъ, завѣщаю ее тебѣ.

Онъ взялъ меня за руку, задумался и, казалось, едва слушалъ меня.

— Братъ, въ лагерѣ бѣлыхъ находится одинъ твой родственникъ, я передамъ ему Марію; я же не могу принять ее отъ тебя.

Онъ указалъ мнѣ на горную вершину, возвышавшуюся надъ всей окрестной мѣстностью.

— Взгляни на эту скалу; когда на ней взовьется флагъ, возвѣщающій о твоей смерти, не замедлитъ разнестись вѣсть и о моей. Прощай

Я обнялъ его, не вдумываясь въ невѣдомый для меня смыслъ этихъ послѣднихъ словъ; я поцѣловалъ блѣдный лобъ Маріи, понемногу приходившей въ себя въ объятіяхъ кормилицы, и поспѣшно убѣжалъ, изъ страха, чтобы ея первый взглядъ, ея первый стонъ не лишили меня силы.

XLIX.

Я бросился въ глубокій лѣсъ, возвращаясь по оставленнымъ нами слѣдамъ, не смѣя даже оглянуться назадъ. Точно желая заглушить преслѣдовавшія меня мысли, я бѣжалъ безъ отдыха черезъ чащи, саванны и холмы, пока, наконецъ, не выросъ передъ моими глазами на гребнѣ скалы, лагерь Біассу, съ его рядами тележекъ и землянокъ, гдѣ копошился цѣлый муравейникъ негровъ. Тутъ я остановился. И путь мой и существованіе мое были кончены. Усталость и волненіе сломили мои силы: я прислонился къ дереву, чтобы не упасть, разсѣянно пробѣгая глазами ту картину, которая развертывалась у моихъ ногъ на роковой саваннѣ.

До этой минуты я думалъ, что испилъ уже всѣ чаши горечи и желчи. Но я не вѣдалъ еще самаго горшаго изъ всѣхъ несчастій: нѣтъ ничего тяжелѣе, какъ быть принужденнымъ, благодаря нравственной силѣ, превышающей своимъ могуществомъ могущество событій, добровольно отказаться, будучи счастливымъ, отъ счастья, будучм въ живыхъ, отъ жизни.

Всего нѣсколько часовъ тому назадъ мнѣ было безразлично жить или умереть. Въ сущности, я не жилъ; крайнее отчаяніе—это въ своемъ родѣ смерть, заставляющая желать настоящей смертп. Но я былъ выведенъ изъ этого отчаянія; я вновь обрѣлъ Марію, мое было умершее блаженство, такъ сказать, воскресло, мое прошлое стало моимъ будущимъ, и всѣ мои затмившіяся было мечты, засіяли вновь, ослѣпительнѣе прежняго; и, наконецъ, сама жизнь,—жизнь, полная молодости, любви и радости, вновь разстилалась предо мною, открывая безконечные горизонты. Я могъ

вновь начать эту жизнь; все приглашало меня къ этому во мнѣ самомъ и внѣ меня. Никакого матеріальнаго препятствія, никакихъ видимыхъ нуждъ. Я былъ свободенъ, я былъ счастливъ и, однако, я долженъ былъ умереть.

Въ открывшемся мнѣ раю я сдѣлалъ только одинъ шагъ, и вдругъ, какой-то долгъ, даже не ясный, не очевидный, заставлялъ меня отступить назадъ и итти на казнь. Смерть—пустякъ для души, уже увядшей и осажденной невзгодами; но какъ мучительна ея рука, какъ она леденитъ, опускаясь на цвѣтущее сердце, согрѣтое радостями бытія! Я испытывалъ это на себѣ: на мгновеніе я вырвался изъ гроба, я упился въ это краткое мгновеніе всѣмъ тѣмъ, что есть самаго небеснаго на свѣтѣ,—любовью, преданностью, свободой; и теперь мнѣ приходилось вновь добровольно итти въ могилу!

L.

Когда упадокъ духа, вызванный сожалѣніемъ, прошелъ, мною овладѣло какое-то бѣшенство; я направился большими шагами въ долину, потому что чувствовалъ желаніе скорѣе все кончить. Я подошелъ къ передовымъ постамъ негровъ, но они приняли удивленный видъ и отказались пропустить меня. Странное дѣло! мнѣ пришлось почти упрашивать ихъ. Наконецъ, двое изъ нихъ схватили меня и повели къ Біассу.

Я вошелъ въ пещеру этого вождя.

Онъ оказался занятымъ провѣркой пружинъ различныхъ орудій пытокъ, окружавшихъ его. Онъ обернулся на шумъ, произведенный моимъ приходомъ, и присутствіе мое, повидимому, его не удивило.

— Видишь?—сказалъ онъ, указывая на окружавшія его гнусныя приготовленія.

Я остался невозмутимъ; жестокость «героя человѣчества» была мнѣ извѣстна, и я твердо рѣшилъ перенести все, не блѣднѣя.

— Не правда ли,—сказалъ онъ, усмѣхаясь,—не правда ли, что для Леогри было большимъ счастіемъ, что его только повѣсили?

Я взглянулъ на него съ холоднымъ презрѣніемъ и ни слова ему не отвѣтилъ.

— Велите предупредить господина капеллана,—сказалъ онъ тогда одному изъ своихъ адъютантовъ.

Съ минуту мы оба молчали, глядя другъ другу прямо въ лицо. Я наблюдалъ его, а онъ точно подсматривалъ за мною.

Въ эту минуту вошелъ Риго; онъ казался взволнованнымъ и заговорилъ съ генералиссимусомъ шопотомъ.

— Собрать всѣхъ моихъ военачальниковъ,—сказалъ спокойно Біассу.

Черезъ четверть часа всѣ военачальники, въ своихъ разнообразныхъ, странныхъ костюмахъ, собрались передъ пещерой.

Біассу всталъ и выпрямился во весь ростъ.

— Слушайте, amigos! Бѣлые разсчитываютъ напасть на насъ завтра на разсвѣтѣ. Позиція здѣсь не хороша, надо ее бросить,

выступимте всѣ въ путь когда солнце зайдетъ и отправимся къ испанской границѣ. Макайя, вы будете съ вашими бѣглыми неграми передовымъ отрядомъ. Падрежанъ, заколотите орудія, отнятыя у артиллеристовъ въ Пралото; въ горы ихъ брать нельзя. Туссэнъ послѣдуетъ за вами съ неграми Леогана и Тру. Если гріоты и ихъ бабы поднимутъ малѣйшій шумъ, я передамъ ихъ военному палачу. Подполковникъ Клу раздастъ англійскія ружья, взятыя на мысѣ Каброль, и поведетъ бывшихъ вольныхъ мулатовъ по тропинкамъ Висты. Плѣнниковъ, если таковые еще имѣются, надо перерѣзать. Стрѣлы всѣ отравить. Надо будетъ всыпать три бочки мышьяку въ тотъ ключъ, гдѣ берутъ воду для лагеря; колоніальныя войска примутъ мышьякъ за сахаръ и станутъ пить, ничего не опасаясь. Войска изъ Лембэ, Дондона и Акуля выступятъ вслѣдъ за Клу и Туссэномъ. Завалите глыбами скалы всѣ дороги саванны, обстрѣливайте всѣ проходы, поджигайте лѣса. Риго, оставайтесь подлѣ насъ. Канди, соберите вокругъ меня мой конвой. Негры Красной Горы составятъ арьергардъ и очистятъ саванну только на разсвѣтѣ.

Онъ нагнулся къ Риго и прошепталъ тихо:

— Это негры Бюгъ-Жаргаля; вотъ если бы враги могли ихъ перебить здѣсь! Погибнетъ шайка, погибнетъ и вождь! Идите, hermanos,—продолжалъ онъ, выпрямляясь.—Канди передастъ вамъ пароль и лозунгъ.

Военачальники удалились.

— Генералъ,—сказалъ Риго,—надо бы отправить депешу Жана-Франсуа. Дѣла наши плохи, а она могла бы остановить бѣлыхъ.

Біассу поспѣшно вытащилъ ее изъ кармана.

— Вы напомнили мнѣ о ней; но въ ней столько грамматическихъ ошибокъ, какъ они выражаются, что они надъ ней станутъ смѣяться.—Онъ протянулъ мнѣ бумагу, говоря:—Слушай, хочешь спасти свою жизнь? По своей добротѣ я еще разъ предлагаю это твоему упрямству. Помоги мнѣ передѣлать это письмо; я продиктую тебѣ свои мысли, а ты запишешь ихъ *стилемъ бѣлыхъ*.

Я качнулъ отрицательно головой. Онъ принялъ раздосадованный видъ.

— Значитъ, нѣтъ?—сказалъ онъ мнѣ.

— Нѣтъ!—отвѣчалъ я.

Онъ настаивалъ.

— Подумай хорошенько.

И его взглядъ какъ бы приглашалъ меня взглянуть на окружавшія его орудія пытки.

— Я потому и отказываюсь, что обдумалъ уже все,—продолжалъ я.—Мнѣ кажется, что ты опасаешься и за себя и за своихъ; и ты разсчитываешь, что твое письмо къ собранію задержитъ движеніе и месть бѣлыхъ. Мнѣ не нужна такая жизнь, которая, пожалуй, послужитъ спасеніемъ твоей жизни. Приступай къ моей казни.

— А! а! muchacho!—возразилъ Біассу, подталкивая ногой орудія пытки.—Мнѣ кажется, что ты ужъ ко всему этому привы-

каешь. Очень жаль, но мнѣ некогда дать тебѣ попробовать всего этого. Наша позиція опасна, и я долженъ поскорѣй ее оставить. А! ты отказываешься быть моимъ секретаремъ! Впрочемъ, ты правъ, потому что потомъ я все-таки умертвилъ бы тебя. Человѣкъ, владѣющій тайной Біассу, не можетъ оставаться въ живыхъ; къ тому же, милѣйшій, я обѣщалъ твою смерть господину капеллану.

И онъ обернулся къ только что вошедшему колдуну.

— Добрый отче, готовъ ли нашъ взводъ?

Тотъ отвѣчалъ ему утвердительнымъ жестомъ.

— Составили ли вы его изъ негровъ Красной Горы? Они единственные въ войскѣ, которымъ не приходится еще заниматься приготовленіями къ выступленію.

Колдунъ снова сдѣлалъ утвердительный знакъ.

Тогда Біассу указалъ мнѣ пальцемъ на большое черное знамя, которое я замѣтилъ еще раньше и которое красовалось въ одномъ изъ угловъ пещеры.

— Вотъ оно должно предупредить твоихъ сородичей, что они могутъ передать твой чинъ другому. Ты понимаешь что въ ту минуту я уже долженъ находиться въ пути. Кстати, ты только что прогулялся. Что ты скажешь объ окрестностяхъ?

— Что я видѣлъ тамъ, — отвѣчалъ я холодно, — столько деревьевъ, что ихъ хватитъ вполнѣ для того, чтобы перевѣшать тебя и всю твою шайку.

— Ну, что же! — возразилъ онъ со свирѣпой усмѣшкой. — Есть тутъ и еще одно мѣстечко, котораго ты, навѣрное, не замѣтилъ, и съ которымъ познакомитъ тебя добрый отче. Прощай, молодой капитанъ, поклонись отъ меня Леогри.

Послѣднимъ привѣтствіемъ его былъ этотъ смѣхъ, который напоминалъ мнѣ шипѣніе гремучей змѣи; потомъ онъ махнулъ рукой и повернулся ко мнѣ спиной. Его негры увели меня. Насъ сопровождалъ колдунъ въ покрывалѣ, съ четками въ рукахъ

LI.

Я шелъ съ ними, не оказывая никакого сопротивленія; по правдѣ говоря, оно было и безполезно.

Мы поднялись на вершину какой-то горы, возвышавшейся на западной сторонѣ саванны, гдѣ мы немного отдохнули; тамъ я бросилъ послѣдній взглядъ на заходившее солнце, восхода котораго мнѣ не суждено было болѣе видѣть. Отдохнувъ, мои проводники пошли снова, и я послѣдовалъ за ними.

Мы спустились въ маленькую долину, видъ которой восхитилъ бы меня во всякое иное время. Во всю ея ширину протекалъ потокъ, сообщавшій почвѣ плодоносную влажность; въ концѣ долины потокъ этотъ впадалъ въ одно изъ тѣхъ синихъ озеръ, которыми изобилуютъ горныя долины въ Санъ-Доминго. Сколько разъ, въ болѣе счастливыя времена, я бывало садился помечтать на берегу этихъ прекрасныхъ озеръ въ сумерки, когда лазурь

озерныхъ водъ превращается въ серебряную пелену, усѣянную, точно золотыми блестками, отраженіемъ первыхъ вечернихъ звѣздъ! Скоро наступятъ эти сумерки, но я долженъ былъ пройти мимо!

Какою прекрасною показалась мнѣ эта долина! Здѣсь возвышались чудные платаны, необыкновенно могучіе и высокіе, росли группы особаго вида пальмъ, до такой степени густыхъ, что подъ тѣнью ихъ не бываетъ другой растительности, финиковыя деревья, магноліи со своими широкими чашечками, высокія катальпы, глянцевитые и зубчатые листья которыхъ мелькали посреди золотыхъ гроздій древесныхъ ракитниковъ. Переплетались между собой различныя ползучія растенія. Зеленыя завѣсы ліанъ скрывали отъ глазъ коричневыя отвѣсныя стѣны сосѣднихъ скалъ. Всюду на этой дѣвственной почвѣ разливалось такое же первобытное благоуханіе, какъ то, которымъ, вѣроятно, упивался первый человѣкъ, вдыхая въ себя ароматъ первыхъ розъ земного рая.

Между тѣмъ, мы шли по тропинкѣ, проложенной по берегу потока. Къ удивленію своему, я увидалъ, что тропинка эта внезапно привела насъ къ островерхой скалѣ, внизу которой я разсмотрѣлъ отверстіе въ формѣ арки, откуда и вытекалъ потокъ. Изъ этой арки, пробитой самой природой, раздавался глухой шумъ и вырывался сильнѣйшій вѣтеръ.

Негры свернули налѣво на извилистую, неровную дорогу, точно промытую водами какого-нибудь давно высохшаго потока. Передъ нами оказался какой-то сводъ, входъ въ который наполовину заросъ терновникомъ и остролистникомъ. Подъ сводомъ этимъ раздавался шумъ, похожій на тотъ, что раздавался подъ аркой долины. Негры увлекли меня туда. Въ ту минуту, какъ я только что вошелъ въ это подземелье, ко мнѣ подошелъ колдунъ и сказалъ страннымъ голосомъ:

— Вотъ что я теперь могу предсказать тебѣ: только одинъ изъ насъ выйдетъ изъ-подъ этого свода и снова пойдетъ по только что пройденной нами дорогѣ.

Я не удостоилъ его отвѣтомъ.

Мы подвигались впередъ въ темнотѣ. Шумъ все усиливался; мы не различали болѣе звука своихъ собственныхъ шаговъ. Я разсудилъ, что шумъ этотъ долженъ былъ происходить отъ какого-нибудь водопада и не ошибся.

Послѣ десятиминутной ходьбы во мракѣ, мы достигли чего-то въ родѣ внутренней площадки, продѣланной самой природой въ центрѣ горы. Большая часть этой полукруглой площадки была залита бурнымъ потокомъ, вырывавшимся изъ горныхъ нѣдръ съ ужасающимъ шумомъ. Надъ этой подземной залой сводъ образовалъ нѣчто въ родѣ купола, покрытаго желтоватымъ плющомъ. Почти во всю ширину этого свода шла расщелина, черезъ которую проникалъ дневной свѣтъ и по краямъ которой росли зеленые кустарники, золотившіеся въ эту минуту лучами заходящаго солнца. На сѣверномъ краю площадки потокъ низвергался съ трескомъ въ бездну, на днѣ которой слегка колебался смутный

о постыдномъ предпочтеніи твоего дяди къ тому, кого онъ называлъ своимъ шутомъ! Хорошее предпочтеніе, нечего сказать!

Онъ злобно усмѣхнулся.

— Когда я входилъ въ ваши гостиныя, меня встрѣчали пренебрежительными смѣшками; мой ростъ, моя уродливость, смѣшной костюмъ, даже мои жалкія природныя немощи, — все во мнѣ служило предметомъ насмѣшекъ твоего гнуснаго дяди и его гнусныхъ друзей. А я не могъ даже молчать; я долженъ былъ, о rabia! присоединяться къ возбуждаемому мною смѣху! Отвѣчай, думаешь ли ты, что подобныя униженія могутъ послужить причиной благодарности со стороны человѣческаго существа? Думаешь ли ты, что онѣ не стоятъ тяжелой жизни другихъ невольниковъ, работы безъ отдыха подъ палящими лучами солнца, желѣзнаго обруча на шеѣ и кнута надсмотрщиковъ? Думаешь ли ты, что ихъ недостаточно для того, чтобы зародить въ человѣческомъ сердцѣ пламенной, неумолимой, вѣчной ненависти, такой же вѣчной, какъ и клеймо позора на моей груди? О! какъ долго я страдалъ и какъ коротка была моя месть! Зачѣмъ не могъ я подвергнуть своего тирана всѣмъ тѣмъ мученіямъ, что возобновлялись для меня ежедневно и ежеминутно! Зачѣмъ не могъ онъ, прежде чѣмъ умереть, познать горечь оскорбленной гордости и ощутить жгучіе слѣды, оставляемые слезами стыда и ярости на лицѣ, осужденномъ на непрестанный смѣхъ! Увы! какъ тяжело было такъ долго ждать минуты кары и покончить все однимъ ударомъ кинжала! Если бы еще онъ могъ знать, чья рука его сразила! Но я торопился услышать его предсмертный хрипъ и слишкомъ быстро вонзилъ свой кинжалъ; онъ умеръ, не узнавъ меня, и моя ярость испортила мое мщеніе! По крайней мѣрѣ, на этотъ разъ, оно будетъ полное. Но ты меня видишь, не правда ли? Положимъ, тебѣ трудно узнать меня въ этомъ совершенно новомъ для тебя видѣ. Ты видѣлъ меня всегда только смѣющимся и радостнымъ; теперь же, когда ничто не мѣшаетъ душѣ моей отражаться въ моихъ глазахъ, я, вѣроятно, не похожъ самъ на себя. Тебѣ была знакома только моя личина; вотъ мое лицо!

Оно было ужасно.

— Извергъ! — вскричалъ я. — Ты ошибаешься: въ звѣрствѣ твоего лица и твоего сердца все-таки еще есть что-то шутовское.

— Не говори о звѣрствѣ!—прервалъ Хабибра.—Вспомни о жестокости твоего дяди...

— Бездѣльникъ! — продолжалъ я въ негодованіи. — Если онъ былъ жестокъ, такъ это изъ-за тебя же! Ты сожалѣешь о судьбѣ несчастныхъ невольниковъ, но зачѣмъ же тогда ты пользовался тѣмъ вліяніемъ, которымъ ты былъ обязанъ слабости къ тебѣ своего господина, для того, чтобы обращать его противъ своихъ же братьевъ? Отчего не старался ты смягчать его въ ихъ пользу?

— Мнѣ это было бы вовсе не на руку! Чтобы я помѣшалъ хоть одному бѣлому запятнать себя звѣрствомъ! Нѣтъ! Нѣтъ! Напро-

тивъ, я внушалъ ему обращаться какъ можно хуже со своими невольниками для того, чтобы ускорить часъ возстанія, для того, чтобы чрезмѣрныя гоненія привели за собою месть! Когда я, повидимому, вредилъ своимъ братьямъ, я въ сущности служилъ ихъ интересамъ!

Такая глубина расчета, вызванная ненавистью, меня положительно подавляла.

— Ну, что же, — продолжалъ карликъ, — какъ ты находишь, сумѣлъ ли я обдумать и привести въ исполненіе свой замыселъ? Что ты скажешь о шутѣ Хабибрѣ? Что ты скажешь о шутѣ своего дяди?

— Доканчивай то, что ты началъ,—отвѣчалъ я ему.—Умертви меня, но поскорѣй!

Онъ принялся ходить взадъ и впередъ по площадкѣ, потирая руки.

— А если я не желаю торопиться? Если я хочу насладиться всласть твоими терзаніями? Видишь ли, за Біассу оставалась моя доля добычи отъ послѣдняго грабежа. Когда я увидалъ тебя въ лагерѣ негровъ, я попросилъ его подарить мнѣ за это только твою жизнь. Онъ охотно согласился, и теперь она моя! Это моя забава. Ты скоро послѣдуешь въ эту бездну за этимъ водопадомъ, будь спокоенъ; но сначала я долженъ тебѣ сказать, что я открылъ убѣжище, гдѣ скрывалась твоя жена, внушилъ Біассу мысль поджечь лѣсъ и теперь, вѣроятно, пожаръ уже начался. Такимъ образомъ, вся твоя семья уничтожена. Дядя твой погибъ отъ стального клинка, ты погибнешь въ водѣ, а твоя Марія—въ огнѣ!

— Подлецъ! подлецъ!—вскричалъ я, сдѣлавъ движеніе, чтобы броситься на него.

Онъ обернулся къ неграмъ,

— Ну, свяжите его! Онъ самъ ускорилъ свой часъ.

Тогда негры принялись молча вязать меня принесенными ими веревками. Вдругъ мнѣ послышался отдаленный собачій лай, но я принялъ этотъ звукъ за иллюзію, вызванную ревомъ водопада. Негры связали меня окончательно и подвели къ безднѣ, которая должна была меня поглотить. Скрестивши руки, карликъ смотрѣлъ на меня съ торжествующей радостью. Я поднялъ глаза къ расщелинѣ, чтобы не смотрѣть на его гнусное лицо и увидать еще разъ хоть клочокъ неба. Въ эту минуту послышался собачій лай уже сильнѣе и отчетливѣе. Въ отверстіе просунулась крупная голова—голова Раска. Я вздрогнулъ. Карликъ крикнулъ:

— Ну!

Негры, не разслышавшіе собачьяго лая, приготовились уже бросить меня въ пучину.

LIII.

— Товарищи!—крикнулъ громовой голосъ.

Всѣ обернулись: то былъ Бюгъ-Жаргаль. Онъ стоялъ на краю расщелины, на головѣ его развивалось красное перо.

— Товарищи,—повторилъ онъ,—остановитесь!

Негры пали ницъ. Онъ продолжалъ:

— Я — Бюгъ-Жаргаль!

Негры ударили челомъ въ землю, издавая крики, смыслъ кото ыхъ было трудно разобрать.

— Развяжите плѣнника! — крикнулъ вождь.

Въ эту минуту карликъ, какъ бы вышелъ изъ оцѣпенѣнія, ъ которое повергло его это неожиданное появленіе. Онъ внезапно остановилъ руки негровъ, готовыхъ уже разрѣзать мои уты.

— Какъ! что такое?—вскричалъ онъ.—Что это значитъ?

И, поднявъ голову къ Бюгъ-Жаргалю, онъ сказалъ.

— Вождь Красной Горы, зачѣмъ вы явились сюда?

Бюгъ-Жаргаль отвѣчалъ:

— Чтобы принять начальство надъ своими братьями!

— Правда,—сказалъ карликъ со сдержаннымъ бѣшенствомъ, — ти негры всѣ съ Красной Горы! Но по какому праву, — добаилъ онъ, возвышая голосъ, — распоряжаетесь вы моимъ плѣнниомъ?

Вождь отвѣчалъ:

— Я — Бюгъ-Жаргаль!

Негры опять стукнулись лбами оземь.

— Бюгъ-Жаргаль,—возразилъ Хабибра,—не можетъ отмѣнить ого, что приказалъ Біассу. Этотъ бѣлый былъ отданъ мнѣ іассу. Я хочу, чтобы онъ умеръ; онъ умретъ. Ну, вы, — сказалъ нъ неграмъ,—повинуйтесь! Киньте его въ бездну.

При властномъ голосѣ колдуна негры вскочили и сдѣлали шагъ о мнѣ. Я подумалъ уже, что все кончено.

— Развяжите плѣнника!—крикнулъ Бюгъ-Жаргаль.

Въ одну минуту меня освободили отъ путъ. Изумленіе мое быавносильно бѣшенству колдуна. Онъ хотѣлъ броситься на мено негры остановили его. Тогда онъ разразился ругательстваи угрозами.

— Demonios! rabia! infierno de mi alma! Какъ! негои! вы отказываетесь повиноваться мнѣ! вы не слушаетесь моего лоса! Зачѣмъ потерялъ я время на разговоръ съ этимъ проклямъ, мнѣ слѣдовало сейчасъ же бросить его на съѣденіе рыбамъ допада! Я пожелалъ болѣе полнаго мщенія, и теперь я вовсе его шаюсь! О, rabia de Satan! Слушайте, вы тамъ! Если вы не слушаетесь меня, если вы не бросите этого гнуснаго въ бездну, я васъ прокляну! Ваши волосы посѣдѣютъ; москиты и комары жрутъ васъ заживо; ваши руки и ноги согнутся какъ камышъ; рло ваше пересохнетъ и будетъ горѣть, какъ знойный песокъ; ѣ вы скоро перемрете и послѣ вашей смерти души ваши будутъ уждены вертѣть непрестанно жерновъ величиной съ гору, на нѣ, гдѣ стоитъ вѣчный морозъ.

Сцена эта произвела на меня необычайное впечатлѣніе. Я былъ этой мрачной и сырой пещерѣ единственный бѣлый, окруженй похожими на демоновъ неграми, ожидая каждую минуту, что

меня низвергнутъ въ бездонную пропасть; я былъ то предметом угрозъ этого отвратительнаго карлика, этого безобразнаго колдуна, пестрыя одежды и островерхая митра котораго едва виднѣлись въ слабомъ свѣтѣ пещеры, то меня защищалъ высокій статный негръ, появившійся предо мною на единственномъ пунктѣ, откуда можно было видѣть небо; и мнѣ казалось, что я нахожусь въ преддверіи ада, ожидая гибели или спасенія моей души, и присутствую при упорной борьбѣ моего добраго генія и злого духа.

Негры казались внѣ себя отъ ужаса подъ проклятіями колдуна. Желая воспользоваться ихъ нерѣшительностью и смятеніемъ, онъ вскричалъ:

— Я требую, чтобы бѣлый умеръ. Вы должны повиноваться! Смерть ему!

Бюгъ-Жаргаль отвѣчалъ серьезно:

— Онъ останется въ живыхъ! я — Бюгъ-Жаргаль. Отецъ мой былъ царемъ Каконго и творилъ судъ передъ своими воротами.

Негры снова пали ницъ.

Вождь продолжалъ:

— Братья! идите и скажите Біассу, чтобы онъ не вывѣшивалъ на горѣ того чернаго флага, который долженъ извѣстить бѣлыхъ о смерти этого плѣнника, ибо плѣнникъ этотъ спасъ жизнь Бюгъ-Жаргалю, и Бюгъ-Жаргаль хочетъ, чтобы онъ жилъ!

Они поднялись.

Бюгъ-Жаргаль бросилъ имъ свое красное перо. Командиръ взвода скрестилъ руки на груди и почтительно поднялъ перо, послѣ чего они вышли, не произнеся ни слова.

Колдунъ исчезъ вмѣстѣ съ ними во мракѣ подземелья.

Не стану пытаться описать вамъ, господа, то положеніе, в[...] торомъ я очутился. Я взглянулъ влажными глазами на П[...] который смотрѣлъ на меня, въ свою очередь, со страннымъ [...]женіемъ благодарности и гордости.

— Благодареніе Богу,—сказалъ онъ, наконецъ,—все с[...] Братъ, вернись назадъ тѣмъ же путемъ, какимъ пришелъ[...] Ты найдешь меня въ долинѣ.

Онъ сдѣлалъ мнѣ жестъ рукой и удалился.

LIV.

Торопясь на назначенное мѣсто свиданія и спѣша узнать, какой чудесный случай привелъ опять такъ кстати ко мнѣ моего спасителя, я собирался покинуть страшную пещеру. Но меня ждали еще въ ней новыя опасности. Въ ту минуту, какъ я направился къ подземной галлереѣ, неожиданное препятствіе заградило мнѣ внезапно входъ туда. То былъ опять Хабибра.

Злопамятный колдунъ не послѣдовалъ за неграми, какъ я это думалъ, а спрятался за гранитный столбъ, выжидая для своей мести болѣе удобнаго момента. Моментъ этотъ наступилъ. Передо мною выросъ внезапно карликъ, смѣясь мнѣ въ лицо.

Я былъ одинъ, безоруженъ, а въ его рукѣ сверкалъ кинжалъ, тотъ самый, что замѣнялъ ему крестъ. Увидя его, я невольно отступилъ.

— Ха! ха! проклятый! такъ ты думалъ, что избавился отъ меня! но шутъ менѣе глупъ, чѣмъ ты. Ты въ моей власти, и на этотъ разъ я не заставлю тебя ждать. Твой другъ Бюгъ-Жаргаль тоже не будетъ напрасно поджидать тебя. Ты явишься къ нему на свиданіе въ долину, только приведетъ тебя туда вотъ этотъ потокъ.

И съ этими словами онъ бросился на меня съ поднятымъ кинжаломъ.

— Чудовище!—сказалъ я ему, отступая на площадку.—Сейчасъ ты былъ только палачомъ, а теперь ты убійца!

— Это моя месть!—отвѣчалъ онъ, скрежеща зубами.

Въ эту минуту я находился на краю пропасти. Колдунъ стремительно ринулся на меня, намѣреваясь столкнуть меня туда взмахомъ кинжала. Я уклонился отъ удара. Онъ поскользнулся на этомъ скользкомъ мхѣ, которымъ были покрыты влажныя скалы, и покатился по склону скалы, отполированному водою.

— Тысяча дьяволовъ!—вскричалъ онъ рыча.

Онъ упалъ въ пропасть.

Я ужъ говорилъ вамъ, что изъ расщелинъ гранита, немного пониже краевъ пропасти, выступалъ узловатый корень стараго дерева. Падая, карликъ наткнулся на него, его обшитая галунами юбка запуталась между корней, и, ухватившись за эту послѣднюю точку опоры, онъ вцѣпился въ нее съ необыкновенной энергіей. Его островерхій колпакъ свалился съ головы, а кинжалъ ему пришлось выпустить изъ рукъ; и какъ это оружіе убійцы, такъ и гремящій колпакъ шута исчезли вмѣстѣ, стукаясь другъ о друга, въ глубинахъ водопада.

Хабибра, висѣвшій теперь надъ ужасной бездной, попытался сначала вскарабкаться опять на площадку; но его короткія руки не могли дотянуться до края откоса, и онъ оборвалъ всѣ ногти въ безсильныхъ попыткахъ зацѣпиться за липкую поверхность скалы, нависшей надъ мрачной пропастью. Онъ ревѣлъ отъ бѣшества.

Малѣйшаго толчка съ моей стороны было бы достаточно, чтобы сбросить его внизъ, но это была бы низость, и я не подумалъ объ этомъ ни на минуту. Эта сдержанность поразила его.

Благодаря Небо за такое неожиданное ниспосланное мнѣ спасеніе, я собирался покинуть злополучнаго карлика на произволъ судьбы и готовъ былъ ужъ выйти изъ подземелья, какъ вдругъ изъ бездны до меня донесся его голосъ, умоляющій и скорбный:

— Господинъ!—кричалъ онъ.—Господинъ! умоляю васъ, не уходите! заклинаю васъ именемъ Господнимъ, не дайте умереть безъ покаянія и съ преступленіемъ на душѣ человѣческому существу, которое вы можете спасти. Увы! силы оставляютъ меня, вѣтка скользитъ и гнется въ моей рукѣ, тяжесть моего тѣла увле-

каетъ меня внизъ, я выпущу вѣтку или она сломается. Увы! господинъ мой! подо мною зіяетъ ужасная пучина! Nombre santo de Dios! неужели вы нисколько не пожалѣете своего бѣднаго шута? Конечно, онъ преступенъ; но развѣ вы не докажете ему, что бѣлые лучше мулатовъ, а господа лучше невольниковъ?

Я приблизился къ пропасти, почти тронутый, и при тускломъ свѣтѣ, лившемся изъ расщелины, увидалъ, что на отталкивающемъ лицѣ карлика выступило невѣдомое мнѣ до сихъ поръ выраженіе,—выраженіе мольбы и отчаянія.

— Сеніоръ Леопольдъ,—продолжалъ онъ, ободренный вырвавшимся у меня движеніемъ жалости,—возможно ли, чтобы человѣкъ увидалъ подобнаго себѣ въ такомъ ужасномъ положеніи, чтобы онъ могъ прійти ему на помощь и не сдѣлалъ бы этого? Увы! протяните мнѣ руку, господинъ. Чтобы спасти меня нужна лишь самая маленькая помощь. Для меня это все, а для васъ это такъ немного! Потяните меня къ себѣ, ради Бога? Благодарность моя будетъ равна совершоннымъ мною преступленіямъ.

Я прервалъ его.

— Несчастный! не вызывай этого воспоминанія.

— Если я вспоминаю, такъ съ ненавистью къ содѣянному мною, господинъ мой!—заговорилъ онъ опять.—Ахъ! будьте великодушнѣе меня! О Небо! О Небо! Я слабѣю! Я падаю. Руку! вашу руку! протяните мнѣ руку! во имя вашей матери, родившей васъ на свѣтъ!

Не могу передать вамъ, до чего былъ жалобенъ этотъ голосъ, въ которомъ звучали ужасъ и страданіе! Я забылъ все. Передо мною былъ не врагъ, не предатель, не убійца, а просто несчастный человѣкъ, котораго я могъ спасти отъ страшной смерти цѣной легкаго усилія. Онъ такъ жалобно взывалъ ко мнѣ! Всякіе слова и упреки были бы безполезны и неумѣстны; помощь казалась необходимой. Я наклонился и, ставъ на колѣни на краю пропасти, опершись одной рукой о стволъ дерева, корень котораго поддерживалъ несчастнаго Хабибру, я протянулъ ему другую...

Какъ только онъ могъ дотянуться до нея, онъ схватилъ мою руку съ поразительной силой обѣими руками, но, вмѣсто того, чтобы стараться подняться наверхъ, куда я пытался его притянуть, я почувствовалъ, что онъ стремится увлечь меня съ собой въ пропасть.

Если бы стволъ дерева не служилъ мнѣ такой крѣпкой и надежной опорой, я непремѣнно былъ бы сброшенъ внизъ тѣмъ рѣзкимъ, сильнымъ и неожиданнымъ движеніемъ, которымъ потянулъ меня внизъ негодный карликъ.

— Негодяй!—вскричалъ я.—Что ты дѣлаешь?

— Я мщу!—отвѣчалъ онъ съ громкимъ и адскимъ смѣхомъ.—А! наконецъ-то ты мнѣ попался! Глупецъ! ты самъ себя предалъ! Ты въ моихъ рукахъ. Ты былъ спасенъ, а я погибалъ, а теперь ты самъ вернулся добровольно въ пасть крокодила, потому что

онъ стоналъ, переставъ рычать! Разъ моя смерть превращается въ месть, то меня это утѣшаетъ! Ты попался въ ловушку, другъ! и къ рыбамъ потока я явлюсь не одинъ, а съ товарищемъ.

— А! предатель! — проговорилъ я, напрягая всѣ свои силы, чтобы не сорваться.—Вотъ какъ ты вознаграждаешь меня за то, что я хотѣлъ спасти тебя отъ опасности!

— Да,—продолжалъ онъ,—я знаю, что я могъ бы спастись вмѣстѣ съ тобою, но я предпочитаю, чтобы ты погибъ вмѣстѣ со мной. Твою смерть я предпочитаю своей собственной жизни. Иди ко мнѣ!

Его бронзовыя, мозолистыя руки вцѣпились въ мою руку съ невообразимой силой; глаза его сверкали, у рта показалась пѣна; его силы, недавно было оставившія его, на что онъ такъ горестно жаловался, вернулись къ нему, удвоенныя бѣшенствомъ и местью; ноги его упирались точно рычаги въ перпендикулярныя стѣнки скалы, и онъ точно тигръ прыгалъ на корнѣ, поддерживавшемъ его противъ его воли, потому что одежда его зацѣпилась за древесныя узлы; ему хотѣлось бы оторвать отъ себя этотъ корень, чтобы увлечь меня поскорѣе внизъ всей тяжестью своего тѣла. Порой онъ переставалъ смѣяться, чтобы яростно грызть корень, и его ужасная усмѣшка сбѣгала съ его безобразнаго лица. Онъ казался грознымъ демономъ этой пещеры, старавшимся утащить свою жертву въ свой чертогъ безднъ и мрака.

Къ счастію, одно изъ моихъ колѣнъ уперлось въ одну изъ трещинъ скалы, а рука моя крѣпко обвилась вокругъ поддерживавшаго меня дерева, и я боролся противъ карлика со всей энергіей, какую можетъ только дать въ подобную минуту инстинктъ самосохраненія. Отъ времени до времени я съ трудомъ выпрямлялся и звалъ изъ всѣхъ силъ: «Бюгъ-Жаргаль!» Но грохотъ водопада и разстояніе подавали мнѣ мало надежды на то, чтобы онъ могъ услыхать мой голосъ.

Между тѣмъ, карликъ, не ожидавшій подобнаго сопротивленія, дергалъ меня къ себѣ все яростнѣе и яростнѣе. Я начиналъ терять силы, хотя борьба эта продолжалась менѣе времени, чѣмъ занялъ мой разсказъ о ней.

Карликъ такъ нестерпимо дергалъ меня за руку, что она была почти парализована; у меня мутилось въ глазахъ и передъ ними прыгали какія-то мутныя, багровыя пятна; въ ушахъ стоялъ звонъ; я слышалъ скрипъ корня, готоваго переломиться, смѣхъ чудовища, готоваго упасть, и мнѣ казалось, что ревущая бездна вздымается ко мнѣ, чтобы поглотить меня.

Но прежде чѣмъ поддаться изнеможенію и отчаянію, я рѣшился позвать еще одинъ послѣдній разъ; собравши всѣ свои упавшія силы, я крикнулъ еще разъ:

— Бюгъ-Жаргаль!

Въ отвѣтъ мнѣ послышался лай. Я узналъ Раска и поднялъ глаза въ ту сторону. На краю расщелины стояли Бюгъ-Жаргаль и его собака.

Не знаю, долетѣлъ ли до него мой голосъ, или онъ вернулся, движимый смутной тревогой. Онъ увидалъ въ какой я опасности.

— Держись хорошенько!—крикнулъ онъ мнѣ.

Хабибра, боясь, что я спасусь, кричалъ мнѣ, въ свою очередь, съ пѣной ярости у рта:

— За мной! за мной! сюда!

И, чтобы скорѣе покончить, онъ собралъ всѣ остатки своей поистинѣ сверхъестественной силы.

Въ эту минуту моя утомленная рука выпустила дерево. Все было бы для меня кончено, если бы меня не схватилъ кто-то сзади; то былъ Раскъ. По одному знаку своего хозяина онъ спрыгнулъ въ расщелину на площадку, и теперь пасть его крѣпко держала меня за полы моей одежды. Эта неожиданная помощь спасла меня.

Хабибра истощилъ всѣ свои силы въ послѣднемъ усиліи, а я призвалъ къ себѣ всю свою силу для того, чтобы вырвать у него свою руку. Его затекшіе и какъ бы закаменѣвшіе пальцы принуждены были, наконецъ, выпустить меня; корень который онъ такъ долго дергалъ и рвалъ, подломился подъ его тяжестью...

И вотъ, когда Раскъ съ силой потянулъ меня къ себѣ, гнусный карликъ пропалъ въ пѣнѣ мрачнаго водопада, кинувъ мнѣ какое-то проклятіе, которое я не разобралъ и которое упало съ нимъ вмѣстѣ въ бездну.

Такъ кончилъ свою жизнь шутъ моего дяди.

LV.

Эта страшная сцена, эта неистовая борьба и ея ужасная развязка, сломили меня. Я потерялъ всякія силы и былъ почти безъ чувствъ. Привелъ меня въ себя голосъ Бюгъ-Жаргаля.

— Братъ!—кричалъ онъ мнѣ,—выбирайся поскорѣе отсюда! Черезъ полчаса солнце зайдетъ. Я буду ждать тебя тамъ. Иди за Раскомъ.

Эти дружескія слова вернули мнѣ сразу надежду, силу и мужество. Я поднялся. Догъ быстро углубился въ подземную галлерею, я послѣдовалъ за нимъ, и его негромкій лай указывалъ мнѣ путь въ темнотѣ. Черезъ нѣсколько минутъ я увидалъ передъ собой свѣтъ; наконецъ, мы добрались до выхода, и я свободно вздохнулъ. Выходя изъ-подъ сырого и мрачнаго свода, я вспомнилъ предсказаніе карлика, когда мы сюда входили:

«Только одинъ изъ насъ вернется обратно по той же дорогѣ!»

Онъ обманулся въ своемъ ожиданіи, но пророчество его оправдалось.

LVI.

Добравшись до долины, я снова увидалъ Бюгъ-Жаргаля; я бросился въ его объятія и замеръ на его груди, еле дыша, желая задать ему тысячу вопросовъ и не будучи въ состояніи сказать ни слова.

— Слушай,—сказалъ онъ мнѣ,—твоя жена, моя сестра, находится въ безопасности. Я отвелъ ее въ лагерь бѣлыхъ и передалъ одному вашему родственнику, командующему аванпостами; я хотѣлъ сдаться въ плѣнъ, изъ боязни, чтобы вмѣсто меня не казнили тѣхъ десятерыхъ негровъ, что отвѣчаютъ за меня. Твой родственникъ сказалъ мнѣ, чтобы я бѣжалъ и постарался предупредить твою казнь, потому что десятерыхъ негровъ казнили бы только въ томъ случаѣ, если бы ты былъ казненъ, о чемъ Біассу долженъ былъ объявить, вывѣсивъ черный флагъ на самой высокой изъ нашихъ горъ. Тогда я бросился бѣжать, Раскъ указывалъ мнѣ путь, и, слава Богу, я поспѣлъ во-время! Ты останешься живъ, и я также.

Онъ протянулъ мнѣ руку и добавилъ:

— Доволенъ ли ты, братъ?

Я опять обнялъ его, заклиная не покидать меня больше, остаться со мною среди бѣлыхъ; я обѣщалъ ему чинъ въ колоніальной арміи. Онъ прервалъ меня съ суровымъ видомъ:

— Братъ, развѣ я предлагаю тебѣ поступить въ наши ряды?

Я промолчалъ, чувствуя свою неправоту. Онъ добавилъ весело:

— Идемъ скорѣе навѣстить и успокоить твою жену!

Предложеніе это отвѣчало моему сердечному стремленію, и я послѣдовалъ за нимъ, упоенный счастьемъ. Негръ зналъ дорогу и шелъ впереди меня. Раскъ бѣжалъ за нами...

Вдругъ д'Овернэ умолкъ и мрачно оглянулся. Со лба его катился крупными каплями потъ. Онъ закрылъ лицо рукой. Раскъ смотрѣлъ на него съ тревогой.

— Да, ты именно такъ смотрѣлъ на меня!—прошепталъ онъ.

Минуту спустя, онъ всталъ въ сильномъ волненіи и вышелъ изъ палатки. Догъ и сержантъ вышли за нимъ.

LVII.

— Держу пари,—вскричалъ Апри,—что мы приближаемся къ чему-то ужасному! Мнѣ было бы очень жаль, если бы съ Бюгъ-Жаргалемъ случилась бѣда; онъ такой молодецъ!

Паскаль вынулъ изо рта горлышко своей камышевой фляги и сказалъ:

— Я далъ бы двѣнадцать корзинъ портеру, чтобы видѣть тотъ кокосовый орѣхъ, изъ котораго онъ выпилъ залпомъ вино.

Альфредъ, мечтавшій о какой-то аріи на гитарѣ, вышелъ изъ задумчивости и попросилъ поручика Анри поправить ему аксельбанты; и затѣмъ онъ добавилъ:

— Этотъ негръ очень меня интересуетъ. Только я не рѣшаюсь еще спросить у д'Овернэ, зналъ ли онъ также арію hermosa de la Padilla.

— Біассу гораздо замѣчательнѣе,—заговорилъ опять Паскаль;—вино у него было, навѣрно, прескверное, но, по крайней мѣрѣ

человѣкъ этотъ зналъ, что такое французъ. Если бы я былъ его плѣнникомъ, я отпустилъ бы себѣ усы, чтобы онъ далъ мнѣ подъ нихъ нѣсколько піастровъ, какъ городъ Гоа далъ подъ усы денегъ португальскому капитану. Кредиторы мои, доложу вамъ, куда неумолимѣе чѣмъ Біассу.

— Кстати, капитанъ! Вотъ четыре луидора, которые я вамъ задолжалъ,— вскричалъ Анри, бросая свой кошелекъ Паскалю.

Капитанъ взглянулъ удивленными глазами на своего великодушнаго должника, который скорѣе могъ бы считать себя его кредиторомъ

Анри поспѣшно продолжалъ:

— Послушайте, господа, что вы думаете пока объ исторіи, которую намъ разсказалъ капитанъ?

— По правдѣ говоря, — сказалъ Альфредъ, — я слушалъ не очень-то внимательно, но признаюсь вамъ, что изъ устъ этого мечтателя д'Овернэ я надѣялся услыхать что-нибудь поинтереснѣе. Потомъ въ ней встрѣчается романсъ въ прозѣ, а я не люблю романсовъ въ прозѣ; на какой мотивъ ихъ пѣть? Въ сущности, исторія Бюгъ-Жаргаля мнѣ надоѣла, она слишкомъ длинна.

— Вы правы, — сказалъ адъютантъ Паскаль, — это черезчуръ длинно. Если бы у меня не было съ собой трубки и фляжки, то я провелъ бы прескверную ночь. Кромѣ того, замѣтьте, что тутъ много чепухи. Какъ повѣрить, напримѣръ, что этотъ маленькій уродецъ колдунъ... Какъ онъ его называлъ... Не припомню... Хабибатъ, кажется?.. Какъ повѣрить, чтобы онъ готовъ былъ утонуть самъ, лишь бы утопить своего врага?

Анри прервалъ его съ улыбкой:

— А особенно въ водѣ! Не правда ли, капитанъ Паскаль? Что касается до меня, то во все время разсказа д'Овернэ меня всего болѣе забавляло видѣть, какъ его хромая собака поднимала голову всякій разъ, какъ онъ произносилъ имя Бюгъ-Жаргаля.

Стукъ ружья часового предупредилъ о томъ, что д'Овернэ возвращается. Всѣ смолкли.

Онъ ходилъ нѣкоторое время взадъ и впередъ, скрестивъ руки и молча. Старый Тадэ, снова усѣвшійся въ уголкѣ, наблюдалъ за нимъ украдкой и притворялся, что гладитъ Раска, чтобы капитанъ не замѣтилъ его безпокойства.

Наконецъ, д'Овернэ снова заговорилъ.

LVIII.

«Раскъ» бѣжалъ за нами. Самая высокая скала долины не озарялась уже болѣе солнцемъ; но вдругъ по ней промелькнулъ какой-то слабый отблескъ и исчезъ. Негръ вздрогнулъ и стиснулъ мнѣ крѣпко руку.

— Слушай,—проговорилъ онъ.

И вотъ по долинамъ прокатился какой-то глухой гулъ, подобный пушечному залпу; эхо повторило повсюду этотъ рокотъ.

— Это сигналъ!—сказалъ негръ мрачнымъ голосомъ и добавилъ:—Вѣдь это пушечный выстрѣлъ, не такъ ли?

Я кивнулъ утвердительно головой.

Въ два прыжка онъ очутился на высокой скалѣ, я послѣдовалъ туда за нимъ. Онъ скрестилъ руки и грустно улыбнулся.

— Видишь?—сказалъ онъ мнѣ.

Я взглянулъ въ ту сторону, куда онъ мнѣ указывалъ, и увидалъ ту горную вершину, что онъ показалъ мнѣ во время моего свиданія съ Маріей. Она была единственная, которую еще освѣщало солнцемъ, на ней развѣвался большой черный флагъ.

Здѣсь д'Овернэ сдѣлалъ паузу.

Потомъ я узналъ, что Біассу, торопясь выступать и думая, что я умеръ, приказалъ вывѣсить флагъ еще до возвращенія того взвода, которому было поручено казнить меня.

Бюгъ-Жаргаль все еще стоялъ, скрестивъ руки и созерцая мрачный флагъ. Вдругъ онъ быстро обернулся и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, чтобы спуститься со скалы.

— Боже! Боже! Мои несчастные товарищи!

Онъ обернулся ко мнѣ и спросилъ:

— Слышалъ ты пушечный выстрѣлъ?

Я не отвѣчалъ.

— То былъ сигналъ, братъ! Теперь ихъ ведутъ на казнь.

Голова его упала на грудь. Онъ подошелъ еще ближе ко мнѣ.

— Иди къ своей женѣ, братъ. Раскъ проводитъ тебя.

Онъ засвисталъ какую-то африканскую мелодію, собака завиляла хвостомъ и выказала намѣреніе отправиться по извѣстному направленію.

Бюгъ-Жаргаль взялъ меня за руку и пытался улыбнуться, но улыбка эта была какая-то судорожная.

— Прощай!—крикнулъ онъ мнѣ могучимъ голосомъ и скрылся въ чащѣ окружавшихъ насъ деревьевъ.

Я стоялъ, какъ окаменѣлый. То немногое, что я понялъ изъ только что происшедшаго, внушало мнѣ самыя мрачныя предчувствія.

Раскъ, видя, что хозяинъ его исчезъ, подбѣжалъ къ краю и сталъ мотать головой, испуская жалобный вой. Потомъ онъ вернулся, опустивъ хвостъ; его большіе глаза были влажны; онъ посмотрѣлъ на меня съ тревогой, потомъ побѣжалъ опять къ тому мѣсту, откуда ушелъ его хозяинъ и сталъ лаять.

Я понялъ его, потому что ощущалъ тѣ же самыя опасенія, что и онъ. Я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ въ его сторону; тогда онъ пустился бѣжать, какъ стрѣла, по слѣдамъ Бюгъ-Жаргаля, и я скоро потерялъ бы его изъ вида, хотя самъ и бѣжалъ во весь духъ, если бы онъ не останавливался отъ времени до времени, точно желая дать мнѣ время догнать его.

Такъ мы пробѣжали нѣсколько долинъ, перебрались черезъ овраги и холмы, заросшіе группами деревьевъ и кустарникомъ. Наконецъ...

Голосъ д'Овернэ оборвался. На лицо его легло выраженіе мрачнаго отчаянія, и онъ едва могъ произнести:

— Продолжай, Тадэ, потому что у меня силъ теперь не больше, чѣмъ у дряхлой старухи.

Старый сержантъ былъ не менѣе взволнованъ, чѣмъ капитанъ; но все же онъ повиновался ему.

— Съ вашего разрѣшенія... Разъ вы того желаете, ваше благородіе... Надо вамъ сказать, господа офицеры, хотя Бюгъ-Жаргаль, по прозвищу Пьерро, и былъ славный негръ, очень кроткій, сильный, мужественный и первый храбрецъ въ мірѣ, послѣ вашего благородія, все же я былъ очень возстановленъ противъ него, чего я никогда себѣ не прощу, хотя вы-то мнѣ ужъ это простили. Такимъ образомъ, г. капитанъ, услыхавъ, что васъ собираются убить на второй день вечеромъ, я пришелъ въ неистовую ярость противъ этого бѣдняги, и съ настоящимъ адскимъ удовольствіемъ объявилъ ему, что если такъ, то либо его, либо десятерыхъ его сородичей мы разстрѣляемъ за компанію съ вами, чтобы, такъ сказать, воздать возмездіе. При этомъ извѣстіи онъ не промолвилъ ни слова, только часъ спустя онъ бѣжалъ, продѣлавъ большую дыру...

Д'Овернэ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе, Тадэ продолжалъ:

— Хорошо! Когда мы увидали на горѣ большой черный флагъ, такъ какъ онъ еще не возвратился, что не удивляло насъ, съ вашего разрѣшенія, господа офицеры, то данъ былъ пушечный сигналъ, и мнѣ было поручено отвести десятерыхъ негровъ на мѣсто казни, называвшейся Чортовымъ-Ртомъ и отстоящее отъ лагеря приблизительно... Впрочемъ, не все ли это равно? Когда мы пришли туда, то вы понимаете, господа, что это было не для того, чтобы отпустить чернокожихъ во-свояси; я велѣлъ ихъ связать, какъ полагается, и разставилъ свои взводы. Вдругъ я вижу, что изъ лѣсу выходитъ высокій негръ. У меня даже руки опустились. Онъ подошелъ ко мнѣ, запыхавшись.

— Я поспѣлъ во-время! — проговорилъ онъ. — Здравствуй, Тадэ.

— Да, господа, онъ только это и сказалъ, а потомъ пошелъ развязать своихъ соотечественниковъ. Я стоялъ, какъ столбъ. Тогда, съ вашего разрѣшенія, г. капитанъ, между нимъ и неграми завязался великодушный споръ, которому, право, слѣдовало бы подольше продолжаться... Ну, все равно! Да, винюсь, я самъ прекратилъ этотъ споръ. Онъ занялъ мѣсто негровъ. Въ эту минуту его большой песъ... Бѣдный Раскъ! Онъ какъ прибѣжалъ, такъ и вцѣпился мнѣ въ горло. Право, ему слѣдовало бы такъ подольше подержать меня! Но Пьерро сдѣлалъ знакъ, и онъ бѣдный выпустилъ меня; однакоже, Бюгъ-Жаргаль не могъ помѣшать ему растянуться у его ногъ... Я считалъ васъ умершимъ, г. капитанъ, я былъ внѣ себя отъ гнѣва... Я крикнулъ...

Сержантъ протянулъ руку, взглянулъ на капитана, но не могъ произнести рокового слова.

— ...Бюгъ-Жаргаль упалъ. Одна изъ пуль раздробила лапу его пса. Съ тѣхъ поръ, господа офицеры,—и сержантъ печально поникъ головой,—съ тѣхъ самыхъ поръ Раскъ хромаетъ. Тутъ я

услышалъ стоны въ сосѣдней рощѣ и побѣжалъ туда... Стонали вы, г. капитанъ, потому что въ васъ попала одна изъ пуль въ ту минуту, какъ вы спѣшили, чтобы спасти этого славнаго негра. Да, г. капитанъ, вы стонали; но стонали вы о немъ! Бюгъ-Жаргаль былъ мертвъ! А васъ принесли обратно въ лагерь. Ваша рана была менѣе опасна, чѣмъ его раны, и вы поправились, благодаря отличному уходу вашей супруги.

Сержантъ остановился, д'Овернэ повторилъ торжественнымъ и скорбнымъ голосомъ:

— Бюгъ-Жаргаль былъ мертвъ!

Тадэ опустилъ голову.

— Да, — сказалъ онъ, — онъ пощадилъ мою жизнь, а я его убилъ!

ПРИМѢЧАНІЕ.

Такъ какъ читатели имѣютъ привычку требовать окончательныхъ разъясненій относительно судьбы каждаго изъ дѣйствующихъ лицъ, къ которымъ авторъ пытается внушить имъ интересъ, то, желая удовлетворить этому желанію, были произведены розыски насчетъ послѣдующей судьбы капитана Леопольда д'Овернэ, его сержанта и его собаки.

Читатель, быть-можетъ, помнитъ, что мрачная меланхолія капитана имѣла двѣ причины: смерть Бюгъ-Жаргаля, по прозвищу Пьерро, и потеря его дорогой Маріи, спасшейся отъ пожара форта Галифе точно нарочно для того, чтобы погибнуть вскорѣ же послѣ того во время перваго пожара въ Капѣ.

Что же касается самого капитана д'Овернэ, то вотъ что удалось узнать на его счетъ.

На другой день послѣ большого сраженія, выиграннаго войсками французской республики противъ европейской арміи, дивизіонный генералъ М., назначенный главнымъ командиромъ, сидѣлъ одинъ въ своей палаткѣ, составляя по замѣткамъ начальника своего генеральнаго штаба, рапортъ о вчерашнемъ сраженіи, предназначавшійся для отсылки національному конвенту.

Къ нему явился адъютантъ доложить, что его желаетъ видѣть народный представитель, присланный съ полномочіями.

Генералъ ненавидѣлъ этотъ сортъ посланниковъ въ красныхъ фригійскихъ колпачкахъ, посылавшихся партіей монтаньяровъ въ лагери, чтобы позорить и растлѣвать ихъ; этихъ присяжныхъ доносчиковъ, которымъ поручалось палачами шпіонить за славой. Однако, отклонить посѣщеніе одного изъ нихъ было бы опасно, особенно послѣ побѣды, а потому генералъ приказалъ ввести къ себѣ представителя.

Послѣ нѣсколькихъ двусмысленныхъ, въ ограничительномъ духѣ, поздравленій, представитель, подойдя ближе къ генералу, сказалъ ему вполголоса:

— Это не все, гражданинъ-генералъ; истреблять внѣшнихъ враговъ недостаточно, надо еще истреблять враговъ внутреннихъ.

— Что вы хотите сказать, гражданинъ-представитель?—спросилъ удивленный генералъ.

— Въ вашей арміи,—продолжалъ таинственно комиссаръ конвента,—есть одинъ капитанъ по имени Леопольдъ д'Овернэ, онъ служитъ въ 32-й полубригадѣ. Знаете ли вы его, генералъ?

— Какъ же не знать!—отвѣчалъ генералъ.—Я именно только что читалъ рапортъ полкового адъютанта, касающійся его. 32-я полубригада имѣла въ немъ отличнаго капитана.

— Какъ, гражданинъ-генералъ!—сказалъ представитель съ высокомѣріемъ.—Развѣ вы дали ему другой чинъ?

— Не скрою отъ васъ, гражданинъ-представитель, что именно таково было мое намѣреніе.

Здѣсь комиссаръ прервалъ повелительно генерала:

— Побѣда ослѣпляетъ васъ, генералъ... Остерегитесь того, что вы дѣлаете и говорите. Если вы станете согрѣвать на своей груди змѣй, враговъ народа, то бойтесь, какъ бы народъ не раздавилъ васъ, желая раздавить змѣй! Этотъ Леопольдъ д'Овернэ аристократъ, анти-революціонеръ, роялистъ, жирондистъ. Общественное правосудіе требуетъ его выдачи. Вы должны выдать мнѣ его немедленно.

Генералъ холодно отвѣчалъ:

— Не могу.

— Какъ! Вы не можете!—продолжалъ комиссаръ, все болѣе и болѣе распаляясь.—Развѣ вы не знаете, генералъ, что здѣсь нѣтъ иной неограниченной власти, кромѣ моей? Республика приказываетъ вамъ, а вы не можете! Выслушайте меня. Я хочу, изъ снисхожденія къ вашимъ успѣхамъ, прочесть вамъ записку, относящуюся къ этому д'Овернэ, которая выдана мнѣ и которую я долженъ отправить вмѣстѣ съ его особой къ общественному обвинителю. Это извлечено изъ списка именъ, въ концѣ котораго вы не пожелаете принудить меня поставить ваше имя. Слушайте:

«Леопольдъ Овернэ (бывшій д'Овернэ), капитанъ 32-й полубригады уличается: во-первыхъ, въ томъ, что разсказалъ на совѣщаніи заговорщиковъ безусловно противореволюціонную исторію, клонившуюся къ высмѣиванію принциповъ равенства и свободы и прославленію прежнихъ суевѣрій, извѣстныхъ подъ именемъ *королевскаго достоинства и религіи;* во-вторыхъ, въ употребленіи выраженій, отвергаемыхъ всѣми добрыми санкюлотами, желая охарактеризовать различныя памятныя событія, а именно: освобожденіе бывшихъ негровъ Санъ-Доминго; уличается, въ-третьихъ, въ томъ, что всегда въ своемъ разсказѣ употреблялъ слово *господинъ,* а не слово *гражданинъ;* наконецъ, въ-четвертыхъ, въ томъ, что этимъ самымъ разсказомъ онъ открыто умышлялъ низверженіе республики въ пользу партіи жирондистовъ и бриссонистовъ. Онъ подлежитъ смерти».

— Ну, что же, генералъ, что вы объ этомъ скажете? Станете ли вы еще скрывать этого измѣнника? Станете еще колебаться выдать этого врага отечества?

— Этотъ врагъ отечества,—возразилъ съ достоинствомъ генералъ,—пожертвовалъ для него собою. На извлеченіе изъ вашего рапорта я отвѣчу вамъ извлеченіемъ изъ моего. Слушайте въ свою очередь:

«Леопольдъ д'Овернэ, капитанъ 32-й полубригады, рѣшилъ новую побѣду нашего оружія. Союзниками былъ построенъ грозный редутъ; онъ былъ ключомъ всей позиціи и его было необходимо взять. Смерть перваго храбреца, который вздумалъ бы напасть на него, была неизбѣжна. Капитанъ д'Овернэ пожертвовалъ собою; онъ взялъ редутъ, былъ тамъ убитъ, и мы побѣдили. Подлѣ него найдены мертвыми сержантъ Тадэ, 32-й полубригады, и собака.

Мы предлагаемъ національной конвенціи постановить, что капитанъ Леопольдъ д'Овернэ отличился на службѣ отечеству».

— Вы видите, представитель, — продолжалъ спокойно генералъ,—всю разницу нашихъ миссій; каждый изъ насъ отправляетъ, съ своей стороны, рапортъ конвенту. Одно и то же имя встрѣчается въ обоихъ рапортахъ. Вы выдаете это имя за имя измѣнника, а я—за имя героя; вы приговариваете его къ позору, я—къ славѣ; вы приказываете строить эшафотъ, а я приказываю воздвигнуть трофей; у каждаго своя роль. Однако, это большое счастье, что храбрецъ этотъ палъ на полѣ брани и тѣмъ избавился отъ вашихъ козней. Слава Богу! Тотъ, кого вы хотѣли умертвить, уже умеръ. Онъ не дождался васъ.

Комиссаръ, разозлившись, что состряпанный имъ заговоръ исчезалъ вмѣстѣ съ заговорщикомъ, пробормоталъ сквозь зубы:

— Онъ умеръ! Это жаль!

Генералъ услыхалъ эти слова и вскричалъ съ негодованіемъ:

— У васъ остается еще одно средство, гражданинъ-представитель народа! Подите и отыщите тѣло капитана д'Овернэ подъ обломками редута. Какъ знать? Быть-можетъ, вражескія ядра не тронули голову трупа, и она уцѣлѣла для національной гильотины!

КОНЕЦЪ.

КЛОДЪ ГЁ.

Разсказъ. Переводъ Л. П. Никифорова.

Семь или восемь лѣтъ тому назадъ въ Парижѣ жилъ бѣдный рабочій по имени Клодъ Гё. Съ нимъ жили дѣвушка, его возлюбленная, и ребенокъ самой дѣвушки. Я излагаю факты, какъ они есть, предоставляя читателю извлекать нравоученія по мѣрѣ того, какъ факты разсѣиваютъ ихъ на своемъ пути. Рабочій этотъ былъ человѣкъ способный, ловкій, разумный, мало образованный, но прекрасно одаренный отъ природы. Онъ не умѣлъ читать, но умѣлъ мыслить. Однажды, зимой, наступила безработица, на чердакѣ не было ни топлива, ни хлѣба. Мужчина, дѣвушка и ребенокъ зябли и голодали. Рабочій укралъ. Не знаю что и гдѣ онъ укралъ, знаю только, что въ результатѣ этой кражи получилось на три дня хлѣба и топлива для женщины и для ребенка и на пять лѣтъ тюрьмы для мужчины.

Для отбыванія срока наказанія, мужчина былъ отправленъ въ центральную тюрьму Клерво. Клерво — аббатство, превращенное въ острогъ, келья, превращенная въ карцеръ, алтарь, обращенный въ позорный столбъ.

Когда мы говоримъ о прогрессѣ, нѣкоторые люди такъ понимаютъ и осуществляютъ его. Вотъ смыслъ, который они придаютъ нашему слову.

Продолжаемъ.

По прибытіи туда, его отправляли на ночь въ тюрьму, а на день въ мастерскую. Я порицаю не мастерскую

Клодъ Гё, недавно еще честный рабочій, ставшій воромъ, имѣлъ достойный и внушительный видъ. У него былъ высокій лобъ, хотя и молодой, но уже съ рядами морщинъ, нѣсколько сѣдыхъ волосъ бѣлѣли въ черныхъ прядяхъ, кроткіе глаза глубоко сидѣли подъ дугой хорошо очерченныхъ бровей. Открытыя ноздри, выдающійся подбородокъ, презрительныя губы—это была дѣйствительно прекрасная голова. Посмотримъ, что сдѣлало съ ней общество.

Онъ говорилъ рѣдко, мало жестикулируя, но что-то величественное во всей его особѣ заставляло невольно повиноваться. Онъ имѣлъ задумчивый видъ, скорѣе серьезный, чѣмъ страдающій, хотя онъ и много страдалъ.

Въ тюрьмѣ, куда былъ запертъ Клодъ Гё, имѣлся директоръ мастерскихъ, извѣстнаго рода чиновникъ, приспособленный къ тюрьмамъ и совмѣщающій одновременно роль сторожа и роль торговца: онъ въ одно и то же время является распорядителемъ рабочихъ и грозой арестантовъ; онъ даетъ въ руки инструментъ

и надѣваетъ на ноги оковы. Этотъ господинъ былъ своего рода разновидностью такихъ господъ: порывистый, жестокій, преданный своимъ идеямъ, бдительно охраняющій свой авторитетъ; впрочемъ, при случаѣ, онъ былъ добрымъ товарищемъ, даже веселымъ, изящнымъ шутникомъ; былъ скорѣе упрямъ, чѣмъ твердъ; не разсуждалъ ни съ кѣмъ, даже съ самимъ собою; онъ былъ добрымъ отцомъ, конечно, и добрымъ мужемъ, что считается обязанностью, а не добродѣтелью; словомъ, это былъ недурной, не злой человѣкъ, одинъ изъ тѣхъ людей, въ которыхъ нѣтъ ничего вибрирующаго, эластичнаго. Они составлены изъ инертныхъ частицъ; они не разсуждаютъ при столкновеніи съ какой бы то ни было идеей, при соприкосновеніи съ какимъ бы то ни было чувствомъ; гнѣвъ ихъ холоденъ, ненависть угрюма, вспышки безъ увлеченій; они воспламеняются, не нагрѣваясь, способность къ теплымъ чувствамъ у нихъ отсутствуетъ. Часто кажется, что они деревянные. Они горятъ съ одного конца и холодны съ другого. Главной діагональной линіей характера этого человѣка было упорство; онъ этимъ гордился и сравнивалъ себя съ Наполеономъ. Но это просто оптическій обманъ. Многіе люди обманываются на этотъ счетъ и на извѣстномъ разстояніи принимаютъ упорство за твердость воли и свѣчку за звѣзду. Когда такой человѣкъ рѣшилъ примѣнять то, что онъ называетъ своей волей, къ какой-нибудь нелѣпости, тогда онъ идетъ съ высокоподнятой головой чрезъ всѣ препятствія до самаго конца своей нелѣпости. Это упрямство безъ ума, глупость, припаянная къ концу тупости и служащая ей придаткомъ. Такіе люди идутъ далеко.

Вообще, когда на насъ обрушивается какая-нибудь частная или общественная катастрофа, и мы по обломкамъ, валяющимся на землѣ, изслѣдуемъ какимъ образомъ она произошла, то почти всегда находимъ, что она была слѣпо задумана человѣкомъ заурядным, но самоувѣреннымъ и самодовольнымъ. На свѣтѣ много такихъ мелкихъ, роковыхъ личностей, которыя считаютъ себя орудіемъ провидѣнія.

Такъ вотъ каковъ былъ директоръ мастерскихъ центральной тюрьмы Клерво. Вотъ изъ чего состояло то огниво, которымъ общество ежедневно ударяло по арестантамъ, чтобы извлечь изъ нихъ искры.

Искры, которыя подобныя огнива извлекаютъ изъ такихъ кремней, часто являются причиной пожара.

Мы сказали, что, прибывъ въ Клерво, Клодъ былъ зачисленъ подъ номеромъ въ мастерскую и приставленъ къ дѣлу. Директоръ мастерскихъ ознакомился съ нимъ, призналъ его хорошимъ работникомъ и относился къ нему хорошо. Однажды даже, будучи въ въ хорошемъ расположеніи духа и видя, что Клодъ груститъ, такъ какъ онъ всегда думалъ о той, кого онъ называлъ своей женой, директоръ мимоходомъ и чтобы утѣшить его сообщилъ ему, что эта несчастная сдѣлалась публичной женщиной. Клодъ холодно освѣдомился, что сдѣлалось съ ребенкомъ, но объ этомъ ничего не было извѣстно.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, Клодъ приспособился къ тюремной атмосферѣ и, повидимому, ни о чемъ уже больше не думалъ. Своего рода веселость духа снова взяла верхъ.

Къ тому же, приблизительно, времени, Клодъ пріобрѣлъ удивительное вліяніе на всѣхъ своихъ товарищей. Какъ бы по молчаливому соглашенію, при чемъ никто, даже самъ онъ, не зналъ почему, всѣ эти люди совѣтовались съ нимъ, слушали его, восхищались имъ и подражали ему, что составляетъ высшее проявленіе вліянія восторга. Добиться послушанія всѣхъ этихъ своевольныхъ натуръ—не малая слава. Эта власть его сказалась безъ его вѣдома. Она зависѣла отъ взгляда его глазъ. Глазъ человѣка — это окно, чрезъ которое видны мысли, проходящія въ его головѣ.

Поставьте человѣка идейнаго въ среду людей не идейныхъ, и въ концѣ извѣстнаго промежутка времени, по закону непреодолимаго влеченія, всѣ эти темные умы станутъ почтительно и благоговѣйно тяготѣть къ свѣтлому уму. Есть люди — желѣзо, и есть люди—магнитъ. Клодъ былъ магнитомъ.

И такъ менѣе чѣмъ черезъ три мѣсяца Клодъ сдѣлался душой, закономъ и порядкомъ мастерской. Всѣ стрѣлки двигались по его циферблату. Навѣрное онъ и самъ иногда недоумѣвалъ король онъ или узникъ.

Онъ былъ какъ будто плѣнный папа съ своими кардиналами. И въ силу весьма естественнаго противодѣйствія, сказывающагося на всѣхъ ступеняхъ лѣстницы, любовь арестантовъ породила ненависть тюремщиковъ. Это явленіе общее. Популярность всегда сопровождается немилостью. Любовь рабовъ идетъ рядомъ съ ненавистью рабовладѣльцевъ.

У Клода Гё былъ громадный аппетитъ. Это было особенностью его организаціи. Желудокъ его былъ такъ устроенъ, что пищи двухъ обыкновенныхъ людей для него едва было достаточно ему. Подобный же аппетитъ былъ у Командили, и онъ подсмѣивался надъ нимъ; но то, что подаетъ поводъ для смѣха герцогу, испанскому гранду, владѣющему сотнею тысячъ барановъ, является бременемъ для рабочаго и несчастьемъ для узника.

Клодъ Гё, на свободѣ, на своемъ чердакѣ, работалъ цѣлый день, зарабатывалъ свои четыре фунта хлѣба и съѣдалъ ихъ. Клодъ Гё, въ тюрьмѣ, работалъ цѣлый день и неизмѣнно получалъ за свой трудъ полтора фунта хлѣба и четверть фунта мяса. Порція эта не мѣнялась, такъ что Клодъ постоянно голодалъ въ тюрьмѣ Клерво. Онъ былъ голоденъ,—вотъ и все. Не въ его натурѣ было разговаривать объ этомъ.

Однажды Клодъ, проглотивъ свою скудную порцію, вернулся къ своему станку, думая заглушить голодъ. Другіе арестанты еще съ удовольствіемъ ѣли, когда къ нему подошелъ одинъ юноша блѣдный и слабый, державшій въ рукѣ свой паекъ, къ которому еще не прикасался и ножъ. Онъ стоялъ рядомъ съ Клодомъ, какъ будто собираясь что-то сказать ему и не рѣшаясь. Этотъ человѣкъ, его хлѣбъ и его мясо раздражали Клода.

— Что тебѣ нужно?—спросилъ онъ, наконецъ, довольно рѣзко.

— Окажи мнѣ услугу,—отвѣчалъ робко юноша.

— Какую?—спросилъ Клодъ.

— Помоги мнѣ съѣсть это. Тутъ для меня слишкомъ много.

На гордыхъ глазахъ Клода выступили слезы. Онъ взялъ ножъ, раздѣлилъ порцію юноши на двѣ равныя части, одну изъ нихъ взялъ себѣ и сталъ ѣсть.

— Спасибо,—сказалъ молодой человѣкъ.—Если хочешь, будемъ дѣлиться такъ каждый день.

— Какъ тебя зовутъ?—спросилъ Клодъ.

— Альбенъ.

— За что ты здѣсь?—спросилъ Клодъ.

— За кражу.

— Я тоже за кражу,—сказалъ Клодъ.

И дѣйствительно, они стали дѣлиться такъ ежедневно. Клоду Гё было тридцать шесть лѣтъ, но иногда онъ казался пятидесятилѣтнимъ, до такой степени обычное настроеніе его было серьезно. Альбену было двадцать лѣтъ, но казалось не больше семнадцати, такъ много невинности сказывалось еще во взорахъ этого «вора». Между ними завязалась тѣсная дружба, но скорѣе дружба отца къ сыну, чѣмъ брата къ брату. Альбенъ былъ еще почти ребенкомъ, Клодъ—почти старикомъ.

Они работали въ одной мастерской, спали подъ однимъ и тѣмъ же тюремнымъ сводомъ, гуляли на одной и той же площадкѣ, ѣли одинъ и тотъ же хлѣбъ. Каждый изъ двухъ друзей былъ цѣлымъ міромъ для другого. И они были, повидимому, счастливы.

Мы уже говорили о директорѣ мастерской. Этому человѣку, ненавидимому арестантами, чтобы добиться отъ нихъ послушанія, приходилось часто обращаться къ Клоду Гё, котораго всѣ любили. Не разъ, когда требовалось предотвратить бунтъ или безпорядокъ, неофиціальная власть Клода Гё оказывала серьезную поддержку официальной власти директора. Дѣйствительно, для обузданія арестантовъ десять словъ Клода стоили десяти жандармовъ. Клодъ много разъ оказывалъ эту услугу директору. За то же директоръ и ненавидѣлъ его всѣмъ сердцемъ. Онъ завидовалъ этому вору. Онъ хранилъ въ глубинѣ души завистливую, неумолимую ненависть къ Клоду, ненависть законнаго государя, къ государю фактическому, свѣтской власти къ власти духовной.

Нѣтъ злѣе подобной ненависти.

Клодъ сильно любилъ Альбена и не думалъ о директорѣ.

Однажды утромъ, когда сторожа пропускали арестантовъ попарно изъ камеръ въ мастерскую, привратникъ окликнулъ Альбена, шедшаго съ Клодомъ и сказалъ, что его спрашивалъ директоръ.

— Чего ему отъ тебя нужно?—спросилъ Клодъ.

— Не знаю,—отвѣчалъ Альбенъ.

Привратникъ увелъ Альбена.

Прошло утро, а Альбенъ не вернулся въ мастерскую. Когда наступило время обѣда, Клодъ подумалъ, что найдетъ Альбена на площадкѣ, но и тутъ его не было. Они вернулись въ мастерскую,

Альбенъ не появился и послѣ. Такимъ образомъ прошло утро. Вечеромъ, когда арестантовъ отвели обратно въ камеру, Клодъ искалъ глазами Альбена, но не находилъ его. Повидимому, онъ сильно страдалъ въ этотъ моментъ, потому что обратился съ вопросомъ къ привратнику, чего прежде никогда не дѣлалъ.

— Развѣ Альбенъ боленъ?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ привратникъ.

— Почему же его не видно было сегодня?

— Потому,—отвѣчалъ небрежно привратникъ, что его перевели въ другое отдѣленіе.

Свидѣтели, передававшіе позднѣе эти факты, замѣтили, что при отвѣтѣ привратника рука Клода, державшая зажженную свѣчу, слегка дрожала. Но онъ спокойно спросилъ:

— Кто отдалъ это приказаніе?

Привратникъ отвѣчалъ:

— Господинъ Д

Такъ звали директора мастерскихъ.

Слѣдующій день прошелъ, какъ и предыдущій, безъ Альбена. Вечеромъ, по окончаніи работъ, директоръ дѣлалъ свой обычный обходъ мастерской. Клодъ увидалъ его издали, снялъ свой колпакъ изъ грубой шерсти, застегнулъ сѣрую куртку, жалкую арестантскую ливрею, потому что въ тюрьмахъ признается за правило, что почтительно застегнутая куртка благопріятно настраиваетъ начальство, и, держа колпакъ въ рукѣ, всталъ у своего станка въ ожиданіи прохода директора. Директоръ проходилъ.

— Господинъ директоръ,—окликнулъ его Клодъ.

Директоръ остановился и сталъ въ полуоборота.

— Господинъ директоръ,—повторилъ Клодъ,—правда ли, что Альбена перевели въ другое отдѣленіе?

— Да,—отвѣчалъ директоръ.

— Господинъ директоръ,—продолжалъ Клодъ,—я безъ Альбена не могу жить.

Онъ продолжалъ:

— Вы знаете, что для меня недостаточно тюремной порціи и что Альбенъ дѣлилъ со мной свой хлѣбъ.

— Это его дѣло,—отвѣчалъ директоръ.

— Господинъ, нельзя ли вернуть Альбена въ это отдѣленіе, гдѣ я нахожусь.

— Невозможно. Это рѣшено.

— Кѣмъ?

— Мною.

— Господинъ директоръ, — возразилъ Клодъ, — для меня это вопросъ жизни или смерти, и это зависитъ отъ васъ.

— Я никогда не мѣняю своихъ рѣшеній.

— Господинъ директоръ, развѣ я вамъ сдѣлалъ что-нибудь дурное?

— Ничего.

— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ Клодъ,—почему вы меня разлучили съ Альбеномъ?

— Потому что такъ надо,—отвѣтилъ директоръ.

Послѣ такого объясненія онъ отправился дальше.

Клодъ опустилъ голову и не возражалъ.

Бѣдный левъ въ клѣткѣ, у котораго взяли его собаку!

Мы принуждены сказать, что горе разлуки нисколько не уменьшило его болѣзненную прожорливость. Впрочемъ, ничто, повидимому, замѣтно не измѣнилось въ немъ. Онъ не говорилъ объ Альбенѣ ни съ однимъ изъ своихъ товарищей. Въ часы отдыха, онъ прогуливался одиноко по площадкѣ и голодалъ. Вотъ и все.

Знавшіе его хорошо, замѣчали, однако, что что-то зловѣщее и мрачное съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе сгущалось на его лицѣ. Вообще же онъ былъ болѣе кротокъ, чѣмъ когда-либо. Многіе хотѣли раздѣлить съ нимъ свой паекъ, но онъ улыбаясь отказывался.

Каждый вечеръ со времени объясненія, даннаго ему директоромъ, онъ проявлялъ безразсудство, удивительное со стороны такого серьезнаго человѣка. Въ тотъ моментъ, когда директоръ, совершая свой обычный обходъ, проходилъ мимо станка Клода, Клодъ поднималъ глаза, пронизывалъ его упорнымъ взглядомъ, потомъ тономъ полнымъ отчаянья и гнѣва, похожимъ въ одно и то же время и на мольбу и на угрозу, обращался къ нему съ двумя только словами:«А Альбенъ?» Директоръ притворялся, что не слышитъ, или удалялся, пожимая плечами.

Но человѣкъ этотъ напрасно пожималъ плечами, потому что для всѣхъ присутствовавшихъ при этихъ странныхъ сценахъ было очевидно, что Клодъ Гё внутренно на что-то рѣшился. Вся тюрьма съ безпокойствомъ ожидала, чѣмъ кончится эта борьба между упорствомъ и рѣшимостью.

Было установлено, что какъ-то разъ Клодъ сказалъ директору:

— Слушайте, господинъ директоръ, верните мнѣ моего товарища. Увѣряю васъ, — вы поступите хорошо.

Въ другой разъ, въ воскресенье, когда онъ сидѣлъ на площадкѣ на камнѣ, опершись локтями о колѣни и поддерживая лобъ руками, сидѣлъ неподвижно въ теченіе нѣсколькихъ часовъ въ одномъ и томъ же положеніи, осужденный Фальстъ подошелъ къ нему и смѣясь воскликнулъ:

— Кой чортъ ты тутъ дѣлаешь, Клодъ?

Клодъ медленно приподнялъ свою суровую голову и сказалъ:

— Я сужу одного человѣка.

Наконецъ вечеромъ, 25 октября 1831 года, во время обхода директора, Клодъ шумно раздавилъ ногой стекло отъ часовъ, которое нашелъ утромъ въ коридорѣ. Директоръ спросилъ, что значитъ этотъ шумъ.

— Ничего,—сказалъ Клодъ, стоя.—Господинъ директоръ, верните мнѣ моего товарища.

— Этого нельзя сдѣлать,—отвѣтилъ директоръ.

— А между тѣмъ это нужно,—сказалъ Клодъ тихо, но твердо, смотря директору прямо въ лицо. Потомъ прибавилъ:

— Обдумайте. Сегодня у насъ 25 октября. Я вамъ даю сроку до 4 ноября.

Надзиратель сказалъ директору, что Клодъ грозитъ ему и заслуживаетъ карцера.

— Нѣтъ, не надо карцера,—сказалъ директоръ съ презрительной улыбкой. Нужно быть добрыми съ этими людьми.

На слѣдующій день осужденный Перно подошелъ къ Клоду, который гулялъ одинокій и задумчивый, между тѣмъ какъ другіе арестанты рѣзвились на маленькой солнечной площадкѣ на другомъ концѣ двора.

— Послушай, Клодъ, о чемъ это ты думаешь? Ты, какъ будто, грустишь.

— Я боюсь,—отвѣтилъ Клодъ,—какъ бы въ скоромъ времени не случилось какого-нибудь несчастья съ этимъ добрымъ господиномъ Д.

Прошло полныхъ девять дней съ 25 октября по 4 ноября. Клодъ не пропустилъ ни одного изъ нихъ безъ серьезнаго увѣдомленія директора о все увеличивающемся горестномъ положеніи, въ которое ставило его исчезновеніе Альбена. Это надоѣло директору, и онъ какъ-то разъ отправилъ Клода на сутки въ карцеръ, потому что просьба слишкомъ походила на требованіе. Вотъ и все, чего добился Клодъ.

Наступило 4 ноября. Въ этотъ день Клодъ всталъ съ такимъ добрымъ видомъ, какого не видали у него съ того дня, какъ по распоряженію директора его разлучили съ другомъ. Вставъ, онъ порылся въ бѣломъ деревянномъ ящикѣ, стоявшемъ у его кровати, перебралъ свое тряпье и вынулъ оттуда женскія ножницы. Эти ножницы да растрепанный томъ Эмиля было все, что у него осталось отъ женщины, которую онъ любилъ, отъ матери его ребенка, отъ его маленькаго счастливаго хозяйства былого времени— двѣ вещи совершенно безполезныя для Клода; ножницы пригодны были только для женщины, книга только для человѣка грамотнаго. Клодъ не умѣлъ ни шить, ни читать.

Проходя по оштукатуренной внутренней галлереѣ обезчещеннаго монастыря, онъ подошелъ къ осужденному Феррари, который внимательно разсматривалъ громадныя полосы рѣшетки.

Клодъ, державшій въ рукахъ маленькія ножницы, показалъ ихъ Феррари и сказалъ:

— Вечеромъ я разрѣжу эти брусья вотъ этими ножницами.

Недовѣрчивый Феррари расхохотался.

Смѣялся также и Клодъ.

Это утро онъ работалъ съ бо́льшимъ рвеніемъ, чѣмъ когда-либо; никогда онъ не дѣлалъ такъ скоро и такъ хорошо. Онъ какъ будто поставилъ себѣ задачей непремѣнно окончить утромъ соломенную шляпу, деньги за которую ему заплатилъ впередъ одинъ честный буржуа Труа, по имени г. Гренье. Не задолго до полудня, онъ подъ какимъ-то предлогомъ спустился въ столярную мастерскую, помѣщавшуюся въ нижнемъ этажѣ того зданія, гдѣ онъ работалъ. Клода любили и тамъ, какъ и всюду, но онъ рѣдко заходилъ туда.

— Смотрите! Вотъ и Клодъ!

Его окружили. Это былъ общій праздникъ. Клодъ быстро окинулъ взглядомъ залу. Никого изъ надзирателей тутъ не было.

— Кто можетъ дать мнѣ топоръ?—спросилъ онъ.

— А зачѣмъ онъ тебѣ?—спросилъ кто-то.

— Для того, чтобы убить сегодня вечеромъ директора мастерскихъ.

Ему подали нѣсколько топоровъ на выборъ. Онъ взялъ самый маленькій, но очень острый, спряталъ его въ карманѣ брюкъ и вышелъ. Тамъ было двадцать человѣкъ арестантовъ; онъ не сказалъ никому изъ нихъ, что они должны держать это въ тайнѣ, но всѣ и безъ того сохранили тайну.

Они даже между собой не разговаривали объ этомъ, но каждый ждалъ, что случится. Дѣло было страшное, безхитростное и простое. Никакихъ осложненій не предвидѣлось. Ни совѣтъ, ни доносъ не могли остановить Клода.

Часъ спустя онъ подошелъ къ шестнадцатилѣтнему арестанту, зѣвавшему на прогулкѣ, и посовѣтовалъ ему учиться читать. Въ этотъ моментъ къ нему приблизился заключенный Фальетъ и спросилъ, что такое онъ прячетъ въ брюкахъ. Клодъ отвѣчалъ:

— Топоръ, чтобы убить директора сегодня вечеромъ.

И прибавилъ:

— А развѣ замѣтно что-нибудь?

— Немного,—отвѣтилъ Фальетъ.

Остальная часть дня прошла обычнымъ порядкомъ. Въ семь часовъ вечера арестантовъ заперли, каждое отдѣленіе въ его мастерской; надзиратели, по заведенной привычкѣ, вышли изъ мастерскихъ, чтобы вернуться послѣ обхода директора. Клодъ Гё былъ такимъ образомъ запертъ вмѣстѣ съ другими товарищами по ремеслу, въ своей мастерской.

Тогда въ этой мастерской произошла удивительная сцена, не лишенная ни величія, ни ужаса, единственная въ этомъ родѣ, какую только можетъ передать исторія.

Тутъ было, какъ выяснилось впослѣдствіи на судебномъ слѣдствіи, восемьдесятъ два вора, считая въ числѣ ихъ и Клода.

Когда привратники оставили ихъ однихъ, Клодъ всталъ на скамейку и заявилъ присутствующимъ, что онъ желаетъ нѣчто сказать. Водворилось молчаніе.

Тогда Клодъ, возвысивъ голосъ сказалъ:

— Вамъ всѣмъ извѣстно, что Альбенъ былъ моимъ братомъ. Для меня недостаточно той пищи, какую даютъ здѣсь. Даже покупай я хлѣбъ на мой ничтожный заработокъ мнѣ не хватало бы его. Альбенъ дѣлилъ со мной свою порцію; сначала я полюбилъ его за то, что онъ меня кормилъ, потомъ за его любовь ко мнѣ. Директоръ разлучилъ насъ. Ему безразлично, будемъ ли мы вмѣстѣ, но это человѣкъ злой, которому доставляетъ удовольствіе мучить другихъ. Я просилъ его вернуть Альбена. Вы видѣли, что онъ не захотѣлъ этого. Я далъ ему сроку на возвращеніе Альбена до 4 ноября. Онъ велѣлъ посадить меня въ карцеръ за эти слова. Я

за это время судилъ его и присудилъ къ смерти. Теперь 4 ноября. Черезъ два часа онъ придетъ дѣлать обходъ. Предупреждаю васъ, что я убью его. Не имѣете ли чего-нибудь возразить?

Всѣ молчали.

Клодъ продолжалъ. Онъ говорилъ, повидимому, съ особеннымъ краснорѣчіемъ, которое, впрочемъ, было ему свойственно. Онъ заявилъ, что хорошо знаетъ, что собирается совершить жестокій поступокъ, но не считаетъ себя неправымъ. Онъ призываетъ въ свидѣтели совѣсть восьмидесяти одного вора въ томъ, что онъ доведенъ до крайности.

Что необходимость самому оказывать себѣ правосудіе есть тотъ тупикъ, въ который иногда приходится попадать. Что по справедливости онъ не можетъ отнять жизнь у директора, не отдавая своей, но что онъ находитъ хорошимъ дѣломъ отдать свою жизнь за правое дѣло.

Что онъ серьезно обдумывалъ, и одно только это, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ; онъ думаетъ, что не поддается чувству мести, но если онъ ошибается, то умоляетъ разъяснить это ему.

Что онъ честно высказываетъ свои доводы справедливымъ людямъ, слушающимъ его.

Что онъ собирается убить г-на Д., но если кто-нибудь желаетъ ему возразить, то онъ готовъ выслушать.

Раздался только одинъ голосъ и посовѣтовалъ, прежде чѣмъ убить директора, попытаться послѣдній разъ поговорить съ нимъ и смягчить его.

— Это вѣрно,—сказалъ Клодъ,—и я такъ сдѣлаю.

На большихъ часахъ пробило восемь часовъ. Директоръ долженъ былъ притти въ девять.

Лишь только этотъ странный кассаціонный судъ какъ бы утвердилъ произнесенпый Клодомъ приговоръ, къ Клоду вернулось все его спокойствіе. Онъ положилъ на столъ все, что у него имѣлось изъ бѣлья и одежды — ничтожную ветошь арестанта — и, подзывая одного за другимъ тѣхъ изъ своихъ товарищей, которыхъ наиболѣе любилъ послѣ Альбена, раздѣлилъ между ними все. Себѣ онъ оставилъ только пару маленькихъ ножницъ.

Потомъ онъ расцѣловался со всѣми. Нѣкоторые плакали, а онъ улыбался.

Въ этотъ послѣдній часъ были минуты, когда онъ разговаривалъ такъ спокойно и даже весело, что многіе изъ товарищей втайнѣ надѣялись, какъ они заявили впослѣдствіи, что онъ, можетъ-быть, измѣнитъ свое рѣшеніе. Одинъ разъ даже, ради потѣхи, онъ задулъ одну изъ немногихъ свѣчей, освѣщавшихъ мастерскую, дуновеніемъ изъ ноздрей, потому что привычки его дурного воспитанія чаще чѣмъ слѣдуетъ заслоняли его врожденное благородство. Ничто не могло предотвратить того, чтобы отъ этого бывшаго уличнаго мальчика не пахнуло порой запахомъ парижскаго ручья.

Онъ замѣтилъ блѣднаго молодого человѣка, который не сводилъ съ него глазъ и дрожалъ, вѣроятно, въ ожиданіи того, что ему предстоитъ увидѣть.

— Не падайте духомъ, молодой человѣкъ! — тихо сказалъ ему Клодъ,—это будетъ минутнымъ дѣломъ.

Послѣ раздачи всего своего имущества, послѣ прощанія со всѣми и пожатія рукъ, онъ прервалъ нѣкоторые тревожные разговоры, завязавшіеся тамъ и сямъ по темнымъ угламъ мастерской, и велѣлъ всѣмъ стать на работу. Всѣ безмолвно повиновались.

Мастерская, гдѣ все это происходило, представляла изъ себя продолговатую залу, длинный параллелограммъ съ окнами по обѣимъ продольнымъ сторонамъ и двумя дверями на двухъ противоположныхъ концахъ. Станки помѣщались съ каждой стороны у оконъ, скамьи примыкали къ стѣнѣ подъ прямымъ угломъ, а свободное пространство между двумя рядами станковъ представляло какъ бы большую прямую дорогу отъ одной двери къ другой черезъ всю залу. По этому-то длинному, нѣсколько узкому пути долженъ былъ пройти директоръ, дѣлая свой обходъ; онъ долженъ былъ войти въ южную дверь и выйти въ сѣверную, осмотрѣвъ работающихъ направо и налѣво. Обыкновенно онъ дѣлалъ этотъ переходъ быстро и не останавливаясь.

Клодъ и самъ вернулся на свою скамью и принялся за работу, какъ Жанъ Клеманъ принялся бы снова молиться.

Всѣ ждали. Минута приближалась.—Вдругъ раздался ударъ колокола. Клодъ сказалъ:

— Это три четверти.

Тогда онъ всталъ, величественно прошелъ часть зала и облокотился на косякъ перваго станка слѣва, около входной двери. Лицо его было совершенно спокойно и добродушно. Пробило девять часовъ. Дверь отворилась. Вошелъ директоръ. Въ этотъ моментъ въ мастерской воцарилось гробовое молчаніе.

Директоръ по обыкновенію былъ одинъ. Онъ вошелъ самодовольный и непреклонный, не замѣтилъ Клода, стоявшаго налѣво отъ двери съ правой рукой опущенной въ карманъ брюкъ, и быстро прошелъ мимо первыхъ станковъ. Онъ шелъ, покачивая головой, жуя слова, бросая по сторонамъ свой пошлый взглядъ и не замѣчалъ, что всѣ окружающіе, судя по выраженію ихъ глазъ, были сосредоточены на страшной мысли.

Но вдругъ онъ быстро обернулся, заслышавъ шаги позади себя.

— Что ты тутъ дѣлаешь? — спросилъ директоръ, — почему ты не на мѣстѣ?—Тутъ человѣкъ перестаетъ быть человѣкомъ. Онъ— собака. Ему говорятъ «ты».

Клодъ Гё отвѣтилъ почтительно:

— Потому что мнѣ нужно поговорить съ вами, господинъ директоръ.

— О чемъ?

— Объ Альбенѣ.

— Опять!—сказалъ директоръ.

— Всегда!—возразилъ Клодъ.

— Ага! — сказалъ директоръ, продолжая итти,—тебѣ. должно-быть, было мало сутокъ карцера.

Клодъ отвѣчалъ, продолжая слѣдовать за нимъ:

— Господинъ директоръ, верните мнѣ товарища.

— Это невозможно!

— Господинъ директоръ, — продолжалъ Клодъ голосомъ, который смягчилъ бы самого дьявола, — умоляю васъ верните Альбена сюда, вы увидите, какъ хорошо я буду работать. Для васъ, человѣка свободнаго, вамъ это безразлично, и вы не знаете, что значитъ другъ; у меня же только эти четыре стѣны тюрьмы. Вы можете свободно приходить и уходить; у меня же только одинъ Альбенъ. Верните мнѣ его. Альбенъ кормилъ меня, вамъ это хорошо извѣстно. Вѣдь вамъ стоитъ только сказать — да. Ну, что значитъ для васъ, что въ одной и той же мастерской будетъ человѣкъ по имени Клодъ Гё и другой — по имени Альбенъ. Дѣло самое простое. Господинъ директоръ, мой добрый господинъ Д,— умоляю васъ именемъ неба!

Клодъ, можетъ-быть, никогда не говорилъ за разъ такъ много тюремщику. Утомленный послѣ этого усилія, онъ ждалъ.

Директоръ возразилъ съ жестомъ нетерпѣнія:

— Нельзя. Сказано тебѣ. И больше не приставай, не надоѣдай мнѣ.

Онъ торопился и потому ускорилъ шагъ. Клодъ — также. Разговаривая, такимъ образомъ, они оба дошли до выходной двери; восемьдесятъ воровъ смотрѣли и слушали, затаивъ дыханіе.

Клодъ дотронулся слегка до руки директора.

— Но я долженъ, по крайней мѣрѣ, знать за что я приговоренъ къ смерти. Скажите почему вы разлучили насъ.

— Я уже сказалъ тебѣ,—отвѣчалъ директоръ,—потому что такъ надо.

И, повернувшись спиной къ Клоду, онъ протянулъ руку къ ручкѣ выходной двери.

При этомъ отвѣтѣ директора, Клодъ отступилъ на шагъ. Присутствующія тамъ восемьдесятъ статуй видѣли, какъ онъ вынулъ изъ брюкъ правую руку съ топоромъ. Эта рука поднялась и, прежде чѣмъ директоръ могъ вскрикнуть, три удара топора—страшно сказать — нанесенные по одному и тому же мѣсту, раскроили ему черепъ. Въ тотъ моментъ, когда онъ падалъ навзничь, четвертый ударъ раскроилъ ему лицо; потомъ, такъ какъ разнуздавшаяся ярость быстро не останавливается, Клодъ, уже безполезнымъ пятымъ ударомъ разрубилъ ему правую ляжку. Директоръ былъ мертвъ.

Тогда Клодъ бросилъ топоръ и вскричалъ: «Теперь другому!» Другой былъ онъ самъ.

Всѣ видѣли, какъ онъ вынулъ изъ камзола маленькія ножницы «своей жены» и всадилъ ихъ себѣ въ грудь, и между тѣмъ никто не подумалъ помѣшать ему. Но лезвее было коротко, а грудь глубока.

Онъ разъ двадцать принимался по долгу копаться въ ней, говоря: «Ахъ, ты сердце арестанта! Неужели же я такъ и не найду тебя?» Наконецъ, онъ лишился сознанія и упалъ на умершаго, обливаясь кровью.

Кто же изъ двоихъ былъ жертвой другого?

Когда Клодъ пришелъ въ себя, онъ лежалъ на кровати, забинтованный, окруженный заботами. У его изголовья находились сестры милосердія и, кромѣ того, судебный слѣдователь, составлявшій протоколъ и спрашивавшій его съ большимъ участіемъ:— Какъ вы себя чувствуете?

Но ножницы, которыми онъ съ трогательнымъ суевѣріемъ поразилъ себя, плохо исполнили свое назначеніе; ни одинъ изъ нанесенныхъ ими ударовъ не былъ опасенъ. Смертельными для него были только раны, нанесенныя имъ господину Д.

Начался допросъ. Его спросили: «Онъ ли убилъ директора тюремныхъ мастерскихъ въ Клерво?» Онъ отвѣтилъ: «Да». Его спросили: «За что?» Онъ отвѣтилъ: «Такъ было надо».

Черезъ нѣкоторое время, однако, раны его разболѣлись; съ нимъ сдѣлалась злокачественная горячка, отъ которой онъ едва не умеръ.

Ноябрь, декабрь, январь и февраль прошли въ заботахъ и приготовленіяхъ; доктора и судьи хлопотали вокругъ Клода: одни залѣчивали его раны, другіе воздвигали ему эшафотъ. Будемъ кратки. 16-го марта 1832 года онъ предсталъ совершенно вылѣченный передъ уголовнымъ судомъ Труа. Весь городъ толпился въ залѣ суда. Клодъ имѣлъ на судѣ приличный видъ. Онъ былъ тщательно выбритъ, имѣлъ непокрытую голову и былъ одѣтъ въ прочную одежду арестантовъ Клерво, состоящую изъ двухъ половинъ различнаго сѣраго цвѣта.

Королевскій прокуроръ призвалъ въ залу суда всѣ штыки округа, «для обузданія», сказалъ онъ публикѣ, «всѣхъ злодѣевъ, которые явятся свидѣтелями по этому дѣлу».

Когда же пришлось приступить къ судебному разбирательству— явилось странное затрудненіе. Никто изъ очевидцевъ событія 4-го ноября, не захотѣлъ давать показанія противъ Клода. Предсѣдатель грозилъ имъ своей дискреціонной властью, но все было тщетно. Тогда Клодъ велѣлъ имъ давать показанія, и всѣ языки развязались. Они разсказали все то, что видѣли.

Клодъ слушалъ ихъ съ глубокимъ вниманіемъ. Когда кто-нибудь изъ нихъ по забывчивости или изъ симпатіи къ Клоду опускалъ факты, невыгодные для обвиняемаго, Клодъ возстановлялъ ихъ.

Изъ ряда свидѣтельскихъ показаній передъ судомъ выяснилась серія фактовъ, только что изложенныхъ нами.

Былъ моментъ, когда присутствовавшія тамъ женщины плакали. Судебный приставъ вызвалъ арестанта Альбена. Настала его очередь давать показанія. Онъ вошелъ пошатываясь; онъ рыдалъ. Жандармы не могли воспрепятствовать ему броситься въ объятія Клода.

Клодъ поддержалъ его и сказалъ, улыбаясь, королевскому прокурору:

— Вотъ злодѣй, дѣлящійся своимъ хлѣбомъ съ голодными.— Потомъ онъ поцѣловалъ руку Альбена.

Когда допросъ свидѣтелей окончился, всталъ королевскій прокуроръ и началъ рѣчь слѣдующими словами:

— Господа присяжные, общество было бы потрясено до самаго основанія, если бы общественная совѣсть не карала такихъ великихъ преступниковъ, какъ тотъ, который и т. д. и т. д.

Послѣ этой достопамятной рѣчи говорилъ защитникъ Клода. Рѣчь обвинителя и рѣчь защитника произвели каждая, въ свою очередь, тѣ перемѣны въ настроеніи, которыя онѣ имѣютъ обыкновеніе вызывать въ подобнаго рода гипподромахъ, называемыхъ засѣданіями гласнаго уголовнаго суда.

Клодъ нашелъ, что не все было сказано. Онъ всталъ, въ свою очередь, и говорилъ такъ, что одна интеллигентная особа, присутствовавшая на судѣ, вернулась изъ него въ полномъ удивленіи и недоумѣніи.

Повидимому, этотъ бѣднякъ рабочій вмѣщалъ въ себѣ скорѣе оратора, чѣмъ убійцу. Онъ говорилъ проникновенно и выразительно, съ яснымъ взоромъ, честнымъ и рѣшительнымъ, съ почти однимъ и тѣмъ же властнымъ жестомъ. Онъ излагалъ дѣло, какъ оно было, просто, серьезно, не преувеличивая и не убавляя; сознаваясь во всемъ, онъ прямо въ лицо смотрѣлъ статьѣ 296 и клалъ подъ нее свою голову. Были моменты дѣйствительно возвышеннаго краснорѣчія, волновавшаго публику, такъ что сказанное имъ на судѣ передавалось присутствующими другъ другу на ухо.

Публика перешептывалась, и Клодъ въ это время собирался съ духомъ, бросая гордые взгляды на окружающихъ.

Иногда этотъ человѣкъ, не умѣющій читать, былъ мягокъ, вѣжливъ и изысканъ, какъ человѣкъ образованный; потомъ въ извѣстные моменты онъ былъ скроменъ, осторожен, внимателенъ, послѣдовательно и осторожно касаясь фактовъ, которые могли раздражить судей, къ которымъ онъ относился благосклонно. Одинъ только разъ онъ поддался порыву гнѣва. Королевскій прокуроръ установилъ въ приведенной нами рѣчи, что Клодъ Гё убилъ директора мастерскихъ, не вызванный на это ни насиліемъ, ни жестокостью со стороны убитаго, слѣдовательно, безъ всякаго повода со стороны того.

— Какъ! — вскричалъ Клодъ, — меня на это не вызывали? Ну, да, это вѣрно, я васъ понимаю. Пьяный человѣкъ наноситъ мнѣ ударъ, я его убиваю; тутъ былъ вызовъ, вы мнѣ даете снисхожденіе и посылаете на каторгу. Но человѣкъ не пьяный, въ полномъ разсудкѣ, въ теченіе четырехъ лѣтъ надрываетъ мнѣ сердце, унижаетъ меня, ежечасно и ежеминутно наноситъ мнѣ въ теченіе четырехъ лѣтъ безпричинные булавочные уколы! У меня была женщина, ради которой я укралъ, и онъ терзаетъ меня этой женщиной; у меня былъ ребенокъ, для котораго я укралъ, и онъ мучаетъ меня ребенкомъ; у меня не хватаетъ хлѣба, другъ даетъ мнѣ его, — онъ отнимаетъ у меня и друга и хлѣбъ. Я требую возвращеніе друга, — онъ сажаетъ меня въ карцеръ. Я ему говорю, что страдаю; онъ отвѣчаетъ, что я надоѣлъ ему. Что же мнѣ остается дѣлать? Я его убиваю. Хорошо, я чудовище, я убилъ этого человѣка, меня на это не вызывали, и вы отрубаете мнѣ голову. Дѣлайте же это!

Пренія закончились, и предсѣдатель далъ свое яркое и безпристрастное заключеніе. Изъ него слѣдовало, что это была порочная жизнь, что несомнѣнный злодѣй, имя которому Клодъ Гё, началъ съ незаконнаго сожительства съ публичной женщиной, потомъ перешелъ къ тому, что укралъ, наконецъ, убилъ. Все это была правда.

Передъ удаленіемъ присяжныхъ въ ихъ комнату, предсѣдатель спросилъ обвиняемаго, не желаетъ ли онъ что-нибудь сказать по поводу постановки вопросовъ.

— Очень немногое,—отвѣтилъ Клодъ.—Ну, однако, вотъ что. Я воръ и убійца; я укралъ и убилъ. Но почему я укралъ? Почему убилъ? Поставьте эти два вопроса на ряду съ другими, господа присяжные.

Послѣ пятнадцатиминутнаго совѣщанія, на основаніи рѣшенія двѣнадцати господъ засѣдателей, называемыхъ присяжными, Клодъ Гё былъ приговоренъ къ смертной казни.

Извѣстно, что съ самаго начала открытія преній, многіе изъ нихъ замѣтили, что обвиняемый называется Гё—нищій, что произвело на нихъ сильное впечатлѣніе.

Клоду прочли приговоръ, и онъ только замѣтилъ.

— Хорошо. Но почему этотъ человѣкъ укралъ? Почему этотъ человѣкъ убилъ? Вотъ тѣ два вопроса, на которые они не отвѣчаютъ.

Вернувшись въ тюрьму, онъ весело поужиналъ и сказалъ:

— Прожито тридцать шесть лѣтъ!

Онъ сперва не желалъ подавать кассаціонную жалобу.

Одна изъ сестеръ, ухаживавшихъ за нимъ во время болѣзни, со слезами на глазахъ просила его подать.

Онъ согласился изъ любезности къ ней.

Повидимому, онъ противился до послѣдней минуты, потому что въ то время, какъ онъ подписалъ свое прошеніе, трехдневный законный срокъ уже истекъ за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ.

Благодарная бѣдная дѣвушка дала ему пять франковъ. Онъ взялъ деньги и поблагодарилъ ее.

Въ теченіе трехъ сутокъ, данныхъ для кассаціи, всѣ арестанты Труа предлагали ему устроить побѣгъ. Онъ отказался.

Заключенные послѣдовательно бросали ему черезъ отдушину въ его карцеръ гвоздь, кусокъ желѣзной проволоки и ручку отъ ведра. Для такого смышленаго человѣка, какъ Клодъ, каждой изъ этихъ вещей было достаточно, чтобы перепилить оковы. Онъ отдалъ ручку, проволоку и гвоздь надзирателю.

8 іюня 1832 года, черезъ семь мѣсяцевъ и четыре дня послѣ совершоннаго преступленія, настало искупленіе pede claudo, какъ видите. Въ этотъ день, въ семь часовъ утра, въ камеру Клода вошелъ судебный приставъ и объявилъ, что ему остается жить только одинъ часъ.

Его кассаціонная жалоба была оставлена безъ послѣдствій.

— Ну, вотъ,—сказалъ Клодъ хладнокровно,—я хорошо спалъ эту ночь, не подозрѣвая, что буду спать еще лучше слѣдующую.

Повидимому, слова людей сильныхъ должны всегда пріобрѣтать нѣкоторое величіе отъ приближенія часа смерти.

Прибылъ священникъ, затѣмъ палачъ. Онъ былъ почтителенъ съ священникомъ и кротокъ съ палачомъ. Онъ не отказалъ имъ ни въ душѣ, ни въ тѣлѣ. Онъ сохранилъ полную свободу ума. Когда его стригли, въ одномъ углу карцера кто-то заговорилъ о холерѣ, въ это время угрожавшей городу Труа.

— А вотъ мнѣ,—сказалъ Клодъ, улыбаясь,—не нужно бояться холеры.

Онъ слушалъ священника чрезвычайно внимательно, обвиняя себя и, сожалѣя, что не получилъ религіознаго воспитанія.

По его просьбѣ ему вернули ножницы, которыми онъ ранилъ себя. Въ нихъ не хватало одного лезвея, сломавшагося въ его груди. Онъ просилъ тюремнаго сторожа отослать эти ножницы отъ его имени Альбену. Онъ выразилъ также желаніе, чтобы къ этой завѣщанной вещи прибавили также и тотъ паекъ хлѣба, который онъ долженъ былъ бы съѣсть въ этотъ день.

Онъ просилъ тѣхъ, кто ему связывалъ руки, положить въ его правую руку пятифранковую монету, подаренную ему сестрой,— единственную вещь, которая еще оставалась у него.

Безъ четверти въ восемь онъ вышелъ изъ тюрьмы со своей мрачной свитой, обычно сопутствующей осужденныхъ на смерть. Онъ шелъ пѣшкомъ, блѣдный, устремивъ глаза на распятіе, но шелъ твердымъ шагомъ.

День этотъ былъ выбранъ для исполненія приговора, какъ день базарный, чтобы зрителей было какъ можно больше, потому что во Франціи, повидимому, есть еще полудикія села, гдѣ общество еще хвастается, убивая человѣка.

Онъ твердо взошелъ на эшафотъ, попрежнему, не спуская глазъ съ висѣлицы Христа. Онъ хотѣлъ обнять сперва священника, а затѣмъ палача, благодаря одного и прощая другому. Палачъ, какъ сообщаютъ, тихонько оттолкнулъ его. Въ тотъ моментъ, когда помощникъ привязывалъ его къ гнусной машинѣ, онъ подалъ знакъ священнику, чтобы тотъ взялъ изъ его правой руки пятифранковую монету и сказалъ:

— Для бѣдныхъ.

Въ это время забили часы, и такъ какъ звукъ боя заглушилъ его голосъ, то священникъ отвѣтилъ ему, что ничего не слышитъ. Клодъ выждалъ и въ промежутокъ между двумя ударами кротко сказалъ:

— Для бѣдныхъ.

Восьмой ударъ еще не пробилъ, когда упала эта благородная и разумная голова.

Удивительное дѣйствіе публичныхъ казней! Въ этотъ же самый день, когда гильотина еще невымытая стояла среди людей, бывшихъ на базарѣ, они возмутились какимъ-то налогомъ и едва

не убили чиновника, который его собиралъ. Какимъ кроткимъ дѣлаютъ народъ эти законы!

Мы считали своимъ долгомъ разсказать подробно исторію Клода Гё, такъ какъ, по нашему мнѣнію, всѣ эпизоды этой исторіи могли бы служить заголовками главъ той книги, которая рѣшала бы великую задачу народа въ девятнадцатомъ вѣкѣ.

Въ этой поучительной жизни имѣются два главныхъ періода: до паденія и послѣ паденія; и въ этихъ двухъ періодахъ — два вопроса: о воспитаніи и о наказуемости. Въ нихъ заинтересовано все общество.

Человѣкъ этотъ, несомнѣнно, былъ хорошо рожденъ, хорошо сложенъ, хорошо одаренъ. Чего же ему недоставало?

Подумайте.

Вотъ великая задача, правильное разрѣшеніе которой, еще не найденное, послужитъ къ возстановленію всемірнаго равновѣсія. Общество должно всегда дѣлать для личности столько же, сколько дѣлаетъ для нея природа.

Вотъ Клодъ Гё. Природа несомнѣно одарила его прекраснымъ мозгомъ, прекраснымъ сердцемъ, но судьба помѣстила его въ такомъ плохо организованномъ обществѣ, что онъ кончаетъ воровствомъ; общество засадило его въ такую плохую тюрьму, что онъ кончаетъ убійствомъ.

Кто же дѣйствительно виновенъ ?

Онъ ли?

Мы ли?

Вопросы важные, вопросы мучительные, которые волнуютъ въ настоящее время всѣ умы, которые всѣхъ насъ дергаютъ за фалды, но которые когда-нибудь до такой степени станутъ намъ поперекъ дороги, что мы принуждены будемъ взглянуть имъ въ лицо и узнать чего они хотятъ отъ насъ.

Пишущій эти строки, быть-можетъ, въ скоромъ времени попытается сказать, что онъ объ нихъ думаетъ.

Присутствуя при подобныхъ фактахъ, представляя себѣ до какой степени давятъ насъ эти вопросы, невольно спрашиваешь себя: о чемъ же думаютъ власти, если они не думаютъ объ этомъ.

Палаты серьезно заняты ежегодно. Очень важно, конечно, придумывать синекуры и собирать подати; очень важно издавать законы, въ силу которыхъ я, переряженный въ солдаты, становился бы изъ патріотизма на караулъ у дверей графа Лобо, котораго я не знаю и знать не хочу, или заставлять меня парадировать на площади Мариньи подъ командой моего лавочника, котораго сдѣлали моимъ офицеромъ [1]). Вамъ депутаты или министры важно теребить всѣ вещи и всѣ идеи этой страны въ плохо придуманныхъ и безплодныхъ преніяхъ; вамъ существенно важно, напри-

---

[1]) Само собою разумѣется, что мы не имѣемъ ни малѣйшаго намѣренія нападать здѣсь на городской патруль, который выполняетъ дѣло полезное, охраняя улицы, пороги и домашніе очаги. Я говорю только о парадѣ, о толпѣ, о тщеславіи и шумихѣ военной — вещи безполезной, служащей только для превращенія буржуа въ пародію солдата.

мѣръ, посадить на скамью подсудимыхъ и, сами не вѣдая, что творите, съ шумомъ и гамомъ допрашивать искусство девятнадцатаго столѣтія, этого великаго подсудимаго, который не удостоиваетъ отвѣта и хорошо дѣлаетъ; вамъ правители и законодатели производительно проводитъ время въ классическихъ переговорахъ, отъ которыхъ пожимаютъ плечами даже школьныя учителя пригорода; полезно заявлять, что современная драма породила кровосмѣшеніе, развратъ, отцеубійство, дѣтоубійство и отравленіе и тѣмъ доказывать незнакомство съ Федрой, съ Іокастой, съ Эдипомъ и Медеей, съ Родогундой; необходимо чтобы политическіе ораторы этой страны шумно спорили въ теченіе цѣлыхъ трехъ дней по вопросу объ ассигновкахъ на Корнеля и Расина, сами не зная противъ кого они спорятъ и пользуясь этимъ литературнымъ случаемъ, чтобы посоперничать въ искусствѣ затыкать другъ другу глотки обвиненіями французовъ въ разныхъ крупныхъ недостаткахъ Все это важно, но мы, однако, думаемъ, что могли бы быть вещи и поважнѣе.

Что сказала бы палата, если бы среди такихъ пустыхъ споровъ, ведущихъ часто къ тому, что или оппозація хватаетъ за шиворотъ министерство или министерство оппозицію, если бы вдругъ со скамей палаты или со скамей общественной трибуны—это безразлично—кто-нибудь всталъ и сказалъ слѣдующія серьезныя слова:

— Вы, говорящіе здѣсь, кто бы вы ни были, замолчите! Вы думаете, что рѣшаете главный вопросъ, но это неправда!

Вопросъ вотъ въ чемъ. Правосудіе съ годъ тому назадъ изрѣзало на части человѣка въ Помье; отрубило голову женщинѣ въ Дижонсѣ, а въ Парижѣ совершаетъ тайно смертныя казни за заставой Сенъ-Жакъ.

Вотъ вопросъ, займитесь имъ.

Ссориться вы будете потомъ, выясняя бѣлыя или желтыя пуговицы нужны для національной гвардіи, и что лучше—*увѣренность* или *достовѣрность*.

Господа центра, господа крайней правой и крайней лѣвой, простой народъ страдаетъ!

Назовете ли вы страну республикой или монархіей — это безразлично. Народъ страдаетъ — вотъ это фактъ.

Народъ голоденъ, народу холодно.

Нищета наталкиваетъ мужчину на преступленіе, женщину на развратъ. Сжальтесь надъ народомъ, у котораго каторга отнимаетъ сыновей, а публичный домъ дочерей. У васъ слишкомъ много каторжниковъ, слишкомъ много проститутокъ. Что же доказываютъ обѣ эти язвы?

Онѣ доказываютъ, что кровь соціальнаго организма заражена.

Вотъ вы собрались на консультацію у постели больного, займитесь же болѣзнью.

Вы плохо лѣчите эту болѣзнь. Изучите ее основательно. Издаваемые вами законы являются только палліативами и уловками. Одна половина вашего свода законовъ—рутина, другая половина—эмпиризмъ.

Клеймо было прижиганіемъ, заражавшимъ рану гангреною; безумно было стараніе запечатлѣть и заклепать преступленіе на преступникѣ, это создавало изъ нихъ двухъ неразлучныхъ друзей, двухъ товарищей.

Каторга, это нелѣпый нарывной пластырь, высасывающій почти всю извлекаемую имъ дурную кровь и дѣлающій ее еще хуже.

Смертная казнь—варварская ампутація.

Итакъ, клеймо, каторга и смертная казнь — три вещи, тѣсно связанныя между собою.

Вы уничтожили клеймо, упраздните и остальное, если вы логичны.

Раскаленное желѣзо, которга и эшафотъ были тремя частями силлогизма.

Вы отказались отъ раскаленнаго желѣза; которга и эшафотъ больше не имѣютъ смысла. Форинасъ былъ чудовищемъ, но онъ былъ нелѣпъ.

Свергните эту старую хромую лѣстницу преступленій и наказаній и передѣлайте ее сызнова. Передѣлайте ваши уголовные и другіе законы, передѣлайте ваши тюрьмы, передѣлайте вашихъ судей. Сообразуйте законы съ нравами.

Господа, во Франціи отрубаютъ ежегодно слишкомъ много головъ. Такъ какъ вы расположены соблюдать экономію, соблюдайте ее и здѣсь.

Такъ какъ вы расположены къ сокращенію,—сократите и количество вашихъ палачей. Жалованья вашихъ восьмидесяти палачей хватитъ на вознагражденіе шестисотъ учителей.

Подумайте о простомъ народѣ. Устройте школы для дѣтей и мастерскія для мужчинъ.

Знаете ли вы что Франція — одна изъ странъ Европы съ наименьшимъ количествомъ грамотныхъ. Смотрите! Швейцарія умѣетъ читать, Бельгія умѣетъ читать, Данія умѣетъ читать, Греція и Ирландія умѣютъ читать, а Франція не умѣетъ. Это позоръ.

Отправьтесь на каторги, созовите всѣхъ каторжанъ и изслѣдуйте одного за другимъ всѣхъ осужденныхъ человѣческимъ закономъ. Вычислите углы всѣхъ этихъ профилей, прощупайте всѣ эти черепа. У каждаго изъ этихъ падшихъ людей имѣется звѣриный типъ. Повидимому, каждый изъ нихъ является точкой пересѣченія какой-нибудь породы животнаго съ человѣкомъ. Вотъ рысь, вотъ кошка, вотъ обезьяна, вотъ коршунъ, вотъ гіена. И въ плохой организаціи этихъ бѣдныхъ головъ прежде всего нужно винить, конечно, природу, а затѣмъ образованіе.

Природа плохо набросала, образованіе плохо ретушировало рисунокъ. Направьте ваши заботы въ эту сторону. Дайте народу хорошее образованіе. Развейте какъ можно лучше эти несчастныя головы, чтобы разумъ могъ увеличиться въ нихъ.

Болѣе или менѣе хорошій черепъ націй зависитъ отъ ихъ учрежденій. Римъ и Греція имѣли высокій лобъ. Развейте по возможности лицевой уголъ народа.

Когда Францiя научится читать, не оставьте безъ руководства этотъ развившiйся разумъ. Это была бы непослѣдовательность другого рода; невѣжество все же лучше плохого знанiя. Помните, что есть книга болѣе философская, чѣмъ Compère Mathieu, болѣе популярная, чѣмъ Constitutionnel, болѣе вѣчная, чѣмъ хартiя 1830 года; и книга эта — священное писанiе. Поясню это нѣсколькими словами.

Чтобы вы ни дѣлали, участь простого народа, толпы, массы, будетъ всегда сравнительно бѣдственна, несчастна и печальна. Ей предназначенъ тяжелый трудъ, ей предназначено поднять бремя, влачить бремя, носить бремя.

Разсмотрите вѣсы; всѣ радости находятся на чашкѣ богача, всѣ горести на чашкѣ бѣдняка. Развѣ онѣ уравновѣшены? Не должна ли чашка вѣсовъ неизбѣжно перевѣшивать, и положенiе дѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ быть неуравновѣшеннымъ?

А теперь положите на чашку бѣдняка, на чашку несчастiй, вѣру и въ загробную жизнь, въ вѣчное блаженство, положите на нее рай — этотъ чудный противовѣсъ. Вы возстановите равновѣсiе. Доля бѣдняка будетъ такъ же богата, какъ и доля богача.

Вотъ что зналъ Iисусъ и зналъ лучше, чѣмъ Вольтеръ.

Дайте трудящемуся, страждущему народу, для котораго такъ мраченъ этотъ свѣтъ, дайте ему увѣренность въ лучшiй мiръ, уготованный для него. Онъ будетъ спокоенъ; онъ будетъ терпѣливъ. Терпѣнiе исходитъ изъ надежды.

Обсѣменяйте же деревни евангелiями; дайте хижинѣ Библiю, чтобы каждая книга и каждое поле произвели вмѣстѣ нравственнаго рабочаго.

Весь вопросъ въ томъ, какова голова человѣка изъ народа. Эта голова наполнена полезными сѣменами. Для того же, чтобы дать имъ возможность созрѣть и стать доброкачественными, употребляйте все, что есть наиболѣе лучезарнаго и наиболѣе основательнаго въ добродѣтели.

Такой-то занимается грабежомъ на большихъ дорогахъ, но при лучшемъ руководствѣ онъ былъ бы самымъ превосходнымъ работникомъ въ городѣ.

Разработайте, расчистите, оросите, удобрите, просвѣтите, сдѣлайте нравственной и полезной эту голову человѣка изъ народа — и вамъ не нужно будетъ ее отрубать.

КОНЕЦЪ.

ПОСЛѢДНІЙ ДЕНЬ ПЕРЕДЪ КАЗНЬЮ.

Разсказъ. — Переводъ Л. П. Никифорова.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ предисловіи къ первымъ изданіямъ этой книги, вышедшей безъ имени автора, было всего нѣсколько строкъ, которыя мы здѣсь приводимъ:

«Можно двояко объяснить возникновеніе этой книги: или дѣйствительно найдена была связка пожелтѣвшихъ и неровныхъ листковъ бумаги, на которые какой-то несчастный заносилъ свои предсмертныя мысли; или же нашелся человѣкъ, мечтатель, занятый наблюденіемъ природы человѣка во имя искусства, философъ, поэтъ, словомъ кто-то, ухватившійся за эту мысль, или, вѣрнѣе, котораго эта мысль такъ захватила, что онъ, чтобы освободиться отъ нея, принужденъ былъ высказать ее въ своей книгѣ.

Пусть читатель выбираетъ любое изъ этихъ двухъ объясненій, какое ему угодно.

Изъ этихъ немногихъ строкъ предисловія видно, что во время изданія этой книги, авторъ не находитъ удобнымъ высказать всю свою мысль. Онъ предпочиталъ ожидать, чтобъ она была понятна и убѣдиться насколько его ожиданіе осуществится. Мысль его поняли. Потому въ настояще время онъ можетъ обнаружить ту политическую и соціальную идею, которую онъ хотѣлъ сдѣлать общедоступной въ невинной и скромной формѣ разсказа. Итакъ, онъ объявляетъ или вѣрнѣе громко признаетъ, что «Послѣдній день передъ казнью» является прямой или, если вы предпочитаете, косвенной защитой отмѣны смертной казни. Та цѣль, которую онъ имѣлъ въ виду и которую онъ желалъ бы, чтобы потомство приписало его сочиненію, если только онъ будетъ заниматься такими пустяками, заключается не въ спеціальной, всегда легкой и мимолетной защитѣ или другого преступника или избраннаго обвиняемаго, а общая и безусловная защита всѣхъ современныхъ и будущихъ обвиняемыхъ. Это великій вопросъ человѣческаго права, выясняемый и защищаемый во всеуслышаніе передъ обществомъ, являющимся верховнымъ кассаціоннымъ судомъ. Это верховная непріемлемость обвиненія, abhorrescere a sanguine, установленная навсегда для всѣхъ уголовныхъ дѣлъ; это тотъ мрачный и роковой вопросъ, который смутно трепещетъ въ основѣ всѣхъ приговоровъ подъ тройной толщей напыщенности королевскихъ слугъ, прикрывающей его кровавой риторикой; это, говорю я, вопросъ жизни и смерти, раскрытый, обнаженный, освобожденный отъ

звучной вычурности судовъ и грубо выставленный на свѣтъ тамъ, гдѣ его нужно видѣть, гдѣ онъ долженъ быть, гдѣ онъ въ дѣйствительности на надлежащемъ мѣстѣ, въ отвратительной обстановкѣ не суда а эшафота, не судей, а палача.

Вотъ, что хотѣлъ сдѣлать авторъ, и если будущее со временемъ присудитъ ему эту честь содѣйствія отмѣны смертной казни, на которую онъ даже не дерзаетъ надѣяться, то лучшаго вѣнца онъ и не желаетъ себѣ.

Итакъ, онъ заявляетъ и повторяетъ, что выступаетъ съ этой защитой всѣхъ обвиняемыхъ виновныхъ и невинныхъ, выступаетъ передъ всѣми возможными судами, какъ бы они ни назывались. Съ этой книгой онъ обращается ко всѣмъ судьямъ. И чтобы защита была также всеобща, какъ и самый предметъ ея, онъ принужденъ былъ въ «Послѣднемъ днѣ приговореннаго» устранить все исключительное, относительное, все эпизодическое, анекдотическое, самое происшествіе, собственное имя и ограничиться (если только это ограниченіе) защитой дѣла любого приговореннаго къ смерти, любого осужденнаго, когда бы то ни было и за какое бы то ни было преступленіе.

Онъ сочтетъ себя счастливымъ, если силой только мысли онъ сумѣлъ заставить человѣческое сердце обливаться кровью подъ aes triplex [1]) судьи; если онъ пробудилъ жалость въ тѣхъ, которые считаютъ себя справедливыми, если, копаясь въ душѣ судьи, ему удалось иногда обрѣсти тамъ человѣчность.

Три года тому назадъ, когда появилась эта книга, нѣкоторые вообразили, что она не принадлежитъ самому автору. Одни предполагали, что онъ заимствовалъ ее изъ англійской книги, другіе изъ американской. Странная манія отыскивать за тысячу верстъ происхожденіе окружающихъ насъ предметовъ и заставлять ручей, омывающій вашу улицу, вытекать изъ источниковъ Нила. Увы, тутъ нѣтъ никакихъ заимствованій ни изъ англійской, ни изъ американской или даже изъ китайской книги. Вообще авторъ заимствовалъ мысль своего произведенія «Послѣдній день приговореннаго къ смерти» не изъ книги — онъ не имѣетъ обыкновенія искать такъ далеко, — а тамъ, гдѣ она могла явиться у каждаго изъ васъ, да, вѣроятно, у многихъ и дѣйствительно явилась (такъ какъ кто же изъ читателей, не обдумывалъ и не перебиралъ въ своемъ умѣ «Послѣдній день передъ казнью», а именно, на общественной площади, на Гревской площади. Эту роковую мысль внушила ему лужа крови подъ красными остатками гильотины, когда онъ однажды проходилъ по этой площади.

Съ тѣхъ поръ каждый разъ, какъ только по приговору зловѣщихъ четверговъ кассаціоннаго суда наступаетъ одинъ изъ тѣхъ дней, когда по Парижу распространяется вѣсть о смертномъ приговорѣ, каждый разъ, когда мимо оконъ автора проходятъ эти

---

[1]) Тройная броня (собств. тройная мѣдь.)

охрипшіе крикуны, сзывающіе зрителей на Гревскую площадь, каждый разъ эта мучительная картина овладѣвала имъ, наполняла его голову мыслями о жандармахъ, палачахъ, о толпѣ, и рисовала передъ нимъ послѣднія страданія несчастнаго приговореннаго.

Вотъ его исповѣдуютъ, вотъ теперь ему подстригаютъ волосы, вотъ ему связываютъ руки—все это требуетъ отъ несчастнаго поэта, чтобъ онъ высказалъ это обществу, занимающемуся своими дѣлами въ то самое время, какъ совершается такое чудовищное злодѣяніе. Эта мысль угнетала, терзала, мучила его, заглушала въ его умѣ стихи, если онъ собирался ихъ писать, убивала ихъ при самомъ ихъ зарожденіи, мѣшала всякой работѣ, становилась поперекъ всякой его дѣятельности, давила, преслѣдовала его, не давала ему ни минуты покоя. Это была пытка, начинавшаяся съ ранняго утра и продолжавшаяся, какъ и пытка несчастнаго казнимаго, вплоть до четырехъ часовъ. Только когда мрачный бой часовъ извѣщалъ, что теперь ponens caput expiravit[1]), авторъ могъ слегка вздохнуть и почувствовать нѣкоторую свободу мысли. Наконецъ, кажется на другой день послѣ казни Ульбаха, я началъ писать эту книгу.

Послѣ этого я испытывалъ нѣкоторое облегченіе. Когда совершается одно изъ тѣхъ общественныхъ преступленій, которыя называются исполненіемъ судебныхъ приговоровъ, совѣсть автора говоритъ ему, что онъ не повиненъ въ немъ; онъ уже не чувствуетъ на своемъ челѣ той капли крови, которая съ Гревской площади брызжетъ на головы всѣхъ членовъ общества.

Однако, этого мало. Не быть повиннымъ въ пролитой крови хорошо, но еще лучше помѣшать этому пролитію.

Поэтому содѣйствовать отмѣнѣ и упраздненію смертной казни есть самая возвышенная и священная обязанность человѣка. И я всѣмъ сердцемъ присоединяюсь къ желаніямъ и усиліямъ тѣхъ великодушныхъ людей всѣхъ націй, которые стараются уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ свалить висѣличные столбы, которые изъ всѣхъ деревьевъ революціи не вырваны съ корнемъ. Я, слабый труженикъ, въ свою очередь, радостно стараюсь расшатать еще, насколько могу, такъ же какъ и Беккаріа шестьдесятъ шесть лѣтъ тому назадъ, старую висѣлицу, возвышающуюся уже столько лѣтъ надъ христіанствомъ.

Мы выше замѣтили, что эшафотъ есть единственное зданіе, не разрушаемое революціями. И дѣйствительно, рѣдко революціи воздерживаются отъ пролитія человѣческой крови и являясь для подчистки и подрѣзки вѣтвей и верхушекъ общества, онѣ меньше всего отказываются отъ употребленія такого орудія, какъ смертная казнь.

Признаюсь, однако, что я считалъ іюльскую революцію наиболѣе способной отмѣнить смертную казнь. Казалось, наиболѣе великодушному изъ всѣхъ народныхъ движеній новѣйшаго времени

[1]) Положившій голову испустилъ духъ.

свойственно было упразднить варварскую кару Людовика XI, Ришелье и Робеспьера и положить въ основу законодательствъ неприкосновенность человѣческой жизни. 1830 годъ заслуживалъ того, чтобъ сломить ножъ гильотины 93 года.

Одно время мы надѣялись на это. Въ августѣ 1830 года атмосфера была такъ пропитана великодушіемъ, народныя массы такъ охвачены духомъ любви и цивилизаціи, что чувствовалось будто сердце распускается полнымъ цвѣтомъ при наступленіи прекраснаго будущаго, и казалось, что смертная казнь упразднена по праву, сразу, съ общаго молчаливаго и единодушнаго согласія, какъ остатокъ тѣхъ негодныхъ вещей, которыя такъ стѣсняли насъ. Народъ только что устроилъ иллюминацію изъ отрепьевъ стараго строя. Смертная казнь была кровавымъ отрепьемъ. Мы думали, что и она сожжена въ общей кучѣ. И въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, полные довѣрія и увѣренности, мы надѣялись, что въ будущемъ человѣческая жизнь будетъ такъ же неприкосновенна, какъ и свобода.

И дѣйствительно, едва прошло два мѣсяца, какъ сдѣлана была попытка узаконить дивную утопію Чесаре Бонесана. Къ несчастью, попытка эта была неловкая, безтактная, почти лицемѣрная и предпринятая не въ интересахъ общественной пользы.

Въ октябрѣ 1830 года, какъ всѣ помнятъ, черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ отклонено было предложеніе похоронить останки Наполеона подъ Вандомской колонной, вся палата принялась плакать и причитать. На очереди стоялъ вопросъ о смертной казни, мы ниже скажемъ по какому случаю; но тогда казалось будто сердца этихъ законодателей охвачены внезапнымъ и необычайнымъ великодушіемъ или милосердіемъ. Всѣ наперерывъ принялись говорить, стенать, поднимать руки къ небесамъ. Смертная казнь, Боже мой, какой ужасъ! Иной прокуроръ суда, состарившійся въ красной тогѣ, всю свою жизнь питавшійся хлѣбомъ, вымоченнымъ въ крови прокурорскихъ обвиненій, принялъ вдругъ самый жалостный видъ и призывалъ боговъ въ свидѣтели его возмущенія гильотиной. Въ теченіе двухъ дней на трибуну входили ораторы въ плерезахъ, и съ нея раздавались елейные вопли, цѣлый концертъ жалобныхъ псалмовъ,—Super flumina Babylonis и Stabat mater dolorosa, великая симфонія въ тонѣ *до*, подъ акомпаниментъ хора изъ всего оркестра ораторовъ, украшающихъ первыя скамьи палаты и издающихъ такіе прекрасные звуки въ великіе дни. Одни выступаютъ съ своими басами, другіе съ своими фистулами. Тутъ не было ни въ чемъ недостатка. Сцена выходила крайне патетическая и жалостливая. Ночное засѣданіе оказалось въ особенности трогательнымъ, родительски нѣжнымъ и раздирающимъ, какъ пятое дѣйствіе Лашоссе. А добродушная публика ничего не понимала и плакала [1]).

---

[1]) Мы отнюдь не думаемъ съ одинаковымъ презрѣніемъ относиться ко всѣмъ рѣчамъ, произнесеннымъ по этому случаю въ палатѣ. Порой и здѣсь слышались прекрасныя рѣчи. Мы, какъ и вся публика, аплодировали серьезной и простой рѣчи Лафайэта и замѣчательной импровизаціи Вильмона, отличавшейся нѣсколько инымъ оттѣнкомъ.

О чемъ же шла рѣчь? Объ упраздненіи смертной казни?

И да и нѣтъ.

Вотъ въ чемъ было дѣло

Четыре великосвѣтскихъ господина, четыре приличныхъ человѣка, изъ числа тѣхъ, которыхъ можно встрѣчать въ салонахъ и съ которыми можно обмѣниваться нѣсколькими вѣжливыми словами, четыре такихъ господина, говорю я, пытались въ высшихъ политическихъ сферахъ совершить одинъ изъ тѣхъ смѣлыхъ переворотовъ, которые Бэконъ называетъ *преступленіями*, а Макіавелли *предпріятіями*. Но законъ вообще звѣрской смертью караетъ такія преступленія и предпріятія. И вотъ эти четыре несчастныхъ господина, въ силу существующаго закона, были арестованы и охранялись тремя стами трехцвѣтными кокардами подъ прекрасными стрѣльчатыми Венсенскими сводами. Что дѣлать съ ними и какъ быть? Вы, конечно, понимаете, что немыслимо четырехъ такихъ господъ, какъ мы съ вами, послать на Гревскую площадь на позорной колесницѣ, съ руками, связанными грубыми веревками, посадивъ ихъ спинами къ спинѣ того должностного лица, званіе котораго не слѣдуетъ даже называть. Если бъ хоть гильотина была еще изъ краснаго дерева, тогда другое дѣло!

Итакъ, остается только упразднить смертную казнь!

И вотъ въ виду этого палата принимается хлопотать.

Замѣтьте, господа, что еще вчера вы отнеслись бы къ такому упраздненію смертной казни, какъ къ утопіи, какъ къ безсмысленной мечтѣ, какъ къ безумію или политической фантазіи. Замѣтьте, что не первый разъ стараются обратить ваше вниманіе на позорную колесницу, на толстыя веревки, на страшную кроваво-красную машину, и странно, что эта гнусная обстановка только теперь вдругъ бросилась всѣмъ въ глаза.

Едва ли мнѣ нужно заявлять здѣсь, что я не принадлежу къ числу лицъ, требовавшихъ казни четырехъ министровъ. Послѣ ареста этихъ жалкихъ людей, негодованіе и гнѣвъ, вызванные ихъ измѣной, смѣнились въ насъ глубокой жалостью къ нимъ. Мы вспомнили о предразсудкахъ въ воспитаніи нѣкоторыхъ изъ нихъ, о слабомъ умственномъ развитіи ума ихъ главы, упорно и фанатично обратившагося къ заговорамъ 1804 года и преждевременно посѣдѣвшаго подъ сырыми сводами государственныхъ тюремъ, о роковыхъ неизбѣжностяхъ ихъ общаго положенія, о невозможности удержаться на томъ крутомъ скатѣ, на который монархія сама, очертя голову, ринулась 8-го августа 1829-го года, о томъ, что мы придавали тогда слишкомъ ничтожное значеніе личному вліянію на нихъ короля и въ особенности о достоинствѣ, съ какимъ одинъ изъ нихъ, словно пурпуровой мантіей, прикрывалъ ихъ общее несчастіе. Мы были изъ числа людей, вполнѣ искренно желавшихъ имъ сохранить жизнь и готовыхъ защищать ее. Если бы, какъ это ни казалось невѣроятнымъ, на Гревской площади воздвигли имъ эшафотъ, мы увѣрены — и, если это иллюзія, то мы все же остаемся при ней — что народъ возсталъ бы, чтобъ уничтожить этотъ эшафотъ, и пищущій эти строки принялъ бы живое участіе

въ этомъ возстаніи. Здѣсь необходимо отмѣтить, что во время соціальныхъ кризисовъ изъ всѣхъ эшафотовъ политическій является самымъ гнуснымъ, самымъ пагубнымъ, самымъ ядовитымъ, который въ силу этого болѣе всего и необходимо уничтожить. Гильотина этого рода пускаетъ корни въ почву и быстро распространяется по всей странѣ.

Во времена революцій нужно въ особенности остерегаться первой казни. Она порождаетъ въ народѣ жажду такихъ зрѣлищъ.

Итакъ, мы лично были вполнѣ согласны съ желавшими спасти жизнь четыремъ министрамъ; согласны во всѣхъ отношеніяхъ: и въ силу политическихъ и въ силу человѣческихъ требованій. Только мы желали бы, чтобы палата избрала другой случай, а не этотъ для своего предложенія отмѣны смертной казни.

Если бы эта желательная отмѣна предложена была не по поводу четырехъ министровъ, попавшихъ изъ Тюльери въ Венсенскую тюрьму, а по поводу перваго попавшагося грабителя на большой дорогѣ, по поводу одного изъ тѣхъ несчастныхъ, на которыхъ вы едва обращаете вниманіе, когда они проходятъ по улицѣ мимо васъ, съ которыми вы даже не разговариваете, и прикосновенія къ которымъ вы инстинктивно избѣгаете, чтобъ не запачкаться. Если бы шла рѣчь по поводу одного изъ тѣхъ бѣдняковъ, которые въ дѣтствѣ, оборванные и въ лохмотьяхъ, бѣгаютъ босые по грязнымъ предмѣстьямъ, дрожа зимой отъ холода по окраиннымъ набережнымъ и грѣясь у отдушинъ кухонъ излюбленнаго вашего ресторана Вефура, откапывая корки хлѣба въ мусорныхъ кучахъ и жадно ихъ поѣдая; которые по цѣлымъ днямъ раскапываютъ гвоздемъ дно какого-нибудь ручья въ надеждѣ найти мѣдный грошъ и наслаждаются лишь такими даровыми зрѣлищами, какъ королевскія празднества и казни на Гревской площади. Если бы рѣчь шла по поводу тѣлъ несчастныхъ бѣдняковъ, которыхъ голодъ заставляетъ воровать, а воровство ведетъ къ дальнѣйшимъ преступленіямъ, по поводу этихъ обездоленныхъ дѣтей общества, играющаго по отношенію къ нимъ роль злой мачехи, которые двѣнадцати лѣтъ попадаютъ въ смирительный домъ, восемнадцати на каторгу, а сорока на эшафотъ; если рѣчь шла по поводу одного изъ этихъ горемыкъ, которыхъ школа или мастерская могла бы сдѣлать добрыми, нравственными, полезными гражданами и которыхъ вы, не зная какъ отдѣлаться отъ такого безполезнаго бремени, отправляете или въ красный муравейникъ Тулона или въ безмолвныя тюрьмы Кламара, и убиваете ихъ жизнь, лишивъ ихъ предварительно свободы; если бъ, говорю я, вы предложили упразднить смертную казнь, по поводу одного изъ такихъ людей, о! тогда ваше засѣданіе было бы дѣйствительно почтенно, величественно, священно и достойно уваженія.

Никогда со времени торжественныхъ тридцати отцовъ, сзывавшихъ еретиковъ на соборъ отъ имени «божіихъ внутренностей» — per viscera Dei, въ надеждѣ на ихъ обращеніе quoniam sancta synodus

sperat haereticorum conversionem [1]), никогда никакое собраніе людей не представляло бы міру болѣе величественнаго, славнаго и великодушнаго зрѣлища. Людямъ дѣйствительно сильнымъ и дѣйствительно великимъ всегда свойственно заботиться о слабыхъ и угнетенныхъ. Величественно было бы собраніе браминовъ, задавшееся цѣлью упорядочить участь паріевъ. А въ данномъ случаѣ мѣсто паріевъ занималъ бы народъ. Упраздняя смертную казнь во имя народа, не дожидаясь того, чтобы вы сами были заинтересованы въ этомъ вопросѣ, вы совершили бы не только славное политическое, но и соціальное дѣло.

Въ данномъ же случаѣ, пытаясь отмѣнить смертную казнь не для упраздненія ея, а чтобы спасти четырехъ жалкихъ министровъ, попавшихъ въ руки правосудія при попыткѣ совершить государственный переворотъ, вы не совершили даже политическаго дѣянія.

Что же случилось? Такъ какъ вы не были искренни, то къ вамъ и относились съ недовѣріемъ. Когда народъ увидалъ, что его хотятъ обмануть, онъ воспылалъ гнѣвомъ ко всему этому вопросу и, что крайне замѣчательно, сталъ отстаивать ту самую смертную казнь, все бремя которой онъ несетъ на себѣ. Ваша неловкость привлекла къ этому рѣшенію. Разсматривая этотъ вопросъ косвенно и не откровенно, вы надолго скомпрометировали его. Вы ломали комедію, и ее освистали.

Нѣкоторые добродушные люди, однако, серьезно отнеслись къ этому фарсу. Немедленно вслѣдъ за этимъ знаменитымъ засѣданіемъ, честный хранитель государственной печати отдалъ приказъ главнымъ прокурорамъ отложить на неопредѣленное время приведеніе въ исполненіе всѣхъ смертныхъ приговоровъ. Повидимому, это былъ крупный шагъ. Противники смертной казни свободно вздохнули. Но ихъ самообольщеніе продолжалось недолго.

Процессъ министровъ былъ доведенъ до конца.

Я не знаю, какой имъ былъ вынесенъ приговоръ, но ихъ четыре жизни были пощажены. Крѣпость Гамъ была избрана, какъ золотая середина между смертью и свободой. Когда все это дѣло было обдѣлано, страхъ правительственныхъ лицъ исчезъ, а вмѣстѣ со страхомъ испортилась и ихъ гуманность. Не было уже рѣчи объ упраздненіи смертной казни, и утопія осталась попрежнему утопіей, теоретическая фантазія—фантазіей и поэзія—поэзіей.

Въ тюрьмахъ, однако, все еще находилось нѣсколько обыкновенныхъ несчастныхъ, приговоренныхъ къ смерти; въ теченіе пяти или шести мѣсяцевъ они гуляли по тюремному двору, дышали его воздухомъ, были вполнѣ спокойны и увѣрены, что ихъ не казнятъ, такъ какъ считали отсрочку за помилованіе.

Но подождите.

Палачъ, правда, сильно перепугался. Когда онъ услыхалъ, что наши сочинители законовъ заговорили о гуманности, о филантро-

---

[1]) Ибо святѣйшій синодъ надѣется на обращеніе еретиковъ.

піи, о прогрессѣ, онъ счелъ свое дѣло погибшимъ, пропавшимъ. Онъ, это жалкое существо, спрятался, залѣзъ подъ гильотину, чувствуя себя неловко при солнечномъ свѣтѣ іюльскихъ дней, подобно тому, какъ ночная птица скрывается днемъ; онъ, затыкая уши и сдерживая дыханіе, старался заставить людей забыть о своемъ существованіи. Въ теченіе шести мѣсяцевъ его не было видно; онъ не подавалъ никакихъ признаковъ жизни. Но мало-по-малу къ нему стала возвращаться его прежняя увѣренность. Онъ прислушивался къ тому, что говорилось въ палатахъ и не слышалъ упоминанія его имени. Тамъ уже не раздавались тѣ великія плѣнительныя слова, которыя наводили на него ужасъ. Не слышно уже было высокопарныхъ комментаріевъ къ трактату о преступленіяхъ и наказаніяхъ. Тамъ занимались совсѣмъ другими вещами, имѣвшими крупный соціальный интересъ: о проселочныхъ дорогахъ, о субсидіи комической оперѣ или о кровопусканіи въ размѣрѣ ста тысячъ франковъ изъ апоплектическаго бюджета въ полтора милліарда.

Никто уже не думалъ о немъ, о палачѣ, отсѣкающемъ головы. При видѣ этого онъ сталъ успокаиваться, высовывать голову и оглядываться во всѣ стороны; онъ рѣшился сдѣлать шагъ, за нимъ другой, подобно мыши въ баснѣ Лафонтена, и, наконецъ, осмѣлился совсѣмъ выползти изъ-подъ эшафота; онъ вскочилъ на него и принялся приводить въ порядокъ, подчищать, поглаживать его, наводить на него лоскъ, подмазывать старый механизмъ, заржавѣвшій отъ бездѣйствія. И вотъ когда все было налажено попрежнему, онъ вдругъ оборачивается, хватаетъ за волосы, въ первой попавшейся тюрьмѣ, одного изъ тѣхъ несчастныхъ, которые считали, что избѣжали смерти, тащитъ его къ себѣ, сбрасываетъ съ него одежды, связываетъ ему руки, приподнимаетъ волосы съ затылка и принимается попрежнему казнить.

Все это ужасно, отвратительно, но такова дѣйствительность.

Да, этимъ несчастнымъ узникамъ дарована была шестимѣсячная отсрочка, которая только усилила пытки страданій, заставивъ ихъ снова свыкнуться съ надеждой на жизнь; а затѣмъ безъ всякаго разумнаго основанія, безъ всякой необходимости, невѣдомо зачѣмъ, просто ради удовольствія, отсрочку эту отмѣняютъ, и всѣ эти человѣческія существа хладнокровно передаются въ руки палача. Но, Боже мой, невольно спрашиваешь себя: неужели же кому-нибудь изъ насъ былъ бы какой-нибудь вредъ отъ того, что эти люди продолжали бы жить? Неужели же во Франціи недостаточно воздуха, чтобы всѣ мы могли дышать?

Нужно, чтобы въ сердцѣ человѣка произошло что-нибудь страшно чудовищное, чтобы онъ въ качествѣ жалкаго, нисколько не заинтересованнаго канцелярскаго чиновника, всталъ вдругъ съ своего кресла и сказалъ себѣ: «Ну, вотъ, никто больше не думаетъ объ упраздненіи смертной казни. Пора, значитъ, снова приняться за гильотинированіе».

Къ тому же, замѣтимъ, никогда еще смертная казнь не сопровождалась такими чудовищными обстоятельствами, какъ со вре-

мени отмѣны іюльской отсрочки. Никогда не было еще такихъ возмутительныхъ сценъ на Гревской площади, наглядно обрисовавшихъ всю мерзость смертной казни. Эти усиленные ужасы служатъ справедливой карой для людей, возродившихъ кровавый кодексъ.

Пусть сами ихъ дѣла послужатъ имъ наказаніемъ. Это вполнѣ справедливо.

Приведемъ здѣсь два, три примѣра тѣхъ ужасовъ и беззаконій, которые сопровождали приведеніе приговора въ исполненіе. Нужно потрясти нервы женъ королевскихъ прокуроровъ. Жены иногда играютъ роль совѣсти своихъ мужей.

На югѣ въ концѣ сентября прошлаго 1831 года (мы твердо не помнимъ мѣста, времени казни и фамиліи осужденнаго, но можемъ, если потребуется, все это отыскать), кажется въ Памье, схватили человѣка въ тюрьмѣ въ то время, когда онъ спокойно игралъ въ карты. Ему объявили, что черезъ два часа онъ долженъ умереть. Услыхавъ это, онъ затрясся, такъ какъ думалъ, что онъ помилованъ; его обрили, подстригли ему волосы на головѣ, связали, исповѣдали, затѣмъ въ сопровожденіи четырехъ жандармовъ повезли, среди собравшейся толпы, на мѣсто казни. До сихъ поръ нѣтъ ничего необычайнаго. Такъ всегда дѣлается.

Когда онъ прибылъ на мѣсто казни, палачъ взялъ его отъ священника, отвелъ, привязалъ, «втиснулъ въ печь»—я употребляю условный жаргонъ—и опустилъ топоръ. Тяжелый желѣзный треугольникъ съ трудомъ отдѣлился, но, падая, зацѣпился въ выемкѣ и—вотъ когда начинается ужасъ—надрубилъ шею, не убивъ преступника. Несчастный издалъ страшный крикъ. Смущенный палачъ приподнялъ топоръ и заставилъ его еще разъ опуститься. Топоръ вторично надрубилъ шею преступника, но не отрубилъ головы. Несчастный заревѣлъ, заревѣла и толпа. Палачъ еще разъ поднялъ топоръ, надѣясь третьимъ ударомъ выполнить свою задачу. Но нѣтъ. И отъ третьяго удара полился третій потокъ крови изъ шеи осужденнаго, но голова не упала. Сократимъ подробности. Пять разъ приподнимался и опускался рѣзецъ, пять разъ надрѣзалъ шею осужденнаго; пять разъ несчастный ревѣлъ и потрясалъ головой, взывая о пощадѣ. Негодующая толпа схватила каменья и въ своемъ справедливомъ гнѣвѣ принялась бросать ихъ въ палача. Палачъ скрылся подъ гильотиной, притаившись тамъ за конными жандармами. Но это еще не конецъ. Казнимый, увидавъ, что остался одинъ на эшафотѣ, приподнялся и, стоя въ страшномъ видѣ, обливаясь кровью и поддерживая свою наполовину отрубленную голову, свѣсившуюся на плечо, слабымъ голосомъ просилъ, чтобы его отвязали. Толпа, полная жалости, хотѣла пробиться черезъ ряды жандармовъ и притти на помощь несчастному, который уже пять разъ подвергся казни. Но въ эту минуту помощникъ палача, двадцатилѣтній юноша, взобрался на эшафотъ, сказалъ осужденному, что для того, чтобы его отвязать, ему надо повернуться и пользуясь положеніемъ умирающаго, который отнесся къ нему съ полнымъ довѣріемъ, онъ вскочилъ на

спину казнимаго и какимъ-то ножомъ мясника принялся съ трудомъ перерѣзать остатокъ шеи. Да, такъ все это произошло въ дѣйствительности. И вотъ что видѣли всѣ бывшіе тамъ

По закону судья долженъ присутствовать при совершеніи казни. Онъ могъ однимъ мановеніемъ руки остановить все это. Что же этотъ судья дѣлалъ въ глубинѣ своей кареты въ то время какъ убивали человѣка? Что дѣлалъ онъ, этотъ каратель убійцъ, въ то время, какъ убивали человѣка среди бѣлаго дня, на его глазахъ, подъ дыханіемъ его лошадей, подъ окнами его кареты?

И судья не былъ преданъ суду! И палачъ не судился! И никакой судъ не обратилъ вниманіе на это чудовищное надругательство надъ всѣми законами, ограждающими священную личность Божьяго созданія!

Въ семнадцатомъ столѣтіи, въ эпоху варварства уголовнаго кодекса при Ришелье и Христофорѣ Фуке, Шале былъ казненъ передъ Буффе-де-Нантомъ однимъ неловкимъ солдатомъ, который вмѣсто одного удара шпаги нанесъ ему тридцать четыре удара скобелемъ бочара. Это показалось парижскому парламенту несправедливымъ, приступлено было къ дознанію и суду, и хотя ни Ришелье, ни Фуке отъ этого не пострадали, но все же солдатъ былъ наказанъ. Это, конечно, была несправедливость, но въ основаніи ея мы все же находимъ извѣстную долю судебной правды.

Въ вышеупомянутомъ случаѣ мы не встрѣчаемъ ничего подобнаго. Дѣло происходило послѣ іюля мѣсяца, въ эпоху міра и прогресса, годъ спустя послѣ знаменитаго вопля палаты о смертной казни. Событіе это прошло совершенно незамѣченнымъ. Парижскія газеты упомянули о немъ, какъ о какомъ-то анекдотѣ. Никого оно не встревожило.

Стало только извѣстно, что гильотина была умышленно разстроена кѣмъ-то, желавшимъ повредить исполнителю великихъ дѣлъ. Испортилъ ее одинъ изъ слугъ палача, прогнанный хозяиномъ, въ отместку которому онъ и продѣлалъ эту злую штуку.

Все оказалось не болѣе какъ шалостью. Пойдемте дальше.

Въ Дижонѣ три мѣсяца тому назадъ казнили женщину. (Женщину!) И на этотъ разъ ножъ доктора Гильотена плохо исполнилъ свою службу. Голова не была совсѣмъ отрублена. Тогда слуги палача вцѣпились въ ноги женщины и, невзирая на вопли несчастной, принялись, дергая и отрывая жилы, отдѣлять голову отъ туловища.

Въ Парижѣ мы возвращаемся къ временамъ тайныхъ казней. Такъ какъ съ іюля не смѣютъ уже изъ трусости казнить на Гревской площади, то продѣлываютъ это такъ:

Недавно въ Бисетрѣ схватили человѣка, приговореннаго къ смерти, нѣкоего Дезандріе, если не ошибаюсь; его посадили въ подобіе кошелки на двухъ колесахъ, наглухо запертой со всѣхъ сторонъ, съ жандармомъ спереди и съ другимъ позади, и тихо, безъ сопровождающей толпы доставили къ пустынной заставѣ св. Іакова.

Въ восемь часовъ утра, когда едва еще разсвѣтало, поѣздъ прибылъ къ этой заставѣ, гдѣ находилась только что воздвигнутая гильотина, а въ качествѣ публики нѣсколько дюжинъ мальчишекъ, взобравшихся на кучи камней вокругъ невиданной до сихъ поръ машины. Быстро вытащили человѣка изъ кошелки и, не давъ ему времени вздохнуть, поспѣшно, скрытно, постыдно отрѣзали ему голову. Это называется публичнымъ и торжественнымъ исполненіемъ верховнаго правосудія. Гнусное издѣвательство!

Какъ же королевскіе слуги понимаютъ слово цивилизація? До чего же мы дожили? Справедливость сведена къ военнымъ хитростямъ и обману! Законъ къ уверткамъ! Развѣ это не чудовищно?!

Приговоренный къ смерти является, очевидно, существомъ въ высшей степени опаснымъ, если общество допускаетъ, чтобы къ нему относились такъ вѣроломно?

Однако, будемъ справедливы. Приведеніе приговора въ исполненіе не было совершено въ полной тайнѣ. Утромъ, по обыкновенію, на парижскихъ перекресткахъ выкрикивали и продавали извѣщенія о казни. Существуютъ, повидимому, люди живущіе этой продажей. Слышите ли? Преступленіемъ несчастнаго, его мученіями, агоніей, казнью пользуются, чтобы пустить въ обращеніе выгодный товаръ въ видѣ листка, продаваемаго за копейку. Можно ли себѣ представить что-нибудь болѣе гнусное, чѣмъ эта копейка, позеленѣвшая отъ крови. Кто же собираетъ такія копейки?

Достаточно и этихъ фактовъ. Надѣюсь, что ихъ даже слишкомъ много, и развѣ все это не ужасно?

А что можете вы представить въ защиту смертной казни?

Мы задаемъ этотъ вопросъ вполнѣ серьезно, задаемъ съ цѣлью получить на него отвѣтъ; задаемъ криминалистамъ, а не газетнымъ болтунамъ. Мы знаемъ, что существуютъ люди, избирающіе преимущества смертной казни темой для своихъ парадоксовъ, какъ и всякую другую тему. Имѣются и такіе субъекты, которые враждебно относятся къ смертной казни только потому, что ненавидятъ нѣкоторыхъ людей, нападающихъ на нее. Это для нихъ quasi литературный вопросъ,—вопросъ о личностяхъ, о собственныхъ именахъ. Это завистники, въ которыхъ нѣтъ недостатка какъ среди хорошихъ юристовъ, такъ и среди хорошихъ художниковъ. У Филанджіери были Іосифы Гриппы, у Микель Анджело Торреджіани, у Корнеля—Скюдери.

Мы обращаемся не къ нимъ, но къ настоящимъ юристамъ, къ діалектикамъ, моралистамъ, людямъ любящимъ смертную казнь ради ея самой, за ея красоту, доброту, грацію.

Пусть же они приводятъ свои доводы.

Люди судящіе и присуждающіе утверждаютъ, что смертная казнь необходима. Во-первыхъ, потому, что нужно изъять изъ общества тѣхъ его членовъ, которые нанесли ему вредъ и могутъ причинить вредъ и въ будущемъ.

Если бы все дѣло было въ этомъ, то достаточно было бы пожизненной тюрьмы. Къ чему же тогда смертная казнь? Вы возражаете, что изъ тюрьмы можно убѣжать? Но стерегите ее лучше. Если вы не вѣрите въ прочность вашихъ желѣзныхъ рѣшетокъ, то какъ же вы смѣете держать звѣринцы?

Не нужно палача тамъ, гдѣ достаточно тюремщика

Но, возражаютъ, должно же общество мстить и наказывать. Ни того, ни другого. Месть есть дѣло отдѣльной личности; наказаніе дѣло Бога.

Общество стоитъ между личностью и Богомъ. Оно выше мести, а наказаніе ему недоступно. И ничто такое низкое, и ничто такое возвышенное ему не подобаетъ. Оно должно не наказывать, мстя, *а, исправляя, улучшать*. Измѣните такимъ образомъ формулу криминалистовъ, и мы поймемъ и согласимся съ ней.

Остается третій и послѣдній доводъ—теорія примѣра. Нужно зрѣлищемъ участи преступника устрашать тѣхъ, которые желали бы послѣдовать его примѣру! Вотъ почти буквально тотъ вѣчный доводъ, который, съ различными болѣе или менѣе краснорѣчивыми варіаціями, вы услышите въ прокурорскихъ рѣчахъ всѣхъ пятисотъ судовъ Франціи. Но мы, во-первыхъ, отрицаемъ тутъ существованіе какого бы то ни было примѣра; а, во-вторыхъ, мы отрицаемъ, чтобы зрѣлище казней производило ожидаемое отъ него воздѣйствіе. Оно не только не служитъ къ назиданію, а наоборотъ, деморализуетъ народъ и заглушаетъ въ немъ всякое человѣческое чувство, а слѣдовательно, и всякую добродѣтель. Доказательствъ тому такая масса, что мы никогда не кончили бы нашу статью, если бы вздумали ихъ приводить. Мы отмѣтимъ здѣсь изъ тысячи фактовъ только одинъ, потому что онъ случился на-дняхъ. Я пишу эти строки десятаго марта, а приводимый мною фактъ произошелъ пятаго марта, въ послѣдній день масленицы, въ Сентъ-Полѣ, немедленно послѣ казни поджигателя, по имени Луи Камю. Тамъ группа замаскированныхъ явилась плясать вокругъ дымившагося еще эшафота. Вотъ вамъ и устрашающіе примѣры! Этотъ фактъ издѣвается надъ вами подъ самымъ вашимъ носомъ.

Если же, несмотря на всѣ данныя опыта, вы все еще настаиваете на вашей рутинной теоріи устрашенія примѣромъ, то отчего вамъ не вернуться къ шестнадцатому столѣтію и не сдѣлаться дѣйствительно грозными? Отчего не дать намъ зрѣлища разнообразныхъ пытокъ и казней съ Фаринацци, съ присяжными мучителями, съ висѣлицей, колесованіемъ, кострами, дыбами, отрѣзаніемъ ушей, четвертованіемъ, съ зарываніемъ заживо и съ бросаніемъ въ кипящую смолу? Устройте на всѣхъ перекресткахъ Парижа, въ видѣ особаго рода лавокъ, гнусныя мясныя лавки палачей, въ которыхъ постоянно возобновлялось бы свѣжее мясо. Верните намъ Монфоконъ съ его шестнадцатью каменными перегородками, съ его сидящими звѣрями, погребами, наполненными костями, съ его перекладинами, крюками, цѣпями, кусками скелетовъ, гипсовыми слѣпками, носящими слѣды вороньихъ клювовъ, съ его добавочными висѣлицами и трупнымъ запахомъ, да-

леко разносимымъ вѣтромъ по всѣму предместью Тампля. Верните намъ всю непрерывавшуюся дѣятельность и все могущество парижскаго палача. Куда ни шло. Вотъ дѣйствительно устрашающій примѣръ въ крупныхъ размѣрахъ! Вотъ смертная казнь, надлежащимъ образомъ понятая. Вотъ система казней надлежащихъ размѣровъ! Вотъ нѣчто дѣйствительно гнусное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и ужасное!

Или же послѣдуйте примѣру Англіи. Въ Англіи, въ этой торговой странѣ, хватаютъ контрабандиста на берегахъ Дувра и вѣшаютъ для примѣра, оставляя его висѣть на висѣлицѣ; но такъ какъ перемѣна погоды можетъ попортить трупъ, то его бережно окутываютъ въ холстъ и, чтобы рѣже мѣнять, пропитываютъ холстъ дегтемъ. О, экономная страна, просмаливающая повѣшенныхъ!

Но тутъ все же есть хоть какая-нибудь логика. Это наиболѣе человѣческій способъ понимать теорію примѣра.

А вы, неужели же вы серьезно вѣрите, что подаете устрашающій примѣръ, когда жалкимъ образомъ отрѣзаете голову бѣдняку въ самомъ пустынномъ углу внѣшнихъ бульваровъ? На Гревской площади, среди бѣлаго дня, еще куда ни шло; но у заставы св. Іакова! Но въ восемь часовъ утра! Кто же въ это время тамъ проходитъ? Кто тамъ бываетъ? Кто знаетъ, что вы тамъ убиваете человѣка? Кто подозрѣваетъ, что вы этимъ подаете примѣръ устрашенія? Устрашаете кого? Повидимому, деревья нашихъ бульваровъ.

Развѣ вы не видите, что ваши публичныя казни совершаются тайкомъ? Развѣ вы не замѣчаете, что вы прячетесь? Что вы боитесь и стыдитесь того, что дѣлаете? Что вы поспѣшно бормочете ваше discite justitiam moniti? Что въ сущности вы поколеблены, смущены, неспокойны, не увѣрены въ вашей правотѣ, охвачены общимъ сомнѣніемъ, и отрубаете головы по рутинѣ, ясно не сознавая того, что дѣлаете? Развѣ въ глубинѣ души вы не чувствуете, что по меньшей мѣрѣ лишились нравственнаго и соціальнаго пониманія того значенія пролитія крови, которое ваши предшественники, старые парламентскіе дѣятели, выполняли съ такой спокойной совѣстью? По ночамъ, развѣ вы не чаще ихъ ворочаете голову на подушкѣ? Другіе, до васъ, постановляли приговоры о смертной казни, но они считали себя въ правѣ, считали что дѣлаютъ нѣчто справедливое и хорошее. Жувенель дез-Юрсенъ считалъ себя судьей. Эли де-Торретъ считалъ себя судьей, Лабардемонъ, Ла-Рени и даже Лаффема считали себя судьями, но вы въ глубинѣ вашей души не вполнѣ увѣрены въ томъ, что вы не убійцы!

Вы мѣняете Гревскую площадь на заставу св. Іакова, толпу на безлюдье, день на утреннюю зарю. Вы не твердо убѣждены въ разумности того, что дѣлаете. Вы, повторяю я, прячетесь.

Итакъ опровергнуты всѣ доводы за смертную казнь. Уничтожены всѣ силлогизмы судовъ. Всѣ эти стружки обвинительныхъ актовъ сметены и обращены въ пепелъ. При малѣйшемъ прикосновеніи логики уничтожаются всѣ ложныя сужденія.

Пусть же королевскіе судьи не требуютъ головъ отъ насъ, присяжныхъ, отъ насъ, людей; пусть ласковымъ голосомъ не вымаливаютъ ихъ у насъ, во имя защиты общества, во имя обезпеченія общественной справедливости, во имя необходимости устрашающихъ примѣровъ. Все это напыщенныя рѣчи, надутые пузыри, чистѣйшая пустота. Этимъ гиперболамъ достаточно булавочнаго укола, чтобъ они лопнули. Въ основаніи этой слащавой болтовни вы находите только черствость сердца, жестокость, варварство, желаніе выказать свое рвеніе, необходимость заработать жалованье. Молчите же вы, мандарины! Подъ бархатистыми лапами судьи чувствуются когти палача.

Немыслимо хладнокровно думать о томъ, что представляетъ изъ себя прокуроръ уголовнаго суда. Это человѣкъ, добывающій себѣ средства къ существованію тѣмъ, что отправляетъ другихъ людей на эшафотъ. Это чиновный поставщикъ гревскихъ площадей. Впрочемъ, это господинъ, имѣющій претензію владѣть перомъ и литературнымъ языкомъ, умѣющій хорошо говорить или мнящій себя хорошимъ ораторомъ, въ случаѣ надобности цитирующій одинъ или два латинскихъ стиха и прежде чѣмъ притти къ заключенію о необходимости смертной казни, старающійся произвести эффектъ, льстящій его самолюбію, и, о воплощенная гнусность! все это тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о жизни человѣка; это господинъ, имѣющій свои образцы, свои идеалы, которыхъ онъ отчаянно старается достигнуть, своихъ классиковъ, своего Беллара, своего Маршафи, подобно тому, какъ идеаломъ для одного поэта служитъ Рассинъ, а для другого Буало. При дебатахъ онъ отстаиваетъ гильотину, такова его роль, таково его положеніе. Его обвинительная рѣчь составляетъ его литературное произведеніе; онъ украшаетъ ее метафорами, для благоуханія подпускаетъ цитаты, такъ какъ нужно, чтобы рѣчь его казалась публикѣ красивой, нравилась дамамъ. У него имѣется нѣкоторый запасъ общихъ фразъ, еще довольно новыхъ для провинціи, щегольскія выраженія и утонченные пріемы писателя. Онъ не меньше авторовъ трагедій школы Делиля ненавидитъ настоящія точныя выраженія. Не бойтесь, что онъ назоветъ вещи ихъ именами. О, нѣтъ! Для каждой идеи, которая могла бы васъ возмутить своей наготой, у него имѣется полный нарядъ эпитетовъ и прилагательныхъ. Даже господинъ палачъ является у него презентабельной особой; онъ прикрываетъ флеромъ рѣзецъ гильотины, онъ раскрашиваетъ коромысло. Онъ обматываетъ красную корзину перифразой, и вы ничего уже не узнаете. Все такъ слащаво, все такъ прилично. Представьте себѣ этого прокурора ночью, когда онъ въ своемъ кабинетѣ на досугѣ старается, по возможности, составить эту рѣчь, благодаря которой черезъ шесть недѣль будетъ воздвигнутъ эшафотъ. Смотрите, какъ онъ потѣетъ, стараясь подвести голову обвиняемаго подъ самую роковую статью уголовнаго кодекса. Видите, какъ дурно составленнымъ закономъ онъ пилитъ шею несчастнаго. Замѣчаете, какъ въ гашишъ тропъ и синекдохъ онъ вставляетъ два или три ядовитыхъ текста, чтобы съ величайшимъ трудомъ добиться смерти человѣка? Развѣ не

правда, что въ то время, какъ онъ пишетъ, подъ его столомъ, въ тѣни у его ногъ, скорчившись, пріютился палачъ; и вотъ онъ порою прерываетъ свое писаніе, чтобы сказать палачу, какъ хозяинъ говоритъ собакѣ: «Смирно! Смирно! Ты получишь свою кость!»

Однако, въ своей частной жизни этотъ королевскій слуга можетъ быть честнымъ человѣкомъ, хорошимъ отцомъ, хорошимъ сыномъ, хорошимъ мужемъ, хорошимъ другомъ, какъ объ этомъ гласятъ надписи на могильныхъ памятникахъ Перъ-Лашеза.

Будемъ надѣяться, что недалеко то время, когде законъ упразднитъ эти печальныя должности. Самый духъ нашей цивилизаціи долженъ наконецъ упразднить смертную казнь.

Иногда невольно кажется, что защитники смертной казни хорошенько не вдумывались въ то, что она изъ себя представляетъ. Но сопоставьте съ любымъ преступленіемъ это чудовищное право, по которому общество присваиваетъ себѣ власть лишать человѣка того, чего оно ему не дало, и совершать эту наиболѣе непоправимую изъ всѣхъ непоправимыхъ каръ.

Одно изъ двухъ:

Или человѣкъ, котораго вы такъ караете, не имѣетъ ни семьи, ни родственниковъ, ни товарищей,—въ такомъ случаѣ онъ не получалъ ни воспитанія, ни образованія; никто, значитъ, не позаботился ни объ его умственномъ, ни объ его духовномъ развитіи,—какое же право имѣете вы въ такомъ случаѣ убивать этого несчастнаго сироту? Вы караете его за то, что дѣтство его протекло на каменистой почвѣ, безъ руководителей и безъ опоры. Вы ставите ему въ вину то одиночество, на которое вы сами же осудили его. Его несчастье вы ему зачитываете въ преступленіе. Никто не научилъ его разумно относиться къ своимъ поступкамъ. Этотъ человѣкъ оставался въ полномъ невѣдѣніи добра и зла. Виновата судьба, а не онъ, и вы караете невиннаго.

Или же человѣкъ этотъ имѣетъ семью, и въ такомъ случаѣ неужели вы думаете, что кара, которой вы его губите, наноситъ смертельную рану только одному ему, что сердце его отца, матери, его дѣтей не будетъ истекать кровью? Нѣтъ. Убивая его, вы обезглавливаете всю семью. А потому, и въ этомъ случаѣ, вы опять безпощадны къ невиннымъ.

Эта нелѣпая и слѣпая кара, съ какой стороны вы ее не поверните, всегда ударяетъ по невиннымъ.

Лишите этого человѣка, этого виновнаго, свободы. Онъ имѣетъ семью и, оставаясь въ тюрьмѣ, все же можетъ работать на нее. Но какъ же мертвый можетъ помогать ей жить? И неужели вы безъ содроганія можете думать о томъ, что станется съ его маленькими сыновьями, съ его маленькими дочерьми, которыхъ вы лишаете отца, лишаете куска хлѣба? Или же вы желаете, чтобъ эта семья лѣтъ черезъ пятнадцать пополнила своими сыновьями ваши каторги, а своими дочерьми ваши притоны? О! Бѣдныя, несчастныя созданья!

Въ колоніяхъ, когда по приговору суда казнятъ раба, то выдаютъ его владѣльцу тысячу франковъ вознагражденія. Не зна-

чить ли это, что признавая справедливымъ вознаградить хозяина за наносимый ему ущербъ, вы не находите, что наносите ущербъ семьѣ? Но развѣ вы не лишаете семью того, кто ей принадлежитъ? Развѣ отецъ на сына, жена на мужа, дѣти на отца не имѣютъ больше священныхъ правъ собственности, чѣмъ владѣлецъ на раба?

Мы уличали вашъ законъ въ убійствѣ, теперь мы уличаемъ его и въ грабежѣ.

Но это еще не все. Думали ли вы о душѣ этого человѣка? Знаете ли вы, что она переживаетъ? Смѣете ли вы такъ легкомысленно отправлять ее на тотъ свѣтъ? Въ былое время въ народѣ была хоть какая-нибудь вѣра. Въ послѣднюю минуту религіозность, царившая въ воздухѣ, могла смягчить сердце наиболѣе закоренѣлаго преступника. Осужденный былъ въ то же время и кающійся; религія раскрывала передъ нимъ новый міръ въ то время, какъ общество замыкало передъ нимъ двери стараго; каждая душа вѣрила въ Бога, и эшафотъ служилъ лишь преддверіемъ къ небу.

Но какой надеждой наполняете вы душу казнимаго теперь, когда уже громадная масса является невѣрующей, когда всѣ религіи изъѣдены червоточиной, какъ тѣ старые корабли, которые гніютъ въ нашихъ гаваняхъ и которые въ былое время, быть-можетъ, открывали новые міры. Какое право имѣете вы казнить теперь, когда даже маленькія дѣти смѣются надъ Богомъ? Какое право имѣете вы, эти темныя души осужденныхъ вами людей, эти души, подвергшіяся вліянію Вольтера и Пиго-Лебрена, передавать въ руки тѣхъ, которымъ вы сами не вѣрите? Вы ихъ вручаете тюремному священнику, безспорно прекрасному старику; но вѣритъ ли онъ самъ и можетъ ли внушить вѣру? Не признаетъ ли онъ свой величайшій долгъ за тяжелую обузу? И развѣ вы признаете за священника этого простака, который сидитъ на позорной колесницѣ, прильнувъ плечомъ къ плечу палача?

Одинъ очень задушевный и талантливый писатель высказалъ еще раньше насъ ту мысль, что *«страшно и гнусно, лишивъ человѣка духовника, оставить ему палача»*.

Все это, конечно, не болѣе какъ сентиментальные доводы, какъ ихъ называютъ съ презрѣніемъ нѣкоторые господа, руководящіеся только логикой разсудка; но на нашъ взглядъ это самые лучшіе доводы, такъ какъ мы часто предпочитаемъ доводы сердца доводамъ разсудка. Къ тому же доводы сердца и разсудка всегда цѣпляются одни за другіе. Трактатъ о преступленіяхъ, привитый къ Духу Законовъ Монтескьё, породилъ Беккаріа.

За насъ говоритъ разсудокъ, за насъ говоритъ чувство, наконецъ, за насъ говоритъ и опытъ.

Въ образцовыхъ странахъ, гдѣ упразднена смертная казнь, количество уголовныхъ преступленій изъ года въ годъ прогрессивно уменьшается. Взвѣсьте этотъ фактъ.

Мы, однако, не требуемъ въ данную минуту внезапной и полной отмѣны смертной казни, какъ это опрометчиво начала было

обсуждать палата депутатовъ. Нѣтъ, намъ, наоборотъ, желательны всевозможные опыты, предосторожности, всѣ мѣры благоразумія. Къ тому же мы хотимъ не только отмѣны смертной казни, но и полнаго преобразованія всевозможныхъ карательныхъ мѣръ сверху донизу, начиная съ засова и вплоть до ножа гильотины, и время должно войти составной частью въ это преобразованіе, чтобъ оно могло быть выполнено надлежащимъ образомъ. Мы разчитываемъ въ другой статьѣ развить ту систему, которую мы считаемъ практически примѣнимой. Но независимо отъ частичныхъ отмѣнъ по отношенію къ такимъ преступленіямъ, какъ поддѣлка фальшивыхъ денегъ, поджоги, квалифицированныя кражи и пр., мы требуемъ, чтобы теперь же во всѣхъ уголовныхъ дѣлахъ предсѣдатель обязанъ былъ предлагать присяжнымъ вопросъ о томъ, находятъ ли они, что обвиняемый руководился личной выгодой или же дѣйствовалъ въ порывѣ страсти; и въ тѣхъ случаяхъ, когда присяжные признаютъ, что онъ дѣйствовалъ въ порывѣ страсти, судъ не могъ бы присуждать его къ смертной казни. Это избавило бы насъ по меньшей мѣрѣ отъ нѣсколькихъ возмутительныхъ казней. Ульбахъ и Дебаккеръ были бы спасены. Оттело не былъ бы казненъ.

Впрочемъ, пусть не заблуждаются читатели, не замѣчая того, что вопросъ о смертной казни зрѣетъ съ каждымъ днемъ. И вскорѣ все общество будетъ рѣшать его такъ же, какъ и мы.

Пусть самые упорные криминалисты обратятъ вниманіе на то, что за послѣднее столѣтіе смертная казнь таетъ. Она какъ бы размякла. Это признакъ слабости, разложенія, признакъ близкой смерти. Пытка исчезла, колесованіе исчезло, висѣлица исчезла. И, странная вещь, гильотина уже прогрессъ. Г. Гильотенъ былъ филантропъ.

Да, ужасная Ѳемида, зубастая и жадная, Фаринаса и Вуглана, Деланкра и Исаака Луазеля, Оппеда и Машо чахнетъ. Она худѣетъ. Она умираетъ.

Вотъ Гревская площадь уже не желаетъ ее. Гревская площадь хочетъ снова снискать общее уваженіе. Старая кровопійца хорошо вела себя въ іюлѣ. Отнынѣ она хочетъ вести болѣе благопристойную жизнь и быть достойной своего послѣдняго прекраснаго поступка. Она, въ теченіе трехъ столѣтій позорившая себя всевозможными эшафотами, почувствовала вдругъ раскаяніе. Она стыдится своего прежняго ремесла и хочетъ измѣнить свое гнусное названіе. Она разводится съ палачомъ. Она моетъ свою мостовую.

Въ настоящее время смертная казнь уже изгнана за предѣлы Парижа; но быть изгнанной за предѣлы Парижа значитъ удалиться за предѣлы цивилизаціи.

Всѣ признаки говорятъ въ нашу пользу. Повидимому, скучаетъ и хмурится эта чудовищная машина или, вѣрнѣе, это чудовище, составленное изъ желѣза и дерева и являющееся по отношенію къ Гильотену тѣмъ же, чѣмъ Галатея была для Пигмаліона. Разсматриваемые съ извѣстной точки зрѣнія приведенные нами примѣры выполненія казней являются прекрасными предзнаменова-

ніями. Гильотина колеблется, плохо выполняетъ свое назначеніе. Все старое оборудованіе смертной казни портится.

Мы надѣемся, что эта позорная машина покинетъ Францію, и съ Божьей помощью покинетъ ее прихрамывая, такъ какъ мы постараемся нанести ей здоровые удары.

Пусть она ищетъ себѣ пріютъ въ другихъ странахъ у какого-нибудь варварскаго народа, не у турокъ, которые цивилизуются, не у дикарей, которые не пожелаютъ имѣть ее, а пусть она спустится еще на нѣсколько ступеней по лѣстницѣ цивилизаціи и отправится въ Испанію или въ Россію.

Рухнувшее соціальное зданіе покоилось на трехъ колоннахъ: на священникѣ, королѣ и палачѣ. Давно уже кто-то провозгласилъ, что «боги уходятъ». Надавно другой голосъ громко заявилъ: «короли уходятъ». Теперь уже пора появиться третьему голосу и громко сказать: «Палачъ уходитъ».

Такимъ образомъ старое общество распадется въ прахъ, и Провидѣніе довершитъ разрушеніе прошлаго.

Людямъ, сожалѣвшимъ о богахъ, можно было сказать: Богъ остается. Сожалѣющимъ о короляхъ можно сказать: отечество остается. Сожалѣющимъ же о палачахъ ничего нельзя сказать въ утѣшеніе.

Но не думайте, что вмѣстѣ съ палачомъ погибнетъ общественный порядокъ. Сводъ будущаго общества не распадается отттого, что у него не будетъ этого гнуснаго замочнаго камня.

Цивилизація представляетъ лишь родъ послѣдовательныхъ преобразованій. И вамъ придется присутствовать при преобразованіи уголовнаго кодекса. Кроткій законъ Христа проникнетъ, наконецъ, въ уголовный кодексъ и пронижетъ его своимъ свѣтомъ.

Преступленія будутъ считать за болѣзнь, и эта болѣзнь будетъ имѣть своихъ врачей, которые замѣнятъ вашихъ судей. Они будутъ имѣть свои госпитали, которые замѣнятъ ваши каторжныя тюрьмы. Свобода и здоровье будутъ тождественны. Желѣзо и огонь замѣнятъ бальзамомъ и елеемъ. Великодушіемъ будутъ излѣчивать то зло, которое прежде старались уврачевать гнѣвомъ. Это будетъ просто и величественно. Крестъ замѣнитъ висѣлицу. Вотъ и все.

15 марта 1832 г.

P. S. Черезъ 76 лѣтъ, палата депутатовъ, при необыкновенномъ возбужденіи депутатовъ и публики, при шумныхъ крикахъ лѣвой, постановила 25 ноября 1908 года большинствомъ 330 голосовъ противъ 201 сохранить и впредь смертную казнь.

Примѣчаніе переводчика.

I

Бисетръ.

Я приговоренъ къ смерти.

Вотъ уже пять недѣль какъ я живу съ этой мыслью; вѣчно наединѣ съ нею; и она леденитъ меня своимъ присутствіемъ, давитъ своимъ гнетомъ!

Въ былое время, мнѣ кажется, что съ тѣхъ поръ прошли цѣлые годы, а не недѣли—итакъ, въ былое время я былъ такимъ же человѣкомъ, какъ и всѣ. Каждый день, каждый часъ, каждая минута имѣли для меня смыслъ. Мой умъ, еще молодой и богато одаренный, предавался различнымъ фантазіямъ. Я рисовалъ себѣ безконечныя и безпорядочныя картины, расписывая неистощимыми арабесками ткань этой грубой и скудной жизни. Я воображалъ себѣ молодыхъ дѣвушекъ, блестящія одѣянія епископовъ, выигранныя сраженія, шумные залитые свѣтомъ театры, и снова молодыхъ дѣвушекъ, а также и прогулки съ ними въ темныя ночи подъ широкимъ навѣсомъ раскидистыхъ каштановъ. Фантазія моя рисовала вѣчныя празднества. Я могъ думать все. что хотѣлъ. Я былъ свободенъ.

Теперь я—узникъ. Мое тѣло въ кандалахъ, въ тюрьмѣ, мой умъ въ оковахъ одной и той же мысли; ужасной, кровавой, безжалостной мысли. Я думаю, я увѣренъ и убѣжденъ только въ томъ, что я приговоренъ къ смерти.

Что бы я ни дѣлалъ, вѣчно, здѣсь со мной, эта адская мысль, свинцовымъ гнетомъ давящая меня, завистливая, отгоняющая отъ меня всякое развлеченіе, смотрящая мнѣ, несчастному, прямо въ лицо, потрясающая меня своими ледяными руками, когда я хочу отвернуть отъ нея голову или закрыть глаза. Она проскальзываетъ во всевозможныхъ формахъ туда, гдѣ мой умъ желалъ бы избѣжать ее, примѣшивается ужаснымъ припѣвомъ ко всѣмъ обращеннымъ ко мнѣ рѣчамъ, прилипаетъ вмѣстѣ со мной къ отвратительнымъ рѣшеткамъ моего каземата, неотступно преслѣдуетъ меня, когда я бодрствую, выслѣживаетъ мой тревожный сонъ и въ видѣ ножа мерещится мнѣ во снѣ.

Я пробуждаюсь, вскакиваю преслѣдуемый ею и говорю себѣ, что все это сонъ. Но нѣтъ! прежде чѣмъ я успѣю раскрыть отяжелѣвшія вѣки и увидѣть подтвержденіе этой роковой мысли во всей ужасной моей обстановкѣ, въ мокрыхъ и запотѣвшихъ плитахъ моей камеры, въ блѣдныхъ лучахъ свѣта моего ночника, въ грубой ткани моихъ одеждъ, въ мрачной фигурѣ часового, лядунка котораго блеститъ сквозь рѣшетку каземата, мнѣ кажется, что чей-то голосъ шепнулъ уже мнѣ на ухо: «приговоренъ къ смерти!»

II.

Это было въ одно прекрасное августовское утро.

Процессъ мой тянулся уже три дня; три дня мое имя и мое преступленіе собирали каждое утро толпы зрителей, приходившихъ и усаживавшихся въ залѣ суда, какъ вороны кругомъ трупа; три дня проходила передо мною вся эта фантасмагорія судей, свидѣтелей, адвокатовъ, прокуроровъ, фантасмагорія то забавная, то кровавая, но всегда мрачная и роковая. Въ первыя двѣ ночи я отъ ужаса и волненія не могъ спать; на третью ночь я отъ усталости и скуки заснулъ. Въ полночь я разстался съ присяжными, удалившимися въ совѣщательную комнату. Меня отвели въ мою камеру съ соломеннымъ тюфякомъ, и я мгновенно погрузился въ глубокій сонъ, въ сонъ забвенія. Это были первые часы отдохновенія послѣ столькихъ тревожныхъ дней.

Я еще спалъ крѣпкимъ, глубокимъ сномъ, когда пришли меня будить. На этотъ разъ тяжелые шаги и подбитые гвоздями башмаки тюремщика, бряцаніе связки его ключей, рѣзкій скрипъ засововъ не пробудили меня отъ моего летаргическаго сна; надзирателю пришлось своей грубой рукой трясти меня и крикнуть мнѣ на ухо. — Вставайте же! — Я раскрылъ глаза и растерянный присѣлъ на постели. Въ это мгновеніе чрезъ узкое и высоко прорѣзанное окно моей камеры я увидѣлъ на потолкѣ сосѣдняго коридора, служившемъ мнѣ небомъ (единственное небо которое дано было), то желтое отраженіе, въ которомъ глаза, привыкшіе къ тюремному мраку, умѣютъ такъ хорошо узнавать солнце. Я люблю солнце.

— Хорошій день, сказалъ я тюремщику.

Онъ съ минуту промолчалъ (ничего мнѣ не отвѣтилъ), какъ бы обдумывая стоитъ ли тратить слова; затѣмъ, сдѣлавъ надъ собой усиліе, онъ грубо проговорилъ.

— Очень можетъ быть.

Я сидѣлъ не двигаясь, погруженный въ полудремотное состояніе, съ улыбкой на устахъ и, устремивъ взоры на отрадное золотистое отраженіе, игравшее на потолкѣ.

— Вотъ какой прекрасный денекъ,—повторилъ я.

— Да,—отвѣтилъ тюремщикъ, и вслѣдъ за тѣмъ прибавилъ:— а васъ ждутъ.

Эти послѣднія слова, какъ нить, прерывающая полетъ насѣкомаго, рѣзко пробудили меня къ дѣйствительности. Мнѣ мгновенно, какъ при блескѣ молніи представилась и мрачная зала суда и судьи въ ихъ окровавленныхъ тряпкахъ-мантіяхъ, сидѣвшіе полукругомъ, и три ряда свидѣтелей съ глупыми лицами, и два жандарма по обоимъ концамъ моей скамьи, и движущіеся люди въ черныхъ платьяхъ и головы людей, кишавшія въ тѣни въ глубинѣ и устремленные на меня взоры двѣнадцати присяжныхъ, бодрствовавшихъ въ то время, какъ я спалъ!

Я всталъ; зубы у меня стучали, руки дрожали и никакъ не могли найти одежду, а ноги подкашивались. При первомъ сдѣлан-

номъ мною шагѣ я зашатался, какъ носильщикъ подъ тяжестью непосильной ноши. Однако я пошелъ вслѣдъ за тюремщикомъ.

Два жандарма ждали меня у порога камеры. На меня надѣли наручники. Они замыкались маленькимъ сложнымъ замкомъ, который они тщательно заперли. Я равнодушно, какъ машина, позволилъ имъ продѣлать всю эту махинацію

Мы пересѣкли внутренній дворъ, свѣжій утренній воздухъ нѣсколько оживилъ меня. Я приподнялъ голову и взглянулъ на небо; оно было голубое, и теплые лучи солнца, пересѣкаемые высокими трубами, отбрасывали большія свѣтлыя полосы на высокія и мрачныя стѣны тюрьмы. День былъ дѣйствительно прекрасный.

Мы поднялись по витой лѣстницѣ; прошли по одному коридору, затѣмъ по другому, по третьему, и наконецъ открылась маленькая дверь. Мнѣ въ лицо пахнулъ теплый воздухъ, смѣшанный съ шумомъ; это было дыханіе толпы въ залѣ суда. Я вошелъ.

При моемъ появленіи послышалось бряцаніе оружія и звуки голосовъ. Скамьи шумно задвигались, перегородки затрещали; и пока я шелъ по длинному залу суда между двумя рядами зрителей, оттѣсняемыхъ солдатами, мнѣ казалось, что я былъ тѣмъ центромъ, отъ котораго шли нити, волновавшія всѣ эти изумленныя и обращенныя ко мнѣ лица.

Въ эту минуту я замѣтилъ, что на мнѣ не было наручниковъ; но я никакъ не могъ припомнить, гдѣ и когда они были сняты съ меня.

Тутъ водворилась глубокая тишина; я занялъ мое мѣсто. Когда волненіе затихло въ толпѣ и въ головѣ у меня мысли перестали быть безпорядочными. Я вдругъ ясно понялъ то, что до тѣхъ поръ я лишь смутно сознавалъ, а именно, что наступилъ рѣшительный моментъ и что я нахожусь здѣсь, чтобы выслушать приговоръ.

Пусть кто можетъ объяснитъ, почему эта мысль не ужаснула меня. Окна были открыты; воздухъ и шумъ города свободно врывались въ нихъ; залъ былъ освѣщенъ, какъ бы для свадьбы; веселые солнечные лучи рисовали то тутъ то тамъ свѣтлыя очертанія оконъ, то удлиненныя на полу, то раскинутыя на столахъ, то надломленныя по угламъ стѣнъ и отъ этихъ блестящихъ фигуръ каждый лучъ образовывалъ въ воздухѣ большую призму золотистой пыли.

Судьи въ глубинѣ зала имѣли довольный видъ, вѣроятно, радуясь тому, что дѣло скоро кончится. Лицо предсѣдателя, слегка освѣщаемое отраженіемъ отъ одного изъ стеколъ, дышало спокойствіемъ и добротой; и одинъ изъ молодыхъ судей, трепля свои брыжи, почти весело разговаривалъ съ красивой дамой въ розовой шляпѣ, по особой протекціи помѣщавшейся позади его.

Только одни присяжные казались блѣдными и усталыми, но очевидно потому, что не спали всю ночь. Нѣкоторые изъ нихъ зѣвали. Ничто въ ихъ фигурахъ не указывало, что эти люди только что вынесли смертный приговоръ; на лицахъ этихъ добрыхъ буржуа я ясно читалъ лишь сильное желаніе соснуть.

Передо мной было широко раскрытое окно. Я слышалъ, какъ на набережной весело смѣялись продавщицы цвѣтовъ, а на краю подоконника красивый маленькій желтый цвѣтокъ, весь пронизанный солнечнымъ лучомъ, игралъ съ вѣтромъ въ расщелинѣ кирпича.

Какъ могла какая-нибудь злосчастная мысль зародиться среди столькихъ свѣтлыхъ ощущеній? Залитый воздухомъ и свѣтомъ я могъ думать только о свободѣ. Надежда сіяла во мнѣ какъ этотъ дивный день кругомъ меня; и съ полнымъ довѣріемъ я ждалъ моего приговора, какъ ждутъ особожденія и жизни.

Явился и мой защитникъ. Его ждали. Онъ только что плотно и съ аппетитомъ позавтракалъ. Онъ сѣлъ на свое мѣсто, наклонился ко мнѣ и сказалъ:

— Я надѣюсь.

— Вы надѣетесь?—замѣтилъ я, улыбаясь, и на душѣ у меня стало совсѣмъ легко.

— Да,—продолжалъ онъ,—я ничего еще не знаю относительно ихъ приговора, но не сомнѣваюсь, что они отвергли заранѣе обдуманное намѣреніе, и въ такомъ случаѣ вамъ будетъ только пожизненная каторга.

— Что вы?—воскликнулъ я съ негодованіемъ,—но въ такомъ случаѣ во сто разъ лучше умереть.

Да, умереть!—И къ тому же, шепнулъ мнѣ какой-то внутренній голосъ, чѣмъ я рискую, произнося эти слова? Смертный приговоръ выносятъ всегда вѣдь не иначе, какъ ночью, при свѣтѣ факеловъ, въ мрачномъ и черномъ залѣ и непремѣнно въ зимнія ночи, холодныя и дождливыя? Но въ августѣ мѣсяцѣ, въ восемь часовъ утра, въ такой прекрасный день и такіе добрые присяжные! Нѣтъ, это немыслимо! И я снова любовался красивымъ желтымъ цвѣткомъ, сіявшимъ на солнцѣ.

Вдругъ предсѣдатель, ожидавшій только защитника, предложилъ мнѣ встать. Солдаты сдѣлали на караулъ и мгновенно всѣ присутствующіе, какъ бы подъ вліяніемъ пробѣжавшаго тока, вскочили и стали. Какой-то безцвѣтный и невзрачный господинъ, сидѣвшій за столомъ, помѣщавшимся ниже судейскаго, повидимому, секретарь суда началъ читать приговоръ присяжныхъ, который они вынесли въ мое отсутствіе. Все тѣло мое покрылось холоднымъ потомъ и я, чтобы не упасть, невольно прислонился къ стѣнѣ.

— Имѣете ли вы, господинъ защитникъ, что-нибудь возразить относительно примѣненія къ подсудимому смертной казни?—спросилъ предсѣдатель.

Я имѣлъ очень многое возразить, но не находилъ ни единаго слова. Мой языкъ какъ бы прилипъ къ нёбу.

Защитникъ привсталъ.

Я понялъ, что онъ старался смягчить приговоръ присяжныхъ и замѣнить соотвѣтствующее наказаніе тѣмъ, на которое онъ разсчитывалъ и которое меня такъ возмутило.

Негодованіе было, повидимому, слишкомъ сильно, такъ какъ превозмогло всѣ остальныя чувства, боровшіяся во мнѣ. Я хотѣлъ

громко крикнуть то, что я ему сказалъ: «Во сто разъ лучше смерть, но я такъ задыхался, что могъ только грубо остановить его за руку и съ неимовѣрнымъ усиліемъ крикнуть: «Нѣтъ!»

Прокуроръ возражалъ защитнику, и я слушалъ его, испытывая какое-то безсмысленное удовлетвореніе. Затѣмъ судьи ушли, вернулись и предсѣдатель прочелъ приговоръ.

«Приговоренъ къ смерти», послышалось въ толпѣ; и когда меня уводили, всѣ присутствовавшіе бросились за мной съ шумомъ рушащагося зданія. Я же шелъ какъ пьяный, ничего не сознавая. Во мнѣ произошелъ какой-то внутренній переворотъ. До приговора, присуждавшаго меня къ смертной казни, я чувствовалъ, что дышу, что сердце мое бьется, что живу я въ той же средѣ какъ и всѣ остальные люди. Теперь же я ясно ощущалъ, что выросла какая-то непреодолимая стѣна, отдѣляющая меня отъ остального міра. Все приняло совсѣмъ иной видъ. Эти большія ярко освѣщенныя окна, это прелестное солнце, это чистое безоблачное небо, этотъ красивый цвѣтокъ, все это было бѣло и блѣдно, цвѣта савана. Эти мужчины, женщины и дѣти, толпившіеся на моемъ пути, казались мнѣ какими-то призраками.

Внизу лѣстницы меня ожидала черная и грязная карета. Влѣзая въ нее, я случайно взглянулъ на площадь. «Приговоренный къ смерти!» кричали прохожіе, подбѣгая къ каретѣ. Сквозь облако, застилавшее отъ меня весь остальной міръ, я замѣтилъ двухъ молодыхъ дѣвушекъ, жадно слѣдившихъ за мною. «Вотъ хорошо-то,— воскликнула младшая изъ нихъ, хлопая въ ладоши, — это будетъ черезъ шесть недѣль».

III.

Приговоренъ къ смерти!

А почему бы и нѣтъ? Въ какой-то книгѣ—гдѣ только и была хороша эта мысль,—я когда-то прочелъ, что *всѣ люди приговорены къ смерти съ неопредѣленной отсрочкой*. Въ такомъ случаѣ, что же измѣнилось въ моемъ положеніи?

Съ того времени, какъ произнесенъ мой приговоръ, сколько умерло уже людей, разсчитывавшихъ долго жить! Сколько молодыхъ, свободныхъ и здоровыхъ людей, собиравшихся пойти посмотрѣть какъ на Гревской площади отрубятъ мнѣ голову, уже сошли раньше меня въ могилу! И сколько еще умретъ раньше меня изъ числа тѣхъ, которые теперь ходятъ и дышатъ на вольномъ воздухѣ, выходятъ изъ дому и возвращаются, когда хотятъ.

Къ тому же, что сулитъ мнѣ жизнь, чтобы такъ жалѣть ее? Мрачные дни и черный хлѣбъ тюрьмы, порція жидкаго супа изъ арестантскаго котла, грубость и ругань тюремщиковъ и часовыхъ, особенно оскорбительныя для меня, получившаго нѣжное воспитаніе, отсутствіе человѣческаго существа, считающаго меня достойнымъ добраго слова и съ которымъ я могъ бы быть запросто, не страшась вѣчно того, что я сдѣлалъ и что мнѣ сдѣлаютъ; вотъ почти всѣ тѣ блага, которыхъ можетъ лишить меня палачъ!

И все же это ужасно!

IV.

Черная карета доставила меня сюда, въ этотъ гнусный Бисетръ.

Издали это зданіе имѣетъ очень величественный видъ. Расположенное на вершинѣ холма оно на извѣстномъ разстояніи сохраняетъ еще слѣды своего прежняго величія и похоже на королевскій замокъ. Но, по мѣрѣ того, какъ вы приближаетесь, дворецъ все болѣе принимаетъ видъ развалины. Разрушенныя башни непріятно поражаютъ зрѣніе. Я не знаю, но что-то постыдное и жалкое позоритъ эти королевскіе фасады, а стѣны кажутся будто изъѣденными проказой.

Въ окнахъ нѣтъ ни стеколъ, ни даже рамъ, а видны только массивныя желѣзныя рѣшетки и кое-гдѣ прильнувшее къ нимъ изможденное лицо каторжника или сумасшедшаго.

Такова и жизнь, разсматриваемая вблизи.

V.

Какъ только я пріѣхалъ, меня сдавили желѣзныя лапы. Предосторожности усилились. За ѣдой мнѣ не давали ни ножа ни вилки. Смирительная рубашка, нѣчто въ родѣ мѣшка изъ грубой парусины, связывала мнѣ руки; за мою жизнь отвѣчали. Я подалъ кассаціонную жалобу. Эта мучительная отсрочка могла тянуться шесть, семь недѣль и очень важно было сохранить меня живымъ и здоровымъ для Гревской площади.

Первые дни со мной обращались необыкновенно ласково, что мнѣ было отвратительно. Предупредительность тюремщика напоминаетъ эшафотъ. Къ счастью, черезъ нѣсколько дней обычная грубость превозмогла; ко мнѣ стали относиться какъ и ко всѣмъ арестантамъ; исчезло это необычное отличіе вѣжливаго обращенія, напоминавшее мнѣ палача. Это было не единственное улучшеніе моего положенія. Моя молодость, моя покорность, заботы тюремнаго священника, а въ особенности нѣсколько латинскихъ фразъ, сказанныхъ мною сторожу, и которыхъ онъ не понялъ, помогли мнѣ добиться прогулки разъ въ недѣлю съ остальными арестантами и освободиться отъ смирительной рубашки. Послѣ довольно продолжительныхъ колебаній мнѣ дали даже чернилъ, бумаги, перьевъ и ночникъ.

Каждое воскресенье, послѣ обѣдни меня выпускаютъ во внутренній дворъ въ часы прогулки. Тутъ я разговариваю съ арестантами, нужно же что-нибудь дѣлать. Это все добрый народъ, эти несчастные. Они мнѣ разсказываютъ свои продѣлки, отъ которыхъ можно было бы прійти въ ужасъ; но я знаю, что они хвастаютъ. Они меня учатъ своему воровскому языку, являющемуся цѣлымъ особеннымъ нарѣчіемъ, составляющимъ отвратительный наростъ на обычномъ языкѣ, словно какая-нибудь бородавка. Нѣкоторыя выраженія очень образны и страшно картинны: такъ на-

примѣръ, «есть варенье въ тазу» значить «есть кровь на дорогѣ» или «жениться на вдовѣ»—быть повѣшеннымъ, какъ будто веревка висѣлицы является вдовой всѣхъ повѣшенныхъ. Голова вора носитъ два названія: *сорбонна*, когда онъ обдумываетъ, обсуждаетъ и рѣшаетъ совершить преступленіе; и *чурбанъ*, когда палачъ ее отрубаетъ. Иногда въ нихъ сказывается юморъ: такъ, языкъ называется лгуньей, корзинка тряпичника—ивовымъ кашемиромъ, и къ этому постоянно, на каждомъ шагу примѣшиваются причудливыя, таинственныя, безобразныя, гнусныя слова, появившіяся не вѣсть откуда, словно какіе-то пауки или жабы: такъ, палачъ у нихъ *толь*, смерть — кронъ, мѣсто казни — плакардъ. Когда слышишь этотъ языкъ, то получается ощущеніе чего-то грязнаго, пыльнаго, словно передъ вами вытрясаютъ грязные лохмотья.

Но это, по крайней мѣрѣ, единственные люди, которые жалѣютъ меня, и кромѣ нихъ никто. Тюремщики, надзиратели, караульные—я не ставлю имъ это въ вину—болтаютъ, смѣясь говорятъ обо мнѣ въ моемъ присутствіи словно о какой-нибудь вещи.

I.

Я сказалъ себѣ:

У меня имѣются всѣ средства, чтобы писать, и почему бы мнѣ ими не воспользоваться? Но что писать? Замуравленный въ четырехъ стѣнахъ, голыхъ и холодныхъ, безъ свободы передвиженія, безъ горизонта для глазъ, развлекаясь только тѣмъ, чтобы слѣдить за медленнымъ передвиженіемъ того бѣловатаго четырехугольника, который отбрасывается потайнымъ окошкомъ моей двери на противоположную темную стѣну и, какъ я уже говорилъ, вѣчно наединѣ съ одной единственной мыслью, съ мыслью о преступленіи и карѣ, объ убійствѣ и смерти! Я, которому ничего уже не остается въ этомъ мірѣ, что же я могу еще сказать? И что достойнаго быть занесеннымъ на бумагу найду я въ моемъ пустомъ и увядшемъ мозгу?

Но почему бы не писать? Хотя все кругомъ безцвѣтно и монотонно, но развѣ во мнѣ не буря, не борьба, не трагедія? Развѣ неотвязчивая мысль, овладѣвшая мною, ежечасно, ежеминутно не является въ иномъ, новомъ видѣ, но все болѣе отвратительномъ и все болѣе окровавленномъ по мѣрѣ приближенія рокового срока? Почему не попытаться высказать самому себѣ все что я испытываю невѣдомаго и жестокаго въ томъ положеніи одиночества, въ какомъ я нахожусь? Матеріалъ безспорно богатый и какъ бы ни была сокращена моя жизнь, все же въ томленіяхъ, ужасахъ и мукахъ, которые будутъ наполнять ее, начиная съ этой минуты и вплоть до послѣдней, найдется достаточно матеріала для использованія этого пера и этихъ чернилъ. Къ тому же единственное средство облегчить муки этой тоски заключается въ томъ, чтобы нѣсколько развлекаться, наблюдая и описывая ихъ.

А то, что я буду писать, не будетъ, пожалуй, и безполезно. Этотъ дневникъ моихъ страданій, описываемыхъ часъ за часомъ.

минута за минутой, пытка за пыткой, если у меня хватитъ силъ довести его до того момента, когда мнѣ *физически* станетъ уже невозможно продолжать его, эта исторія, неизбѣжно неоконченная, но по возможности полная всего испытаннаго мною, не будетъ развѣ имѣть великое и глубокое значеніе? Этотъ протоколъ мысли, борящейся со смертью въ ея постоянно возрастающей прогрессіи страданій, это своего рода вскрытіе души осужденнаго развѣ не послужитъ поучительнымъ урокомъ для лицъ, приговаривающихъ къ смерти? Быть-можетъ, у нихъ не такъ легко поднимется рука, когда имъ придется въ другой разъ бросать голову мыслящую, голову человѣка, на такъ называемые ими вѣсы правосудія. Быть-можетъ, эти несчастные никогда не задумывались о той медленной смѣнѣ терзаній, которая заключается въ немногосложной формулѣ смертнаго приговора. Задумывались ли они когда-нибудь надъ той мучительной мыслью, что въ человѣкѣ, котораго они отправляютъ на тотъ свѣтъ, былъ разумъ, разсчитывавшій жить, была душа, не мирившаяся со смертью? Нѣтъ, во всемъ этомъ они видятъ только вертикальное паденіе трехугольнаго ножа и, конечно, думаютъ, что у осужденнаго нѣтъ ничего ни въ прошломъ ни въ будущемъ.

Эти страницы заставятъ ихъ признать, что они заблуждаются. Можетъ-быть, онѣ когда-нибудь появятся въ печати и остановятъ вниманіе судей на страданіяхъ души, которыхъ они и не подозрѣваютъ. Они торжествуютъ, что могутъ убивать, не причиняя почти никакихъ физическихъ страданій. Но развѣ рѣчь идетъ объ этомъ! И что значатъ физическія страданія въ сравненіи съ нравственными? Приходится съ жалостью и съ ужасомъ отнестись къ такимъ законамъ. Но настанетъ день и, быть-можетъ, эти листки, которымъ несчастный ввѣряетъ свои послѣднія страданія, послужатъ къ тому...

Только бы послѣ моей смерти вѣтеръ не разнесъ по тюремному двору эти листки бумаги, вывалявъ ихъ въ грязи, или онѣ не сгнили бы отъ дождя, заклеивая разбитыя окна сторожки тюремнаго привратника.

VII.

Пусть то, что я пишу, окажется со временемъ полезнымъ другимъ, остановитъ руку судьи, готоваго подписать приговоръ, спасетъ несчастныхъ, виновныхъ или невиновныхъ, отъ той агоніи, къ которой я приговоренъ, но мнѣ-то что? Когда отрубятъ мнѣ голову, какое мнѣ будетъ дѣло до того, станутъ ли отрубать головы другимъ? Какъ могъ я думать о такихъ глупостяхъ? Свергнуть эшафотъ послѣ того, какъ я взойду на него! Скажите, пожалуйста, что мнѣ за дѣло до этого!

Что! солнце, весна, поля усѣянныя цвѣтами, птицы, пробуждающіяся утромъ, облака, деревья, природа, свобода, жизнь, все это уже не будетъ существовать для меня?

Ахъ! спасти нужно меня! Неужели же это невозможно, неужели же правда, что умереть нужно будетъ завтра, быть-можетъ, сегодня, и что въ дѣйствительности все такъ? О Боже мой, отъ этой ужасной мысли можно разбить себѣ голову о стѣну моего каземата!

VIII.

Высчитаемъ, сколько дней мнѣ остается.

Послѣ объявленія приговора три дня срока для подачи кассаціонной жалобы.

Дней восемь *бумаги*, какъ ихъ называютъ, пролежатъ въ канцеляріи суда и затѣмъ ихъ перешлютъ министру.

Недѣли двѣ пролежатъ онѣ у министра, который не будетъ даже знать объ ихъ существованіи, хотя предполагается, что онъ, тщательно разсмотрѣвъ, пересылаетъ ихъ въ кассаціонный судъ.

Тамъ ихъ примутъ, занумеруютъ, зарегистрируетъ; такъ какъ гильотина завалена, то каждый долженъ ожидать своей очереди.

Двѣ недѣли на внимательный просмотръ, чтобы бумаги не прошли какъ-нибудь не въ очередь.

Наконецъ происходитъ засѣданіе суда, обыкновенно по четвергамъ; онъ за разъ отклоняетъ жалобъ двадцать и возвращаетъ ихъ министру, который въ свою очередь пересылаетъ ихъ прокурору, а тотъ направляетъ къ палачу. На это потребуется дня три.

На четвертый день утромъ товарищъ прокурора, завязывая галстукъ, говоритъ себѣ: нужно же, наконецъ, покончить съ этимъ дѣломъ, и, если помощникъ секретаря не отозванъ на какой-нибудь пріятельскій завтракъ, то постановленіе о приведеніи приговора въ исполненіе составляется, просматривается, переписывается набѣло, отсылается, и на слѣдующій день на разсвѣтѣ на Гревской площади раздаются удары плотниковъ, а на перекресткахъ улицъ крики глашатаевъ, не щадящихъ своихъ глотокъ до полной хрипоты.

Въ общемъ на это потребуется недѣль шесть. Дѣвочка была права.

Но вотъ уже пять недѣль,—а можетъ-быть, и шесть—я не смѣю считать—какъ я нахожусь въ этомъ казематѣ Бисетра, а между тѣмъ мнѣ кажется, что прошло не болѣе трехъ дней послѣ того четверга.

IX.

Я только что составилъ завѣщаніе.

Но къ чему? Я приговоренъ къ уплатѣ судебныхъ издержекъ и на это едва хватитъ всего моего имущества. Гильотина—вещь очень дорогая.

У меня остается мать, остается жена, остается ребенокъ.

Трехлѣтняя дѣвочка, нѣжная, розовая, худенькая, съ большими черными глазами и длинными русыми волосами.

Ей было два года и одинъ мѣсяцъ, когда я въ послѣдній разъ ее видѣлъ.

Итакъ послѣ моей смерти останутся три женщины безъ сына, безъ мужа, безъ отца; три сироты различнаго возраста, три вдовы въ силу закона.

Я допускаю, что меня караютъ справедливо; но эти невинныя, какое преступленіе совершили онѣ? Однако на это не обращаютъ вниманія; ихъ безчестятъ, ихъ разоряютъ, и это называется правосудіемъ.

Я не особенно тревожусь о моей бѣдной старой матери; ей шестьдесятъ четыре года, она не переживетъ такого удара. А если проживетъ еще нѣсколько времени, то ничего не скажетъ, лишь только бы до конца жизни у нея было немного угольевъ для грѣлки.

Точно такъ же я не особенно терзаюсь участью жены: она уже слаба здоровьемъ и не вполнѣ нормальна: она тоже умретъ.

Если только не сойдетъ съ ума. Говорятъ, что душевно-больные могутъ долго жить, ихъ душа, по крайней мѣрѣ, не страдаетъ, она спитъ, она какъ бы умерла.

Но моя дочка, мой ребеночекъ, моя маленькая, бѣдная Марія, она теперь смѣется, играетъ и ни о чемъ не думаетъ. Вотъ чья участь терзаетъ меня!..

X.

Вотъ что представляетъ моя камера.

Въ ней восемь квадратныхъ футовъ, четыре стѣны изъ вытесаннаго камня образуютъ правильный квадратъ надъ поломъ, выложеннымъ плитами, и который на одну ступень выше, сравнительно съ поломъ коридора.

При входѣ въ нее, на правой сторонѣ двери имѣется нѣчто въ родѣ углубленія, представляющее пародію алькова. Въ этомъ углубленіи валяется охапка соломы, на которой предполагается, что арестантъ долженъ отдыхать и спать, одѣтый зимой и лѣтомъ въ холщевые штаны и тиковую куртку.

Надъ моей головой вмѣсто неба черный, такъ называемый, стрѣльчатый сводъ, съ котораго густая паутина свѣшивается лохмотьями.

Нѣтъ ни оконъ, ни даже отдушины; дверь деревянная, обитая желѣзомъ.

Впрочемъ, виноватъ; посрединѣ двери вверху имѣется отверстіе въ девять квадратныхъ дюймовъ съ перекрещивающейся рѣшеткой, и которое надзиратель можетъ задвигать на ночь.

За камерой тянется довольно длинный коридоръ, освѣщаемый и провѣтриваемый при посредствѣ узкихъ отдушинъ, продѣланныхъ вверху стѣны. Онъ раздѣленъ каменными перегородками, сообщающимися между собой рядомъ низкихъ, сводчатыхъ дверей; каждое такое отдѣленіе служитъ какъ бы прихожей для камеры такой же, какъ и моя. Въ эти камеры сажаютъ каторжниковъ, приговоренныхъ начальникомъ тюрьмы къ дисциплинарнымъ наказаніямъ. Три первыхъ камеры предназначены для приговоренныхъ къ смертной казни; онѣ ближе расположены къ помѣщенію надзирателя и потому болѣе удобны для его надзора.

Эти камеры только и остались отъ древняго замка Бисетръ, построеннаго въ пятнадцатомъ вѣкѣ кардиналомъ винчестерскимъ,

приказавшимъ сжечь Іоанну д'Аркъ. Я слышалъ это отъ тѣхъ любопытныхъ, которые на этихъ дняхъ приходили посмотрѣть на меня, и разсматривавшіе меня на нѣкоторомъ разстояніи, какъ звѣря въ звѣринцѣ. Надзиратель получилъ за это сто су.

Я забылъ сказать, что и днемъ и ночью у двери моей кельи стоитъ часовой, и что каждый разъ, когда я смотрю на квадратное окно въ двери, я встрѣчаю его взоры, устремленные на меня.

Однако предполагается, что въ этомъ каменномъ мѣшкѣ достаточно и воздуха и свѣта.

XI.

Такъ какъ еще не разсвѣтало, то какъ использовать остатокъ ночи? У меня блеснула мысль. Я всталъ и при помощи ночника принялся тщательно осматривать всѣ четыре стѣны моей камеры. Онѣ покрыты надписями, рисунками, причудливыми фигурами, именами, которыя трудно разобрать, такъ какъ они нацарапаны безпорядочно и часто одни на другихъ. Повидимому каждый осужденный хотѣлъ оставить по себѣ слѣдъ, по крайней мѣрѣ, здѣсь. Надписи эти сдѣланы карандашомъ, мѣломъ, углемъ, тутъ есть черныя, бѣлыя, сѣрыя буквы, часто глубоко вдавленныя въ камень и кое-гдѣ какія-то ржавыя, какъ бы написанныя кровью. Конечно, если бы мысль моя не была такъ сосредоточена на одномъ, я съ любопытствомъ сталъ бы разбирать эту странную книгу, которая страница за страницей раскрывается передъ моими взорами на каждомъ камнѣ моей камеры. Я занялся бы составленіемъ нѣчто цѣлаго изъ этихъ отрывочныхъ мыслей, разсѣянныхъ на плитахъ; я возсоздалъ бы для каждаго имени образъ цѣлаго человѣка; придалъ бы смыслъ и жизнь этимъ уродливымъ надписямъ, этимъ отрывочнымъ фразамъ, этимъ искаженнымъ словамъ, этимъ туловищамъ безъ головы, напоминающимъ въ этомъ отношеніи тѣхъ, кто ихъ начерталъ.

На высотѣ моего изголовья нацарапано два пылающихъ сердца, пронзенныхъ стрѣлой и надъ ними надпись: «*любовь до гробовой доски*». Несчастный не надолго давалъ эту клятву.

Сбоку что-то въ родѣ трехуголки съ маленькой фигуркой, грубо подъ нею нарисованной и съ слѣдующими словами: *Да здравствуетъ императоръ! 1824.*

Еще пылающія сердца, съ надписью, очень характерной, въ тюрьмѣ: *Люблю и обожаю Матье Данвена. Жакъ.*

На противоположной стѣнѣ написано: «*Папавуанъ*. Заглавное П тщательно разукрашено арабесками.

Куплетъ неприличной пѣсни.

Фригійскій колпакъ, довольно грубо обтесанный въ камнѣ стѣны и подъ нимъ надпись: «*Бори*».—Республика. Это имя одного изъ четырехъ унтеръ-офицеровъ Ла-Рошеля. Несчастный молодой человѣкъ!

До чего опасны всѣ ихъ мнимыя политическія крайности! За идею, за мечту, за отвлеченность эта ужасная дѣйствительная

награда, называемая гильотиной! И я еще смѣю жаловаться, я желкій человѣкъ, совершившій настоящее преступленіе, пролившій кровь.

Я не стану продолжать мои поиски. Я только что увидѣлъ въ углу стѣны страшную картину, нарисованную мѣломъ,—это изображеніе эшафота, того эшафота, который, можетъ-быть, въ это время строятъ для меня. Лампа едва не выпала у меня изъ рукъ.

XII.

Я поспѣшилъ сѣсть на мой соломенникъ, уткнувъ голову въ колѣни. Затѣмъ мой дѣтскій страхъ разсѣялся и меня охватило странное любопытство: мнѣ захотѣлось продолжать чтеніе надписей на стѣнѣ.

У имени Папавуана я снялъ густой слой паутины, протянутой въ углу стѣны и весь покрытой пылью. Подъ этой паутиной среди именъ, отъ которыхъ остались лишь пятна на стѣнѣ, ясно разобрать можно было четыре или пять: *Дотенъ, 1815,—Пуленъ, 1818.—Жанъ Мартенъ, 1821.—Кастенъ, 1823*. Я прочелъ эти имена и у меня воскресли мрачныя воспоминанія.

Дотенъ, это тотъ человѣкъ, который разрубилъ своего брата на части и ночью, бродя по Парижу, бросилъ голову въ фонтанъ, а туловище въ водосточную трубу. Пуленъ убилъ свою жену. Жанъ Мартенъ убилъ изъ револьвера своего отца въ тотъ моментъ, когда старикъ открывалъ окно. Кастенъ—это тотъ врачъ, который отравилъ своего друга и, подавая ему медицинскую помощь отъ причиненной ему болѣзни, вмѣсто лѣкарства продолжалъ давать ему отраву, и рядомъ съ ними Папавуанъ, этотъ ужасный сумасшедшій, убивавшій дѣтей ударами ножа по головѣ.

Дрожь пробѣжала по мнѣ при мыслѣ, что такіе люди находились въ этой кельѣ до меня. Здѣсь на этомъ же ложѣ передумали свои послѣднія мысли эти люди убійства и крови! Они метались, какъ дикіе звѣри въ этихъ стѣнахъ, въ этомъ тѣсномъ загонѣ. Они слѣдовали другъ за другомъ послѣ короткихъ промежутковъ и, повидимому, казематъ этотъ долго не пустуетъ. Ложе это они оставили теплымъ для меня. Я въ свою очередь послѣдую за ними на кладбище Кламаръ, гдѣ такъ хорошо растетъ трава!

Я не суевѣренъ, и лихорадочная дрожь, вѣроятно, пробѣгала по мнѣ отъ этихъ мыслей; однако, когда я ихъ обдумывалъ, мнѣ вдругъ показалось, что эти роковыя имена начертаны огневыми буквами на черной стѣнѣ; въ ушахъ все сильнѣе и сильнѣе раздавался звонъ, и въ глазахъ показался какой-то красноватый свѣтъ; затѣмъ мнѣ показалось, что весь мой казематъ наполненъ людьми, людьми странными, несшими въ лѣвой рукѣ свою голову за ротъ потому что черепа ихъ были голые. И всѣ они, за исключеніемъ отцеубійцы, грозили мнѣ кулакомъ.

Я съ ужасомъ закрылъ глаза но при этомъ вся эта картина представилась мнѣ еще яснѣе.

Я сошелъ бы съ ума отъ этого, не знаю, сна, видѣнія или дѣйствительнаго явленія, если бы не пришелъ въ себя отъ внезапнаго содроганія. Я готовъ былъ упасть навзничь какъ вдругъ почувствовалъ, что по моей голой ногѣ ползутъ волосатыя лапы и холодный животъ; то былъ паукъ, котораго я потревожилъ и заставилъ обратиться въ бѣгство.

Это заставило меня прійти въ себя.—О, эти ужасные призраки. Нѣтъ, то было видѣніе, созданное моимъ пустымъ, больнымъ мозгомъ. Химеры Макбета! Мертвые не пробуждаются, въ особенности такіе, какъ эти.

Они плотно забиты въ гробахъ, и могила не такая тюрьма, изъ которой можно бѣжать.

Какимъ же образомъ могъ я ихъ такъ испугаться?

Крышка гроба не открывается изнутри.

XIII.

На-дняхъ я видѣлъ отвратительную вещь.

Раннимъ утромъ тюрьма громко шумѣла. Хлопали открываемыя и закрываемыя двери, визжали желѣзныя петли и засовы, перезванивали связки ключей, привязанныя къ поясамъ тюремщиковъ, сверху донизу дрожали лѣстницы подъ торопливыми шагами и съ обоихъ концовъ длинныхъ коридоровъ раздавались перекликавшіеся голоса.

Мои сосѣди по камерѣ, приговоренные къ каторгѣ, были веселѣе обыкновеннаго. Повидимому, весь Бисетръ смѣялся, пѣлъ, бѣгалъ, плясалъ.

Одинъ я среди этого общаго оживленія остался нѣмъ, недвижимъ и съ удивленіемъ прислушивался, стараясь понять причину этой общей суматохи.

Мимо моей камеры прошелъ тюремный надзиратель.

Я рѣшился остановить его и спросить: не тюремный ли сегодня праздникъ?

Праздникъ,—если хотите!—отвѣтилъ онъ.—Сегодня будутъ заковывать въ кандалы каторжанъ, отправляемыхъ завтра въ Тулонъ. Не хотите ли посмотрѣть? Все-таки развлеченіе.

Для одиночнаго заключеннаго это былъ очень удобный случай нѣсколько разсѣяться, какъ бы отвратительно ни было самое зрѣлище. Я принялъ предложеніе и согласился «развлечься».

Надзиратель, принявъ обычныя предосторожности, отвелъ меня въ маленькую пустую камеру безъ всякой мебели, съ рѣшеткой у окна, но съ настоящимъ окномъ, изъ котораго, стоя, можно было дѣйствительно видѣть небо.

— Вотъ,—сказалъ онъ,—отсюда вы все увидите и услышите, и, какъ король, будете одни въ вашей ложѣ.

Затѣмъ онъ вышелъ и заперъ меня на ключъ, на засовъ и на замокъ.

Окно выходило на четырехугольный довольно обширный дворъ, окруженный со всѣхъ сторонъ, словно стѣной, большимъ шести-

этажнымъ зданіемъ изъ тесанаго камня. Трудно представить себѣ болѣе унизительное, болѣе голое, болѣе жалкое зрѣлище, чѣмъ видъ этого четырехугольнаго фасада съ безчисленными рѣшетчатыми окнами, съ прильнувшими къ нимъ худыми, блѣдными лицами, торчавшими одно надъ другимъ, какъ камни стѣны, и обрамленными желѣзными прутьями рѣшетки. Это были арестанты, зрители предстоящей церемоніи въ ожиданіи того дня, когда они сами будутъ дѣйствующими лицами. Они напоминали души грѣшниковъ у отдушинъ чистилища, выходящихъ въ адъ.

Всѣ молча смотрѣли на дворъ, еще совершенно пустой. Среди этихъ мрачныхъ лицъ съ потухшими взорами кое-гдѣ блистало нѣсколько глазъ, пронизывающихъ и живыхъ, какъ огненныя искры.

Четырехугольникъ, окружавшій дворъ, былъ не сплошной. Одна изъ четырехъ сторонъ зданія (выходящая на востокъ) прорѣзана посрединѣ и соединяется съ сосѣдними стѣнами при помощи желѣзной рѣшетки. Эта рѣшетка выходитъ на другой дворъ, значительно меньшій, чѣмъ первый, и въ свою очередь замкнутый стѣнами съ почернѣвшими башнями.

Всюду на главномъ дворѣ у стѣнъ разставлены каменныя скамьи. Посрединѣ торчитъ столбъ съ изогнутымъ желѣзнымъ крюкомъ, предназначеннымъ для фонаря.

Пробило двѣнадцать часовъ. Внезапно растворились большія ворота, скрытыя въ углубленіи. Во дворъ грузно въѣхала телѣга, гремя желѣзомъ. Ее конвоировали какіе-то солдаты, грязные и противные, въ синихъ мундирахъ, съ красными погонами и желтыми шнурами. Это были конвойные, привезшіе кандалы.

Мгновенно, словно это бряцаніе желѣза пробудило всю тюрьму, зрители, торчавшіе у оконъ и до тѣхъ поръ молчаливые и неподвижные, радостно заговорили, запѣли, раздались угрозы, проклятія, смѣшанныя съ взрывами хохота, которыя оскорбляли слухъ. Лица напоминали маски демоновъ. На каждомъ лицѣ появилась гримаса, всѣ кулаки просовывались черезъ рѣшетки, всѣ голоса ревѣли, всѣ взоры горѣли и меня охватилъ ужасъ при видѣ столькихъ искръ, загорѣвшихся въ этомъ пеклѣ.

Тѣмъ временемъ надзиратели, среди которыхъ выдѣлялись по чистотѣ одежды и по выраженію страха на лицѣ нѣсколько любопытныхъ, явившихся изъ Парижа, тѣмъ временемъ, говорю я, надзиратели спокойно принялись за свое занятіе. Одинъ изъ нихъ влѣзъ на телѣгу и сбросилъ товарищамъ цѣпи, дорожные ошейники и тюки полотняныхъ штановъ. Затѣмъ они подѣлили работу: одни принялись въ углу двора вытягивать длинныя цѣпи, называемыя на тюремномъ языкѣ *веревками;* другіе разстилали на землѣ *тафту*, т.-е. рубашки и панталоны; тогда какъ наиболѣе ловкіе подъ наблюденіемъ ихъ начальника, маленькаго приземистаго старичка, разсматривали одинъ за другимъ желѣзные ошейники и испытывали ихъ, бросая на каменную мостовую съ такой силой, что вылетали искры. Все это происходило при насмѣшливыхъ возгласахъ арестантовъ, заглушаемыхъ лишь шумнымъ хохо-

томъ каторжанъ, для которыхъ все это приготовлялось, и которыхъ видно было у рѣшетчатыхъ оконъ старой тюрьмы, выходившей на маленькій дворъ.

По окончаніи всѣхъ этихъ приготовленій господинъ въ мундирѣ съ серебряными нашивками, котораго называли *господиномъ инспекторомъ*, что-то приказалъ директору тюрьмы; мгновенно двѣ или три низкихъ двери какъ бы порывисто стали выбрасывать во дворъ толпы отвратительныхъ, оборванныхъ, ревущихъ людей. Это были каторжники.

При появленіи ихъ радостные крики у оконъ стали вдвое сильнѣе. Нѣкоторые изъ каторжниковъ, имена которыхъ пользовались извѣстностью, встрѣчены были привѣтствіями и аплодисментами, которые они принимали гордо и важно. На большинствѣ было нѣчто въ родѣ шляпъ, сплетенныхъ собственноручно изъ соломы, выдерганной изъ тюремныхъ соломенниковъ, и всѣ нарочно очень странной формы, чтобы, проходя по улицамъ городовъ, обращать вниманіе публики на свои головы. Этимъ аплодировали еще сильнѣе. Изъ нихъ одинъ вызывалъ особенные взрывы восторга: это былъ молодой человѣкъ лѣтъ семнадцати, съ лицомъ молодой дѣвушки. Онъ только что вышелъ изъ карцера, въ которомъ просидѣлъ недѣлю: изъ соломы своего соломенника онъ устроилъ себѣ одѣяніе, прикрывавшее его съ головы до ногъ. Войдя во дворъ, онъ завертѣлся колесомъ съ ловкостью змѣи. Это былъ клоунъ, осужденный за кражу. Его встрѣтили неистовыми аплодисментами и криками радости. Каторжники отвѣчали тѣмъ же и было что-то ужасное въ этомъ обмѣнѣ радостныхъ привѣтствій между патентованными каторжниками и кандидатами на это званіе.

Несмотря на то, что тутъ были представители общества въ лицѣ тюремщиковъ и испуганныхъ любопытныхъ посѣтителей, преступленіе издѣвалось надъ ними, смѣясь имъ прямо въ лицо, и это ужасное наказаніе являлось семейнымъ праздникомъ.

По мѣрѣ появленія каторжниковъ ихъ направляли между двумя рядами надзирателей на маленькій дворъ, огороженный рѣшеткой; тамъ ихъ ожидалъ врачъ. Тутъ каждый изъ нихъ дѣлалъ послѣднюю попытку избѣжать отправки, ссылаясь на какой-нибудь недугъ: на болѣзнь глазъ, на хромую ногу, на поврежденную руку. Но почти всегда ихъ находили годными для каторги, и каждый беззаботно покорялся своей участи, въ нѣсколько минутъ забывая свою мнимую болѣзнь всей жизни.

Рѣшетка маленькаго двора снова открылась. Надзиратель началъ перекличку въ алфавитномъ порядкѣ; каторжники стали выходить одинъ за другимъ и каждый, направляясь въ одинъ изъ угловъ большого двора, становился рядомъ съ товарищемъ, случайно доставшимся ему по порядку начальной буквы его фамиліи. Такимъ образомъ каждый чувствуетъ себя одинокимъ, бокъ о бокъ съ незнакомымъ; и если случайно у каторжника есть другъ, то цѣпь разлучаетъ его съ нимъ. Таково величайшее изъ всѣхъ несчастій.

Когда набралось человѣкъ тридцать, рѣшетка затворилась. Надзиратель палкой выровнялъ ихъ, бросилъ передъ каждымъ ру-

башку, куртку и штаны изъ грубаго холста, и по данному имъ знаку всѣ принялись раздѣваться. Одно неожиданное обстоятельство превратило эту унизительную церемонію въ пытку.

Все это время погода стояла хорошая, и если октябрьскій вѣтеръ и былъ холоденъ, то онъ по временамъ разгонялъ облака и въ сѣромъ небѣ получались просвѣты, изливавшіе яркіе лучи солнца. Но едва каторжники сбросили съ себя свои тюремные лохмотья и стоя голые подвергались тщательному осмотру надзирателей и любопытнымъ взорамъ посѣтителей, обходившихъ кругомъ, чтобы разсмотрѣть ихъ плечи, какъ небо мгновенно почернѣло и неожиданно полилъ холодный осенній ливень и потоками залилъ квадратный дворъ, непокрытыя головы, голыя тѣла каторжниковъ и ихъ жалкую одежду, лежавшую на землѣ.

Въ мгновеніе ока всѣ сбѣжали со двора за исключеніемъ надзирателей и каторжниковъ. Любопытные парижане поспѣшили укрыться подъ навѣсами дверей.

А дождь все продолжалъ лить. На дворѣ видны были только голые каторжники, съ которыхъ лились ручьи на затопленную мостовую. Мрачное молчаніе смѣнило шумные крики. Каторжники дрожали отъ холода; зубы стучали, ихъ исхудалыя ноги, костлявыя колѣни тряслись; и жалко было смотрѣть, какъ они на посинѣвшее тѣло надѣвали эти совсѣмъ мокрыя рубашки, куртки и штаны, съ которыхъ ручьемъ текла вода. Лучше было бы оставаться голыми.

Только одинъ изъ нихъ, старикъ, сохранилъ веселое настроеніе духа. Утираясь мокрой рубашкой, онъ громко заявилъ, что это не входило въ программу; затѣмъ онъ принялся смѣяться, грозя небу кулакомъ.

Когда они переодѣлись въ дорожную одежду, ихъ партіями отъ двадцати до тридцати человѣкъ отвели въ другой уголъ, гдѣ лежали вытянутыя на землѣ веревки. Эти веревки представляютъ изъ себя длинныя и крѣпкія цѣпи, отъ которыхъ черезъ каждые два фута спускаются отвѣсно болѣе короткія цѣпи, заканчивающіяся четыреугольнымъ ошейникомъ, раскрывающимся на шарнирѣ и замыкающимся съ противоположной стороны желѣзнымъ стержнемъ, который на все время пути заклепывается на шеѣ каторжника. Когда эти цѣпи лежатъ распластанными на землѣ, онѣ отчасти напоминаютъ позвоночникъ рыбы.

Каторжниковъ заставили сѣсть въ грязь на залитую дождемъ мостовую, и стали примѣрять имъ ошейники; затѣмъ два тюремныхъ кузнеца, вооружившись переносными наковальнями, стали заклепывать ихъ сильными ударами по холодному желѣзу. Это такая ужасная минута, что даже самые смѣлые блѣднѣютъ. Каждый ударъ молота, приходящійся по наковальнѣ, прислоненной къ стѣнѣ, заставляетъ дрожать подбородокъ, а при малѣйшемъ отклоненіи назадъ черепъ можетъ разлетѣться, какъ орѣховая скорлупа.

Послѣ этой операціи каторжане впали въ мрачное настроеніе. Слышался только лязгъ цѣпей и по временамъ крикъ и глухой

ударъ палки надзирателей по тѣлу провинившагося арестанта. Нѣкоторые плакали; старики дрожали и кусали себѣ губы.

Я съ ужасомъ смотрѣлъ на всѣ эти мрачные профили въ желѣзныхъ оправахъ.

Послѣ осмотра докторовъ—осмотръ со стороны тюремщиковъ, а затѣмъ заковываніе на цѣпь. Драма въ трехъ дѣйствіяхъ.

Снова проглянулъ лучъ солнца. Казалось будто онъ огнемъ залилъ всѣ эти мозги. Каторжане какъ бы въ силу непроизвольнаго движенія вскочили всѣ разомъ. Всѣ пять веревокъ сцѣпились руками и внезапно образовали громадный кругъ вокругъ фонарнаго столба. Они кружились такъ, что утомительно было на нихъ смотрѣть. Они напѣвали пѣснь каторжанъ, романсъ на арестантскомъ жаргонѣ, то на грустный, то на яростный и веселый мотивъ; порою слышались рѣзкіе крики, взрывы хохота, отрывочные и захлебывающіеся съ примѣсью какихъ-то таинственныхъ словъ; затѣмъ неистовыя восклицанія; и лязгъ цѣпей, ударявшихся въ тактъ, служилъ аккомпанементомъ этому пѣнію, болѣе грубому, чѣмъ весь ихъ шумъ. Для того, чтобъ составить себѣ понятіе о бѣсовскомъ шабашѣ, едва ли можно придумать что-нибудь лучше или хуже этого.

Во дворъ внесли большой ушатъ. Надзиратели ударами палки заставили каторжанъ прервать ихъ танецъ и повели ихъ къ ушату, въ которомъ плавали какіе-то овощи въ какой-то дымящейся, грязной жидкости. Каторжане принялись ѣсть.

Окончивъ ѣду, они вылили на мостовую двора остатки похлебки, побросали корки чернаго хлѣба и принялись снова плясать и пѣть. Повидимому, имъ предоставляютъ пользоваться такой свободой въ день заковки и въ слѣдующую за нею ночь.

Я слѣдилъ за этимъ страннымъ зрѣлищемъ съ такимъ жаднымъ, внимательнымъ и животрепещущимъ любопытствомъ, что совсѣмъ забылся. Глубокое чувство жалости охватило все мое существо до глубины души, и ихъ смѣхъ вызывалъ у меня слезы.

Глубоко предаваясь этимъ чувствамъ, я вдругъ увидѣлъ, что эта ревущая толпа остановилась и замолкла. Вслѣдъ за тѣмъ всѣ взоры обратились къ тому окну, у котораго я стоялъ.—Осужденный на смерть! Осужденный на смерть!—завопили всѣ они, указывая на меня пальцемъ; и взрывы радости удвоились.

Я стоялъ пораженный.

Я рѣшительно не понималъ, какимъ образомъ они могли это знать и теперь узнать меня.

— Здравствуй! Съ добрымъ утромъ! Съ добрымъ вечеромъ!—кричали они,—отвратительно издѣваясь. Одинъ изъ самыхъ молодыхъ, приговоренный къ пожизненнымъ каторжнымъ работамъ, отличавшійся лоснящимся, синеватымъ лицомъ, съ завистью посмотрѣлъ на меня и сказалъ: — О, это счастливчикъ! Ему снесутъ башку! Прощай, товарищъ!

Я почувствовалъ что-то ужасное. Я былъ дѣйствительно ихъ товарищемъ. Гревская площадь—сестра Тулона. Я даже стоялъ ниже ихъ; они оказывали мнѣ честь. Я задрожалъ.

Да, ихъ товарищъ! А черезъ нѣсколько дней я самъ представлялъ бы для нихъ занятное зрѣлище.

Я оставался недвижимъ, какъ бы прикованный къ окну. Но когда я увидѣлъ, какъ эти пять веревокъ приближались, готовыя кинуться на меня съ ихъ адскими привѣтствіями, когда я услышалъ этотъ зловѣщій шумъ лязга цѣпей, ихъ криковъ, ихъ шаговъ внизу у самой стѣны, мнѣ показалось, что эта толпа демоновъ взбирается и доберется до моей жалкой камеры; я вскрикнулъ и изъ всѣхъ силъ бросился къ двери, чтобы выломать ее; но не было никакой возможности бѣжать; засовы были задвинуты снаружи. Я стучалъ и неистово звалъ. Затѣмъ мнѣ показалось, что я все ближе слышу страшные голоса каторжниковъ. Мнѣ представилось, будто я вижу ихъ отврэтительныя головы у края моего окна; я снова вскрикнулъ отъ смертельнаго ужаса и лишился сознанія.

XIV.

Когда я пришелъ въ чувство, была уже ночь. Я лежалъ на койкѣ; при свѣтѣ фонаря, привѣшеннаго къ потолку, я увидѣлъ другія койки, стоявшія по обѣимъ сторонамъ моей. Я понялъ, что меня отнесли въ больницу.

Нѣкоторое время я лежалъ, ни о чемъ не думая, ничего не вспоминая, но всецѣло наслаждаясь тѣмъ, что лежу на кровати. Конечно, эта кровать тюремной больницы вызвала бы во мнѣ въ другое время лишь чувство отвращенія и жалости, но теперь я уже былъ не тѣмъ человѣкомъ. Простыни были сѣры и грубы наощупь; одѣяло тонкое и дырявое; черезъ наматрасникъ ощущалась солома; но что за бѣда! я могъ вытянуть и расправить свои члены подъ этими грубыми простынями; подъ этимъ одѣяломъ, несмотря на то, что оно было очень тонко, я чувствовалъ, какъ понемногу проходилъ этотъ отвратительный холодъ, обыкновенно пронизывавшій меня до мозга костей. Я снова заснулъ.

Меня разбудилъ страшный шумъ; уже свѣтало. Этотъ шумъ доносился со двора. Моя постель была у окна; я привсталъ, чтобъ узнать, въ чемъ дѣло.

Окно выходило на большой дворъ Бисетра. Этотъ дворъ былъ полонъ народа; два ряда ветерановъ съ трудомъ оберегали свободнымъ отъ этой толпы узкій проходъ вдоль всего двора.

Между этимъ двойнымъ рядомъ солдатъ медленно, шагъ за шагомъ, двигались пять длинныхъ телѣгъ, нагруженныхъ арестантами. Это были каторжане, отправлявшіеся въ дорогу.

Телѣги были открытыя. Каждую телѣгу занимала одна общая цѣпь. Каторжане сидѣли сбоку, съ обѣихъ сторонъ, прислонясь другъ къ другу спинами и отдѣленные общей цѣпью, которая тянулась во всю длину телѣги, на концѣ которой стоялъ конвойный съ заряженнымъ ружьемъ. Слышенъ былъ грохотъ цѣпей и при каждомъ толчкѣ телѣги видно было какъ тряслись головы арестантовъ и болтались ихъ свѣсившіяся ноги.

Пронизывающій мелкій дождикъ леденилъ воздухъ, и штаны изъ сѣрой почернѣвшей холстины облипали ихъ колѣни. Потоки воды лились съ ихъ длинныхъ бородъ и короткихъ волосъ на головѣ; лица ихъ посинѣли; они дрожали и зубы скрежетали отъ ярости и холода. Къ тому же всѣ движенія ихъ были стѣснены. Прикованные къ этой цѣпи, они составляютъ лишь часть того отвратительнаго цѣлаго, которое называется веревкой и движется какъ одинъ человѣкъ. Разумъ долженъ отказаться отъ своихъ правъ, этотъ каторжный ошейникъ приговариваетъ его къ смерти; а что касается до животной стороны, то и она имѣетъ право проявлять свои потребности лишь въ опредѣленные часы. И такъ неподвижные, большею частью полуголые, съ обнаженными головами и свѣсившимися ногами, они начинали свое двадцатипятидневное путешествіе; сидя на тѣхъ же телѣгахъ, одѣтые въ одну и ту же одежду и въ іюльскій солнечный зной и въ ноябрьскіе холодные дожди; кажется, будто люди хотятъ привлечь небо къ соучастію въ ихъ роли палачей.

У толпы съ каторжниками, сидѣвшими въ телѣгахъ, завязался какой-то отвратительный обмѣнъ словъ: оскорбленія съ одной стороны, задорная ругань съ другой и упреки съ обѣихъ,—но по знаку, поданному конвойнымъ офицеромъ, градъ палочныхъ ударовъ посыпался безъ разбора на головы и спины каторжанъ и все пришло въ нѣкотораго рода внѣшнее спокойствіе, называемое порядкомъ. Однако взоры яростно блистали жаждой мести и кулаки несчастныхъ сжимались на колѣняхъ.

Всѣ пять телѣгъ, конвоируемыя конными жандармами и пѣшими конвойными солдатами, выѣхали изъ высокихъ сводчатыхъ воротъ Бисетра; за ними слѣдовала шестая, на которой безпорядочно навалены были котлы, мѣдныя кастрюли и запасныя цѣпи. Нѣсколько замѣшкавшихся въ кабачкѣ конвойныхъ спѣшили бѣгомъ догнать нарядъ. Толпа разсѣялась. Все это зрѣлище исчезло, какъ призракъ. Въ воздухѣ постепенно затихалъ тяжелый шумъ колесъ и топотъ лошадей по вымощенной дорогѣ, ведущей въ Фонтенбло, хлопаніе бичей, лязгъ цѣпей и ревъ толпы, выражавшей каторжанамъ пожеланіе всякихъ несчастій на ихъ пути.

И таково было начало!

Чего же добивался для меня мой защитникъ? Каторги! Но нѣтъ, въ тысячу разъ лучше смерть, лучше эшафотъ, чѣмъ каторга, лучше полное небытіе, чѣмъ адъ; лучше подставить шею подъ ножъ гильотины, чѣмъ подъ ошейникъ каторжника. Боже мой!.. что за ужасъ эта каторга!

XV.

Къ несчастью, я не былъ боленъ. На слѣдующій день мнѣ пришлось выйти изъ больницы и снова вернуться въ мою камеру.

Не боленъ! Да, дѣйствительно, я молодъ, здоровъ и силенъ. Кровь свободно переливается по жиламъ; всѣ члены моего тѣла повинуются моимъ желаніямъ; я силенъ тѣломъ и духомъ и со-

зданъ для продолжительной жизни; все это совершенно вѣрно; а между тѣмъ меня снѣдаетъ недугъ, смертельный недугъ, созданный руками человѣческими.

Съ тѣхъ поръ какъ я вышелъ изъ больницы у меня возникла мучительная мысль, отъ которой я готовъ сойти съ ума — мысль о томъ, что я могъ бы бѣжать, если бы меня оставили въ больницѣ. Эти врачи, эти сестры милосердія, повидимому, принимали во мнѣ участіе. Умереть такимъ молодымъ и такою смертью! Казалось, что они жалѣли меня, такъ внимательно толпились они у моей постели. Ба! Это просто изъ любопытства! И къ тому же эти лѣчащіе люди излѣчиваютъ отъ лихорадокъ, а не отъ смертнаго приговора. А между тѣмъ для нихъ это такая легкая вещь! Стоитъ только открыть дверь! Что имъ это стоитъ?!

Теперь нѣтъ никакой надежды! Моя жалоба будетъ отклонена, потому что все будетъ правильно; свидѣтели правильно показывали, обвинители правильно обвиняли, судьи правильно судили. Я не разсчитываю, если только... Нѣтъ, безуміе! Надежды нѣтъ никакой! Жалоба—лишь веревка, поддерживающая васъ на вѣсу надъ пропастью, и слышишь какъ она ежеминутно трещитъ пока окончательно не оборвется. Это все одно, какъ если бы ножъ гильотины падалъ не вдругъ, а въ теченіе шести недѣль.

Если бы меня помиловали?—Помиловали! Но кто! и за что? и какъ? Нѣтъ, помилованіе вещь невозможная! Я долженъ служить примѣромъ, какъ они говорятъ.

Остается сдѣлать три шага: въ Бисетръ, въ Консьержери и на Гревскую площадь.

XVI.

Во время немногихъ часовъ, проведенныхъ мною въ больницѣ, я однажды сѣлъ у окна, наслаждаясь солнцемъ—оно снова появилось—или, по крайней мѣрѣ, тѣми лучами его, которые пропускали мнѣ рѣшетки окна.

Я сидѣлъ, свѣсивши отяжелѣвшую голову на руки, которымъ эта ноша была не по силамъ и онѣ въ свою очередь опирались на колѣни ногъ, покоившихся на перекладинѣ стула. Изнеможеніе доводитъ меня до того, что я весь сгибаюсь и опускаюсь, словно у меня нѣтъ ни костей ни мускуловъ въ тѣлѣ.

Спертый воздухъ тюрьмы душилъ меня сильнѣе, чѣмъ когда-либо, въ ушахъ еще звучалъ весь этотъ шумъ цѣпей каторжниковъ, и я испытывалъ страшное утомленіе отъ Бисетра. Мнѣ казалось, что милосердый Богъ долженъ же, наконецъ, сжалиться надо мной и послать мнѣ, по крайней мѣрѣ, маленькую птичку, которая запѣла бы, сѣвъ тамъ, напротивъ на край крыши.

Не знаю, Богъ ли или чортъ исполнилъ мою просьбу, но почти въ то же мгновеніе я услышалъ подъ моимъ окномъ голосъ, но не птички, а чистый, свѣжій, бархатистый голосъ молодой дѣвушки, лѣтъ пятнадцати — что было гораздо пріятнѣе. Я, встрепенувшись, поднялъ голову и сталъ жадно слушать пѣснь, которую она пѣла. Напѣвъ былъ медленный и унылый, словно грустное

и жалобное воркованіе. Я не въ силахъ выразить, какое я испытывалъ горькое разочарованія. Сначала я чувствовалъ, но вскорѣ сдѣлался не въ силахъ слушать. Полупонятный, полускрытый смыслъ ужасной жалобы, заключавшейся въ пѣсни—въ ней описывалась борьба разбойника съ караульнымъ; этотъ воръ, котораго онъ встрѣчаетъ и посылаетъ къ женѣ съ вѣстью; эта страшная вѣсть: я убилъ человѣка и задержанъ; *«я заставилъ дубъ пропотѣть и засыпался»*; эта женщина, бѣгущая въ Версаль съ прошеніемъ, и это Король, негодующій и грозящій виновному, что заставитъ его проплясать танецъ въ воздухѣ, гдѣ нѣтъ пола; и все это, напѣваемое на самый нѣжный мотивъ, голосомъ самымъ нѣжнымъ изъ всѣхъ когда-либо ласкавшихъ человѣческій слухъ... Я былъ пораженъ, ледянѣлъ и ничего не понималъ. Отвратительно было слышать какъ эти чудовищныя слова произносятся этими свѣжими, розовыми устами. Словно слизь гадины на цвѣткѣ розы.

Я не въ силахъ передать того, что я испытывалъ; я былъ и оскорбленъ и обласканъ. Нарѣчіе вертепа и каторги, этотъ кровавый и грубый языкъ, этотъ гнусный жаргонъ въ связи съ голосомъ молодой дѣвушки, въ переходной стадіи отъ дѣтскаго къ женскому! Всѣ эти безобразныя, исковерканныя слова, пропѣтыя граціозными переливами.

Ахъ, что за гнусная вещь—эта тюрьма! Въ ней ядъ, который все грязнитъ. Въ ней блекнетъ все, даже пѣснь пятнадцатилѣтней дѣвушки. Вы находите птичку, но у нея грязь на крылѣ; вы срываете красивый цвѣтокъ, нюхаете его, но отъ него разитъ вонью.

XVII.

О! Если бы мнѣ удалось вырваться на волю, какъ бы я побѣжалъ по полямъ!

Нѣтъ, мнѣ не слѣдовало бы бѣжать! На это обратили бы вниманіе и возникло бы подозрѣніе. Нужно, наоборотъ, итти медленно, поднявъ голову и напѣвая пѣсню. Нужно было бы постараться раздобыть какой-нибудь старый синій передникъ съ красными узорами. Онъ съ рукавами и отлично все прикрываетъ. Здѣсь всѣ огородники носятъ такіе.

Я знаю около Аркеля рощицу у болота; когда я былъ въ коллежѣ, то по четвергамъ ходилъ туда съ товарищами ловить лягушекъ. Въ этой рощицѣ я бы спрятался до ночи.

Съ наступленіемъ ночи я бы продолжалъ свой путь. Я отправился бы въ Венсенъ. Нѣтъ, тамъ мнѣ помѣшала бы рѣка. Я пойду въ Арпажонъ.—Хотя лучше было бы по направленію Сенъ-Жермена и дальше до Гавра, чтобы сѣсть на пароходъ, отправляющійся въ Англію.—Какъ бы то ни было, но я добрался до Лонгжюмо. Проходитъ жандармъ; спрашиваетъ у меня паспортъ... И я погибъ!

Ахъ, несчастный мечтатель, разбей сперва толстую въ три фута стѣну, которая держитъ тебя въ тюрьмѣ! Да, смерть! смерть!

Мнѣ мучительно вспоминать теперь, что маленькимъ ребенкомъ я приходилъ сюда въ Бисетръ смотрѣть на большой колодецъ и на сумасшедшихъ.

XVIII.

Пока я это писалъ, моя лампа стала меркнуть, настало утро, часы на башнѣ пробили шесть.

Что бы это значило? Тюремный надзиратель только что вошелъ въ мой казематъ, снялъ фуражку, поклонился мнѣ и, стараясь придать своему грубому голосу возможно вѣжливый тонъ, извинился, что побезпокоилъ меня, и спросилъ, что я желаю имѣть къ завтраку?..

Дрожь пробѣжала по мнѣ. — Неужели же это назначено на сегодня?

XIX.

Да, это будетъ сегодня!

У меня съ визитомъ былъ самъ начальникъ тюрьмы. Онъ спросилъ, чѣмъ можетъ быть мнѣ полезенъ или пріятенъ и выразилъ желаніе, чтобъ я не могъ пожаловаться на него ни на его подчиненныхъ; съ живымъ участіемъ справился о моемъ здоровьѣ и о томъ, какъ я провелъ ночь; уходя онъ назвалъ меня господиномъ.

Да, это будетъ сегодня.

XX.

Этотъ тюремщикъ не допускаетъ мысли, что я могу быть недоволенъ имъ или его подчиненными. Онъ правъ. Жаловаться на нихъ было бы нехорошо съ моей стороны; они выполняли свое ремесло; они хорошо стерегли меня; и затѣмъ они были вѣжливы, встрѣчая и провожая меня. Развѣ я не долженъ быть этимъ доволенъ?

Этотъ почтенный тюремщикъ съ его льстивой улыбкой, съ его зорами, ласкающими и высматривающими, съ его большими и широкими руками, это—сама воплощенная тюрьма, это Бисетръ, принявшій образъ человѣка. Кругомъ меня все тюрьма; я нахожу тюрьму во всевозможныхъ видахъ: и въ видѣ человѣка, и въ видѣ рѣшетки или засова. Эта стѣна — тюрьма изъ камня; эта дверь— тюрьма изъ дерева; эти тюремщики — тоже тюрьма изъ плоти и костей. Тюрьма—какое-то ужасное существо законченное и нераздѣльное; полузданіе и получеловѣкъ. Я ея добыча; она насѣла на меня и охватила меня всѣми своими изгибами. Она держитъ меня своими каменными стѣнами, замыкаетъ своими желѣзными засовами и стережетъ глазами тюремщика.

О, несчастный! что будетъ со мной? что сдѣлаютъ они со мной?

XXI.

Теперь я спокоенъ. Все кончено, да, совсѣмъ кончено. Я не испытываю того волненія, которое почувствовалъ послѣ посѣщенія меня начальникомъ тюрьмы. Признаться сказать, я все еще надѣялся.—Теперь я, слава Богу, уже не надѣюсь

Вотъ что произошло:

Когда пробило половина седьмого—нѣтъ, безъ четверти семь—дверь моей камеры снова отворилась. Вошелъ сѣдой старикъ, одѣтый въ черный плащъ. Онъ откинулъ плащъ, и я увидѣлъ сутану и брыжи. Это былъ священникъ.—Не тюремный священникъ, а другой, и это было мрачное предзнаменованіе.

Съ добродушной улыбкой онъ усѣлся противъ меня; покачалъ головой и вознесъ очи къ небу, т.-е. къ своду камеры. Я понялъ его.

— Сынъ мой,—спросилъ онъ,—подготовились ли вы?

Я слабымъ голосомъ отвѣтилъ ему:

— Я не подготовился, но готовъ.

Однако мнѣ стало дурно, холодный потъ выступилъ по всему тѣлу, я почувствовалъ, что виски у меня вздуваются и въ ушахъ шумъ.

Въ то время, какъ я, словно спящій, качался на стулѣ, добрый старикъ говорилъ. Такъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, казалось, и мнѣ помнится, что я видѣлъ, какъ шевелились его губы, двигались его руки, блистали его взоры.

Дверь растворилась еще разъ. Звукъ засововъ заставилъ меня прійти въ себя, а его прервать рѣчь. Какой-то господинъ, весь въ черномъ, вошелъ въ сопровожденіи начальника тюрьмы и отвѣсилъ мнѣ глубокій поклонъ. На лицѣ его было выраженіе той офиціальной грусти, которое свойственно служащимъ при похоронныхъ процессіяхъ. Въ рукѣ онъ держалъ бумаги, свернутыя въ трубку

— Милостивый государь, — сказалъ онъ мнѣ съ вѣжливой улыбкой,—я судебный приставъ при парижскомъ королевскомъ судѣ. Я имѣю честь сообщить вамъ бумагу господина главнаго прокурора.

Первый порывъ волненія прошелъ, и ко мнѣ вернулось полное присутствіе духа.

— Бумагу главнаго прокурора, такъ настойчиво требовавшаго мою голову? — отвѣтилъ я ему. — Очень польщенъ тѣмъ, что онъ пишетъ мнѣ. Надѣюсь, что моя смерть доставитъ ему большое удовольствіе, такъ какъ мнѣ тяжело было бы думать, что ему безразлично то, чего онъ добивался съ такимъ усердіемъ.

Я высказалъ все это и твердымъ голосомъ прибавилъ:

— Читайте,—милостивый государь.

Онъ принялся читать длинную бумагу, запинаясь на каждомъ словѣ и читая на распѣвъ конецъ каждой строчки. Это было отклоненіе моей жалобы.

— Приговоръ будетъ сегодня приведенъ въ исполненіе на Гревской площади,—прибавилъ онъ въ заключеніе своего чтенія, не отрывая взоровъ отъ печатной бумаги.—Мы ровно въ семь съ половиной часовъ отправимся въ Консьержери. Будете ли вы, милостивый государь, такъ необычайно любезны отправиться со мной?

Я уже въ теченіе нѣсколькихъ минутъ не слушалъ его. Начальникъ тюрьмы бесѣдовалъ съ священникомъ; приставъ смотрѣлъ

на бумагу, а я на дверь, оставшуюся полуоткрытой. — Ахъ, я несчастный! въ коридорѣ было четыре солдата съ ружьями!

Приставъ повторилъ свой вопросъ, и на этотъ разъ смотрѣлъ на меня.

— Когда вамъ угодно,—отвѣтилъ я ему,—можете вполнѣ располагать мною.

Онъ поклонился и сказалъ:

— Я буду имѣть честь зайти за вами черезъ полчаса.

Затѣмъ они оставили меня одного.

Ахъ, Боже мой, если бы была возможность бѣжать. Какая-нибудь—все равно. Мнѣ нужно бѣжать. Бѣжать во что бы то ни стало... и немедленно. Бѣжать въ двери, въ окно, черезъ крышу, хотя бы при этомъ на бревнахъ остались клочки моего тѣла!

О, проклятье! Дьяволы! Нужны цѣлые мѣсяцы, чтобы хорошими орудіями пробить эти стѣны, а въ моемъ распоряженіи нѣтъ ни часа, ни гвоздя.

XXII.

Изъ Консьержери.

Вотъ я и *переведенъ*, какъ значится въ протоколѣ.

Но о моемъ переѣздѣ стоитъ разсказать.

Било семь съ половиной часовъ, когда приставъ снова появился на порогѣ моего каземата.—Милостивый государь.—сказалъ онъ,—я васъ жду.—Увы! онъ былъ не одинъ!

Я всталъ и сдѣлалъ шагъ, мнѣ казалось, что я не въ силахъ сдѣлать еще шагъ, такъ тяжела была голова и такая слабость чувствовалась въ ногахъ. Однако я собрался съ духомъ и твердо пошелъ. Прежде чѣмъ выйти изъ моей камеры, я въ послѣдній разъ оглядѣлъ ее.—Я любилъ мою темницу.—Затѣмъ я оставилъ ее пустою и открытою, что придаетъ казематамъ довольно странный видъ.

Впрочемъ, она не долго будетъ пустой. Надзиратели говорили, что засѣдающій судъ собирается приговорить еще одного человѣка къ казни, и къ вечеру его ожидаютъ сюда.

На поворотѣ въ коридоръ насъ догналъ священникъ, только что позавтракавшій.

При выходѣ изъ тюрьмы, начальникъ горячо пожалъ мнѣ руку и усилилъ мой конвой четырьмя старыми солдатами.

У двери больницы какой-то умирающій старикъ крикнулъ мнѣ: «*до свиданія!*»

Мы вышли на дворъ. Я вздохнулъ полной грудью, и это меня облегчило.

Недолго пришлось пройтись по свѣжему воздуху. Экипажъ, запряженный почтовыми лошадьми, стоялъ на первомъ дворѣ. Это былъ тотъ самый экипажъ, въ которомъ я сюда пріѣхалъ: что-то въ родѣ продолговатаго кабріолета, раздѣленнаго на два отдѣленія рѣшеткой, густо переплетенной до того, что напоминала вязаніе. Каждое изъ отдѣленій имѣло свою дверку, одна спереди, другая сзади кареты. Все было такъ грязно, черно и такъ покрыто

пылью, что въ сравненіи съ этой каретой похоронныя дроги бѣдняковъ могутъ считаться красивой игрушкой.

Прежде чѣмъ схоронить себя въ этомъ гробу на двухъ колесахъ, я окинулъ взоромъ дворъ, однимъ изъ тѣхъ отчаянныхъ взоровъ, передъ которыми, казалось бы, должны разступиться сами стѣны. Дворъ этотъ, обсаженный деревьями, былъ еще больше наполненъ зрителями, чѣмъ въ день отправки каторжниковъ. Уже и теперь тутъ была толпа!

Какъ при отъѣздѣ каторжниковъ шелъ обычный въ это время года мелкій, леденящій дождь, не перестающій и теперь, когда я пишу эти строки, и будетъ, безъ сомнѣнія, лить весь день и послѣ того, какъ меня уже не будетъ въ живыхъ.

Дороги были размыты, дворъ заполненъ грязью и водой. Мнѣ доставляло удовольствіе видѣть эту толпу въ этой грязи.

Мы усѣлись въ карету; приставъ и жандармъ въ первомъ отдѣленіи; священникъ, я и жандармъ во второмъ. Четыре конныхъ жандарма окружали экипажъ. Такимъ образомъ, не считая кучера, цѣлыхъ восемь человѣкъ на одного.

Когда я садился въ экипажъ одна старуха съ сѣрыми глазами прошамкала:—Мнѣ это еще больше нравится, чѣмъ отправка каторжниковъ.

Мнѣ это понятно. Вѣдь это такое зрѣлище, которое легче охватить однимъ взглядомъ; это также эффектно видѣть, но удобнѣе. Ничто не отвлекаетъ вашего вниманія. Тутъ всего одинъ человѣкъ и на этомъ одномъ человѣкѣ обрушивается вся бездна несчастій, какъ и на всѣхъ каторжниковъ вмѣстѣ. Только это менѣе разсѣяно, и представляетъ, такъ сказать, болѣе сгущенную и потому болѣе пряную жидкость.

Экипажъ пустился въ путь. Онъ съ глухимъ шумомъ проѣхалъ подъ сводами главныхъ воротъ и выѣхалъ на большую аллею и за ними захлопнулись тяжелыя ворота Бисетра. Я впалъ въ оцѣпенѣніе, какъ человѣкъ въ летаргическомъ состояніи, который не можетъ ни двигаться, ни кричать и ждать только, чтобъ его похоронили. Я смутно слышалъ какъ бубенчики, привязанные къ шеѣ почтовыхъ лошадей, звякали мѣрно и съ перерывами, какъ окованныя колеса ударяли то по мостовой, то по крыльямъ кареты при смѣнѣ колеи, какъ звучно отбивали тактъ лошади жандармовъ, окружавшихъ нашъ экипажъ, и какъ кучеръ хлопалъ бичомъ. Все это представлялось мнѣ какимъ-то вихремъ, уносившимъ меня.

Черезъ рѣшетку маленькаго оконца, находившагося противъ меня, мои взоры машинально остановились на надписи крупными буквами, начертанной надъ главными воротами Бисетра и гласившей: «*Пріютъ престарѣлыхъ*».

«Вотъ, подумалъ я, повидимому, и здѣсь есть люди, которые доживаютъ до глубокой старости».

И какъ это бываетъ въ полуснѣ я, въ моемъ умѣ, оцѣпенѣвшемъ отъ горькихъ страданій, сталъ обдумывать эту мысль со всѣхъ сторонъ. Вдругъ карета свернула съ аллеи на большую до-

рогу и видъ изъ окошечка измѣнился. Показались башни парижскаго собора Богоматери, синѣвшія въ густомъ туманѣ. Тотчасъ же мысли мои приняли другой оборотъ. Я превратился въ такое же безвольное механическое существо, какъ и та карета, въ которой я ѣхалъ. Мысль о башняхъ собора Богоматери явилась на смѣну мысли о Бисетрѣ. Тѣмъ, которые будутъ находиться на той башнѣ, гдѣ флагъ, все это будетъ хорошо видно, подумалъ я, глупо улыбаясь.

Кажется, что именно въ этотъ моментъ священникъ снова началъ мнѣ что-то говорить. Я терпѣливо предоставилъ ему заниматься этимъ. Въ ушахъ моихъ уже звучалъ шумъ колесъ, топотъ лошадей, хлопанье бича. Это было однимъ лишнимъ шумомъ.

Я терпѣливо слушалъ этотъ потокъ монотонныхъ рѣчей, усыплявшихъ мою мысль, какъ журчаніе фонтана, и звучавшихъ, постоянно мѣняясь и оставаясь все тѣмъ же, подобно искривленнымъ вязамъ, окаймлявшимъ большую дорогу, какъ вдругъ грубый и отрывистый голосъ пристава, сидѣвшаго въ переднемъ отдѣленіи, пробудилъ меня.

— Ну-съ, господинъ аббатъ,—сказалъ онъ довольно веселымъ тономъ,—не знаете ли чего новенькаго?

Говоря это, онъ обращался къ священнику.

Священникъ, безъ-умолка говорившій мнѣ и оглушенный шумомъ экипажа, ничего не отвѣтилъ.

— Ну и адская же эта карета!—воскликнулъ приставъ, возвышая голосъ, чтобъ перекричать шумъ колесъ.

Дѣйствительно адская.

Онъ продолжалъ.

— Отъ этой тряски не слышно другъ друга. А что я хотѣлъ вамъ сказать? Пожалуйста, господинъ аббатъ, сдѣлайте мнѣ удовольствіе и напомните мнѣ, что я хотѣлъ вамъ сказать. Да, знаете ли вы сегодняшнюю крупную парижскую новость?

Я содрогнулся, какъ будто, рѣчь шла обо мнѣ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ священникъ, который, наконецъ, разслышалъ.—Мнѣ некогда было сегодня утромъ прочесть газеты. Я прочту ихъ вечеромъ. Когда я цѣлый день такъ занятъ, то прошу привратника беречь мои газеты и прочитываю ихъ, когда возвращаюсь.

— Ба!—прервалъ приставъ,—немыслимо, чтобы вы не знали эту парижскую новость, новость этого утра.

— Мнѣ кажется, что я ее знаю,—замѣтилъ я.

Приставъ взглянулъ на меня.

— Вы? Въ самомъ дѣлѣ? Въ такомъ случаѣ, каково ваше мнѣніе?

— Вы очень любопытны!—сказалъ я.

— Почему такъ?—возразилъ приставъ.—У каждаго свое мнѣніе. Я слишкомъ васъ уважаю, чтобъ не допускать мысли, что у васъ нѣтъ своего мнѣнія. Что же касается до меня, то я вполнѣ одобряю мысль о возстановленіи національной гвардіи. Я былъ въ полку сержантомъ, и это, чортъ возьми очень пріятная вещь.

Я прервалъ его и сказалъ, что не думалъ, чтобы рѣчь шла объ этомъ.

— А о какой же новости вы сказали, что знаете ее... Я имѣлъ въ виду другую, которой Парижъ тоже интересуется.

Глупецъ не понялъ, и его любопытство разгорѣлось.

— Другую новость? Но гдѣ, чортъ возьми, могли вы узнать новости? И какая такая, пожалуйста, скажите, дорогой мой. Знаете ли вы ее, господинъ аббатъ? Вы, можетъ-быть, болѣе свѣдущи, чѣмъ я? Пожалуйста, сообщите мнѣ о чемъ идетъ рѣчь. — Видите ли, я большой охотникъ до новостей. Я ихъ сообщаю господину предсѣдателю, и это его занимаетъ.

И тысячу пустыхъ словъ наболталъ онъ еще, обращаясь то къ священнику, то ко мнѣ, а я отвѣчалъ ему только пожатіемъ плечъ.

— Ну-съ, о чемъ же вы думаете?—спросилъ онъ меня.

— Я думаю,—отвѣтилъ я,—что сегодня вечеромъ я уже не буду думать.

— Ахъ! объ этомъ! Видите ли, вы слишкомъ грустны. Вотъ г. Кастенъ—тотъ охотно разговаривалъ.

И, немного помолчавъ, продолжалъ:

— Я сопровождалъ господина Папавуана: у него была мѣховая шапка, и онъ курилъ сигару. Что же касается до молодыхъ людей изъ Ла-Рошеля, то тѣ разговаривали только другъ съ другомъ, но все же говорили.

Онъ опять помолчалъ съ минуту и продолжалъ:

— Безумцы! Энтузіасты! Они словно презирали всѣхъ. Васъ же, молодой человѣкъ, я, дѣйствительно, нахожу слишкомъ задумчивымъ.

— Молодой человѣкъ!—воскликнулъ я,—да я старше васъ, въ теченіе каждой четверти часа я старѣю на цѣлый годъ.

Онъ повернулся ко мнѣ со вниманіемъ, въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, разсматривалъ меня и затѣмъ грубо принялся хохотать.

— Полноте, вы шутите, старше меня! Да я гожусь вамъ въ дѣдушки.

— Мнѣ совсѣмъ не до шутокъ,—серьезно возразилъ я ему.

Онъ раскрылъ свою табакерку.

— Полно-те, милостивый государь, не сердитесь; не хотите ли понюхать табачку и не сердитесь на меня.

— Не бойтесь, если бы я даже имѣлъ что-нибудь противъ васъ, то вѣдь скоро и этому насталъ бы конецъ.

Въ эту минуту табакерка, которую онъ мнѣ протягивалъ, ударилась о раздѣлявшую насъ рѣшетку. Благодаря толчку она такъ сильно ударилась, что упала раскрытая подъ ноги жандарма.

— Проклятая рѣшетка! — воскликнулъ приставъ и, обратившись ко мнѣ прибавилъ:

— Ну, вотъ! И вы скажете, что я не несчастливъ? Я лишился всего своего запаса табака.

— Я лишаюсь больше вашего,—отвѣтилъ я, улыбаясь.

Онъ попытался собрать табакъ, ворча сквозь зубы:

— Больше моего! Легко сказать. Безъ табака до самаго Парижа! Это ужасно!

Священникъ принялся утѣшать его, и не знаю насколько это вѣрно, но мнѣ показалось, что онъ продолжалъ лишь ту рѣчь, съ которой передъ тѣмъ обращался ко мнѣ. Мало-по-малу бесѣда между священникомъ и приставомъ завязалась, и я предоставилъ имъ говорить другъ съ другомъ, а самъ погрузился въ свои думы.

Когда мы подъѣхали къ заставѣ, хотя я все еще занятъ былъ моими мыслями, мнѣ показалось, что Парижъ болѣе оживленъ, чѣмъ обыкновенно.

Экипажъ на минуту остановился передъ заставой. Городскіе таможенные сдѣлали осмотръ. Если бы везли на бойню барана или быка, то пришлось бы платить за пропускъ, но за голову человѣка ничего не платятъ. Насъ пропустили.

Проѣхавъ бульваръ, карета рысью поѣхала по старымъ извилистымъ улицамъ предмѣстья Сенъ-Марсо и Ситэ, извивающимся и пересѣкающимся, какъ тысячи дорожекъ муровейника. По мостовымъ этихъ узкихъ улицъ грохотъ колесъ отъ быстрой ѣзды, такъ оглушалъ, что я ничего уже не могъ слышать отъ внѣшняго шума улицъ. Когда я мелькомъ выглядывалъ въ маленькое квадратное оконце кареты, мнѣ казалось, что потокъ прохожихъ останавливался, чтобъ взглянуть на нашъ экипажъ, и что за нимъ бѣгутъ толпы ребятишекъ; по временамъ кое-гдѣ на перекресткахъ мужчины и старухи въ лохмотьяхъ, съ широко раскрытыми ртами, что-то выкрикивали, и прохожіе наперерывъ спѣшили разбирать листки, которые они пачками держали въ рукахъ.

На часахъ пробило восемь съ половиной, когда мы въѣхали во дворъ Консьержери. При видѣ этой громадной лѣстницы, этой мрачной часовни, этихъ зловѣщихъ дверей, я почувствовалъ невольную дрожь. Когда карета остановилась, мнѣ показалось, что и сердце мое перестало биться

Я собрался съ духомъ; дверца раскрылась съ быстротою молніи; я выпрыгнулъ изъ моей подвижной тюрьмы и быстро пошелъ подъ своды между двумя рядами солдатъ. И тутъ же цѣлая толпа народа провожала меня.

XXIII.

Пока я шелъ по коридорамъ дворца правосудія, я чувствовалъ себя свободно и легко; но я окончательно палъ духомъ, когда передо мной растворились низкія двери потайной лѣстницы, внутренніе проходы, душные и глухіе коридоры, въ которые входятъ только «смертники».

Приставъ все слѣдовалъ за мною. Священникъ ушелъ, обѣщая вернуться черезъ два часа: у него были свои дѣла.

Меня отвели въ кабинетъ директора, на руки которому меня и сдалъ приставъ. Произошелъ обмѣнъ. Директоръ попросилъ его

немного подождать, объявивъ, что у него будетъ *дичь*, которую онъ проситъ доставить въ Бисетръ, въ каретѣ, которая поѣдетъ обратно. Онъ имѣлъ, конечно, въ виду того человѣка, котораго осудили сегодня и который проведетъ эту ночь на той связкѣ соломы, которую мнѣ не было времени использовать.

— Хорошо, — отвѣтилъ приставъ директору, — я подожду нѣсколько времени и мы за одно составимъ оба протокола; это удобнѣе.

Пока же меня помѣстили въ маленькой комнаткѣ, примыкавшей къ кабинету директора. Тамъ меня оставили одного, крѣпко заперевъ.

Я не зналъ хорошенько о чемъ я думалъ и много ли прошло времени, какъ вдругъ у самаго моего уха раздался грубый и рѣзкій хохотъ и пробудилъ меня отъ моихъ грёзъ.

Я задрожалъ и оглянулся. Я уже былъ не одинъ въ этой комнаткѣ. Со мною былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, средняго роста; онъ былъ горбатый, сѣдой, весь въ морщинахъ, руки и ноги его казались обрубками, глаза у него были сѣрые косые, на лицѣ играла горькая улыбка, самъ онъ былъ въ лохмотьяхъ, грязный, полуголый и отвратительный на видъ.

Повидимому, дверь отворилась, впустила его и затѣмъ затворилась за нимъ, а я ничего этого не замѣтилъ. О, если бы и смерть могла такъ же явиться.

Этотъ человѣкъ и я нѣсколько секундъ внимательно вглядывались другъ въ друга: онъ съ хохотомъ, похожимъ на хрипѣніе— я съ удивленіемъ и ужасомъ.

— Кто вы?—наконецъ, спросилъ я его.

— Смѣшной вопросъ!—отвѣтилъ онъ.—Я порѣшенный.

— Порѣшенный! Что это такое?

Вопросъ этотъ удвоилъ его веселость.

— Это, значитъ,—воскликнулъ онъ, продолжая хохотать,—что палачъ черезъ шесть недѣль отколетъ такую же штуку съ моей башкой, какую продѣлаетъ черезъ шесть часовъ съ твоимъ чурбаномъ.—Ха! ха! ха! Повидимому, ты, наконецъ, понялъ.

Дѣйствительно, я поблѣднѣлъ, и волосы у меня встали дыбомъ. Это былъ тотъ приговоренный сегодня, котораго ожидали въ Бисетрѣ, какъ моего наслѣдника.

Онъ продолжалъ:

— Что подѣлаешь? Вотъ тебѣ вся моя исторія. Я сынъ настоящаго вора; жаль, что палачъ надумалъ какъ-то затянуть ему свой галстукъ. Это было еще въ то время, когда по Божіей милости, царила висѣлица. Въ шесть лѣтъ у меня не было ни отца ни матери; лѣтомъ я на большой дорогѣ вертѣлся кубаремъ въ пыли и за это мнѣ изъ оконъ почтовыхъ каретъ бросали копейки, а зимой я босикомъ шлепалъ по грязи и дулъ на свои покраснѣвотъ холода пальцы; голыя ляжки виднѣлись сквозь драные штаны. Въ девять лѣтъ я пускалъ въ ходъ свои руки: порою удавалось обчистить чей-нибудь карманъ, стащить плащъ, а въ десять лѣтъ я уже былъ настоящимъ воришкой. Тутъ я завелъ кое-какое знаком-

ство и занялся грабежомъ. Я взламывалъ лавки, ломалъ замки. Меня схватили. Я былъ совершеннолѣтній и меня отправили грести на галеры. Каторга—вещь тяжелая; спать приходилось на голыхъ доскахъ, пить чистую воду, ѣсть черный хлѣбъ, таскать дурацкое ядро, ни на что ненужное; терпѣть палочные и солнечные удары. Къ тому же голову брѣютъ, а у меня были красивые русые волосы!.. Ну, да чортъ съ ними! Я отбылъ свой срокъ. Это отняло у меня пятнадцать лѣтъ. Мнѣ было тридцать два года. Въ одинъ прекрасный день мнѣ дали проходное свидѣтельство и шестьдесятъ шесть франковъ, скопленныхъ за пятнадцать лѣтъ каторги, работая по шестнадцати часовъ въ день, по тридцати дней въ мѣсяцъ и по двѣнадцати мѣсяцевъ въ году. Ну, все равно; я хотѣлъ вести честную жизнь съ моими шестидесятью франками, и подъ моими лохмотьями билось сердце преисполненное болѣе благородныхъ чувствъ, чѣмъ подъ рясой священника... Но чортъ возьми этотъ паспортъ! Онъ былъ желтый съ надписью *освобожденный каторжникъ*. Я долженъ былъ показывать его вездѣ, гдѣ проходилъ, и предъявлять его каждую недѣлю мэру того селенія, въ которомъ я жилъ. Прекрасная рекомендація! Каторжникъ! Я наводилъ страхъ, маленькія дѣти убѣгали отъ меня, и всѣ двери захлопывались при видѣ меня. Никто не хотѣлъ дать мнѣ работы. Я проѣлъ мои шестьдесятъ франковъ, а затѣмъ нужно было на что-нибудь жить! Я показывалъ мои руки пригодныя къ работѣ, но у меня подъ носомъ запирали двери. Я предлагалъ работать за пятнадцать, за десять, за пять су въ день. Никто не давалъ работы. Что же оставалось дѣлать? Однажды я былъ голоденъ и ударомъ локтя выбилъ витрину въ лавкѣ булочника; я не успѣлъ съѣсть стащенный хлѣбъ и меня приговорили къ пожизненнымъ каторжнымъ работамъ и выжгли три буквы на плечѣ.—Если хочешь, я тебѣ ихъ покажу.—Это на языкѣ справедливости зовется *рецидивомъ*. — И вотъ я сталъ снова каторжникомъ. Меня вернули въ Тулонъ и надѣли зеленый колпакъ. Нужно было бѣжать. Для побѣга приходилось проломать три стѣны, перерѣзать двѣ цѣпи, а у меня имѣлся только гвоздь. Я бѣжалъ. Поднялись бить тревогу, палить изъ пушки: вѣдь какъ при проѣздѣ римскихъ кардиналовъ въ красныхъ мантіяхъ стрѣляютъ изъ пушекъ, такъ и при нашемъ побѣгѣ. Но стрѣляли по воробьямъ. На этотъ разъ у меня не было желтаго билета, но не было и денегъ. Я встрѣтилъ товарищей, которые или отбыли свои сроки или разбили кандалы. Ихъ глава предложилъ мнѣ примкнуть къ нимъ. Они грабили по большимъ дорогамъ. Я согласился и принялся убивать, чтобы жить. Мы то грабили дилижансъ, то почтовую карету, то торговца быками, ѣдущаго верхомъ на лошади. Деньги мы отбирали, лошадей и экипажи бросали на произволъ судьбы, а человѣка зарывали подъ деревомъ, обращая вниманіе на то, чтобъ ноги его не высовывались, и принимались плясать на его могилѣ, утаптывая землю такъ, чтобъ земля не казалось свѣжо взрытой. Я такъ состарился, ютясь въ чащѣ, проводя ночи подъ звѣзднымъ небомъ, перекочевывая изъ одного

лѣса въ другой, но, по крайней мѣрѣ, былъ свобоеднъ и самъ себѣ хозяинъ. Однако, всему бываетъ конецъ, не тотъ такъ другой. Въ одну прекрасную ночь жандармы схватили меня, товарищи спаслись, а я, какъ самый старый, остался въ когтяхъ этихъ котовъ, наряженныхъ въ шапки, обшитыя галунами. Меня притащили сюда. Я прошелъ уже всѣ ступеньки, осталась теперь одна — послѣдняя. Для меня уже все одно: украсть ли платокъ, убить ли человѣка; приходилось примѣнить ко мнѣ вторичный *рецидивъ* и познакомить съ палачомъ. Дѣло мое тянулось недолго. Я начиналъ старѣть и былъ уже ни къ чему не годенъ. Мой отецъ поженился на вдовѣ висѣлицѣ, а я удаляюсь въ аббатство Горы Сожалѣнія (т.-е. гильотины). — Вотъ, товарищъ, каковы дѣла!

Я цѣпенѣлъ, слушая его. Онъ принялся хохотать еще громче, чѣмъ вначалѣ и хотѣлъ пожать мнѣ руку. Я съ ужасомъ отшатнулся.

— Дружище,—сказалъ онъ,—ты кажешься не изъ числа храбрыхъ. Смотри не распусти нюни передъ безносой. Правда довольно гадкую минуту приходится переживать на Гревской площади, но это тянется недолго. Мнѣ хотѣлось бы быть тамъ вмѣстѣ съ тобой, чтобъ показать тебѣ, какъ нужно кувыркаться. Чортъ возьми! Да я готовъ былъ бы не обжаловать приговора, если бы согласились сегодня отрубить мнѣ голову вмѣстѣ съ тобой. Тотъ же священникъ послужилъ бы намъ обоимъ, я не побрезгалъ бы и твоими остатками. Видишь ли, я добрый товарищъ. Ну, что? Хочешь подружиться?

Онъ сдѣлалъ шагъ, чтобъ приблизиться ко мнѣ.

— Милостивый государь,—отвѣтилъ я ему, отталкивая его,— благодарю васъ.

Въ отвѣтъ раздался новый взрывъ хохота.

— А! а! вы, господинъ, повидимому, маркизъ! Это, видите ли, маркизъ!

Я прервалъ его.

— Другъ мой, мнѣ нужно многое пообдумать. Оставьте меня въ покоѣ.

Услыхавъ эти слова, произнесенныя серьезнымъ тономъ, онъ вдругъ задумался, покачалъ своей сѣдой и почти лысой головой, а затѣмъ поскребъ ногтями свою волосатую грудь, выглядывавшую изъ-подъ открытой рубашки, и промычалъ сквозь зубы: «Понимаю, въ самомъ дѣлѣ это, должно-быть, священникъ»...

Затѣмъ, промолчавъ нѣсколько минутъ, онъ продолжалъ скромно:

— Ну вотъ, вы—маркизъ, это отлично, но на васъ отличный сюртукъ, который недолго вамъ послужитъ. Достанется онъ палачу. Дайте мнѣ его. Я его продамъ и раздобуду себѣ табачку.

Я снялъ сюртукъ и отдалъ ему. Онъ принялся хлопать отъ радости въ ладоши, какъ ребенокъ, затѣмъ, увидавъ что я остался въ одной сорочкѣ и дрожу отъ холода, онъ сказалъ:

— Вамъ, милостивый государь, холодно, надѣньте это; идетъ дождь и васъ промочитъ; къ тому же надо имѣть приличный видъ, когда ѣдешь на дрогахъ.

Съ этими словами онъ снялъ съ себя грубую шерстяную сѣрую куртку и сталъ надѣвать ее на меня. Я ему не препятствовалъ.

Я прислонился къ стѣнѣ и не могу опредѣленно сказать, какое впечатлѣніе производилъ на меня этотъ человѣкъ; а онъ началъ внимательно разсматривать сюртукъ, который я ему далъ, и ежеминутно выражалъ возгласами свою радость:

«Карманы совсѣмъ новые! Воротникъ не потертъ!

«Мнѣ за него дадутъ, во всякомъ случаѣ, не меньше пятнадцати франковъ. Какое счастье! На всѣ шесть недѣль у меня будетъ табачокъ!

Дверь отворилась. Пришли за нами обоими: за мной, чтобъ отвести въ комнату, гдѣ осужденные ожидаютъ своего, а его перевезти въ Бисетръ. Онъ, смѣясь, сталъ среди конвоя, который долженъ былъ сопровождать его и сказалъ жандармамъ:

— Смотрите! не ошибитесь; мы обмѣнялись съ этимъ господиномъ шкурами, но не примите меня за него. Это, чортъ возьми, мнѣ совсѣмъ не улыбается теперь, когда у меня есть на что купить табаку!

XXIV.

Этотъ старикъ—разбойникъ. Онъ взялъ у меня мой сюртукъ—я ему его не давалъ—и оставилъ мнѣ эти лохмотья, эту отвратительную куртку! На что я буду похожъ?

Я предоставилъ ему взять мой сюртукъ не по великодушію и не по небрежности; нѣтъ; а потому что онъ былъ сильнѣе меня. Если бы я отказалъ, то онъ отколотилъ бы меня своими большущими кулаками.

Какое тутъ великодушіе! Я былъ обуреваемъ самыми злыми чувствами. Я готовъ былъ задушить моими руками этого стараго вора, готовъ былъ затоптать его ногами!

Я чувствовалъ, что сердце мое преисполнено было яростью и горечью! Я думаю, что у меня лопнулъ желчный пузырь. Смерть дѣлаетъ человѣка злымъ.

XXV.

Они отвели меня въ совсѣмъ пустую камеру, съ голыми стѣнами съ множествомъ рѣшетокъ въ окнѣ и крѣпкими запорами въ дверяхъ, что, впрочемъ, понятно само собой.

Я попросилъ столъ, стулъ и все нужное для письма. Мнѣ все это принесли.

Затѣмъ я потребовалъ кровать. Надзиратель посмотрѣлъ на меня тѣмъ удивленнымъ взглядомъ, который ясно говорилъ: «Къ чему?»

Тѣмъ не менѣе они поставили въ углу складную кровать; но одновременно явился жандармъ и водворился въ комнатѣ, которую они называютъ *моей комнатой*. Ужъ не опасаются ли они, что я задушусь матрацемъ?

XXVI.

Пробило десять часовъ!

О, моя бѣдная маленькая дѣвочка! еще шесть часовъ, и я умру! я стану какой-то мерзостью, которую поволокутъ на холодные столы анатомическаго театра; на одномъ будутъ дѣлать слѣпокъ съ моей головы; на другомъ разсѣкать мое туловище; затѣмъ остатками наполнятъ гробъ и отвезутъ все на Кламарское кладбище.

Вотъ что сдѣлаютъ изъ твоего отца эти люди, изъ которыхъ ни одинъ не ненавидитъ меня, а, напротивъ, всѣ жалѣютъ, и всѣ могли бы спасти меня. Они меня убьютъ, Мари, понимаешь ли ты это? Убьютъ хладнокровно, торжественно, во имя общаго блага. Ахъ! Боже мой!

Бѣдная малютка! И все это продѣлаютъ съ твоимъ отцомъ, который такъ любилъ тебя, цѣловалъ твою надушенную, бѣлую шейку, безпрестанно игралъ твоими шелковыми кудрями, бралъ твое красивое круглое личико въ свои руки, заставлялъ тебя прыгать на его колѣняхъ и вечеромъ складывать твои ручонки для молитвы?

Кто будетъ все это дѣлать теперь? Кто будетъ любить тебя? У всѣхъ дѣтей твоего возраста будетъ отецъ, за исключеніемъ одной тебя. Какъ отвыкнешь ты, дитя мое, отъ подарковъ на новый годъ, отъ красивыхъ игрушекъ, конфетъ и поцѣлуевъ? Какъ отвыкнешь ты, несчастная сиротка, даже отъ ѣды и питья?

О, если бы эти судьи видѣли мою красивую, маленькую Мари, они поняли бы, что не слѣдуетъ убивать отца трехлѣтняго ребенка.

А когда она выраститъ, если только доживетъ до этого, гдѣ будетъ она? Парижъ будетъ, въ числѣ прочихъ, помнить и объ ея отцѣ. Она будетъ краснѣть за меня при упоминаніи моего имени; ее будутъ презирать, гнать, унижать благодаря мнѣ, который любитъ ее всею нѣжностью моего сердца. О моя маленькая, возлюбленная Мари! Правда ли, что ты будешь стыдиться и приходить въ ужасъ, вспоминая меня?

Несчастный! Какое страшное преступленіе совершилъ я и заставляю совершить общество!

Неужели же дѣйствительно я умру до конца дня? Неужели же это правда, что умру именно я? Неужели же этотъ глухой шумъ, долетающій до меня съ улицы, этотъ потокъ веселаго, радующагося народа, спѣшащаго собраться на набережную, эти жандармы, готовящіеся въ своихъ казармахъ, этотъ священникъ въ его черномъ одѣяніи, этотъ другой человѣкъ съ красными руками, неужели же все это для меня!

Неужели же умру я, тотъ самый человѣкъ, который теперь здѣсь живетъ, движется, дышитъ, сидитъ за этимъ столомъ, похожимъ на другіе столы, и могъ бы быть въ другомъ мѣстѣ; умру тотъ я, котораго я чувствую, трогаю, и одежды на которомъ составляютъ вотъ эти складки!

XXVII.

Если бы я еще зналъ, какъ это сдѣлано и какъ умираютъ на ней, но ужасъ въ томъ, что я этого не знаю.

Названіе этой вещи ужасно, и я не понимаю какъ я могъ до сихъ поръ писать его и произносить.

Сочетаніе этихъ десяти буквъ, ихъ видъ, ихъ физіономія хорошо приспособлены для пробужденія идеи ужаса, и горемычный докторъ, который изобрѣлъ эту вещь, имѣлъ роковое имя.

Представленіе, связанное у меня съ нимъ, смутно, неопредѣленно и тѣмъ болѣе ужасно.

Каждый слогъ является какъ бы частью машины. Я безпрестанно строю и разрушаю въ своемъ умѣ чудовищный мостъ.

Я не смѣю разспрашивать о немъ, но страшно не знать ни что онъ представляетъ, ни какъ это происходитъ. Кажется, что имѣется перекладина, и что васъ кладутъ на животъ... Ахъ! мои волосы посѣдѣютъ раньше, чѣмъ скатится голова!

XXVIII.

Однажды, я ее видѣлъ, однако. Я проѣзжалъ въ каретѣ по Гревской площади часовъ въ одиннадцать утра. Вдругъ карета остановилась.

На площади была толпа. Я выглянулъ изъ окна. Чернь наполняла площадь и набережную, женщины, мужчины и дѣти стояли на парапетѣ. Поверхъ головъ виднѣлся рядъ помоста изъ дерева краснаго цвѣта, который воздвигали три человѣка.

Въ этотъ день должна была совершиться казнь одного осужденнаго и для этого сооружали машину.

Я отвернулся, ничего не разглядѣвъ. Рядомъ съ каретой стояла женщина и говорила ребенку:

— Смотри-ка, смотри! Ножъ плохо дѣйствуетъ, они сейчасъ смажутъ желобъ свѣчнымъ саломъ.

Сегодня, вѣроятно, они какъ разъ сдѣлаютъ то же самое. Одиннадцать часовъ уже пробило, и они, навѣрное, смазываютъ желобокъ саломъ.

О, на этотъ разъ я, несчастный, уже не отверчусь!

XXIX.

О помилованіе! Помилованіе! Можетъ-быть, меня и помилуютъ. Король не гнѣвается на меня. Пусть сходятъ за моимъ защитникомъ! Скорѣе защитника! Я охотно пойду на каторгу. Пять лѣтъ

каторги—и дѣло съ концомъ,—даже двадцать лѣтъ... даже вѣчная съ клеймомъ. Не отнимайте только жизни!

Каторжникъ все же двигается, ходитъ туда и сюда, видитъ солнце.

XXX.

Священникъ вернулся.

У него сѣдые волосы, очень кроткій, добрый и почтенный видъ. Это, дѣйствительно, превосходный, сострадательный человѣкъ. Сегодня утромъ, онъ, на моихъ глазахъ опорожнилъ свой кошелекъ въ руки арестантовъ. Но почему же въ его голосѣ нѣтъ ничего трогательнаго и задушевнаго? Почему же онъ не сказалъ мнѣ еще ничего такого, что бы затронуло мой умъ или сердце.

Сегодня утромъ я былъ какъ помѣшанный и едва слышалъ, что онъ мнѣ сказалъ. Однако, слова его казались мнѣ безполезными, и я остался равнодушенъ; онѣ скользили, какъ этотъ холодный дождь по остывшему стеклу.

Но теперь, когда онъ вошелъ ко мнѣ, видъ его подѣйствовалъ на меня благотворно.

— Онъ единственный среди этихъ людей остается еще для меня человѣкомъ,—сказалъ я себѣ. И меня охватила новая жажда добрыхъ и утѣшительныхъ словъ.

Мы сѣли, онъ на стулъ, а я на кровать, и онъ сказалъ мнѣ. — «Сынъ мой»...—это слово проникло мнѣ въ сердце. Онъ продолжалъ:

— Сынъ мой, вѣруете ли вы въ Бога?

— Да, мой отецъ,—отвѣчалъ я.

— Вѣруете ли вы въ святую римско-католическую, апостольскую церковь?

— Вѣрую, отвѣчалъ я.

— Сынъ мой,—возразилъ онъ,—вы какъ-будто сомнѣваетесь?

Тутъ онъ заговорилъ. Онъ говорилъ долго и сказалъ много словъ; потомъ, рѣшивъ, что сказано все, онъ всталъ и въ первый разъ съ начала рѣчи взглянулъ на меня.

— Ну, какъ?—спросилъ онъ.

Я утверждаю, что слушалъ его сначала жадно, потомъ внимательно, потомъ терпѣливо.

Я тоже всталъ.

— Милостивый государь,—сказалъ я,—прошу васъ оставьте меня одного.

— Когда же мнѣ прійти?

— Я дамъ вамъ объ этомъ знать.

Онъ вышелъ, не говоря ни слова и только покачалъ головой, какъ бы произнеся про себя:

— Безбожникъ!

Нѣтъ, какъ ни низко я палъ, но я не безбожникъ, и Самъ Богъ свидѣтель, что я вѣрую въ Него. Но что сказалъ мнѣ этотъ старикъ? Ничего прочувствованнаго, ничего задушевнаго, ничего вы-

плаканнаго, ничего вырвавшагося изъ души, ничего такого, что изъ его сердца проникло бы въ мое, что насъ бы соединило.

Напротивъ, было что-то смутное, неопредѣленное, примѣнимое ко всему и ко всѣмъ,—напыщенность тамъ, гдѣ требуется глубина, громкія фразы вмѣсто простыхъ; какая-то сентиментальная проповѣдь и теологическая элегія. Тамъ и сямъ латинскія цитаты на латинскомъ языкѣ. Святой Августинъ, святой Григорій и еще не-вѣсть кто. Потомъ, онъ какъ будто говорилъ наизусть урокъ, уже разъ двадцать повторенный, перефразировалъ старую, давно избитую тему. При этомъ ни одного взгляда, ни одной задушевной ноты въ голосѣ, ни одного жеста.

Да и могло ли быть иначе? Вѣдь онъ штатный тюремный священникъ. Его обязанность утѣшать и увѣщавать, и онъ живетъ этимъ.

Каторжники и осужденные на смерть находятся въ вѣдомствѣ его краснорѣчія. Онъ исповѣдуетъ и напутствуетъ ихъ—въ этомъ его назначеніе. Онъ состарился, водя людей на смерть. Онъ давно привыкъ къ тому, что приводитъ въ ужасъ другихъ; но посѣдѣвшіе волосы уже не становятся дыбомъ. Каторга и эшафотъ стали для него обыденнымъ явленіемъ. Онъ пресыщенъ. У него, вѣроятно, есть тетрадка, гдѣ на такой-то страницѣ—каторжники, на такой-то приговоренные къ смерти.

Его извѣщаютъ наканунѣ, что въ назначенный часъ потребуется для кого-то его утѣшеніе. Онъ справляется каторжникъ это или приговоренный къ казни и перечитываетъ соотвѣтствующую страницу; потомъ является. Выходитъ, такимъ образомъ, что идущіе въ Тулонъ и идущіе на Гревскую площадь не болѣе какъ общее мѣсто для него, и онъ для нихъ.

О! если бы вмѣсто этого ко мнѣ привели какого-нибудь молодого викарія или стараго священника, изъ перваго попавшагося прихода; если бы застали его врасплохъ, читающимъ у огонька книгу, и сказали ему:

— Есть человѣкъ приговоренный къ смерти, и вы, именно вы, должны напутствовать его. Вы должны быть при немъ, когда ему будутъ связывать руки и стричь волосы, вы должны будете войти на его колесницу съ вашимъ распятіемъ, чтобы заслонить отъ него видъ палача, протрястись по мостовой до Гревской площади, проѣхать съ нимъ среди ужасной толпы-кровопійцы, обнять его у подножія эшафота и пробыть съ нимъ, пока голова не отдѣлится отъ туловища.

Пусть тогда приведутъ его ко мнѣ трепещущаго, потрясеннаго съ головы до ногъ, я брошусь въ его объятья, къ его ногамъ; и онъ заплачетъ, и мы поплачемъ вмѣстѣ. Онъ будетъ краснорѣчивъ и утѣшитъ меня, облегчитъ мое сердце. Онъ возьметъ мою душу и дастъ мнѣ своего Бога.

Но этотъ добрый старикъ,—что онъ мнѣ?

Что я ему? Человѣкъ изъ породы несчастныхъ, тѣнь, видѣнная много разъ, единица, прибавленная къ суммѣ казненныхъ.

Я, можетъ-быть, былъ не правъ, отталкивая его такимъ образомъ; онъ добрый; а я злой.

Увы! Я въ этомъ не виноватъ. Это мое дыханіе осужденнаго все портитъ и все изсушаетъ.

Сейчасъ мнѣ принесли пищу; они подумали, что я нуждаюсь въ ней. Блюда деликатныя и изысканныя: цыпленокъ, кажется, и еще что-то. Ну, что жъ? Я попробовалъ ѣсть, но при первомъ же кускѣ, все выпало у меня изо рта,— до такой степени это показалось мнѣ горькимъ и противнымъ.

XXXI.

Сейчасъ вошелъ господинъ въ шляпѣ, который, едва взглянувъ на меня, вынулъ складной аршинъ и началъ измѣрять снизу до верху камни стѣны, произнося очень громко: «Это такъ», или «это не такъ».

Я спросилъ у жандарма—кто это. Повидимому это что-то въ родѣ помощника архитектора, служащаго въ тюрьмѣ.

И онъ съ своей стороны заинтересовался мною. Онъ обмѣнялся нѣсколькими полусловами съ сопровождавшимъ его привратникомъ, потомъ мелькомъ взглянулъ на меня, покачалъ безпечно головой и громко заговорилъ, принявшись снова за измѣренія.

Покончивъ дѣло, онъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ своимъ звучнымъ голосомъ:

— Черезъ полгода, дружище, тюрьма эта будетъ гораздо лучше.

И жестомъ какъ бы добавилъ:

— Къ сожалѣнію, вы не воспользуетесь этимъ.

Онъ почти улыбался. Я такъ и ждалъ, что онъ начнетъ слегка подшучивать надо мной, какъ шутятъ съ молодой новобрачной въ вечеръ ея свадьбы.

Мой жандармъ, старый солдатъ съ нашивками, отвѣтилъ за меня.

— Господинъ,—сказалъ онъ ему,—въ комнатѣ покойника не говорятъ такъ громко.

Архитекторъ ушелъ.

А я остался какъ одинъ изъ камней, измѣряемыхъ имъ.

XXXII.

Потомъ со мной случилась пресмѣшная исторія.

Пришли смѣнитъ моего добряка стараго жандарма, которому я, неблагодарный эгоистъ, даже и руки не пожалъ. Его смѣнилъ другой, съ вдавленнымъ лбомъ, бычачьими глазами и дурацкимъ видомъ.

Впрочемъ, я не обратилъ на него никакого вниманія и сидѣлъ за столомъ спиной къ двери, стараясь освѣжить рукою лобъ. Мысли волновали мой умъ.

Легкій ударъ по плечу заставилъ меня обернуться.

Это былъ новый жандармъ, съ которымъ я оставался наединѣ.

Вотъ, приблизительно, съ какими словами онъ обратился ко мнѣ.

— Приговоренный, доброе ли у васъ сердце?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я.

Рѣзкость моего отвѣта, повидимому, смутила его. Однако, онъ продолжалъ неувѣренно.

— Злыми люди не бываютъ только изъ-за одного удовольствія.

— Почему же нѣтъ?—возразилъ я.—Если у васъ нечего больше сказать мнѣ,—оставьте меня въ покоѣ. Что за странный вопросъ?

— Извините, приговоренный,—отвѣтилъ онъ.—Только два слова. Вотъ. Если бы вы могли осчастливить бѣднаго человѣка, и это ничего бы вамъ не стоило, неужели вы не сдѣлали бы этого?

Я пожалъ плечами.

— Да не изъ Шарантона ли вы? Странную урну избираете вы для извлеченія счастья. Кому я могу дать счастье?

Онъ понизилъ голосъ и принялъ таинственный видъ, совсѣмъ не подходившій къ его идіотской физіономіи.

— Да, приговоренный, да,—счастье и богатство. Все это я могу получить отъ васъ. Вотъ видите ли: я—бѣдный жандармъ. Служба эта тяжелая, а жалованье мое ничтожно. Лошадь я содержу на свой счетъ, и она разоряетъ меня. Чтобъ какъ-нибудь извернуться, я беру лотерейные билеты. Надо же чѣмъ-нибудь добавить средства. До сихъ поръ мнѣ не попадались хорошіе нумера, чтобъ выиграть. Я всюду ищу вѣрныхъ, а попадаются рядомъ стоящіе. Беру 76, а выигрываетъ 77. Много я ихъ перепробовалъ—не поддаются.—Потерпите малость, пожалуйста, я кончаю.—Для меня представляется теперь превосходный случай. Кажется, извините, приговоренный, что вы умрете сегодня, а такого рода мертвецы предвидятъ исходъ лотереи. Обѣщайте мнѣ прійти завтра вечеромъ, вѣдь вамъ это ничего не стоитъ, и указать мнѣ три номера, три счастливыхъ номера. Гмъ? Будьте покойны, я не боюсь мертвецовъ. Вотъ мой адресъ: казармы Попенкуръ, лѣстница А, № 26, въ концѣ коридора. Вы вѣдь узнаете меня, не правда ли? Приходите, пожалуй, сегодня вечеромъ, если такъ вамъ удобнѣе.

Я бы не сталъ отвѣчать этому дураку, если бы безумная надежда не промелькнула въ моемъ умѣ. Въ такомъ отчаянномъ положеніи, какъ мое, минутами вѣрится, что волосокъ можетъ разбить цѣпь.

— Послушай,—сказалъ я ему, разыгрывая роль, насколько это было возможно для человѣка, готовящагося умереть,—я, дѣйствительно, могу тебя сдѣлать богаче, могу дать возможность выиграть милліоны, но при одномъ условіи.

Онъ безсмысленно вытаращилъ глаза.

— Какомъ? Какомъ? Все къ вашимъ услугамъ, дорогой приговоренный

— Вмѣсто трехъ номеровъ, я обѣщаю тебѣ четыре, только перемѣнись со мною платьемъ.

— Только и всего!—воскликнулъ онъ, разстегивая первые пуговицы мундира.

Я всталъ со стула. Я слѣдилъ за всѣми его движенiями, сердце мое усиленно билось. Я уже представлялъ себѣ, какъ двери тюрьмы, откроются передъ мундиромъ жандарма, и какъ я оставлю позади себя и улицу и площадь и зданiе суда.

Но онъ повернулся съ нерѣшительнымъ видомъ.

— А не для того ли это, чтобъ убѣжать отсюда?

Я понялъ, что все пропало, однако, попробовалъ послѣднее средство, безполезное и безумное.

— Конечно,—сказалъ я ему,—но вѣдь ты разбогатѣешь...

Онъ прервалъ меня.

— Ну, нѣтъ! Шалишь! А мои номера? Вы должны умереть и тогда только они станутъ счастливыми.

Я снова молча опустился на стулъ, съ полнымъ отчаянiемъ и съ еще большей безнадежностью въ душѣ

XXXIII.

Я закрылъ глаза руками, стараясь въ воспоминанiяхъ о прошломъ отрѣшиться отъ настоящаго. Въ мечтахъ моихъ одно за другимъ рисуются воспоминанiя дѣтства, сладостныя, спокойныя, радостныя, какъ цвѣтущiе оазисы въ той пучинѣ мрачныхъ и смутныхъ мыслей, которыя вихремъ кружатся въ моемъ мозгу.

Я снова вижу себя ребенкомъ, смѣющимся, здоровымъ школьникомъ, бѣгающимъ и кричащимъ съ моими братьями по большой зеленой аллеѣ того дикаго сада, гдѣ протекли мои первые годы, за старой монастырской оградой, надъ которой возвышается съ своимъ свинцовымъ куполомъ мрачный соборъ Валь-де-Граса.

Потомъ, черезъ четыре года, я тутъ же, все еще ребенкомъ, но мечтательный, страстный. Въ уединенномъ саду присутствуетъ дѣвочка—маленькая испанка съ большими глазами, длинноволосая, съ коричневой золотистой кожей, съ красными губами и розами на щекахъ,—четырнадцатилѣтняя андалузка, Пепа. Наши матери послали насъ побѣгать вмѣстѣ, а вотъ мы пришли и гуляемъ здѣсь. Намъ велѣли играть, а мы разговариваемъ, дѣти одного возраста, но не одного пола.

А между тѣмъ всего годъ тому назадъ, мы бѣгали и возились вмѣстѣ. Я отнималъ у Пепы лучшее яблоко, колотилъ ее за птичье гнѣздо. Она плакала; я говорилъ: «И подѣломъ!» и мы шли жаловаться матерямъ, которыя вслухъ бранили насъ, а втихомолку оправдывали.

Теперь она опирается на мою руку, а я гордъ и взволнованъ. Мы идемъ медленно и говоримъ тихо. Она роняетъ платокъ, я поднимаю его.

Руки наши дрожатъ, соприкасаясь. Она говоритъ мнѣ о птичкахъ, о далекихъ звѣздахъ, о румяномъ закатѣ за деревьями, или

о своихъ пансіонскихъ подругахъ, о платьѣ и лентахъ. Разговоры наши невинны, но мы оба краснѣемъ. Дѣвочка стала дѣвушкой.

Въ этотъ вечеръ, это было лѣтомъ, мы находились подъ каштанами въ глубинѣ сада. Послѣ долгаго молчанія, изрѣдка прерывавшагося во время нашихъ прогулокъ, она оставила мою руку и сказала: «Побѣжимъ!»

Я ясно представляю себѣ ее всю въ черномъ, въ траурѣ по бабушкѣ. Ей пришла въ голову дѣтская мысль, Пепа стала снова Пепитой и сказала мнѣ: «Побѣжимъ!»

И она побѣжала впереди меня съ своей таліей тоненькой, какъ у пчелки, и маленькими ножками, приподнимавшими платье до икръ. Я ее догонялъ, она убѣгала; вѣтеръ при бѣгѣ поднималъ иногда ея черную пелеринку, открывая смуглую молодую спину.

Я былъ внѣ себя. Я догналъ ее близъ стараго разрушеннаго колодца; я схватилъ ее за поясъ на правахъ побѣдителя и усадилъ на дерновую скамейку; она не сопротивлялась, тяжело дышала и смѣялась. Я былъ серьезенъ и смотрѣлъ на ея черные зрачки, затѣненные черными рѣсницами.

— Садитесь тамъ,—сказала она мнѣ.—Еще свѣтло, почитаемъ что-нибудь. Нѣтъ ли съ вами книги?

У меня былъ второй томъ Путешествій Спалланцани. Я раскрылъ ее наугадъ и подсѣлъ къ ней. Она прислонилась плечомъ къ моему плечу, и мы стали читать каждый про себя ту же самую страницу. Она кончила раньше и поджидала меня, чтобы перевернуть листокъ. Умъ ея работалъ быстрѣе моего.

— Кончили?—спрашивала она, когда я читалъ еще самое начало страницы.

Между тѣмъ головы наши соприкасались, волосы перепутались вмѣстѣ, дыханія мало-по-малу сливались, сблизились вдругъ и губы.

Когда мы пожелали продолжать наше чтеніе, звѣзды уже сіяли на небѣ.

— О, мама, мама,—сказала она, вернувшись домой, если бы ты знала, какъ мы бѣгали!

Я молчалъ.

— Ты молчишь, — сказала мнѣ моя мать, — у тебя грустный видъ.

А у меня былъ рай въ сердцѣ.

Я всю жизнь буду помнить этотъ вечеръ.

Всю жизнь!

XXXIV.

Пробили часы, но я не знаю сколько; я плохо слышу удары. Кажется будто органъ шумитъ у меня въ ушахъ; это жужжатъ мои послѣднія мысли.

Въ этотъ великій моментъ, разбираясь въ своихъ воспоминаніяхъ, я съ ужасомъ останавливаюсь на моемъ преступленіи; но мнѣ хотѣлось бы еще сильнѣе раскаяться. Совѣсть мучила меня

сильнѣе до приговора; съ тѣхъ же поръ, повидимому, осталось только мѣсто для мыслей о смерти. Тѣмъ не менѣе мнѣ бы очень хотѣлось раскаяться.

Переживъ на минуту въ мечтахъ этотъ эпизодъ изъ моего прошлаго и вернувшись къ топору, который долженъ сейчасъ прервать мою жизнь, я содрогаюсь, какъ будто это ново для меня. О мое чудное дѣтство, моя прекрасная молодость! Золотая ткань съ окровавленнымъ концомъ. Между этимъ «тогда» и «теперь»— протекаетъ рѣка крови, крови «его» и моей.

Если будутъ читать мою исторію, то, познакомившись съ счастливыми и безупречными годами моей жизни, не захотятъ повѣрить въ этотъ чудовищный годъ, начавшійся преступленіемъ и закончившійся казнью; онъ покажется не правдоподобнымъ.

А между тѣмъ,—вы жалкіе законы и жалкіе люди,—я не былъ злодѣемъ!

О, умереть черезъ нѣсколько часовъ и думать, что въ прошломъ году въ этотъ же день я былъ свободенъ и невиненъ, совершалъ свои осеннія прогулки, бродилъ подъ деревьями по упавшимъ листьямъ.

XXXV.

Даже въ эту самую минуту, недалеко отъ меня, въ домахъ окружающихъ Судъ и Гревскую площадь, да и всюду въ Парижѣ, люди ходятъ взадъ и впередъ, разговариваютъ и смѣются, читаютъ газеты, думаютъ о своихъ дѣлахъ; купцы торгуютъ, молодыя дѣвицы готовятъ бальныя платья на сегодняшній вечеръ, матери играютъ съ своими дѣтьми!

XXXVI.

Помню какъ однажды, будучи ребенкомъ, я пошелъ посмотрѣть большой колоколъ на соборѣ Богоматери.

Я уже былъ ошеломленъ тѣмъ, что поднялся по темной витой лѣстницѣ, что пробѣжалъ по воздушной галереѣ, соединяющей обѣ башни, что видѣлъ Парижъ у своихъ ногъ, когда вошелъ въ каменную клѣтку, гдѣ виситъ большой колоколъ, языкъ котораго вѣситъ тысячу фунтовъ.

Я шелъ со страхомъ по плохо сколоченнымъ половицамъ и издали смотрѣлъ на этотъ колоколъ, пользующійся такой извѣстностью у дѣтей и у простого народа Парижа, замѣчая не безъ ужаса, что навѣсы, покрытые черепицей и окружающіе колокольню своими покатыми плоскостями, были на уровнѣ моихъ ногъ. Въ пролетахъ я видѣлъ, какъ бы съ высоты птичьяго полета, площадь Parvis-Notre-Dame, и люди, проходившіе по ней, казались мнѣ муравьми.

Вдругъ громадный колоколъ зазвонилъ. Послѣдовало сильное сотрясеніе воздуха, тяжелая башня дрогнула. Полъ заколебался на балкахъ. Шумъ едва не свалилъ меня съ ногъ; я шатался, готовый упасть, готовый соскользнуть на покатые черепичные на-

вѣсы. Отъ страха я легъ на доски и крѣпко сжалъ ихъ обѣими руками. Я лежалъ, не говоря ни слова, не дыша со страшнымъ звономъ въ ушахъ, имѣя передъ глазами глубокую пропасть, на днѣ которой двигались по всѣмъ направленіямъ мирные, достойные зависти прохожіе.

И вотъ мнѣ кажется, что я опять на колокольнѣ. Я испытываю одновременно и головокруженіе и ослѣпленіе. Словно какой-то звонъ колокола потрясаетъ впадины моего глаза; а ту ровную и спокойную жизнь, изъ которой я ушелъ и которую еще проходятъ другіе, я уже вижу только издалека сквозь трещины пропасти.

XXXVII.

Ратуша—зловѣщее зданіе.

Съ своей остроконечной покатой крышей, своей странной колоколенкой, своими этажами съ небольшими колоннами, своими тысячью оконъ, своими истоптанными лѣстницами, своими арками направо и налѣво, она очень гармонируетъ съ Гревской площадью—темная, мрачная, съ старымъ почернѣвшимъ фасадомъ, чернымъ даже на солнцѣ.

Въ дни казней она изрыгаетъ изъ всѣхъ своихъ дверей жандармовъ и глазѣетъ на осужденнаго всѣми своими окнами.

А вечеромъ ея циферблатъ, показывающій время, остается освѣщеннымъ на темномъ фасадѣ.

XXXVIII.

Четверть второго.

Вотъ что я чувствую теперь:

Страшную головную боль, холодъ въ поясницѣ, жаръ въ головѣ. Какъ только я встаю или наклоняюсь, мнѣ кажется, что въ моемъ черепѣ плаваетъ жидкость, отъ чего мозгъ мой ударяется о стѣнки черепа. У меня конвульсивныя вздрагиванія, а иногда перо выпадаетъ изъ рукъ, какъ бы отъ гальваническаго тока.

Глаза жжетъ, какъ бы отъ дыма.

Локти болятъ.

Пройдутъ два часа и сорокъ пять минутъ, и я буду здоровъ.

XXXIX.

Они говорятъ, что это ничего, что при этомъ человѣкъ не страдаетъ, что это смерть легкая, что убійство, совершаемое такимъ способомъ, крайне упрощено.

А эта шестинедѣльная агонія, это предсмертное хрипѣнье цѣлаго дня? Что такое эта тоска въ этотъ непоправимый день, протекающій такъ медленно и въ то же время такъ скоро?

И это не значитъ страдать.

Но не тѣ же ли пытки испытываетъ человѣкъ при истеченіи крови капля за каплей или при постепенномъ угасаніи разума?

Потомъ, увѣрены ли они, что нѣтъ страданій? Кто сказалъ имъ это? Слыхалъ ли кто-нибудь, чтобы отрубленная и окровавленная голова высунулась когда-нибудь изъ корзины и кричала народу: «это не больно»!

Являлись ли умерщвленные такимъ способомъ благодарить ихъ, и говорили ли они: это прекрасное изобрѣтеніе, держитесь за него. Машина хороша. Приходилъ, можетъ-быть, Робеспьеръ или Людовикъ XVI?...

Нѣтъ, ничего подобнаго! меньше минуты, даже меньше секунды, и всему дѣлу конецъ. Ставили ли они себя когда-нибудь хоть мысленно въ положеніе того, кто находится тамъ въ моментъ, когда падающее тяжелое лезвее рѣжетъ тѣло, рветъ нервы, ломаетъ позвонки... Ну, что жъ! Полсекунды и нѣтъ страданья... Ужасъ!

XL.

Странно, что я безпрестанно думаю о королѣ. Что бы я ни дѣлалъ, какъ бы ни отмахивался, какой-то голосъ постоянно шепчетъ мнѣ на ухо:

— Въ этомъ самомъ городѣ, въ этотъ самый часъ и не очень далеко отсюда, въ другомъ дворцѣ, находится человѣкъ, у всѣхъ дверей котораго также стоитъ стража, человѣкъ такой же исключительный въ своемъ родѣ среди людей, какъ и ты, съ той только разницей, что онъ стоитъ настолько высоко, насколько ты низко. Вся его жизнь, каждая минута ея, несетъ ему славу, величіе, радость, упоеніе. Его окружаетъ любовь, уваженіе, почтеніе. Самые громкіе голоса становятся тише говоря съ нимъ, самыя гордыя головы склоняются. Передъ его глазами только шелкъ, да золото. Въ этотъ часъ у него какое-нибудь совѣщаніе съ министрами, которые всѣ соглашаются съ его мнѣніемъ; а можетъ-быть онъ думаетъ о завтрашней охотѣ, о балѣ въ этотъ вечеръ, увѣренный, что праздникъ состоится во время, и что другіе похлопочатъ объ его увеселеніяхъ. Да! и у этого человѣка, такіе же мускулы и кости, какъ и у тебя! И вотъ для того, чтобы сію же минуту разрушить страшный эшафотъ и вернуть тебѣ жизнь, свободу, состояніе, семью, ему стоило бы только написать этимъ перомъ семь буквъ своего имени внизу кусочка бумаги, даже достаточно было бы его каретѣ встрѣтить мою колесницу. А онъ добръ и самъ бы можетъ-быть пожелалъ бы этого, но ничего этого не будетъ.

XLI.

Ну что же! будемъ мужественны передъ лицомъ смерти, схватимъ ея ужасный образъ въ обѣ руки и заглянемъ ему прямо въ лицо. Пусть она дастъ отчетъ, что она такое, чего отъ насъ хочетъ; прочтемъ загадку, хоть по складамъ и заглянемъ заранѣе въ могилу.

Мнѣ кажется, что какъ только закроются мои глаза, я увижу громадный свѣтъ, цѣлую пучину свѣта, въ которомъ мой духъ

будетъ носиться въ безконечности. Мнѣ кажется, что небо будетъ свѣтиться своимъ собственнымъ свѣтомъ, что другія планеты образуютъ на немъ темныя пятна и то вмѣсто того, чтобы являться, какъ въ глазахъ живыхъ людей, золотыми блестками на черномъ бархатѣ, онѣ будутъ казаться черными точками на золотой парчѣ.

Или,—о, я несчастный—это, можетъ-быть, будетъ отвратительная бездна съ темными стѣнами, въ которую я буду непрестанно проваливаться, видя во меракѣ, движущіяся тѣни.

Или, очнувшись послѣ удара, я, быть-можетъ, почувствую себя на какой-нибудь плоской сырой поверхности, ползущимъ въ темнотѣ и вертящемся вокругъ самого себя, какъ катящаяся голова. Мнѣ кажется, что сильный вѣтеръ будетъ подгонять меня, и я буду сталкиваться по временамъ съ другими катящимися головами. Иногда будутъ попадаться лужи и ручьи съ какой-то тепловатой неизвѣстной жидкостью, и всюду будетъ тьма. Когда же глаза мои въ своемъ вращеніи поднимутся вверхъ, они увидятъ только темное небо, густые слои котораго будутъ давить ихъ, а вдали въ глубинѣ, большіе клубы дыма еще чернѣе самого мрака. Они увидятъ также среди ночи летающія красныя искорки, которыя, приблизясь, станутъ огненными птицами. Итакъ, всю вѣчность.

Быть-можетъ также, что мертвецы Гревской площади собираются въ опредѣленное время въ темныя зимнія ночи на опредѣленномъ мѣстѣ. Это будетъ блѣдная, окровавленная толпа, среди которой буду и я. Луны не будетъ и разговаривать будутъ шопотомъ. Тамъ будетъ и ратуша съ своимъ источеннымъ червями фасадомъ, дырявой крышей и циферблатомъ, такимъ безжалостнымъ ко всѣмъ. На площади будетъ и адская гильотина, гдѣ дьяволъ будетъ совершать казнь надъ палачомъ, это будетъ въ четыре часа утра. Тутъ и мы въ свою очередь соберемся толпой. Возможно, что такъ оно и есть. Но если мертвые возвращаются, то въ какомъ же видѣ появляются они? Что сохраняютъ они изъ своего неполнаго, изрубленнаго пополамъ тѣла, что они изъ него выбираютъ? Голова или туловище является призракомъ?

Увы! Но что дѣлаетъ смерть съ нашей душой? Какую сущность она оставляетъ ей? Что отнимаетъ и что даетъ? Во что воплощаетъ ее? Снабжаетъ ли ее иногда тѣлеснымъ зрѣніемъ, чтобы смотрѣть на землю и плакать?

О! Священника! священника, который бы зналъ это! Мнѣ нужны священникъ и распятіе; я хочу приложиться къ нему!

Боже мой! Тотъ же самый!

XLII.

Я заявилъ ему, что хочу спать, и бросился на кровать.

Дѣйствительно приливъ крови къ головѣ помогъ мнѣ уснуть. Это мой послѣдній сонъ подобнаго рода.

Я видѣлъ сонъ.

Мнѣ приснилось, что была ночь. Мнѣ казалось, что я—въ своемъ кабинетѣ съ двумя или тремя пріятелями, не помню какими.

Жена моя спала съ своимъ ребенкомъ въ спальнѣ рядомъ.

Мы съ пріятелями разговаривали шопотомъ о чемъ-то страшномъ.

Вдругъ мнѣ послышался въ другихъ комнатахъ помѣщенія шумъ; шумъ слабый, странный, неясный.

Мои пріятели также слышали его.

Мы прислушались. Казалось, будто осторожно отпираютъ замокъ или чутъ слышно перепиливаютъ задвижку.

Въ этомъ было что-то такое, что заставило насъ похолодѣть отъ страха. Ужъ не воры ли забрались сюда такъ поздно ночью, подумали мы и рѣшили пойти посмотрѣть. Я всталъ и взялъ свѣчу. Мои пріятели одинъ за другимъ слѣдовали за мной.

Мы прошли черезъ спальню. Моя жена спала съ своимъ ребенкомъ.

Потомъ мы вошли въ гостиную. Ничего. Портреты висѣли неподвижно въ своихъ золоченыхъ рамахъ на красныхъ обояхъ. Мнѣ показалось только, что дверь изъ гостиной въ столовую была не въ своемъ обычномъ положеніи.

Мы вошли въ столовую и обошли ее кругомъ. Я шелъ впереди. Дверь на лѣстницу была хорошо заперта, окна также. Подойдя къ печкѣ, я замѣтилъ, что шкапъ съ бѣльемъ былъ открытъ, и дверца его была распахнута къ углу стѣны, какъ бы съ цѣлью прикрыть его.

Это меня удивило. Мы подумали нѣтъ ли тамъ кого-нибудь.

Я взялся за дверцу, чтобы закрыть шкапъ, но она не подалась; я дернулъ сильнѣе, она внезапно уступила и передъ нами предстала маленькая старуха, съ опущенными руками, закрытыми глазами, неподвижная, какъ бы припертая къ углу стѣны.

Это было такъ ужасно, что даже при одномъ воспоминаніи объ этомъ мои волосы становятся дыбомъ.

Я спросилъ старуху:

— Что вы тутъ дѣлаете?

Она не отвѣтила.

Я спросилъ:

— Кто вы такая?

Она не отвѣтила, не шевельнулась и не открыла глазъ.

Мои пріятели сказали:

— Это навѣрное сообщница какихъ-нибудь людей, вошедшихъ сюда съ дурными намѣреніями; они убѣжали, услыхавъ наши шаги, она же не въ силахъ была этого сдѣлать и спряталась здѣсь.

Я снова спросилъ ее, но она и теперь не отвѣтила, не шевельнулась и не открыла глазъ.

Одинъ изъ насъ толкнулъ ее, и она упала. Она упала какъ-то разомъ всѣмъ тѣломъ, какъ чурбанъ или нѣчто мертвое.

Мы пошевелили ее ногой, потомъ приподняли вдвоемъ и снова приперли къ стѣнѣ. Она не подавала никакого признака жизни. Ей кричали на ухо, но она оставалась какъ бы глухо-нѣмой.

Однако, мы стали терять терпѣніе, и къ страху нашему постепенно примѣшивалась злоба. Одинъ изъ насъ сказалъ мнѣ:

— Подставьте ей свѣчу подъ подбородокъ.

Я это сдѣлалъ. Тогда она полуоткрыла одинъ глазъ, безсмысленный, тусклый, страшный, несмотрящій.

Я отстранилъ пламя и сказалъ:

— Ну, что жъ! Заговоришь ты, наконецъ, старая вѣдьма. Кто ты?

Глазъ какъ бы самъ собою снова закрылся.

— Это уже, пожалуй, черезчуръ, сказали другіе. Свѣчку. Еще разъ. Должна же она заговорить.

Я опять подставилъ свѣчу подъ подбородокъ старухи.

Тогда она медленно открыла оба глаза, оглядѣла насъ всѣхъ одного за другимъ, потомъ порывисто нагнулась и задула свѣчу ледянымъ дуновеніемъ. Въ тотъ же мигъ, въ потьмахъ, я почувствовалъ какъ три острыхъ зуба вонзились въ мою руку.

Я проснулся съ лихорадочной дрожью и обливаясь холоднымъ потомъ.

Добрый священникъ сидѣлъ въ ногахъ на моей кровати и читалъ молитвы.

— Долго ли я спалъ?—спросилъ я его.

— Сынъ мой,—отвѣтилъ онъ,—вы проспали часъ. Сюда привели къ вамъ вашу дочь. Она ждетъ васъ тамъ, въ сосѣдней камерѣ. Мнѣ не хотѣлось, чтобы васъ будили.

— О!—воскликнулъ я.—Моя дочь! Пусть приведутъ ко мнѣ мою дочь!

XLIII.

Свѣжая, румяная, съ большими глазами, она красавица!

На нее надѣли платьице, которое очень къ ней идетъ!

Я взялъ, я схватилъ ее на руки, посадилъ къ себѣ на колѣни и цѣловалъ ее въ головку.

Почему она не съ матерью? Мать больна, бабушка тоже. Ну, ладно.

Она удивленно разсматривала меня.

Она не противилась ласкамъ, объятіямъ и поцѣлуямъ, но бросала иногда тревожный взглядъ на няню, плакавшую въ углу.

Наконецъ, я могъ заговорить.

— Марія!—сказалъ я,—моя крошка Марія.

Я страстно прижалъ ее къ груди, готовый разрыдаться. Она слегка вскрикнула.

— Вѣдь такъ мнѣ больно, сударь,—сказала она мнѣ.

Сударь! Скоро годъ, какъ бѣдная дѣвочка не видала меня. Она забыла мое лицо, голосъ, манеру говорить; да и кто бы узналъ меня съ этой бородой, въ такой одеждѣ и такого блѣднаго? Какъ! я уже изгладился изъ той памяти, въ которой только и желалъ бы жить. Какъ! Я уже больше не отецъ! Мнѣ уже не суждено слышать срывающееся съ дѣтскаго языка слово «папа». Оно такъ нѣжно, что его уже не произносятъ взрослые.

А между тѣмъ услышать его еще разъ изъ этихъ устъ, услышать только одинъ единственный разъ, — вотъ все, чего бы я попросилъ взамѣнъ сорока лѣтъ жизни, которые у меня отнимаютъ.

— Слушай, Марія,—сказалъ я, взявъ ея маленькія ручки въ свои,—развѣ ты совсѣмъ не знаешь меня?

Она взглянула на меня своими славными глазами и отвѣтила:

— Конечно, не знаю!

— Посмотри хорошенько,—повторилъ я.—Какъ, ты не знаешь кто я?

— Знаю. Вы какой-то господинъ.

Увы! Любить страстно одно только существо въ мірѣ, любить его всѣми силами души, имѣть его передъ собою и сознавать, что оно смотритъ на васъ, видитъ васъ, говоритъ съ вами и отвѣчаетъ вамъ, и между тѣмъ васъ не знаетъ! Желать утѣшенія только отъ него, когда именно оно-то и не знаетъ, что вы такъ нуждаетесь въ немъ, готовясь умереть.

— Марія,—спросилъ я,—есть ли у тебя папа?

— Да, сударь,—отвѣчала дѣвочка.

— Гдѣ же онъ?

Она подняла свои большіе, удивленные глаза.

— А! Вы этого не знаете? Онъ умеръ.

Тутъ она вскрикнула, такъ какъ я чуть было не уронилъ ее.

— Умеръ! — сказалъ я. — А ты знаешь ли, Марія, что значитъ умеръ?

— Да,—отвѣчала она.—Онъ въ землѣ и на небѣ.

Потомъ сама продолжала:

— Я молюсь за него и утромъ и вечеромъ на колѣняхъ у мамы.

Я поцѣловалъ ее въ лобъ.

— Марія, прочти мнѣ свою молитву.

— Я не могу. Молитву днемъ не читаютъ. Приходите сегодня вечеромъ къ намъ, тогда услышите.

Достаточно и этого. Я прервалъ ее.

— Марія, а вѣдь я твой папа.

— А!—сказала она.

Я прибавилъ:

— Ну, а хочешь ты, чтобы я былъ твоимъ папой?

Дѣвочка отвернулась.

— Нѣтъ, мой папа былъ гораздо лучше васъ.

Я покрылъ ее поцѣлуями и слезами.

Она вырвалась изъ моихъ рукъ, крича:

— Вы мнѣ дѣлаете больно вашей бородой.

Я снова посадилъ ее на колѣни и, не спуская съ нея глазъ, сталъ задавать вопросы:

— Умѣешь ли ты читать, Марія?

— Да,—отвѣтила она.—Я читаю хорошо. Мама учитъ меня читать по складамъ.

— Ну, почитай же мнѣ немного, — сказалъ я, указывая на бумажку, которую она держала смятой въ своей ручонкѣ.

— Ну нѣтъ! Я умѣю читать только басни.

— Попробуй все-таки. Ну-ка, читай.

Она развернула бумажку и стала читать по складамъ, водя пальцемъ:

П, р, и—при, г, о, в—гов, о, р,—ор—при-го-воръ...

Я вырвалъ бумажку изъ ея рукъ. Это она мнѣ читала мой смертный приговоръ. Няня ея раздобыла бумагу за копейку. Мнѣ приговоръ обошелся дороже.

Не могу выразить того, что я ощущалъ. Моя вспышка напугала ее. Она готова была расплакаться. Но потомъ вдругъ сказала:

— Отдайте же мнѣ мою бумажку—вѣдь я съ ней буду играть.

Я передалъ ее нянѣ.

— Унесите ее.

И я снова опустился на стулъ, мрачный, всѣми покинутый, полный отчаянья. Пусть теперь приходятъ; меня уже ничто не удерживаетъ; послѣднее мое чувство разбито. Я вполнѣ пригоденъ для ихъ дѣла.

XLIV.

Священникъ добръ, добръ и тюремщикъ. Мнѣ кажется, что они прослезились, когда я сказалъ, чтобы унесли моего ребенка.

Свершилось. Теперь я долженъ овладѣть собой и мужественно думать о палачѣ, о колесницѣ, о жандармахъ, о толпѣ на мосту, о толпѣ на набережной, о толпѣ у оконъ и о томъ, что будетъ исключительно приготовлено для меня на этой мрачной Гревской площади. Ее, пожалуй, всю можно было бы вымостить отсѣченными на ней головами.

Въ моемъ распоряженiи кажется еще часъ, чтобы освоиться со всѣмъ этимъ.

XLV.

Вся эта толпа будетъ гоготать, хлопать въ ладоши, рукоплескать. И среди всѣхъ этихъ людей, свободныхъ и неизвѣстныхъ тюремщикамъ, людей, радостно бѣгущихъ смотрѣть на казнь, среди этой массы головъ, которая покроетъ всю площадь, найдется не одна обреченная голова, которая рано или поздно послѣдуетъ за моей въ окровавленную корзину. Не одинъ пришедшiй сюда для меня придетъ и для себя.

Для этихъ существъ, отмѣченныхъ судьбой, на какой-то точкѣ Гревской площади есть роковое мѣсто, центръ притяженiя, западня. Онѣ кружатся, кружатся около нея, пока не попадутъ туда.

XLVI.

Малютка моя Марiя! Ее опять увезли къ игрушкамъ; она смотритъ на толпу изъ окна фiакра и перестала думать о томъ «господинѣ».

Можетъ-быть, у меня еще хватитъ времени написать для нея нѣсколько страницъ. Пусть она ихъ прочтетъ когда-нибудь и лѣтъ черезъ пятнадцать поплачетъ при мысли о сегодняшнемъ днѣ.

Да, пусть она отъ меня узнаетъ мою исторію и причину, заставившую меня оставить ей имя, обагренное кровью.

XLVII.

Моя исторія.

Примѣчаніе издателя. До сихъ поръ еще не удалось найти листковъ, связанныхъ съ этой рукописью. Можетъ-быть, какъ видно изъ послѣдующаго, у осужденнаго не было времени написать. Мысль эта слишкомъ поздно пришла ему въ голову.

XLVIII.

Изъ помѣщенія Ратуши.

Изъ Ратуши!.. Наконецъ я въ ней. Отвратительный переѣздъ совершился. Передо мной площадь, а подъ окномъ ужасная воющая толпа. Она ждетъ меня и гогочетъ.

Какъ ни старался я владѣть собою, какъ ни сдерживался, — сердце не выдержало. При видѣ надъ головами двухъ громадныхъ красныхъ рукъ съ чернымъ треугольникомъ на концѣ, воздвигнутыхъ между двумя фонарями набережной, мое сердце не выдержало. Я попросилъ разрѣшенія сдѣлать послѣднее заявленіе. Меня оставили здѣсь и послали за какимъ-нибудь королевскимъ прокуроромъ. Я жду его—все-таки выигрышъ.

Ну, вотъ!

Было три часа. Мнѣ пришли сказать, что время настало. Я задрожалъ, какъ будто у меня не это было на умѣ въ теченіе шести часовъ, шести недѣль, шести мѣсяцевъ. На меня это произвело впечатлѣніе полной неожиданности.

Мнѣ пришлось пройти по ихъ коридорамъ и спуститься по ихъ лѣстницамъ. Они ввели меня, чрезъ двѣ двери нижняго этажа, въ темную, узкую залу, со сводами, куда едва проникалъ свѣтъ дождливаго, туманнаго дня. Посрединѣ былъ стулъ. Мнѣ предложили сѣсть. Я сѣлъ.

У двери и вдоль стѣнъ стояло нѣсколько человѣкъ. Помимо священника и жандармовъ тутъ находились и еще трое.

Первый, самый высокій и самый пожилой, былъ жиренъ и краснощекъ. На немъ былъ сюртукъ и измятая треуголка. Это былъ онъ.

Это былъ палачъ, служитель гильотины. Другіе двое прислуживали самому ему.

Лишь только я сѣлъ, другіе двое приблизились ко мнѣ сзади, какъ коты; потомъ я вдругъ почувствовалъ холодъ стали въ волосахъ и щелканье ножницъ надъ ухомъ.

Волосы мои, остриженные кое-какъ, падали прядями мнѣ на плечи, и человѣкъ въ треуголкѣ тихонько сметалъ ихъ своей толстой рукой.

Окружающіе говорили шопотомъ.

Снаружи слышался сильный шумъ, какъ будто звучалъ расколыхавшійся воздухъ. Я думалъ сначала, что бушуетъ рѣка и только по раздававшемуся смѣху узналъ, что это шумъ толпы.

Молодой человѣкъ у окна, писавшій на портфелѣ карандашомъ, спросилъ у одного изъ тюремщиковъ, какъ называется то, что они дѣлаютъ теперь.

— Туалетъ осужденнаго,—отвѣчалъ другой.

Я понялъ, что завтра это будетъ помѣщено въ газетѣ.

Вдругъ одинъ изъ прислужниковъ снялъ съ меня куртку, а другой взялъ мои опущенныя руки, отвелъ ихъ мнѣ за спину, и я почувствовалъ, какъ веревка стала медленно обматываться вокругъ сближенныхъ кистей. Другой въ то же время развязывалъ мнѣ мой галстукъ. Моя батистовая рубашка, единственное лохмотье, оставшееся отъ моего прежняго *я*, заставила его, какъ будто поколебаться на минуту; потомъ онъ началъ отрѣзать отъ нея воротникъ.

При этой страшной предосторожности, при этомъ прикосновеніи стали къ моей шеѣ, я вздрогнулъ, и изъ груди моей вырвался подавленный вопль. Рука палача дрогнула.

— Извините, сударь,—сказалъ онъ.—Неужели я причинилъ вамъ боль?

Палачи эти очень кроткіе люди.

Ревъ толпы снаружи усиливался.

Толстякъ съ угреватымъ лицомъ предложилъ мнѣ понюхать платокъ смоченный уксусомъ.

— Благодарю,—сказалъ я ему, по возможности твердо,—въ этомъ нѣтъ надобности; я хорошо себя чувствую.

Тогда одинъ изъ нихъ нагнулся и связалъ мнѣ ноги тонкой и рыхлой веревкой, конецъ которой связали съ концомъ веревки, связывавшей руки. Я могъ дѣлать только небольшіе шаги.

Потомъ толстякъ накинулъ мнѣ на плечи куртку и связалъ рукава подъ подбородкомъ. Дѣло ихъ было окончено. Потомъ подошелъ священникъ съ распятіемъ.

— Пойдемъ, сынъ мой,—сказалъ онъ мнѣ.

Помощники палача подхватили меня подъ мышки. Я приподнялся и пошелъ. Шаги мои были медленны, и колѣна подгибались, какъ будто ихъ было по два на каждой ногѣ

Въ этотъ моментъ наружная дверь распахнулась на обѣ половины. Яростный крикъ, холодный воздухъ и дневной свѣтъ ворвались ко мнѣ въ полутьму. Изъ глубины темнаго каземата, я увидѣлъ вдругъ разомъ, сквозь сѣтку дождя, тысячу воющихъ головъ народа, нагромоздившагося какъ ни попало на перилахъ большой лѣстницы зданія суда; направо, на одномъ уровнѣ съ порогомъ стоялъ рядъ конныхъ жандармовъ, но изъ низкой двери я могъ видѣть только переднія ноги и груди ихъ лошадей; напротивъ находился отрядъ вооруженныхъ солдатъ; а налѣво виденъ былъ задокъ колесницы съ прислоненной къ ней круглой лѣстницей

Гнусная картина въ красивой рамкѣ изъ тюремной двери.

Для этого-то страшнаго момента я сохранилъ мое мужество. Сдѣлавъ три шага, я появился на порогѣ тюремной двери.

— Вотъ онъ! Вотъ онъ!—закричала толпа.—Онъ выходитъ! Наконецъ-то!

Ближайшіе ко мнѣ люди хлопали въ ладоши. Какъ ни любимъ король, но и его не встрѣтили бы съ такой радостью.

Телѣга была обыкновенная, съ исхудалой лошадью. Возница въ синемъ съ красными разводами передникѣ съ рукавами, какіе носятъ огородники въ окрестностяхъ Бисетра.

Толстякъ въ треуголкѣ влѣзъ первый.

— Здравствуйте, господинъ Сансонъ!—кричали дѣти, висѣвшія на рѣшеткахъ.

За нимъ послѣдовалъ его помощникъ.

— Браво, Морди!—продолжали кричать дѣти.

Они оба усѣлись на переднюю скамейку. Настала моя очередь. Я поднялся, ступая довольно твердо.

— Онъ идетъ какъ слѣдуетъ, хорошо!— сказала женщина, стоявшая рядомъ съ жандармами.

Эта жестокая похвала придала мнѣ мужества. Священникъ сѣлъ рядомъ со мной. Меня посадили на заднюю скамейку спиной къ лошади. Я содрогнулся отъ этого послѣдняго знака вниманія.

Они проявляютъ въ этомъ гуманность. Я захотѣлъ осмотрѣться. Жандармы спереди, жандармы сзади; затѣмъ толпа, толпа и толпа; море головъ на площади.

Конвой конныхъ жандармовъ ждалъ меня у воротъ ограды зданія суда.

Офицеръ отдалъ приказъ. Телѣга съ своимъ конвоемъ тронулась съ мѣста, какъ бы подгоняемая ревомъ толпы.

Мы выѣхали за ограду. Когда телѣга повернула къ Pont au Change, вся площадь, отъ мостовой до крышъ, огласилась криками, а мосты и набережная откликнулись такъ, что дрожала земля.

Тутъ, къ намъ присоединился ожидавшій насъ другой конвой.

— Шапки долой! шапки долой,—кричала разомъ стотысячная толпа—какъ королю.

При этомъ я неистово расхохотался и сказалъ священнику:

— Имъ шапки долой, а мнѣ—долой голову.

Мы ѣхали шагомъ.

Набережная благоухала цвѣтами; день былъ базарный. Торговки ради меня оставили свои букеты.

Напротивъ, нѣсколько впереди четырехугольной башни, образующей уголъ зданія суда, помѣщаются кабачки, антресоли которыхъ были переполнены зрителями, довольными тѣмъ, что имъ удалось занять хорошія мѣста. Радовались, главнымъ образомъ, женщины. День обѣщаетъ быть прибыльнымъ для кабатчиковъ.

Нанимались столы, стулья, подмостки, телѣги. Все ломилось отъ напора зрителей.

Продавцы человѣческой крови кричали во всю глотку:

— Кому нужны мѣста?

Меня бѣсилъ этотъ народъ. Такъ и хотѣлось крикнуть:

— А не нужно ли кому-нибудь мое мѣсто?

Телѣга между тѣмъ подвигалась. Съ каждымъ ея шагомъ толпа разступалась, и затѣмъ снова собиралась дальше на другихъ пунктахъ моего пути.

Въѣзжая на Pont au Change, я случайно оглянулся назадъ—направо. Мой взглядъ остановился надъ другой набережной, гдѣ надъ домами виднѣлась черная башня, изолированная, усѣянная произведеніями скульптуры. На вершинѣ ея я видѣлъ двухъ каменныхъ чудовищъ, сидящихъ въ профиль. Самъ не знаю почему, я спросилъ священника, какая эта башня.

— Saint-Jacques-la-Boucherie,—отвѣтилъ палачъ.

Не знаю, какъ это случилось, но, несмотря на туманъ и мелкій дождь, бороздившій воздухъ, какъ паутина, ничто не ускользало отъ моего вниманія. Каждая мелочь причиняла мнѣ пытку. Нѣтъ словъ для выраженія этихъ ощущеній.

На срединѣ этого Pont au Change, хотя и очень широкаго, но до такой степени запруженнаго, что мы съ трудомъ подвигались впередъ, меня охватилъ ужасъ. Я боялся упасть въ обморокъ — послѣдняя дань тщеславію! Тогда я постарался забыться, чтобы не видѣть и не слышать никого, кромѣ священника, слова котораго, заглушаемыя криками, я едва улавливалъ.

Я взялъ распятіе и приложился къ нему.

— Смилуйся надо мною, Боже мой,—произнесъ я и старался сосредоточиться на этой мысли.

Но каждый толчокъ грубой телѣги встряхивалъ меня. Потомъ я почувствовалъ сильный холодъ. Дождь просочился сквозь мою одежду и смочилъ голову сквозь коротко остриженные волосы.

— Вы дрожите отъ холода, сынъ мой!—спросилъ меня священникъ.

— Да,—отвѣчалъ я.

Увы! Не только отъ холода.

Стоявшія на поворотѣ моста женщины пожалѣли меня изъ-за моей молодости.

Мы достигли роковой набережной. Тутъ уже я пересталъ видѣть и слышать. Всѣ эти голоса, эти головы въ окнахъ и дверяхъ, у лавокъ и на фонарныхъ столбахъ; эти жадные и жестокіе зрители; эта толпа, въ которой меня всѣ знаютъ, а я никого не знаю; эта дорога, вымощенная человѣческими лицами и обнесеная стѣною изъ нихъ...

Я былъ опьяненъ, ошеломленъ, доведенъ до безумія. Какъ невыносима тяжесть столькихъ взглядовъ, остановившихся на васъ!

И такъ я дрожалъ на скамейкѣ, не обращая больше вниманія ни на священника ни на распятіе.

Среди окружавшей меня суматохи, я пересталъ отличать крики сожалѣнія отъ радостныхъ криковъ, смѣхъ отъ жалобъ, голоса отъ шума; все это отдавалось въ моей головѣ, какъ отголосокъ звука мѣди.

Я машинально читалъ вывѣски.

Одинъ только разъ странное любопытство взманило меня повернуть голову и взглянуть на то, къ чему мы приближаемся. Это была послѣдняя бравада разума. Но тѣло воспротивилось; мой затылокъ остался неподвиженъ и какъ бы заранѣе мертвъ.

Я видѣлъ только мелькомъ, слѣва, за рѣкой, башню собора Богоматери, которая оттуда замѣняетъ ту другую, на которой флагъ. Тамъ было много народа и оттуда, вѣроятно, было хорошо видно.

А телѣга все двигалась, да двигалась, исчезали лавки, слѣдовали одна за другой вывѣски, писанныя, разрисованныя, позолоченныя, а толпа хохотала и топталась въ грязи; я же отдавался движенію, какъ спящіе отдаются своимъ сновидѣніямъ.

Вдругъ рядъ лавокъ, мелькавшихъ передъ моими глазами, прервался на углу площади; голоса толпы зазвучали громче, рѣзче и еще радостнѣе. Телѣга внезапно остановилась, и я чуть было не свалился ничкомъ на доски. Священникъ поддержалъ меня.

— Мужайтесь,—прошепталъ онъ.

Тогда приставили лѣстницу къ задку телѣги, священникъ подалъ мнѣ руку, и я спустился, потомъ я сдѣлалъ шагъ, хотѣлъ сдѣлать другой и не могъ. Повернувшись, я увидѣлъ между двумя фонарями набережной нѣчто до ужаса страшное.

О, это была дѣйствительность. Я остановился, какъ бы оглушенный ударомъ.

— Мнѣ надо сдѣлать послѣднее заявленіе,—вскрикнулъ я негромко.

Меня привели сюда.

Я попросилъ разрѣшенія написать свое завѣщаніе. Мнѣ развязали руки, но веревка здѣсь, наготовѣ, а остальное тамъ внизу.

XLIX.

Сейчасъ пришелъ судья или комиссаръ, словомъ какой-то судебный чинъ.

Я сложилъ руки и, ползая на колѣняхъ, молилъ его о помилованіи. Онъ меня спросилъ съ язвительной улыбкой: все ли это, что я имѣю ему сказать.

— Помилованія! помилованія!—повторялъ я,—или, изъ жалости, дайте мнѣ пять минутъ еще!

Кто знаетъ? Помилованіе, можетъ-быть, и придетъ. Страшно умирать такъ въ мои годы! Вѣдь помилованіе часто приходило въ послѣднюю минуту. А кому же и оказать милость, какъ не мнѣ.

О, этотъ гнусный палачъ! Онъ подошелъ къ судьѣ, чтобы сказать, что казнь должна быть совершена въ опредѣленный часъ, который приближается, что онъ отвѣтственъ за это, что, кромѣ того, идетъ дождь, и машина подвергается риску заржавѣть.

— О, сжальтесь! Еще съ минуту подождите помилованія! Или я буду защищаться, кусаться!

Судьи и палачъ вышли. Я одинъ. — Одинъ съ двумя жандармами.

О! этотъ страшный народъ съ его криками гіэны! Кто знаетъ, не ускользну ли я отъ нея, не придетъ ли спасеніе? Вдругъ—помилованіе?.. Не можетъ быть, чтобы меня не помиловали!

О, несчастные! Мнѣ кажется, что они уже поднимаются по лѣстницѣ.

Четыре часа.

КОНЕЦЪ.

ВИКТОРЪ ГЮГО.

Его жизнь и сочиненія.

I.

Воинъ-герой.

Семья, въ которой предстояло появиться на свѣтъ Виктору Гюго, была родомъ изъ Лотарингіи. Первымъ изъ его предковъ, упомянутымъ въ приходскихъ спискахъ, былъ крестьянинъ Жанъ Гюго, занимавшійся земледѣліемъ въ Домвалье, а его ближайшими родственниками по прямой восходящей линіи были крестьянинъ Филиппъ Гюго, уроженецъ Бодрикура, и столярный мастеръ Жозефъ Гюго, жившій въ Нанси. Послѣдній, будучи женатъ два раза, имѣлъ двѣнадцать человѣкъ дѣтей, семь дочерей и пятерыхъ сыновей. Одинъ изъ нихъ, Жозефъ-Леопольдъ-Сижисберъ Гюго, родившійся 15 ноября 1773 г., и былъ отцомъ Виктора Гюго.

Столярный мастеръ, обремененный многочисленнымъ семействомъ, жилъ, конечно, небогато, поэтому Жозефъ-Леопольдъ-Сижисберъ поступилъ въ солдаты въ такомъ юномъ возрастѣ, когда другіе еще только обучаются ремеслу. Время было благопріятное для честолюбивыхъ замысловъ и успѣховъ на ратномъ поприщѣ. Юношѣ исполнилось всего 15 лѣтъ 16 сентября 1788 г., когда его завербовали въ полкъ въ Гонди и началась его служба. Причисленный къ рейнской арміи, онъ сдѣлался квартирмейстеромъ, затѣмъ секретаремъ генерала Александра Богарне. Разставшись съ этимъ послѣднимъ, онъ перешелъ на службу къ одному изъ его товарищей, Мюскару, командовавшему войсками въ Вандеѣ, и въ чинѣ полкового адъютанта принималъ участіе въ разныхъ битвахъ: сражался при Мартиньи-Бріонѣ, при Вигье, при Монтегю, участвовалъ въ походѣ въ Киберонъ и т. д.

Во время этихъ походовъ республиканскія войска вели тяжелое существованіе въ вандейскихъ лѣсахъ, полное лишеній, тревогъ и неожиданностей, и мечтали о городской жизни, манившей своей безопасностью и удовольствіями. Въ свободное отъ военныхъ дѣйствій время Леопольдъ Гюго бывалъ въ Нантѣ, куда его стало скоро привлекать нѣжное чувство. Навѣдавшись какъ-то разъ на короткое время въ этотъ городъ, онъ познакомился съ однимъ судохозяиномъ по фамиліи Требюше, съ которымъ скоро свелъ дружбу, тѣмъ болѣе, что у нантца было три дочери, и одной изъ нихъ, Софіей-Франсуазой, Гюго увлекся, а та тоже съ своей стороны не была равнодушна къ ухаживанью блестящаго офицера.

Отправившись въ Парижъ, гдѣ онъ былъ назначенъ докладчикомъ перваго военнаго совѣта, Леопольдъ Гюго не забылъ своей

нантской идилліи, зародившейся посреди порохового дыма и охоты на шуановъ, и, воспользовавшись первымъ досугомъ, попросилъ руки Франсуазы. Отецъ дѣвушки далъ свое согласіе, и онъ женился на ней гражданскимъ бракомъ въ меріи 15 ноября 1797 года.

У Леопольда Гюго оказался въ военномъ совѣтѣ пріятель, секретарь Пьеръ Фуше, нантскій уроженецъ. Они стали часто бывать другъ у друга и вспоминать родной городъ. Секретарь женился вскорѣ послѣ докладчика, и этотъ послѣдній былъ у него на свадьбѣ свидѣтелемъ. На свадебномъ пиру Леопольдъ Гюго въ качествѣ военнаго, понимающаго толкъ въ любезномъ обращеніи, провозгласилъ тостъ за здоровье молодыхъ. Онъ пожелалъ имъ дочь, а себѣ съ женою сына, для того, чтобы друзья могли потомъ породниться, поженивъ своихъ дѣтей. Это желаніе майора исполнилось: его сынъ, Викторъ Гюго, женился впослѣдствіи на дочери секретаря, на Адели Фуше.

Случайности военной жизни забросили Леопольда Гюго въ Базель, гдѣ по рекомендаціи Лагори, начальника штаба генерала Моро, послѣдній причислилъ его къ своей особѣ во время рейнской кампаніи. Онъ участвовалъ въ сраженіяхъ при Энгенѣ, Мескирхенѣ, Биберахѣ, Мемингенѣ. При переходѣ черезъ Дунай онъ былъ произведенъ въ батальонные камандиры за свое отличное поведеніе. Во время дипломатическихъ переговоровъ, которые должны были окончиться Люневильскомъ миромъ, онъ былъ назначенъ комендантомъ этой крѣпости подъ начальствомъ генерала Кларка, и здѣсь въ числѣ французскихъ полномочныхъ министровъ познакомился съ Жозефомъ Бонапартомъ, котораго сумѣлъ заинтересовать своей судьбой. Братъ Наполеона, подобно Моро, оцѣнилъ его «отвагу, энергію и умъ» и, чтобы вознаградить его за услуги, которыя онъ оказалъ ему во время переговоровъ, просилъ военнаго министра въ видѣ личнаго одолженія назначить его бригаднымъ командиромъ. Несмотря на эту настоятельную просьбу, Леопольдъ Гюго не получилъ повышенія и былъ прикомандированъ въ прежнемъ чинѣ къ 4 батальону 20 бригады, стоявшей гарнизономъ въ Безансонѣ.

Послѣ женитьбы у Леопольда Гюго родились два сына, Адель и Эженъ, первый въ 1798 г., второй — въ 1800, и скоро долженъ былъ родиться третій ребенокъ. Онъ ожидалъ дочери, однако родился мальчикъ. Въ ожиданіи событія онъ написалъ генералу Лагори, находившемуся въ Парижѣ, прося его быть крестнымъ отцомъ; тотъ согласился, поручивъ генералу Делеле, адъютанту Моро, быть его замѣстителемъ, между тѣмъ какъ жена этого послѣдняго была крестной матерью.

Ребенокъ родился въ седьмой день декады вантоза X года республики (26 февраля 1802 г.) въ половинѣ одиннадцатаго вечера и былъ внесенъ въ списки первой Безансонской дивизіи подъ именемъ Виктора-Маріи Гюго. Эти имена были ему даны въ честь крестнаго отца и матери.

Новорожденный былъ такъ слабъ, имѣлъ такой хилый и невзрачный видъ, что никто не думалъ, чтобы онъ остался живъ.

Однако онъ обманулъ всѣ предположенія и меньше, чѣмъ черезъ три мѣсяца могъ выдержать продолжительное путешествіе. Батальонный командиръ Гюго былъ переведенъ въ другой гарнизонъ и отправился со своей семьей изъ Безансона въ Марсель. Служба въ этомъ городѣ оказалась хлопотливой, и, желая получить новое назначеніе, онъ отправилъ свою жену къ Жозефу Бонапарту, который уже оказывалъ ей покровительство. Однако хлопоты ея были безуспѣшны и, хуже того, не успѣла она вернуться изъ Парижа, какъ Леопольдъ Гюго получилъ приказъ отправиться съ своимъ батальономъ въ Корсику, затѣмъ на островъ Эльбу; и потомъ въ теченіе трехъ лѣтъ приходилось совершать безпрерывные переходы между Бастіей и Порто-Феррайо. Это частое кочеванье вредило здоровью самаго младшаго ребенка въ семьѣ, лишая его необходимыхъ удобствъ. Викторъ былъ очень серьезнымъ ребенкомъ и не любилъ играть. Иногда онъ плакалъ, и никто не могъ дознаться причины его слезъ. Когда Леопольдъ Гюго былъ вызванъ съ своимъ батальономъ въ итальянскую армію, дѣйствовавшую на Эчи, онъ отправилъ свою жену съ дѣтьми въ Парижъ, гдѣ они поселились на улицѣ Клиши, въ домѣ № 24.

До этого времени впечатлѣнія Виктора окутаны мракомъ, но когда семья вернулась изъ Корсики и поселилась въ Парижѣ, въ его памяти начинаютъ появляться первые образы. Это было зарей его чудесной жизни.

Онъ вспоминаетъ, что при домѣ, гдѣ они тогда жили, былъ дворъ, на дворѣ—колодецъ, около колодца—корыто, а надъ корытомъ—ива; что его мать отдала его въ школу въ Монъ-Бланѣ; что такъ какъ онъ былъ еще очень малъ, то о немъ заботились больше, чѣмъ о другихъ дѣтяхъ; что по утрамъ его отводили въ комнату m-lle Розы, дочери школьнаго учителя...

Другое воспоминаніе. Приведя ребенка въ классъ, его, вмѣсто всякого обученія, сажали къ окну, напротивъ котораго строился особнякъ для кардинала Феша. Разъ какъ-то, когда воротомъ поднимали каменную плиту вмѣстѣ съ рабочимъ, веревка оборвалась и рабочаго раздавило плитой.

Другимъ событіемъ, которое произвело на него такое же сильное впечатлѣніе, былъ проливной дождь, превратившій улицу Клиши и улицу Сенъ-Лазаръ въ бурныя рѣки, когда за нимъ пришли изъ дома только въ девять часовъ вечера.

У него сохранилось также воспоминаніе о представленіи, данномъ въ школѣ въ день именинъ школьнаго учителя. Классъ былъ раздѣленъ на двѣ части занавѣсомъ. Была представлена «Женевьева Брабантская». М-lle Роза играла Женевьеву, а онъ, какъ самый младшій въ школѣ, представлялъ ея ребенка. Его спеленали, завернули въ овчину, на которой висѣлъ желѣзный коготь. Драма показалась ему непонятной и скучной. Чтобы развлечься, онъ вонзилъ во время представленія желѣзный коготь въ ногу m-lle Розѣ. И вотъ въ самый патетическій моментъ зрители были изумлены, услышавъ, что Женевьева Брабантская говоритъ своему сыну:—Да перестанешь ли ты, гадкій мальчишка!

Однако семья прожила недолго на улицѣ Клиши. Іосифъ Бонапартъ получилъ Неаполитанское королевство и съ согласія своего брата Наполеона присвоилъ себѣ титулъ короля; вступивъ на престолъ, онъ не забылъ о Леопольдѣ Гюго. Онъ предложилъ ему вступить въ свою армію, и батальонный командиръ согласился въ надеждѣ на лучшую участь. Для перваго случая ему было поручено помочь изловить Фра-Дьяволо, героя, которымъ завладѣла Комическая Опера, но тѣмъ не менѣе, настоящаго героя, который защищалъ свое отечество и не давалъ покоя королевскимъ войскамъ. Въ Вандеѣ Леопольдъ Гюго привыкъ вести войну съ засадами, съ неожиданными стычками, маршами и контръ-маршами, превращающими противника въ затравленное животное: ему удалось схватить Фра-Дьяволо, и въ награду онъ получилъ чинъ полковника королевскаго корсиканскаго полка и былъ назначенъ командиромъ крѣпости Авеллино. Это былъ кратковременный перерывъ въ его походной жизни. Устроившись на новомъ мѣстѣ, Леопольдъ Гюго пожелалъ, наконецъ, насладиться семейнымъ счастьемъ радости. Три года провелъ онъ въ разлукѣ съ женою и дѣтьми, лишь рѣдко получая вѣсти отъ тѣхъ, кого любилъ. Г-жа Гюго выѣхала изъ Парижа въ октябрѣ 1807 г.; ея младшему сыну Виктору было пять лѣтъ. Однако въ немъ уже проснулась глубокая чувствительность къ окружающимъ его картинамъ; сильное и яркое впечатлѣніе производили на него зрѣлища, развертывавшіяся передъ его ослѣпленными глазами. И, быть-можетъ, во время его путешествій по Италіи, а потомъ по Испаніи зародилась въ немъ склонность къ движенію, ко всему живописному и красочному.

Викторъ Гюго въ 1829 году.

Дилижансъ ѣхалъ по Франціи, а ребенокъ, прижавшись лицомъ къ окну кареты, смотрѣлъ на пейзажи, развертывавшіеся передъ нимъ. Пришлось перебираться въ саняхъ черезъ Монъ-Сенисъ, затѣмъ небольшими переходами проѣзжать по Италіи, гдѣ трагическія зрѣлища чередовались съ смѣшными сценами, гдѣ на

придорожныхъ деревьяхъ качались трупы бандитовъ, а на дорогѣ опрокидывалась карета съ кардиналомъ, представлявшимъ изъ себя донельзя комичную фигуру. Остановились въ Римѣ, гдѣ восторгались мостомъ Святого Ангела и бронзовой статуей святого Петра; затѣмъ въ Неаполѣ, гдѣ были ослѣплены блескомъ моря, залитаго яркимъ солнечнымъ свѣтомъ. Но вотъ, наконецъ, наши скитальцы добираются до Авелино и бросаются на грудь къ отцу, который встрѣчаетъ ихъ съ громкимъ, добродушнымъ смѣхомъ и съ распростертыми объятіями; самъ онъ въ великолѣпномъ блестящемъ мундирѣ, а его грудь украшена королевскими орденами, которые дрожатъ какъ будто отъ волненія.

Семья поселяется въ роскошномъ разрушающемся дворцѣ; всюду мраморъ, террасы, балконы, но между разсѣвшимися камнями пробиваются растенія и кусты. Дѣти опьянены свѣтомъ и свободой, такъ какъ здѣсь подъ яркими лучами солнца ихъ не заставляютъ учиться и готовить уроковъ.

Но радость была непродолжительная. Неаполитанскій король Іосифъ по волѣ императора становится королемъ Испаніи. Полковнику Леопольду Гюго приходится ѣхать съ нимъ въ его новое королевство посреди опасностей оккупаціи, которой непріятель противится ружейными выстрѣлами. Ему приходится снова разлучиться съ семьею до того времени, пока онъ не будетъ увѣренъ въ ея безопасности. Онъ отправляется въ Мадридъ, а мать съ дѣтьми возвращается въ Парижъ.

Проживъ нѣсколько времени близъ церкви Сенъ-Жакъ-дю-Го-Па, г-жа Гюго нашла въ глухомъ переулкѣ Фельянтинцевъ, № 12, домъ по своему вкусу. Она любила сады, а при этомъ домѣ былъ цѣлый паркъ, гдѣ можно было гулять, куда дѣти ея могли дѣлать экскурсіи. Легко себѣ представить ихъ восторгъ. Они очутились въ зеленомъ раю, гдѣ Викторъ Гюго впервые почувствовалъ благоговѣйный трепетъ передъ таинственной красотой мірозданія. Онъ мечталъ въ тѣни кустовъ, онъ слушалъ пѣніе птицъ и величественную симфонію, поднимающуюся отъ земли. Но онъ былъ въ то же время рѣзвымъ ребенкомъ, любившимъ шумныя игры; онъ устраивалъ охоты и сраженія съ своими братьями къ великому ужасу матери, которая боялась несчастныхъ случаевъ и жалѣла дѣтскихъ штанишекъ, такъ какъ они слишкомъ часто рвались.

Впрочемъ, свобода Виктора была скоро урѣзана ученьемъ. Его водили въ маленькую школу на улицѣ Сенъ-Жакъ, которую содержалъ бывшій священникъ Ораторіи по фамиліи Ларивьеръ, хорошій педагогъ и добрый человѣкъ, относившійся къ ученикамъ, какъ отецъ. Викторъ дѣлалъ замѣчательные успѣхи, онъ одинъ научился читать, очень скоро научился писать и черезъ шесть мѣсяцевъ написалъ диктантъ, въ которомъ не было ни одной ошибки, кромѣ той, что къ слову boeuf было прибавлено нѣмое e. Онъ началъ обучаться математикѣ и латинскому языку, который отецъ преподавалъ ему съ большой любовью, знакомя его съ красотами Виргилія.

Послѣ ученья снова начинались игры въ большомъ саду Фельянтинцевъ, куда часто приходила г-жа Фуше, жена бывшаго секретаря военнаго совѣта, приводившая съ собою своихъ дѣтей, Виктора и Адель; дѣтвора съ увлеченіемъ качалась на качеляхъ и устраивала настоящіе бѣга и скачки по кустамъ и тропинкамъ парка. Не въ эту ли отдаленную эпоху зародилась нѣжная и чистая идиллія между Аделью Фуше и Викторомъ Гюго? Можетъ-быть, то были смутныя чувства ихъ дѣтства, которыя въ юности, послѣ долгаго ожиданія окрѣпли и расцвѣли, давъ имъ счастье. Въ то время, когда семья жила въ переулкѣ Фельянтинцевъ, произошла драма, которой дѣти и не подозрѣвали. Крестный отецъ Виктора, генералъ Лагори, приговоренный къ смерти заочно за участіе въ заговорѣ Моро противъ Бонапарта, былъ арестованъ въ домѣ г-жи Гюго, которая пріютила его у себя. Его излишняя довѣрчивость помогла полиціи разыскать его. Это былъ человѣкъ, открытаго, прямого и веселаго нрава, отъ котораго мальчуганы были безъ ума.

Прошло три года, какъ Леопольдъ Гюго находился въ Испаніи, гдѣ онъ велъ войну съ шайками гверильясовъ. Въ качествѣ полковника иностраннаго королевскаго войска, онъ постарался прежде всего очистить провинцію Авилу, затѣмъ провинцію Сеговію, послѣ чего, произведенный въ чинъ генерала и мажордома королевскаго дворца, былъ назначенъ комендантомъ Гвадалахары, гдѣ поднялъ возстаніе страшный вожакъ банды ополченцевъ Эмпецинадо. Усмиривъ его, Леопольдъ Гюго, закаленный тревогами и стычками, которыя тяжелѣе правильныхъ сраженій, отправился въ Мадридъ, будучи назначенъ комендантомъ мадридской крѣпости.

Король Жозефъ Бонапартъ, считая свою власть окончательно укрѣпившейся и надѣясь основать династію въ Испаніи, побуждалъ своихъ генераловъ устраиваться въ его королевствѣ съ семьями. Леопольдъ Гюго, подчиняясь желаніямъ своего государя, извѣстилъ свою жену черезъ своего брата Людовика, который сражался подъ его начальствомъ, а теперь отправился во Францію, чтобы она ѣхала къ нему вмѣстѣ съ дѣтьми. Это было продолжительное и отважное путешествіе, оставившее въ памяти Виктора Гюго болѣе сильныя впечатлѣнія, чѣмъ поѣздка въ Италію. Онъ вспоминаетъ о немъ въ своемъ сочиненіи, гдѣ встрѣчается много картинъ суровой, живописной, богатой красками Испаніи.

Въ нѣсколько мѣсяцевъ дѣти выучились говорить по-испански и тронулись въ путь весною 1811 г. въ просторномъ дилижансѣ, гдѣ помѣщалось шесть человѣкъ: г-жа Гюго, ея три сына—Абель, Эженъ и Викторъ, двое слугъ и почти вся обстановка квартиры. Проѣхавъ черезъ Блуа, Пуатье, Ангулемъ, Бордо, путешественники прибыли въ Байонну, гдѣ должны были найти конвой, подъ защитой котораго могли добраться до Мадрида. Дороги въ Испаніи были отнюдь не безопасны, и караваны, даже конвоируемые войсками, подвергались нападеніямъ. Въ эту непріятельскую страну отправлялись не иначе, какъ съ кавалеріей и съ пушками. Несмотря на сильное вооруженіе, для избѣжанія несчастій

необходимо было соблюдать крайнюю осторожность и быть всегда насторожѣ. Конвой, который обѣщали дать г-жѣ Гюго при ея прибытіи, удалось составить только черезъ мѣсяцъ; и ей пришлось жить въ Байоннѣ во время этого промедленія. Какъ развлечься въ незнакомомъ городѣ? Взяли ложу въ театръ, и въ первый вечеръ Викторъ пришелъ въ неописанный восторгъ, слушая оперу «Развалины Вавилона» и аплодируя актерамъ и чудеснымъ декораціямъ. На второмъ представленіи восторгъ его ничуть не уменьшился, однако разъ отъ разу «Развалины» казались ему все менѣе привлекательными, пока, наконецъ, въ одинъ прекрасный вечеръ всѣ трое не заснули съ перваго же акта, забывъ о приличіяхъ. Были и другія чудеса, возбуждавшія чувствительность Виктора—пѣвчія птицы, сидѣвшія въ клѣткѣ, затѣмъ десятилѣтняя дѣвчурка, дочка домовладѣльца, у котораго они нанимали домъ. Она читала ему вслухъ, и Викторъ часто такъ засматривался на нее, что совсѣмъ не слушалъ чтенія. Это была нѣмая идиллія, о которой Викторъ Гюго вспоминалъ даже въ пожилыхъ лѣтахъ.

Наконецъ конвой пришелъ, г-жа Гюго пріобрѣла огромную карету и ко всему взятому изъ Парижа присоединила желѣзную кровать и свой постельный приборъ. Начиналась опасная часть путешествія. Чтобы облегчить его, генералъ Гюго отправилъ къ своей женѣ одного изъ своихъ адъютантовъ, маркиза Сальяна, племянника Мирабо, дворянина съ утонченно-вѣжливыми манерами. Конвой былъ составленъ въ Ирунѣ. Передъ отъѣздомъ возникъ вопросъ о старшинствѣ, вопросъ, подкрѣпленный желаніемъ быть въ большей безопасности. Нѣкая герцогиня Вилья-Гермоза оспаривала первое мѣсто у жены мадридскаго коменданта, но начальникъ конвоя, герцогъ Котадилья, рѣшилъ споръ, оказавъ г-жѣ Гюго предпочтеніе передъ знатной испанкой. Конвой состоялъ изъ тысячи пятисотъ пѣхотинцевъ, пятисотъ лошадей и изъ четырехъ пушекъ. Этотъ отрядъ долженъ былъ защищать казенныя деньги и больше трехсотъ каретъ съ путешественниками. Его было только-только достаточно.

Г-жа Гюго негодовала на страну и ея населеніе. Когда захваченная съ собою провизія у нея вышла, съѣстные припасы приходилось доставать съ трудомъ, и что это были за припасы! Какой-нибудь салатъ казался сказочнымъ сокровищемъ, да и то его приходилось приправлять коровьимъ масломъ. Она надѣялась избавиться отъ ночныхъ паразитовъ, клоповъ и блохъ, ложась спать въ своей кровати, которую на каждой остановкѣ выносили изъ кареты, ставили посреди комнаты и отдѣляли отъ пола, погрузивъ всѣ четыре ножки въ ведра, наполненныя водою. Увы! Остроумныя, но безполезныя предосторожности; клопы падали на спящую съ потолка, а блохамъ стоило только сдѣлать прыжокъ, чтобы забраться къ ней на одѣяло!

Что касается Виктора, то онъ былъ отъ путешествія въ восторгѣ. Оно пріятно волновало его, и то наслажденіе, которое онъ испытывалъ при видѣ различныхъ сценъ и картинъ суровой и трагической страны, искупало скудные обѣды и сомнительныя постель-

ныя принадлежности. Онъ переживалъ романъ съ похожденіями. Первую остановку сдѣлали въ Эрнани, и онъ вспомнилъ впослѣдствіи объ этомъ мѣстечкѣ, и по его имени самую знаменитую изъ своихъ драмъ. Онъ восхищался встрѣчными испанцами, ихъ мрачными, надменными, нѣмыми лицами съ опущенными глазами, которые, казалось, не хотѣли видѣть ненавистныхъ иностранцевъ. Онъ посѣщаетъ соборъ въ Бургосѣ и восторгается его архитектурой, онъ проникается его грандіознымъ характеромъ, гдѣ драматичное перемѣшано съ комичнымъ; онъ отправляется на поклоненіе могилѣ Сида и беретъ здѣсь уроки героизма и непобѣдимаго благородства. Все его трогаетъ — произведенія искусства, каменныя изваянія, безплодная природа, скалы, зловѣщій видъ брошенныхъ деревень. Пріѣхавъ въ Мадридъ, онъ жалѣетъ о концѣ путешествія, гдѣ каждый день приносилъ что-нибудь новое для его восторговъ.

Генералъ Гюго въ другой разъ принималъ свою семью за границей, и его какъ разъ не было дома, чтобы встрѣтить ее: онъ объѣзжалъ свою провинцію. Однако г-жа Гюго въ его отсутствіе расположилась во дворцѣ князя Массерано, который ея мужъ занималъ въ качествѣ коменданта. Викторъ былъ ослѣпленъ убранствомъ дворца: всюду мраморъ, позолота, тяжелыя бархатныя драпри или мягкіе шелковые обои, всюду разбросанныя въ роскошныхъ аппартаментахъ китайскія и японскія вазы, богемскій и венеціанскій хрусталь. Одною изъ комнатъ, которыя предпочиталъ Викторъ и гдѣ онъ любилъ уединяться, была галлерея, гдѣ у князя Массерано были собраны портреты его предковъ.

Его находили тамъ одного, сидѣвшаго въ углу и молча смотрѣвшаго на портреты всѣхъ этихъ особъ, въ которыхъ оживали умершіе вѣка; надменныя позы, роскошныя рамы, искусство, смѣшанное съ семейной и національной гордостью, весь этотъ ансамбль возбуждалъ воображеніе будущаго автора «Эрнани» и тайно закладывалъ въ немъ зародышъ сцены съ дономъ Рюи Гомесомъ.

Но изъ роскошнаго дворца Массерано пришлось переселиться въ мрачную, какъ тюрьма, школу. Генералъ Леопольдъ Гюго вернулся изъ своего объѣзда по провинціи и когда улеглись первые восторги семьи, встрѣтившейся послѣ трехлѣтней разлуки, онъ рѣшилъ, что старшій изъ его сыновей, Абель, вступитъ въ число пажей короля Іосифа, а двое другихъ, Эженъ и Викторъ, будутъ продолжать образованіе въ Дворянскомъ коллежѣ. Коллегія состояла изъ нѣсколькихъ обширныхъ зданій мрачнаго вида, раздѣленныхъ сырыми, черными, какъ колодецъ, дворами. Школой завѣдывали монахи, которые держали учениковъ впроголодь, давая имъ мало пищи какъ для ума, такъ и для тѣла. Въ коллегіи было два ректора, донъ Базиль, худой и желтый, и донъ Мануэль, толстый весельчакъ. Будучи роялисткой, но вольтерьянкой, г-жа Гюго объявила, что ея сыновья протестанты, чтобы избавить ихъ отъ исполненія религіозныхъ обрядностей.

Въ Дворянскомъ коллежѣ Виктору Гюго съ братомъ пришлось плохо; они страдали здѣсь отъ своего одиночества и враждебнаго отношенія своихъ товарищей, которые всѣ безъ исключенія были

испанцы. Одинъ изъ нихъ, по фамиліи Бельверана, поспоривъ съ Эженомъ, ударилъ его ножницами въ лицо и причинилъ ему рану.

Они пробыли недолго въ стѣнахъ этого коллежа, гдѣ нашли только ненависть къ французамъ, голодъ и томительную скуку. Ко-

СЕМЬЯ ГЮГО.

Вверху: Родители Виктора Гюго, генералъ Сижисберъ Гюго и генеральша Гюго, рожденная Требюше.

Внизу: Поэтъ вскорѣ послѣ брака и его жена Адель, рожденная Фуше.

роль Жозефъ слишкомъ понадѣялся на замиреніе Испаніи, и по прошествіи нѣкотораго времени, когда было сравнительно спокойно, во всѣхъ концахъ королевства снова возгорѣлась война. Это тревожное состояніе страны внушало генералу Гюго опасенія за жизнь своей жены и дѣтей, поэтому какъ только начались непріятельскія дѣйствія, онъ поспѣшилъ снова отправить ихъ во Францію.

Возвращались подъ защитой конвоя маршала Беллуно. Викторъ попрежнему интересовался дорожными приключеніями, однако торопился домой, желая скорѣе увидѣть прекрасный садъ Фельянтинцевъ, а, можетъ-быть, также и свою маленькую подругу, Адель Фуше.

Теперь ему сравнялось десять лѣтъ, и онъ снова принялся за ученье, слишкомъ запущенное въ Испаніи. Отецъ Ларивьеръ приходилъ давать ему уроки на домъ, и мальчуганъ внимательно слушалъ своего учителя, человѣка скромнаго, но воодушевленнаго горячей любовью къ древней литературѣ. Г-жа Гюго, повидимому, не слишкомъ исправно платила ему, такъ какъ въ 1825 г. онъ рѣшился попросить 486 фр. 80 сант. долга, который слѣдовало уплатить еще въ 1812 г. Викторъ Гюго, прося своего отца уплатить эту сумму, отдавалъ справедливость заслугамъ стараго учителя: «Если мы что-нибудь знаемъ и чего-нибудь стоимъ,—писалъ онъ ему,—то этимъ мы обязаны больше всего этому почтенному человѣку...» И еще не дождавшись отвѣта отъ генерала, онъ далъ отцу Ларивьеру двѣсти франковъ, которые берегъ на покупку часовъ.

Но не однимъ только изученіемъ классической литературы былъ занятъ въ это время Викторъ Гюго; вмѣстѣ съ своимъ братомъ Эженомъ онъ страстно предавался чтенію. Г-жа Гюго, повидимому, въ дѣлѣ воспитанія и образованія своихъ дѣтей предоставлявшая имъ систематически полную свободу, не запрещала имъ ни одной книги, наоборотъ, даже поручала имъ выбирать для нея тѣ, которыя могли ее интересовать. Викторъ Гюго проводилъ цѣлые дни у букиниста по фамиліи Руаѣль, глотая все, что попадалось ему подъ руки. Лежа ничкомъ въ комнатѣ за лавкой, онъ читалъ съ лихорадочнымъ возбужденіемъ Вольтера, Дидро, Руссо, романы, описанія путешествій, прозу, стихи. Чтеніе никогда не надоѣдало ему и, несмотря на то, что его глаза тяжелѣли отъ усталости, онъ всякій разъ съ сожалѣніемъ уходилъ изъ этого книгохранилища. Онъ утѣшался только въ обширномъ саду Фельянтинцевъ, котораго, впрочемъ, скоро долженъ былъ лишиться вслѣдствіе отчужденія этого сада для продолженія Ульмской улицы. Съ этимъ лишеніемъ померкла одна изъ свѣтлыхъ радостей его дѣтства.

Въ декабрѣ 1813 г. семья поселилась на улицѣ Шершъ-Миди, близъ военнаго совѣта. Генералъ Гюго вернулся во Францію съ своимъ сыномъ Абелемъ, но онъ, такъ сказать, только проѣхалъ черезъ Парижъ по дорогѣ въ рейнскую армію, затѣмъ въ Тіонвиль, оборона котораго была ему поручена. Франція была вся занята непріятельскими войсками, и Наполеону, несмотря на всѣ усилія, пришлось отречься отъ престола. Генералъ, съ ожесточеніемъ защищавшій свою крѣпость, сдалъ ее только послѣ пораженія французскихъ армій.

Г-жа Гюго была роялистка. Она съ восторгомъ привѣтствовала возвращеніе Бурбоновъ. Ея радость выражалась такъ громко, что сыновья ея получили въ награду орденъ Лиліи. Викторъ раздѣлялъ мнѣнія своей матери и сохранилъ ихъ въ теченіе всей юно-

сти. Въ 1820 г. онъ писалъ своему кузену Адольфу Требюше: «Если бы мы могли въ этомъ сомнѣваться, то твое письмо показало намъ, дорогой Адольфъ, что ты роялистъ, какъ и мы. Поздравляемъ тебя съ этимъ и сожалѣемъ, что не родились бретонцами, какъ ты, потому что сердцемъ мы всѣ вандейцы». Когда графъ д'Артуа совершилъ свой въѣздъ въ Парижъ, онъ вышелъ съ бѣлой кокардой на шляпѣ.

Но Наполеонъ вернулся съ острова Эльбы. Генералъ Гюго, не раздѣлявшій мнѣній своей жены, былъ назначенъ во второй разъ комендантомъ Тіонвиля, который онъ передъ тѣмъ такъ упорно защищалъ. Послѣ Ватерлоо онъ снова занялъ съ своими войсками блестящую позицію и отказался сдать городъ пруссакамъ. Онъ вышелъ изъ него только 13 сентября, чтобы избавиться отъ непріятной необходимости встрѣчать иностранныя войска, вступившія туда 20-го числа.

Тѣмъ временемъ у генерала Гюго произошла серьезная ссора съ женой; поэтому послѣ ста дней онъ удалился въ Блуа, оставивъ ей дѣтей, на содержаніе которыхъ сталъ давать средства. Но еще до разрыва онъ позаботился о томъ, чтобы они получили серьезное и основательное образованіе и могли со временемъ поступить въ Политехническую школу. Онъ отдалъ Эжена и Виктора въ пансіонъ Кордье и Декотта, на улицѣ Сентъ-Маргеритъ, попросивъ школьное начальство способствовать ихъ успѣхамъ въ математикѣ.

Военная карьера Леопольда Гюго кончилась. Начавъ службу рядовымъ, онъ достигъ высшихъ чиновъ, благодаря своей энергіи, хладнокровію и отвагѣ. Онъ имѣлъ мало вліянія на умственный складъ своихъ сыновей, которые узнали его, какъ слѣдуетъ, только въ старости. Но можно думать, что онъ передалъ имъ свою любовь къ литературѣ и искусствамъ. Живя на покоѣ въ Блуа, онъ пользовался своимъ досугомъ, чтобы писать свои мемуары, недурно рисовать и сочинять поэмы во вкусѣ того времени.

Благодаря вліянію, которымъ пользовался сынъ его Викторъ, онъ былъ назначенъ въ 1825 г. почетнымъ генералъ-лейтенантомъ; въ 1826 г. послѣ смерти своей жены онъ женился вторично, и этотъ новый бракъ не обошелся безъ дурного вліянія на его отношенія съ дѣтьми. Однако его доброта не замедлила вернуть ему всю ихъ любовь. Пріѣхавъ въ Парижъ на свадьбу своего старшаго сына Абеля, онъ умеръ 28 января 1828 г. отъ апоплексическаго удара.

II.

Геніальный ребенокъ.

Виктору Гюго еще не было тринадцати лѣтъ, когда онъ сталъ писать стихи, писать ощупью, чтобы излить свою лирическую душу, подобно тому, какъ ребенокъ лепечетъ при видѣ улыбки матери. Онъ не былъ знакомъ съ просодіей и писалъ самоучкой; онъ пригонялъ слово къ слову и составлялъ фразы, повинуясь внутреннему ритму своего несознаннаго генія, слагалъ поэмы, которыя чи-

талъ самому себѣ вслухъ и исправлялъ до тѣхъ поръ, пока стихъ не удовлетворялъ его ухо. Онъ не былъ знакомъ съ размѣромъ, съ полустишіемъ, съ чередованіемъ риѳмъ, съ слогоудареніемъ и открылъ самъ главныя правила стихосложенія, которыя духъ французскаго языка внушаетъ поэтамъ. Онъ сочинялъ стихи у отца Ларивьера, который и самъ занимался версификаціей. Въ пансіонѣ Кордье онъ пишетъ еще больше стиховъ вмѣстѣ съ компаньономъ послѣдняго, Декоттомъ, и своимъ братомъ Эженомъ, которые соперничали съ нимъ въ этомъ искусствѣ.

Генералъ Гюго условился, чтобы у его сыновей была отдѣльная комната, какъ подобало молодымъ людямъ, уже прошедшимъ риторическій классъ. Это привилегированное положеніе доставляло имъ авторитетъ среди товарищей и, благодаря ему, они пользовались свободой для своихъ секретныхъ работъ. Они подѣлили между собою власть надъ своими товарищами; Викторъ командовалъ *собаками*, а Эженъ *телятами*, двумя соперничающими, но не вражескими народами. Они руководили сраженіями и играми, устраивали драматическія представленія, будучи сами авторами и актерами дававшихся пьесъ, при чемъ Викторъ всегда представлялъ Наполеона, когда императоръ появлялся на сценѣ. Но, кромѣ удовольствія вести своихъ собакъ къ побѣдѣ и слушать аплодисменты театра, онъ испытывалъ глубокое, физическое, можно сказать, необходимое, какъ воздухъ, блаженство, когда писалъ стихи. Онъ писалъ ихъ днемъ, между уроками и упражненіями, сочинялъ ночью и запоминалъ, а утромъ на разсвѣтѣ, какъ только просыпался, записывалъ.

Въ пансіонѣ Кордье у Виктора Гюго было два друга и одинъ врагъ, его братъ Эженъ и репетиторъ по фамиліи Бискарра, которые всячески поддерживали его, а затѣмъ Декоттъ, который, будучи самъ стихотворцемъ, не могъ допустить, чтобы ученикъ, хотя бы и занимавшій отдѣльную комнату, писалъ стихи, нисколько не уступавшіе его собственнымъ. Съ своей стороны г-жа Гюго, желавшая согласно своей системѣ, чтобы воспитаніе ея сыновей было основано на полной свободѣ, ни въ чемъ не противорѣчила имъ. Она читала ихъ стихи, одобряла или критиковала ихъ и давала имъ сюжеты для поэтическихъ произведеній. Другимъ рецензентомъ Виктора былъ Бискарра, который расцѣнивалъ его поэмы, какъ латинскій переводъ. Такъ, разбирая длинную пьесу въ пятьсотъ стиховъ, озаглавленную «Потопъ», онъ нашелъ въ ней 20 плохихъ стиховъ, 32 хорошихъ, 15 очень хорошихъ, 5 посредственныхъ и 1 слабый. Викторъ Гюго овладѣлъ всѣми жанрами; его поэтическое вдохновеніе примѣнялось ко всѣмъ формамъ просодіи: одамъ, сатирамъ, романсамъ, эпиграммамъ, мадригаламъ, логариѳмамъ, шарадамъ, загадкамъ, баснямъ, сказкамъ; онъ переводилъ Виргилія, Горація, Лукана, Авзенія, Марціала, пробовалъ свое искусство въ трагедіи, комедіи и даже въ комической оперѣ.

Всѣ сочиненія своей ранней юности онъ называлъ «Дурачествами, которыя Викторъ Гюго дѣлалъ до своего рожденія», и въ

нѣкоторыхъ изъ нихъ можно открыть зачатки его генія. Онъ писалъ въ маленькихъ тетрадяхъ, которыя уничтожалъ одну за другой, всегда недовольный стихами, которые перечитывалъ черезъ нѣсколько недѣль послѣ того, какъ они были написаны, и готовый скорѣе написать новые, чѣмъ передѣлывать написанное. Однако нѣкоторые изъ нихъ онъ сохранилъ и въ одномъ изъ нихъ, написанномъ 10 іюля 1816 г., высказалъ свою честолюбивую мечту: «Я хочу быть Шатобріаномъ или ничѣмъ!» Рыцарскій задоръ смѣняется у него грустнымъ настроеніемъ; онъ то вздыхаетъ, выражая любовныя жалобы, то изъявляетъ самыя гордыя чувства во вкусѣ своей эпохи. Въ этотъ періодъ своей жизни онъ—пылкій роялистъ, довольно равнодушный, къ религіи—склонность къ религіи онъ почувствовалъ позже, подъ вліяніемъ Шатобріана—и ненавидитъ Наполеона, котораго послѣ Ватерлоо громитъ въ своихъ стихахъ съ необычайнымъ краснорѣчіемъ.

До сихъ поръ Викторъ былъ извѣстенъ, какъ поэтъ, только своей матери, своему брату Эжену, своимъ друзьямъ, Ларивьеру и Бискарра и своему недругу Декотту. Между тѣмъ ему хотѣлось бы имѣть болѣе обширный кругъ поклонниковъ или враговъ. Поэтому, когда французская академія въ 1817 г. предложила премію за лучшее стихотвореніе на тему: «Счастье, доставляемое образованіемъ во всѣхъ жизненныхъ положеніяхъ», онъ рѣшилъ принять участіе въ конкурсѣ. Чтобы быть увѣреннымъ, что его смѣлость не откроется въ случаѣ неудачи, онъ написалъ съ 18 марта по 7 апрѣля триста тридцать четыре стиха на предложенную тему, держа это въ строжайшей тайнѣ. Но какъ доставить свою поэму въ академію? Ему пришлось довѣриться скромности Бискарра, который въ четвергъ, когда воспитанниковъ водили на прогулку, направилъ пансіонеровъ къ институту. Они поднялись въ канцелярію, при чемъ Бискарра ободрялъ робѣвшаго Виктора, и послѣдній, дрожа отъ волненія, передалъ архиваріусу Кардо письмо и свою рукопись, которую и занесли въ списокъ подъ № 5. Легко представить себѣ, какой страхъ испытывалъ юный честолюбецъ! Однако безпечность юности скоро побѣдила его безпокойство, и онъ узналъ отъ своего брата Абеля о похвальномъ отзывѣ, которымъ удостоила его французская академія, въ то время, когда онъ бѣгалъ съ товарищами наперегонки. Въ ту пору молодому поэту только что сравнялось 15 лѣтъ.

Почетный отзывъ академіи окружилъ ореоломъ нарождающейся славы юнаго ученика пансіона Кордье. Его соперникъ, Декоттъ, узнавъ о случившемся, поблѣднѣлъ отъ досады, однако вынужденъ былъ преклониться предъ его превосходствомъ и признать, что оно сообщаетъ блескъ его учебному заведенію. У Виктора явилась возможность посвящать больше времени занятіямъ поэзіей, хотя это не помѣшало ему слушать курсъ гимназіи Людовика Великаго и готовиться къ экзаменамъ.

Несмотря на то, что онъ былъ пансіонеръ, ему позволяли выходить изъ заведенія отдѣльно отъ другихъ, и такимъ образомъ онъ могъ обѣдать у Франсуа Невшато, старѣйшаго члена

французской академіи, которому нравились его стихи и его молодость и черезъ котораго онъ получилъ первую награду отъ короля. Довольно скучная и однообразная жизнь школьника, которою онъ жилъ, будучи какъ бы на привязи, значительно скрасилась, благодаря этимъ сношеніямъ съ внѣшнимъ міромъ, походившимъ на быстрыя порыванія къ успѣху и къ свободѣ.

Начальство пансіона побуждало Виктора, получившаго почетный отзывъ академіи, работать на тему генеральнаго конкурса 1817 г., касавшуюся доказательства существованія Бога, чтобы присоединить къ академическимъ лаврамъ побѣду въ университетѣ. Но здѣсь онъ былъ менѣе счастливъ и получилъ только второстепенную награду по физикѣ.

Праздники онъ проводилъ у матери, которая, ни мало не стѣсняя его свободы, читала его поэмы и ободряла его съ искренней вѣрой въ его поэтическій талантъ. Это были слишкомъ короткіе радостные дни.

Среди товарищей своего старшаго брата Абеля онъ пріобрѣлъ себѣ друзей и составилъ вмѣстѣ съ ними маленькій литературный кружокъ. Молодежь устраивала даже обѣды, которые давались за плату по два франка съ персоны у ресторатора Эдона на улицѣ Ансьенъ-Комеди. Если столъ былъ посредственный, а вина маловато, то энтузіазмъ гостей замѣнялъ собою изобиліе блюдъ и напитковъ, а за десертомъ угощали другъ друга стихами. Викторъ Гюго появлялся здѣсь съ торжествующимъ видомъ побѣдителя. Онъ читалъ своимъ жалкимъ слушателямъ свои пьесы «Послѣдній Бардъ», «Ахеменида», переводъ изъ Виргилія и другія поэмы.

Въ одинъ изъ вечеровъ друзья рѣшили сдѣлаться сотрудниками и издать особую книгу, для которой каждый изъ нихъ дастъ разсказъ. Викторъ Гюго обѣщалъ принести свой черезъ двѣ недѣли. Это былъ «Бюгъ Жаргаль», который онъ помѣстилъ позже въ своемъ журналѣ «Литературный Консерваторъ» безъ подписи и въ видѣ «извлеченія изъ неизданнаго сборника: «Сказки, разсказанныя въ палаткѣ». Сотрудничество членовъ кружка не состоялось, и друзья, собиравшіеся на банкетахъ у Эдона, мало-по-малу разсѣялись, пошедши каждый своей дорогой.

Викторъ Гюго съ братомъ оставались еще годъ въ пансіонѣ Кордье, откуда вышли только въ августѣ 1818 г., рѣшивъ не поступать въ политехническую школу, а заняться литературнымъ трудомъ. Они поселились у матери, которая перебралась съ улицы Шершъ-Миди въ болѣе скромную квартиру на улицѣ Птитъ-Огюстенъ, въ домѣ № 18. Изъ своего рабочаго кабинета они могли видѣть дворъ музея Птитъ-Огюстенъ, гдѣ было собрано множество образчиковъ, средневѣковой скульптуры. Викторъ записался въ число студентовъ Школы Правовѣдѣнія, но не слушалъ тамъ лекцій и не получилъ никакой ученой степени, совершенно предавшись своей честолюбивой мечтѣ добиться торжества въ поэзіи и сравняться съ знаменитыми людьми, которыхъ онъ поставилъ себѣ въ примѣръ. Только одни академическіе конкурсы казались ему способными до-

ставить ему извѣстность, поэтому, когда французская академія въ 1819 г. назначила двѣ преміи, онъ поспѣшилъ приняться за работу, чтобы получить ихъ. Темы были слѣдующія; «Институтъ суда присяжныхъ во Франціи и «Преимущества взаимнаго обученія». Пятьдесятъ поэтовъ обработали первую, и ни одно изъ присланныхъ произведеній не оказалось заслуживающимъ премій и даже отзыва; девятнадцать вдохновились второй, но премія также не была присуждена никому, и Викторъ Гюго получилъ только отзывъ. Эта незначительная награда показалась ему недостойной его таланта, и, обманутый въ надеждахъ, которыя онъ возлагалъ на французскую академію, онъ обратился въ провинціальную академію, которая въ это время пользовалась большой извѣстностью среди поэтовъ. Рѣчь шла о ежегодныхъ поэтическихъ состязаніяхъ въ Тулузской академіи, которая, не назначая сама темъ, присуждала разныя премія—золотые или серебряные амаранты, лиліи, ноготки, фіалки—за поэмы, которыя она находила лучшими изъ представленныхъ ей. Викторъ Гюго послалъ три пьесы на конкурсъ 1819 г. «Послѣдніе Барды», «Верденскія Дѣвственницы» и «Возстановленіе статуи Генриха IV». Первая получила только отзывъ, но двѣ другихъ имѣли блестящій успѣхъ. «Дѣвственницы» были вознаграждены скромнымъ амарантомъ, а «Возстановленіе статуи»—золотой лиліей. На эту послѣднюю тему, предложенную противъ обыкновенія самой академіей, былъ соискателемъ также Ламартинъ, не удостоившійся, однако, и отзыва. Стихи, присланные Викторомъ Гюго почтеннымъ тулузцамъ, настолько превосходили тѣ, какіе они обыкновенно получали, что при ихъ чтеніи устроителями поэтическихъ состязаній овладѣлъ какъ бы священный восторгъ. Одинъ изъ нихъ, Александръ Суме, писалъ ему: «Съ тѣхъ поръ какъ мы получили ваши оды, кругомъ меня только и разговоровъ, что о вашемъ чудесномъ талантѣ и о блестящихъ надеждахъ, какія вы подаете литературѣ. Если академія раздѣляетъ мои чувства, у Изоры не хватитъ вѣнковъ для обоихъ братьевъ. Здѣсь всѣ изумляются, что вамъ только семнадцать лѣтъ, почти не вѣрятъ этому. Вы для насъ загадка, разгадать которую могутъ только музы». Эженъ, которымъ Суме также восхищался, получилъ на поэтическомъ состязаніи серебряную лилію и былъ напечатанъ въ сборникѣ тулузской академіи.

Одно прискорбное обстоятельство сообщило трогательную черту одѣ Виктора Гюго на «Возстановленіе статуи Генриха IV». Г-жа Гюго была больна воспаленіемъ легкихъ, и всѣ три брата ходили за ней ночью поочередно. Встревоженный Викторъ думалъ больше о здоровьѣ своей матери, чѣмъ о поэтическомъ состязаніи. Крайній срокъ для присылки стихотвореній тѣмъ временемъ наступалъ, а онъ еще не написалъ оды на «Возстановленіе статуи». Это приводило его въ отчаяніе, а еще больше г-жу Гюго, которая очень дорожила славой своихъ сыновей, поэтому она просила его наканунѣ самаго закрытія конкурса заняться чудесной роялистской темой, предложенной академіей. Викторъ провелъ ночь у ея изголовья и въ то время, какъ она спала, написалъ оду, которую она увидѣла,

проснувшись, у себя на постели; чернила, которыми она была написана, еще не высохли. Она заплакала отъ радости и умиленія.

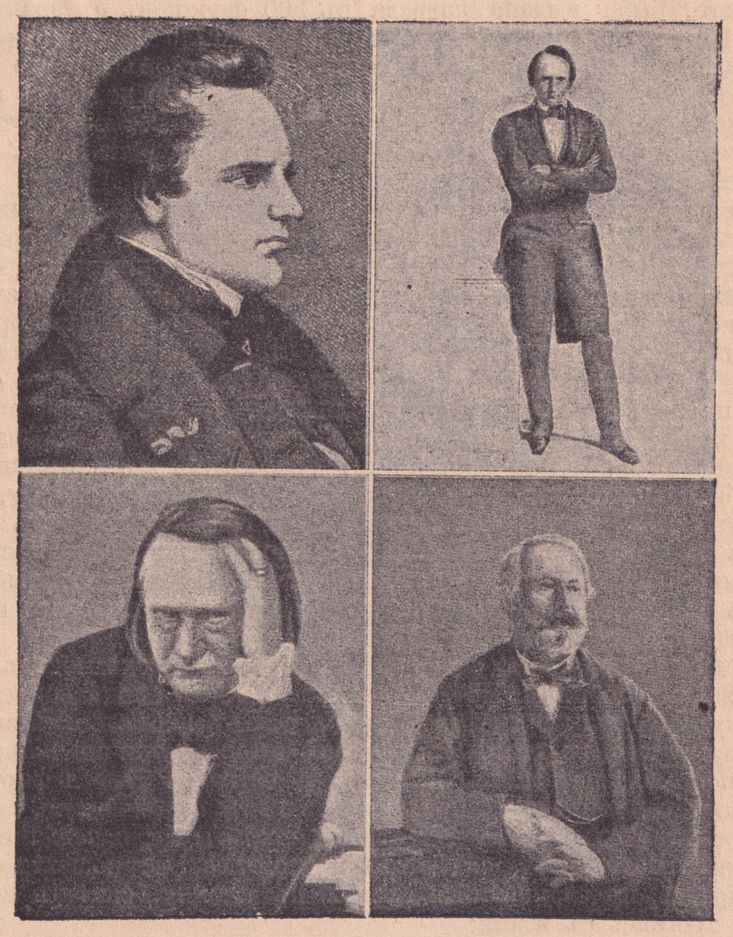
Въ первые годы своего ученичества, будучи уже мастеромъ стиха, Викторъ Гюго выказывалъ большую заботливость о формѣ. Отославъ свои поэмы въ академію поэтическихъ состязаній, онъ написалъ секретарю Пино предлагая ему сдѣлать нѣкоторыя поправки. Когда же ему не удалось исправить своихъ стиховъ, согласно своему поэтическому чутью, онъ оставилъ ихъ въ прежнемъ видѣ и говорилъ объ этомъ такимъ тономъ, въ которомъ выражалась уступчивость академикамъ, но не чувствовалось ничего ученическаго.

Въ виду похвалъ, которыми его привѣтствовали въ Тулузѣ, Викторъ Гюго назначилъ новыя пьесы для поэтическихъ состязаній. Въ 1820 г. онъ представилъ въ академію поэму «Моисей на Нилѣ», получившій золотой амарантъ; затѣмъ поэмы «Юный изгнанникъ», «Два возраста»», награжденныя только отзывомъ. Но 28 апрѣля Академія назначила его «магистромъ поэтическихъ состязаній», послѣ чего онъ не могъ больше участвовать въ конкурсахъ. Однако въ благодарность за эту честь онъ представилъ ей еще «Оду о Коберонѣ», предназначенную для чтенія на одномъ изъ публичныхъ засѣданій, затѣмъ «Оду о самопожертвованіи во время чумы».

Если академія не могла больше награждать его, онъ обращался къ ней съ ходатайствами за своихъ друзей и учениковъ. Хотя ему было всего восемнадцать лѣтъ, онъ уже начиналъ вести себя, какъ глава школы. Въ началѣ 1820 г. Александръ Суме видѣлся съ Викторомъ Гюго и набросалъ краткій, но типичный эскизъ его въ письмѣ къ Жюлю Рессегье: «Молодой Гюго просилъ передать вамъ тысячу благодарностей. У этого мальчика замѣчательная голова—настоящій этюдъ Лафатера. Я спросилъ его, къ чему онъ себя предназначаетъ, и намѣренъ ли онъ посвятить себя исключительно литературной карьерѣ. Онъ отвѣтилъ мнѣ, что надѣется сдѣлаться современемъ пэромъ Франціи... и онъ будетъ имъ!» Сбывшееся предсказаніе Суме показываетъ, какое сильное впечатлѣніе производилъ Викторъ Гюго уже въ то время на тѣхъ, кто видѣлъ его въ первый разъ.

Въ концѣ 1819 г. онъ основалъ вмѣстѣ съ братьями, Абелемъ и Эженомъ, журналъ, чтобы укрѣпить свою поэтическую славу, завязать полезныя отношенія и имѣть вліяніе на литературу своего времени. Первый номеръ «Литературнаго Консерватора» вышелъ въ декабрѣ. На первомъ мѣстѣ было помѣщено сатирическое стихотвореніе «Политическій вербовщикъ» Виктора-Маріи Гюго, затѣмъ шли статьи «О равнодушіи къ религіи», о полномъ собраніи сочиненій Андре Шенье, о первомъ представленіи «Литейщика», смѣсь и новѣйшія извѣстія. Викторъ Гюго былъ почти единственнымъ сотрудникомъ своего журнала и писалъ въ немъ на всѣ современныя темы: о поэзіи, о романѣ, о философіи, о политикѣ подъ своимъ именемъ, подъ псевдонимами и многочисленными иниціалами, какъ М. В. д'Оверней, Аристидъ, В. Н., Е. М., употребляя почти одиннадцать подписей. Съ этого времени серьез-

ный, восторженный и честолюбивый молодой человѣкъ работалъ съ той ежедневной усидчивостью, которой онъ никогда не измѣнялъ, даже въ самой глубокой старости. Онъ помѣстилъ въ своемъ журналѣ оду «Верденскія дѣвственницы», увѣнчанную въ 1819 г.

ВИКТОРЪ ГЮГО ВЪ РАЗНЫЯ ЭПОХИ СВОЕЙ ЖИЗНИ.

Вверху слѣва: Въ 30 лѣтъ, во время постановки „Эрнани". Справа: Народный представитель въ 1848 г.

Внизу слѣва: Въ изгнаніи. Справа: послѣ возвращенія во Францію въ 1870 г.

академіей поэтическихъ состязаній; «Судьбы Вандеи», оду, посвященную Шатобріану; оду «Геній», также посвященную Шатобріану, а въ седьмой книжкѣ «Литературнаго Консерватора» появилась «Ода на смерть его королевскаго высочества Карла-Фердинанда Артуа, герцога Беррійскаго, наслѣдника французскаго престола». Этой одой молодой поэтъ снискалъ благосклонность короля. О ней

сообщилъ при дворѣ графъ Франсуа Невшато, который сохранилъ свою дружбу къ поэту, получившему премію академіи. И когда герцогъ Ришелье, членъ французской академіи и президентъ совѣта министровъ, велѣлъ прочитать ее Людовику XVIII, то его величество соблаговолилъ приказать, чтобы автору, Виктору-Маріи Гюго, была выдана награда въ 500 франковъ въ знакъ его августѣйшаго удовольствія»,—такъ сказано было въ «Консерваторѣ», который передавалъ о событіи, столь лестномъ для его главнаго сотрудника. 25 марта 1820 г. графъ Невшато передалъ поэту счастливую вѣсть довольно плохими стихами, которые, однако, свидѣтельствуютъ, что Викторъ Гюго въ восемнадцать лѣтъ былъ больше, чѣмъ извѣстенъ.

Ода надѣлала много шума среди роялистовъ, которымъ Викторъ Гюго былъ извѣстенъ своими сатирами: «Вербовщикъ», «Телеграфъ», а также своими политическими статьями, помѣщенными въ «Консерваторѣ» и отмѣченными печатью чистѣйшей легитимистской доктрины. Она была блестяще освѣщена словами Шатобріана, который заявилъ журналисту Ажье, что ея авторъ *геніальный ребенокъ*. Слова эти были вымышлены, и самъ Шатобріанъ опровергъ ихъ, однако, не подлежитъ сомнѣнію, что знаменитый авторъ «Духа христіанства» относился благосклонно къ первымъ шагамъ Виктора Гюго, который постоянно превозносилъ его и выставлялъ какъ бы вождемъ молодежи. Выпустивъ въ свѣтъ свою оду, ученикъ въ первый разъ посѣтилъ учителя и разсказываетъ объ этомъ визитѣ въ своихъ воспоминаніяхъ съ картинными подробностями. Его сопровождалъ монархистскій журналистъ Ажье, который передалъ ему удивленіе Шатобріана, что онъ не видѣлъ его послѣ похвалъ, которыми онъ его удостоилъ.

На другой день въ семь часовъ вечера, разсказываетъ онъ, Ажье зашелъ за нимъ. Не безъ сильнаго волненія приблизился онъ къ дому № 27 на улицѣ Сенъ-Доминикъ. Онъ послѣдовалъ за своимъ спутникомъ во дворъ, въ глубинѣ котораго они поднялись на крыльцо. Ажье позвонилъ, имъ отперъ слуга въ бѣломъ фартукѣ, который провелъ ихъ въ прихожую, затѣмъ въ большую, просто меблированную гостиную, гдѣ стулья покрыты были чехлами.

Г-жа Шатобріанъ, сидѣвшая на козеткѣ, не пошевелилась; Шатобріанъ, прислонившійся спиною къ камину, сказалъ Виктору, не трогаясь съ мѣста:

— Очень радъ, что вижу васъ, г. Гюго. Я читалъ ваши стихи о Вандеѣ и только что написанную вами оду на смерть герцога Беррійскаго. Есть вещи, въ особенности въ послѣдней, какихъ ни одинъ поэтъ настоящаго времени не сумѣлъ бы написать. Мой возрастъ и моя опытность даютъ мнѣ, къ сожалѣнію, право быть откровеннымъ, и я скажу вамъ прямо, что есть мѣста, которыя мнѣ не совсѣмъ нравятся, но то, что хорошо въ вашихъ одахъ, дѣйствительно очень хорошо.

Хозяинъ не поскупился на похвалу; однако въ его позѣ, въ тонѣ голоса, въ манерѣ, какъ онъ пригласилъ посѣтителя сѣсть, было что-то до такой степени высокомѣрное, что Викторъ почув-

ствовалъ себя скорѣе униженнымъ, чѣмъ обрадованнымъ. Онъ пробормоталъ въ отвѣтъ что-то безсвязное и поторопился уйти.

Этотъ холодный и надменный пріемъ не могъ понравиться Виктору, который, несмотря на свою молодость, уже сознавалъ свой талантъ и хотѣлъ, чтобы всѣ его уважали, даже самые знаменитые люди. Однако вскорѣ послѣ перваго свиданія онъ опять посѣтилъ Шатобріана, и на этотъ разъ пришелъ въ восторгъ отъ его пріема.

Тѣмъ не менѣе, два великихъ человѣка—юноша, едва вышедшій изъ дѣтства, и пятидесятилѣтняя знаменитость, не заключили между собою тѣсной дружбы. Одинъ требовалъ слишкомъ много подчиненія и обезличенія передъ своимъ деспотическимъ блескомъ, другой, окрыленный вѣрой въ свою судьбу, не былъ склоненъ унижаться ни передъ какимъ свѣтиломъ. Будучи назначенъ посланникомъ въ Берлинъ, Шатобріанъ думалъ взять къ себѣ на службу Виктора Гюго, но этотъ послѣдній отклонилъ честь сопровождать его: его удерживали въ Парижѣ желаніе добиться славы и нѣжныя чувства, которыя вскорѣ дали ему счастье.

III.

Первые годы любви и славы.

Въ 1818 г. г-жа Гюго вмѣстѣ съ обоими сыновьями, Эженомъ и Викторомъ, каждый вечеръ бывала въ скромной гостиной у дружески расположенной къ нимъ семьи Фуше, въ отелѣ Тулузъ. Между тѣмъ, какъ отецъ, бывшій секретарь военнаго совѣта, сдѣлавшійся потомъ столоначальникомъ, усаживался у камина, какъ человѣкъ слабаго здоровья, г-жа Фуше съ своей дочерью Аделью располагались у круглаго столика съ рукодѣльемъ въ рукахъ.

Послѣ дневныхъ тревогъ здѣсь господствовала спокойная атмосфера, въ которой самыя банальныя фразы принимають интимный и трогательный смыслъ, гдѣ самое незначительное слово проникаетъ до глубины души, хотя на лицахъ не отражается ни малѣйшаго волненія. Г-жа Гюго говорила о прошломъ, вспоминала о пережитомъ обѣими семьями, которыя разставались одна съ другой только во время войны и которыя при каждомъ новомъ свиданіи встрѣчались съ тѣми же дружескими чувствами. Викторъ Гюго, сидя въ тѣни, за своей матерью, молча смотрѣлъ на Адель, на ея изящные, проворные пальчики, державшіе нить тонкаго кружева, на ея лобъ, позолоченный свѣтомъ лампы, и на ея милое и серьезное лицо, какъ будто хранившее какую-то тайну. Эти вечера составляли всю его радость послѣ дневной работы, и онъ ждалъ ихъ всякій разъ съ нетерпѣніемъ, обратившимъ на себя вниманіе родителей. Викторъ признался въ своей любви и выразилъ желаніе жениться на молодой дѣвушкѣ, которую любилъ съ дѣтства. Г-жа Гюго и г-жа Фуше съ общаго согласія рѣшили не соглашаться на этотъ бракъ, который соединилъ бы двухъ молодыхъ людей безъ всякихъ средствъ. Ихъ разлучили, и посѣщенія отеля прекратились, къ великому отчаянію Виктора, который, будучи увѣренъ въ любви Адели, принялся зарабатывать деньги, не-

обходимыя для его будущей семьи. Съ той поры онъ сталъ выказывать необычайную дѣятельность, увеличивая число своихъ работъ, распространяя кругъ полезныхъ знакомствъ и пріобрѣтая неоспоримое вліяніе на литературное движеніе среди молодыхъ поэтовъ.

Но скоро его лучезарная и пылкая юность омрачилась трауромъ. Г-жа Гюго переѣхала съ квартиры на улицѣ Птитъ-Огюстенъ въ домъ № 10 на улицѣ Мезьеръ, желая имѣть опять садъ, о которомъ она такъ жалѣла послѣ того, какъ лишилась сада Фельянтинцевъ. Въ видѣ пріятнаго отдыха мать съ сыновьями копали, сажали, сѣяли, но однажды вечеромъ г-жа Гюго, слишкомъ увлекшаяся своей любовью къ садоводству, почувствовала ознобъ, послѣ того какъ выпила стаканъ ледяной воды. Это было въ іюнѣ. У нея сдѣлалось воспаленіе легкихъ. Ея сыновья считали ее уже внѣ опасности, на пути къ полному выздоровленію, но 27 числа въ полдень она умерла въ состояніи легкой дремоты.

Для Виктора это былъ страшный ударъ. Онъ выросъ, окруженный ея любовью, какъ живительной атмосферой, она заботилась о немъ, внимательно слѣдя за пробужденіемъ его таланта, она была преданной матерью, которая пеклась о томъ, чтобы ничто не мѣшало его росту и расцвѣту. И онъ нуждался въ ней въ этотъ часъ своей судьбы, еще не прояснившейся, но уже брезжившей разсѣянными лучами, предвѣщавшими ему чудное сіяніе славы.

Пораженный обрушившимся на него несчастьемъ, онъ былъ спасенъ своей любовью къ работѣ и смутнымъ предчувствіемъ, что онъ побѣдитъ сопротивленіе, мѣшавшее его женитьбѣ. Во мракѣ, который окуталъ его, сверкала звѣзда, въ скорби у него была надежда. Викторъ Гюго воспользовался «Литературнымъ консерваторомъ», чтобы дать знать любимой дѣвушкѣ о постоянствѣ своихъ чувствъ, и велъ съ Аделью секретную и невинную переписку, которая поддерживала его мужество въ минуты сильнѣйшаго унынія. Послѣ смерти матери онъ перебрался изъ квартиры перваго и второго этажа въ третій этажъ въ томъ же домѣ на улицѣ Мезьеръ, затѣмъ ему пришлось переселиться въ мансарду на улицѣ Драгонъ, въ домѣ № 30, такъ какъ онъ остался въ жизни одинокимъ—его отецъ 20 іюля 1821 г. женился вторично на вдовѣ г-жѣ Дальме, графинѣ Салькано—и не имѣлъ никакихъ средствъ, кромѣ капитальца въ восемьсотъ франковъ, заработаннаго литературнымъ трудомъ, и небольшой пенсіи, которую давалъ ему генералъ.

Нужда, пылкое желаніе распространить свою славу, стремленіе устранить препятствія, мѣшавшія его женитьбѣ, самымъ главнымъ изъ которыхъ была его бѣдность, побуждали его къ лихорадочной дѣятельности. Его матеріальная жизнь шла такимъ же точно образомъ, какъ жизнь *Маріуса*, которую онъ описалъ такъ трогательно и такъ поэтично въ «Отверженныхъ»: онъ завтракаетъ однимъ яйцомъ, обѣдаетъ стаканомъ молока и тонкимъ ломтикомъ колбасы; онъ гуляетъ, мечтаетъ, затѣмъ запирается въ своей комнатѣ и работаетъ. Прекрасная фигура бѣднаго молодого человѣка, озаренная надеждой, серьезная и восторженная.

Кромѣ обязанности редактировать книжки «Консерватора», что онъ дѣлаетъ почти одинъ, массу хлопотъ доставляютъ Виктору Гюго его друзья, которыхъ съ каждымъ днемъ становится все больше и больше, его поклонники, дѣловые визиты, такъ какъ ему необходимо зарабатывать деньги, чтобы обезпечить свое будущее. Вмѣстѣ съ своимъ братомъ Абелемъ онъ принимаетъ участіе въ литературномъ обществѣ, основанномъ въ январѣ 1821 г. воинствующими роялистами подъ названіемъ «Общества любителей изящной словесности», гдѣ онъ встрѣчаетъ самыхъ выдающихся людей того времени: маркиза Фонтана, Шатобріана, герцога Фицджемса, герцога Малье, Беррье съ сыномъ, Катрмера Декенси, Рюля Полиньяка, барона Витроля. Братья Гюго имѣютъ огромный успѣхъ въ засѣданіяхъ общества, происходящихъ каждую недѣлю. Въ февралѣ Викторъ прочиталъ тамъ свою оду «Киберонъ», въ мартѣ—оду, озаглавленную «Видѣніе», и послѣ смерти матери продолжалъ посѣщать общество, гдѣ ему оказывали большую поддержку и гдѣ громко привѣтствовали его юный талантъ. 10 декабря 1822 г. онъ прочиталъ тамъ свою оду «Людовику XVIII», которую ярые роялисты привѣтствовали неистовыми аплодисментами.

За нѣсколько мѣсяцевъ передъ этимъ засѣданіемъ Викторъ Гюго выпустилъ въ свѣтъ первый томъ своихъ стихотвореній, «Оды и баллады», появившійся въ іюнѣ мѣсяцѣ 1822 г., отпечатанный въ типографіи Гироде и изданный книгопродавцемъ Пелисье, на площади Палерояль, № 143. Вводя свою систему предисловій, гдѣ онъ при каждомъ изъ своихъ произведеній очерчивалъ, такъ сказать, различныя состоянія своей мысли, онъ писалъ въ введеніи къ «Одамъ»: «Книга эта выпущена въ свѣтъ съ двоякимъ намѣреніемъ, политическимъ и литературнымъ, но по мысли автора первое является слѣдствіемъ послѣдняго, такъ какъ въ исторіи человѣчества не существуетъ другой поэзіи, кромѣ разсматриваемой съ высоты монархическихъ идей и религіозныхъ вѣрованій.

«Въ расположеніи этихъ одъ могутъ увидѣть дѣленіе, которое, однако, не проведено методически. Автору казалось, что душевныя волненія не менѣе плодотворны для поэзіи, чѣмъ революціи для имперіи.

«Впрочемъ, область поэзіи безгранична; подъ реальнымъ міромъ существуетъ міръ идеальный, сіяющій ослѣпительнымъ свѣтомъ для тѣхъ, кого серьезныя размышленія пріучили видѣть въ вещахъ больше, чѣмъ вещи. Прекрасныя поэтическія творенія во всѣхъ родахъ, въ прозѣ и въ стихахъ, прославившія настоящее столѣтіе, открыли ту истину, не подозрѣваемую прежде, что поэзія заключается не въ формѣ идей, а въ самихъ идеяхъ. Поэзія—это все, что является самой сокровенной сущностью всего»

И это заявленіе, написанное въ такомъ возвышенномъ тонѣ, сдѣлано молодымъ человѣкомъ, которому было только двадцать лѣтъ! Викторъ Гюго, которому приходилось такъ часто мѣнять свои политическія убѣжденія, по мѣрѣ того, какъ правительства во Франціи смѣняли одно другое, утвердилъ съ того времени право поэта вмѣшиваться въ общественное дѣло. Его книга «Одъ»

представляла собою маленькій, неряшливо отпечатанный томикъ, не отличавшійся ни изысканностью ни изяществомъ внѣшности. Однимъ изъ первыхъ покупателей, явившимся къ книгопродавцу Пелисье, былъ королевскій чтецъ Эдуардъ Меннеше. Людовикъ XVIII, будучи человѣкомъ со вкусомъ, не могъ удержаться отъ замѣчанія, что «книжка издана очень неряшливо». Однако онъ читалъ и перечитывалъ оды, и отъ нѣкоторыхъ пришелъ въ такой восторгъ, что читалъ изъ нихъ отрывки наизустъ. Такимъ образомъ онъ былъ очень расположенъ въ пользу поэта, и когда министръ его двора маркизъ Лористонъ предложилъ ему по совѣту ея высочества герцогини Беррійской, переданному черезъ герцогиню Реджіо, назначить пенсію Виктору Гюго, Людовикъ XVIII поспѣшилъ предложить ему тысячу франковъ въ годъ изъ своей собственной шкатулки съ обѣщаніемъ въ скоромъ времени увеличить эту сумму. Эта королевская щедрость, которой уже удостоились Ламартинъ, Суме, Гиро, Казиміръ Делавинь, освятила въ роялистскихъ кругахъ славу пѣвца герцога Беррійскаго.

Несмотря на свой успѣхъ «Оды» не произвели переворота. Появленіе этой книжки не сдѣлалось литературнымъ событіемъ. Какъ разъ въ то время, впрочемъ, появились въ изобиліи образцовыя произведенія. Въ 1819 г. вышли «Стихотворенія» Андре Шенье, въ 1820 «Размышленія» Ламартина, а въ томъ же году, какъ и «Оды», появились «Поэмы» Альфреда де Виньи! Тѣмъ не менѣе, первое произведеніе Виктора Гюго распространилось за предѣлы круга его друзей и поклонниковъ. Однако черезъ мѣсяцъ послѣ выхода книжки онъ писалъ Жюлю Рессегье: «Наши журналисты еще не удостоили отзывомъ мой бѣдный сборникъ. Меня предупреждали, что они ждутъ отъ меня визитовъ, просьбъ, восхваленій. Я не вѣрю, чтобы они до такой степени унизили меня и самихъ себя. А пока, добавлялъ онъ, книжка хорошо продается, паче всякихъ чаяній, и я надѣюсь, что скоро придется подумать о второмъ ея изданіи». Роялистскіе салоны, увлеченные поступкомъ Людовика XVIII, наперебой превозносили молодого поэта, а его друзья, Альфредъ де Виньи, Рессегье, Суме, Сенъ-Вальфи, были близки къ тому, чтобы считать его своимъ учителемъ.

Нарождающаяся слава смягчала скорбь, причиненную смертью матери. Онъ жилъ на улицѣ Жантильи, въ старой башнѣ, отъ которой вѣяло романтизмомъ; въ ней онъ мечталъ, писалъ стихи, развлекался съ Абелемъ и своими друзьями. Онъ посѣщалъ кіоски, «Мельницу Большой Пинты», гдѣ первостепенную роль играло жиденькое винцо и тонкая кухня тетки Саге, пользовавшейся извѣстностью среди студентовъ и художниковъ того времени. Раффе, Шарле, Тонни Жоганно, Рамье, Дюма посѣщали ея харчевню. Она разсказывала, что Викторъ рѣдко присоединялся къ веселымъ компаніямъ и что, сидя одинъ на «Мельницѣ», онъ писалъ поэмы, межъ тѣмъ, какъ его товарищи предавались безчисленнымъ дурачествамъ.

Викторъ Гюго, хотя онъ былъ и не врагъ удовольствій, предпочиталъ слишкомъ шумнымъ развлеченіямъ работу, пространныя

разсужденія объ искусствѣ и литературѣ и посѣщеніе знаменитыхъ людей. Онъ посѣтилъ Шатобріана, онъ жилъ на дачѣ въ Ларошъ-Гюйонѣ у аббата герцога Рогана. Онъ исповѣдовался у Ламене, къ которому чувствовалъ почтительную и нѣжную привязанность. Кромѣ того, онъ былъ центральной фигурой въ маленькой группѣ молодыхъ поэтовъ, которые уже признавали его превосходство—въ группѣ Альфреда де Виньи, А. Суме, Ж. Рессегье, Сенъ - Вальфи, Александра Гиро, приходившихъ въ его убогую каморку на улицѣ Драгонъ.

Но его работы и обязанности, налагаемыя на него дружбой, отнюдь не заставили его забыть свою прекрасную юную любовь. Онъ выражаетъ ее въ тайной перепискѣ съ Аделью, и его чувства струятся, подобно прозрачному источнику, въ этихъ признаніяхъ идеальной невѣстѣ, которую онъ себѣ выбралъ. Ему приходится прибѣгать къ изобрѣтательности, осторожности и таинственности, чтобы видѣть ее мелькомъ, не привлекая вниманія тѣхъ, кто ее сопровождаетъ, но когда ему удается уловить ея взглядъ, схватить ея слабую улыбку, предназначенную для него, то онъ бываетъ счастливъ цѣлыми часами. Викторъ увѣренъ, что онъ любимъ и, быть-можетъ, ему какъ-нибудь случилось держать себя смѣлѣе обыкновеннаго, потому что семья Фуше вдругъ увезла Адель въ Дре, твердо рѣшившись не соглашаться на бракъ двухъ молодыхъ людей, едва вышедшихъ изъ дѣтства, изъ которыхъ ни тотъ, ни другая ничего не могутъ принести къ себѣ въ домъ въ видѣ приданаго, кромѣ бѣдности. Разлученные сотней километровъ, они забудутъ другъ друга съ естественной измѣнчивостью чувствъ въ юномъ возрастѣ. Но Фуше не приняли въ расчетъ горячности и упорства любви поэта.

Узнавъ, что молодую дѣвушку, которую онъ поклялся сдѣлать своею женою, спрятали въ провинціальномъ захолустьѣ, Викторъ Гюго отважно пускается въ дорогу пѣшкомъ—дилижансы слишкомъ дороги для его тощаго кошелька, и приходитъ въ Дре благополучно, потому что «думаетъ, какъ человѣкъ, а ходитъ, какъ лошадь». Наконецъ-то его открыто принимаютъ въ семьѣ Фуше! Можно ли быть строгимъ при такомъ прекрасномъ доказательствѣ любви и отослать съ враждебнымъ лицомъ молодого человѣка, пускающагося пѣшкомъ изъ Парижа на поиски молодой дѣвушки, которую хотятъ у него похитить! Заходитъ разговоръ о женитьбѣ. Ему обѣщали литературную пенсію, и какъ только онъ начнетъ получать ее, его желаніе можетъ быть исполнено, если онъ получитъ согласіе своего отца. Послѣ вторичной женитьбы генерала его отношенія съ сыновьями сдѣлались довольно отдаленными и холодными, но онъ человѣкъ добрый и, несмотря на всѣ столкновенія, не хочетъ противиться ихъ счастью. Когда Викторъ обращается къ нему съ просьбой о согласіи, онъ одобряетъ его бракъ, когда же Людовикъ XVIII устраняетъ послѣднее препятствіе, пожаловавъ поэту тысячу франковъ изъ своей шкатулки, отецъ не только даетъ свое согласіе, но спѣшитъ доставить ему бумаги, необходимыя для гражданскихъ актовъ и религіозной церемоніи.

Какъ только его женитьба была рѣшена, Викторъ Гюго поспѣшилъ извѣстить о ней аббата Ламене прекраснымъ письмомъ, въ которомъ обнаруживается вся его радость. «Мнѣ необходимо вамъ написать, мой знаменитый другъ; скоро я буду счастливъ. Для моего счастья не хватало бы многаго, если бы я не увѣдомилъ васъ объ этомъ прежде всѣхъ. Я женюсь. Мнѣ хотѣлось бы больше, чѣмъ когда-нибудь, чтобы вы были въ Парижѣ и познакомились съ ангеломъ, который олицетворяетъ всѣ мои мечты о добродѣтели и блаженствѣ. Я не рѣшался говорить вамъ до сихъ поръ о томъ, что наполняетъ мое существованіе. Вся моя будущность была еще не обезпечена, и я долженъ былъ уважать тайну, которая была не одной только моей. Кромѣ того, я боялся оскорбить вашъ возвышенный аскетизмъ признаніемъ въ неукротимой страсти, хотя она была цѣломудренной и чистой. Но теперь, когда все соединяется, чтобы доставить мнѣ счастье, какого я хотѣлъ, я не сомнѣваюсь, что вы съ вашей доброй душой отнесетесь съ участьемъ къ моей любви, которая зародилась во мнѣ давно, еще въ раннемъ дѣтствѣ, и развилась благодаря первому юношескому горю. (1 сентября 1822 г.).

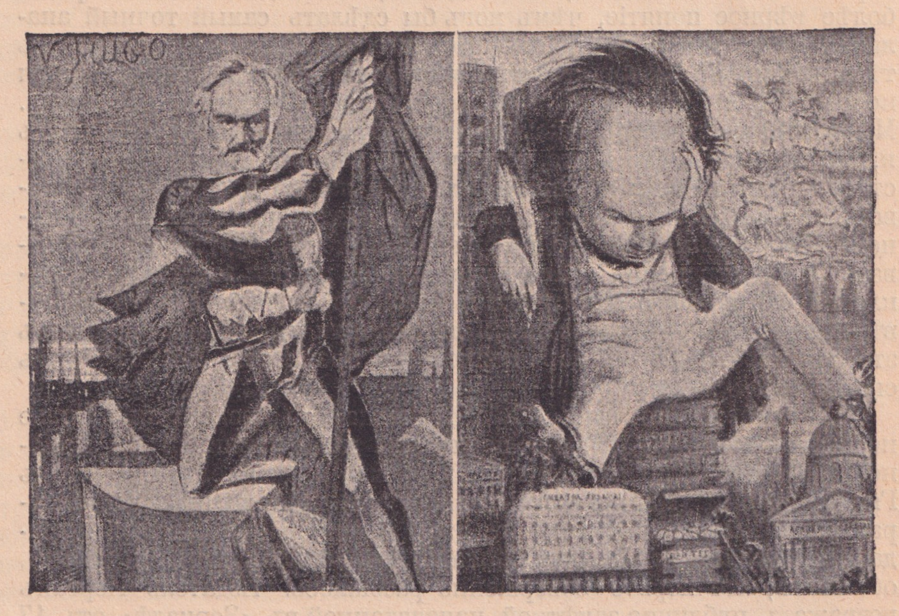
Молодые люди были обвѣнчаны въ Сенъ-Сюльписѣ, въ капеллѣ Пресвятой Дѣвы, 12 октября 1822 г.

При этомъ важномъ событіи своей жизни Викторъ Гюго вспомнилъ о своемъ добрѣйшемъ классномъ наставникѣ въ пансіонѣ Кордье, Бискарра, и пригласилъ его въ свидѣтели вмѣстѣ съ Альфредомъ де Виньи, своимъ самымъ близкимъ литературнымъ другомъ въ то время. Радость новобрачныхъ омрачило прискорбное происшествіе. Эженъ Гюго, отличавшійся мрачнымъ характеромъ мизантропа, проявлялъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ признаки умственнаго разстройства. На свадебномъ обѣдѣ, посреди веселья гостей, онъ заговорилъ что-то безсвязное, закричалъ дикимъ голосомъ, а на другой день съ нимъ сдѣлался припадокъ буйнаго помѣшательства. Полагаютъ, что онъ былъ влюбленъ въ Адель Фуше и что женитьба на ней Виктора окончательно помутила голову, которая была уже не совсѣмъ въ порядкѣ. Послѣ ряда перемежавшихся припадковъ остраго безумія и мрачной меланхоліи онъ былъ посаженъ въ Шарантонъ, гдѣ умеръ 5 марта 1837 г.

Но люди въ счастьи бываютъ эгоистами. При всемъ огорченіи, причиненномъ болѣзнью брата, Викторъ Гюго блаженствовалъ въ первые годы послѣ своей женитьбы. Сначала молодые жили изъ экономіи въ семьѣ Фуше въ отелѣ Тулузъ. Несмотря на пенсію отъ короля, Викторъ Гюго былъ стѣсненъ въ средствахъ и снова принялся за работу съ тѣмъ усердіемъ, которое является одной изъ характерныхъ чертъ его таланта. Онъ написалъ одну за другою двѣ оды «Егова» и «Людовикъ XVIII»; послѣдняя была прочитана въ Обществѣ Изящной Словесности, имѣла громадный успѣхъ и 13 декабря 1822 г. была напечатана въ официіальной газетѣ «Мониторъ». Съ другой стороны, такъ какъ первое изданіе «Одъ и стиховъ», выпущенное въ количествѣ тысячи пятисотъ экземпляровъ, разошлось, то въ концѣ 1822 г. у Персана, маркиза, сдѣлавшагося

книгопродавцемъ изъ нужды, появилось второе изданіе, носившее простой заголовокъ «Оды». Этому же издателю онъ продалъ за тысячу франковъ свой первый романъ «Ганъ Исландецъ», начатый еще до женитьбы подъ вліяніемъ скорби и меланхоліи, а равно и свои поэмы.

Это сочиненіе, появившееся въ февралѣ 1823 г., гдѣ онъ хотѣлъ подражать Вальтеръ Скотту, надѣлало больше шума, чѣмъ стихи, своей необычайной странностью. Сторонники классическаго искусства стали относиться недовѣрчиво къ молодой школѣ, а такъ какъ они были заправилами въ большинствѣ газетъ, то ро-

Карикатуры на В. Гюго.

манъ Виктора Гюго подвергся жестокимъ нападкамъ, особенно въ бонапартистскихъ и либеральныхъ органахъ. Леонъ Тессье писалъ въ «Меркуріи девятнадцатаго столѣтія»: «Метафизики утверждаютъ, что геній близокъ къ безумію. Если это такъ, то можно сказать, что автору «Гана Исландца» не очень далеко до генія... Самое благопріятное объясненіе источника его вдохновеній, какое можно предложить, это сказать, что его мучилъ продолжительный кошмаръ, во время котораго ему снилось разсказанное въ четырехъ томахъ «Гана Исландца». Романъ этотъ не что иное, какъ слѣдствіе мучительнаго, долгаго сна. Впрочемъ, со всѣми писателями случается иногда такого рода недомоганіе.

«Я приведу въ примѣръ только г-на Виктора Гюго, котораго это недомоганіе посѣщаетъ, повидимому, больше всѣхъ, потому что онъ посвятилъ ему цѣлую оду. Въ этой одѣ есть нѣсколько стиховъ, примѣнимыхъ къ роману «Ганъ Исландецъ»:

«Онъ наполняетъ сонъ неопредѣленными ужасами
«И оставляетъ въ душѣ безотчетную грусть».

Вотъ каковъ былъ тонъ полемики, загорѣвшейся изъ-за сочиненія писателя, которому едва минулъ двадцать одинъ годъ. Появилась даже пародія на «Гана Исландца, озаглавленная «Огъ» и принадлежавшая перу Виктора Виньона.

Но не однѣ только нападки вызвала книга Виктора Гюго; Шарль Нодье, котораго онъ совсѣмъ не зналъ, съ большимъ умомъ защищалъ его романъ въ газетѣ «Ежедневникъ»: «Я не стану разбирать «Гана Исландца»,— писалъ онъ,—но я дамъ о немъ гораздо болѣе вѣрное понятіе, чѣмъ могъ бы сдѣлать самый точный анализъ, когда скажу, что «Ганъ Исландецъ» является однимъ изъ тѣхъ сочиненій, которыхъ нельзя отдѣлить отъ общаго ансамбля исполненія, не впадая въ несправедливую и легкую карикатуру... Мы находимъ въ немъ, наконецъ, живой, картинный сильный слогъ и, что изумительнѣе всего, тотъ чуткій тактъ и то утонченное чувство, которыя являются пріобрѣтеніями жизни и которыя противорѣчатъ здѣсь самымъ страннымъ образомъ варварской игрѣ больного воображенія. Однако не эти достоинства будутъ содѣйствовать распространенію «Гана Исландца» и не они заставятъ непреклоннаго и ученаго Миноса книжнаго дѣла признаться въ достовѣрной и законной распродажѣ двѣнадцати тысячъ экземпляровъ этого романа, который всѣ пожелаютъ прочитать. Это сдѣлаютъ его недостатки».

Что касается продажи «Гана Исландца», то предсказаніе Нодье не исполнилось. Послѣдняя послужила даже причиной до крайности рѣзкой полемики между авторомъ и издателемъ. Викторъ Гюго, который умѣлъ какъ нельзя лучше подготовить свой литературный успѣхъ и обезпечить свои матеріальные интересы, продалъ второе изданіе своего романа фирмѣ Лекуантъ и Дюрей, объявивъ, что первое совершенно разошлось. Издатель Персанъ возражалъ публично замѣткой, напечатанной въ «Зеркалѣ» отъ 17 мая 1823 г., говоря, что у него осталось больше пятисотъ экземпляровъ въ магазинѣ. Викторъ Гюго возражалъ, что его изданіе такъ неудовлетворительно съ типографской точки зрѣнія, что онъ, авторъ, не можетъ признать его своимъ сочиненіемъ и считаетъ второе изданіе первымъ. Издатель помѣстилъ рѣзкій отвѣтъ все въ томъ же «Зеркалѣ» и посвятилъ публику въ мелкія и крупныя тайны книжнаго дѣла. «Если г-ну Виктору Гюго, желавшему съ прошедшаго марта мѣсяца имѣть второе изданіе своего «Гана», писали они, такъ хотѣлось похвалиться новымъ изданіемъ, то ему стоило бы только сдѣлать съ своимъ романомъ то же, что онъ сдѣлалъ съ сборникомъ своихъ «Одъ». Согласно договору, заключенному между упомянутымъ господиномъ и нами 13 декабря 1822 г., г-нъ Гюго уполномочилъ насъ изъ половины барышей съ нимъ сдѣлать перепечатку его сборника «Одъ» (перепечатку, изъ которой мы продали только 200 экземпляровъ и издержки которой, слѣдовательно, еще далеко не покрыты). Приводимъ самую замѣчательную статью этого договора: Господа Персанъ и компанія

имѣютъ право дѣлать всякія измѣненія, какія найдутъ полезными въ общихъ интересахъ; то-есть, измѣнивъ надлежащимъ образомъ заглавія, они могутъ объявить о выходѣ второго, третьяго, четвертаго изданія и т. д. Издержки по перборкѣ, которыя повлекутъ за собою эти перемѣны, падаютъ на общійс четъ договаривающихся сторонъ. Изъ этой статьи видно, что мы совмѣстно съ г-номъ Викторомъ Гюго имѣемъ право, каждый мѣсяцъ, даже каждую недѣлю награждать публику новымъ изданіемъ, въ которомъ только и будетъ новаго, что одни заглавія одъ г-на Виктора Гюго. Подобная же сдѣлка съ «Ганомъ Исландцемъ» удовлетворила бы господина Виктора Гюго, такъ какъ съ 500 экземплярами, которые остаются нераспроданными до сихъ поръ, легко было бы обязаться довести это знаменитое сочиненіе до шестого или двѣнадцатаго изданія...»

Викторъ Гюго былъ раздосадованъ этими разоблаченіями. Онъ отвѣтилъ, что согласился включить въ свой договоръ статью о фиктивныхъ изданіяхъ лишь по настойчивому требованію издателей, но сдѣлалъ это съ крайней неохотой.

Послѣ статьи о «Ганѣ Исландцѣ», въ которой Шарль Нодье, несмотря на оговорки, встрѣтилъ произведеніе Виктора Гюго сочувственнымъ жестомъ, послѣдній отправился поблагодарить своего критика. Съ этого визита началась дружба между двумя писателями, прямымъ послѣдствіемъ которой было образованіе перваго кружка романтиковъ.

Въ матеріальной жизни Викторъ Гюго освободился отъ всякихъ заботъ о деньгахъ. Не прошло нѣсколькихъ недѣль послѣ выхода въ свѣтъ «Гана Исландца», какъ Людовикъ XVIII пожаловалъ поэту новую пенсію въ двѣ тысячи франковъ изъ суммъ министерства внугреннихъ дѣлъ, которая вмѣстѣ съ первой пенсіей въ тысячу франковъ составляла во времена реставраціи завидный доходъ. Онъ воспользовался этой щедростью короля, чтобы покинуть отель Тулузъ и поселиться съ семьею на улицѣ Вожираръ въ домѣ № 20.

Сначала счастье ему улыбалось. Онъ женился въ іюлѣ 1822 г., а черезъ годъ послѣ свадьбы у него родился сынъ, но ребенокъ, будучи слабымъ и хилымъ отъ рожденія, умеръ на рукахъ у кормилицы въ октябрѣ мѣсяцѣ, у дѣдушки въ Блуа, несмотря на самый заботливый уходъ. Викторъ въ это время былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ генераломъ и съ своей мачехой, предубѣжденія исчезли, отецъ съ дѣтьми научились понимать другъ друга. Смерть перваго сына не оставила его на долго бездѣтнымъ: въ 1824 г. у него родилась дочь, Леопольдина, та самая «Дидина», которую онъ такъ часто потомъ воспѣвалъ въ своихъ стихахъ.

Семейное счастье, примиреніе съ отцомъ, котораго онъ любилъ, королевскія милости, освободившія его отъ всякихъ матеріальныхъ заботъ, создали кругомъ него атмосферу, проникнутую глубокой радостью и трудомъ. Онъ работалъ, имѣя около себя жену и ребенка. Поэмы, которыя онъ писалъ въ это счастливое время, отмѣчены ни съ чѣмъ несравнимымъ отзвукомъ душевной ясности и благоговѣйнаго величія. Его прекрасный лобъ, склоненный надъ работой, озарялся первыми лучами славы.

IV.
Романтики.

Въ мартѣ 1821 г. «Литературный Консерваторъ», редактированіе котораго лежало почти всецѣло на Викторѣ Гюго, слился съ «Лѣтописями литературы и искусства», гдѣ сотрудничали Нодье, Александръ Гиро, Абель Ремюза, Шенедолье, Малитурнъ и др. Журналъ этотъ относился, конечно, сочувственно къ молодымъ сотрудникамъ «Консерватора» и ихъ вождю, но эти послѣдніе сожалѣли, что у нихъ нѣтъ своего собственнаго журнала, гдѣ они могли бы излагать свои теоріи и мысли. Тѣмъ болѣе, что группа новаторовъ, сплотившись, угрожала въ театрѣ, въ области поэзіи и романа классическимъ писателямъ, а эти послѣдніе энергично защищали свои позиціи. Какъ отвѣчать имъ? Новому поколѣнію требовался органъ, если оно не хотѣло быть побѣжденнымъ въ борьбѣ, которая по всѣмъ признакамъ должна была быть безпощадной.

Этотъ журналъ былъ основанъ въ 1823 г. Адольфомъ Сенъ-Вальри, Суме, Эмилемъ Дешанъ и Гира въ сотрудничествѣ съ Викторомъ Гюго, котораго потребовалъ издатель для большого успѣха предпріятія. Въ іюлѣ появилась «Французская Муза», около которой сгруппировался, кромѣ ея основателей, цвѣтъ молодой литературы. Къ нему принадлежали Ансело, Бельмонте, Викторъ Шове, Вильбуа, Адольфъ Мишель, Жюль Ресегье, Шенедолье и Альфредъ де-Виньи, сотрудничавшій довольно исправно. Г-жи Дебордъ-Вальморъ, Софія и Дельфина Ге, Дюфренца и Амабль Тастю помѣщали въ журналѣ свои поэмы.

Викторъ Гюго участвовалъ въ «Французской Музѣ» не такъ дѣятельно, какъ въ «Консерваторѣ», потому что былъ всецѣло поглощенъ своимъ новымъ большимъ сочиненіемъ, но онъ былъ ея вдохновителемъ. Тѣмъ не менѣе онъ помѣщалъ въ этомъ журналѣ съ 1823 по 1824 г. прозу и стихи; здѣсь были напечатаны двѣ знаменитыхъ оды: «Ода моему отцу» и «Черная банда», гдѣ онъ клеймилъ погромщиковъ революціи, изуродовавшихъ образцовыя произведенія французскаго искусства, и критическія статьи о «Квентинѣ Дорвардѣ» Вальтеръ Скотта, о сочиненіи Ламеня «Равнодушное отношеніе къ религіи», объ «Элаѣ или сестрѣ ангеловъ» Альфреда де-Виньи, замѣтки о Вальтеръ Скоттѣ и лордѣ Байронѣ. Будучи въ дѣйствительности главою «Французской Музы», онъ, однако, не находилъ въ ней достаточно непримиримаго духа, но она, тѣмъ не менѣе, пугала академію; и когда Александръ Суме предложилъ себя въ члены, то закрытіе «Музы», которая безпокоила классиковъ и слишкомъ открыто поддерживала новаторовъ, было однимъ изъ условій его избранія. Журналъ прекратился въ 1824 г., но, несмотря на свое короткое существованіе, онъ не остался безъ вліянія на романтическое движеніе, давъ возможность группѣ молодыхъ писателей соединить разсѣянные элементы и испробовать свои силы.

Въ эпоху реставраціи парижскіе салоны имѣли для литературы такое же значеніе, какъ журналы и обозрѣнія. Тамъ создавались имена, и поэты читали тамъ свои новыя произведенія передъ тѣмъ, какъ ихъ напечатать. Самымъ знаменитымъ изъ нихъ былъ салонъ Шарля Нодье, который посѣщали всѣ таланты и всѣ геніи его времени.

Въ 1824 г. Шарль Нодье, который былъ лѣтъ на двадцать старше Виктора Гюго, сдѣлался библіотекаремъ арсенала и каждое воскресенье днемъ принималъ у себя избранное общество писателей и художниковъ. Хотя онъ не ограничивалъ свои приглашенія романтиками, эти послѣдніе преобладали въ его гостиной. Они смотрѣли на него, какъ на старшаго брата, какъ на предтечу, за его склонность къ старинному французскому языку, за его восхищеніе французскимъ средневѣковымъ искусствомъ, за его живое воображеніе и за его умъ, расположенный къ новымъ теоріямъ. Всѣ сотрудники «Французской Музы» посѣщали арсеналъ, и Викторъ Гюго былъ однимъ изъ постоянныхъ посѣтителей воскресныхъ вечеровъ.

Кромѣ этой группы, у Шарля Нодье бывали Альфредъ де-Мюссе, Бамсакъ, Сентъ-Бёвъ, Александръ Дюма, баронъ Таблеръ, режиссеръ Французской Комедіи Огюстенъ Сунье, артисты,—Давидъ Данжеръ, Делакруа, Деверія. Это было общество хорошаго тона, соединявшаго культъ поэзіи съ чувствами вѣрности королю, гдѣ превозносили искусство, древнюю Францію и религію. Не будучи совершенно закрытъ для классиковъ, салонъ Шарля Нодье былъ особенно широко открытъ для романтиковъ, которые превозносили Шатобріана, Шекспира, Кальдерона, средневѣковыя хроники, готическую архитектуру, кастеляновъ и пажей, увлекались англійскимъ театромъ и нѣмецкой музыкой Вебера,

Здѣсь язвили острыми словцами и сарказмами блѣдныхъ подражателей великихъ классиковъ эпохи Людовика XIV и, чтобы вѣрнѣе поразить ихъ, задѣвали какъ-будто невзначай главарей школы, особенно нападая на Расина въ страстныхъ, возвышенныхъ спорахъ. Какъ при всѣхъ начинающихся переворотахъ—политическихъ или литературныхъ—членовъ кружка соединяли самыя нѣжныя чувства, наполняя ихъ сердца и мысли одинаковымъ энтузіазмомъ. Они относились другъ къ другу горячо, участливо по-братски. Это былъ трепетъ великой весны, гдѣ все дышало любовью и побѣдой. Но для того чтобы побѣдить, приходилось вести тяжелую борьбу.

Въ мартѣ 1824 г. Викторъ Гюго выпустилъ въ свѣтъ «Новыя Оды», изданныя книгопродавцемъ Ладвока, которыя больше первыхъ взволновали сторонниковъ классицизма. Съ той поры онъ выступилъ въ качествѣ молодого вождя, его произведеніе было предметомъ спора во время борьбы, пользовалось защитой друзей и подвергалось нападкамъ противниковъ. М. Гофманъ въ «Journal des Débats» критиковалъ «Новыя Оды», приписывая романтизму всѣ ихъ недостатки. Викторъ Гюго отвѣтилъ ему очень старательно составленнымъ письмомъ, гдѣ опровергъ одинъ за другимъ всѣ его доводы.

«Въ подкрѣпленіе своихъ положеній, вы выбрали, милостивый государь,—писалъ онъ,—нѣкоторыя выраженія, наиболѣе ярко характеризующія, по вашему мнѣнію, *романтическое* направленіе, и заимствовали эти выраженія у меня. Имѣя въ рукахъ довольно долгое время «Новыя Оды», вы свои примѣры, надо полагать, брали не наобумъ, а сознательно, и приводимыя вами выраженія, очевидно, должны, на вашъ взглядъ, передавать наиболѣе точно всѣ недостатки, свойственные новой школѣ. Между тѣмъ, эти же самыя выраженія, которыя вы находите спеціально *романтическими*, встрѣчаются и у классическихъ авторовъ. Не слѣдуетъ ли отсюда заключить, что та разница между двумя направленіями, которую вы хотѣли установить примѣрами, не менѣе призрачна, чѣмъ та, которую вы указывали въ своихъ разсужденіяхъ, столько же остроумныхъ, сколько ошибочныхъ? Это мы сейчасъ увидимъ».

И Викторъ Гюго доказывалъ, что выраженія, за смѣлость и за странную новизну которыхъ его упрекали, употреблялись величайшими геніями всемірной литературы, Гораціемъ, Виргиліемъ, и что самыя сильныя изъ нихъ онъ заимствовалъ изъ Библіи. Эта полемика окружила блескомъ славы его произведеніе и его имя.

Послѣ сближенія съ отцомъ Викторъ Гюго обѣщалъ генералу, интересы котораго онъ поддерживалъ въ министерствѣ, пріѣхать къ нему въ Блуа, но только въ 1825 г. ему удалось совершить это путешествіе. Онъ собирался садиться въ дилижансъ, какъ вдругъ курьеръ, посланный его тестемъ Фуше, подалъ ему письмо, запечатанное сургучомъ, которое принесли къ нему на квартиру послѣ его отъѣзда. Онъ вскрылъ конвертъ, гдѣ оказалась жалованная грамота на званіе кавалера Почетнаго Легіона. Въ «Мониторѣ» отъ 29 апрѣля 1825 г. было помѣщено извѣстіе, что король возвелъ его въ это достоинство въ одно время съ Альфонсомъ Ламартиномъ.

Во время своего пребыванія въ Бенуа онъ получилъ новый знакъ королевской милости: Карлъ X приглашалъ его присутствовать на своемъ коронованіи, которое должно было произойти 29 мая въ Реймсѣ. Онъ становился нѣкоторымъ образомъ офиціальнымъ пѣвцомъ французскихъ королей. Но эта честь принесла съ собою и огорченіе, такъ какъ ему пришлось разстаться въ первый разъ съ своей нѣжно любимой Аделью. Эта разлука, какъ она ни была коротка, была для него очень тяжела.

19 мая Викторъ Гюго одинъ пустился въ дорогу, оставивъ на попеченіи отца жену и дочку Леопольдину. 20-го онъ пріѣхалъ въ Парижъ, гдѣ поспѣшилъ заказать различныя принадлежности костюма, необходимаго для приглашенныхъ на коронованіе. Ему скроили фракъ, приготовили бѣлье и жабо. Но какъ быть съ шпагой? «Луи Дюте,—пишетъ онъ своей женѣ,—принесъ мнѣ шпагу своего отца съ очень красивымъ эфесомъ. Но чтобы воспользоваться ею, мнѣ придется перемѣнить ножны и портупею. Лучше ли такъ будетъ, чѣмъ взять шпагу напрокатъ или купить новую? Трудно соединить представительство съ бережливостью». А онъ хотѣлъ быть тѣмъ болѣе бережливымъ, что для издержекъ на ко-

ронованіе у него имѣлся только одинъ билетъ въ тысячу франковъ который ссудилъ ему отецъ Адели, самъ занявшій его у кого-то изъ своихъ пріятелей! «Башенъ примѣрялъ мнѣ фракъ, который очень идетъ ко мнѣ, увѣдомляетъ онъ свою жену; онъ очень некрасивъ, но сшитъ по послѣдней модѣ. Мнѣ остается заказать еще брюки...» Суме предлагаетъ ему свои, но онъ не знаетъ взять ли ему ихъ. Наконецъ всѣ приготовленія кончились, но какъ добраться до Реймса?.. На дилижансы нечего разсчитывать—въ нихъ всѣ мѣста были заняты за три мѣсяца впередъ въ ожиданіи великаго событія, что же касается частныхъ экипажей, то они были слишкомъ дороги.

Шарль Нодье выводитъ его изъ затрудненія. Послѣдній собирается отправиться на коронованіе съ двумя своими пріятелями, Кальё и живописцемъ Ало, въ экипажѣ въ родѣ большого фіакра о четырехъ мѣстахъ и предлагаетъ ему четвертое съ тѣмъ, чтобы Викторъ заплатилъ свою долю изъ ста франковъ въ день, которые проситъ кучеръ этого страннаго рыдвана. Путешественники трогаются въ путь 24 мая, фіакръ ихъ медленно подвигается впередъ по дорогѣ, запруженной пѣшеходами и каретами, везущими все французское дворянство. Викторъ Гюго пускается въ эстетическій споръ съ художникомъ Ало, которому хотѣлось бы уничтожить крылья вѣтреныхъ мельницъ, потому что они прерываютъ линіи пейзажа. А въ то время какъ живописецъ съ поэтомъ излагаютъ свои художественныя теоріи, Шарль Нодье играетъ въ карты съ Кальё, при чемъ столомъ служитъ опрокинутая шляпа Нодье. Путешествіе не обошлось безъ приключеній, развлекавшихъ спутниковъ, имъ приходилось выходить изъ экипажа на косогорахъ для облегченія лошадей, и въ такихъ случаяхъ они весело шли пѣшкомъ.

«Во время одного такого подъема,—писалъ Викторъ Гюго,— Надье увидѣлъ на землѣ пятифранковую монету.

— Смотрите,—сказалъ онъ,—первый нищій, котораго мы встрѣтимъ, будетъ очень доволенъ.

— А вотъ другая!—воскликнулъ Викторъ Гюго, замѣтившій другую монету.

— А вотъ третья!—подхватилъ Алъ, минуту спустя.

Скоро дошла очередь до Калье. Съ каждой минутой находокъ становилось все больше.

— Да что это за сумасшедшій!—вскричалъ кто-то,—который забавляется, такимъ образомъ, разбрасывая свои богатства?

— Это не сумасшедшій,—возразилъ Викторъ Гюго;—это скорѣе щедрый милліонеръ, который открываетъ свой кошелекъ, желая придать больше пышности торжеству.

— А мнѣ кажется,—отозвался Надье,—что это затѣя короля, который хотѣлъ, чтобы вблизи Реймса дорога была усѣяна деньгами.

— Мы вступаемъ въ страну фей!—воскликнули всѣ хоромъ,— главное, не слѣдуетъ садиться въ карету; эта дорога для пѣшеходовъ; сегодня вечеромъ мы составимъ себѣ состояніе.

«Къ сожалѣнію, вмѣстѣ съ пятифранковыми монетами нашли орденской крестъ, и дождь монетъ объяснился. Чемоданъ Виктора Гюго былъ худой и при каждомъ толчкѣ опоражнивался.

Это разсыпаніе пятифранковыхъ монетъ было тѣмъ непріятнѣе, что на станціяхъ все стоило очень дорого; такъ въ Летиньонѣ четверымъ путешественникамъ пришлось заплатить девятнадцать франковъ за скверную постель и отвратительный супъ... И они еще должны были считать себя счастливыми, когда находилось что-нибудь изъ съѣстного. Всю провизію по дорогѣ точно поѣла саранча.

26 мая экипажъ безъ дальнѣйшихъ помѣхъ въѣхалъ въ Реймсъ, пробывъ два дня въ пути. Но гдѣ остановиться въ городѣ, если не наняли заранѣе квартиру, когда самая крошечная темная каморка цѣнилась на вѣсъ золота? Они переночевали бы геройски въ своемъ фіакрѣ, если бы директоръ Реймскаго театра, который былъ знакомъ съ Нодье, не предложилъ имъ остановиться въ квартирѣ г-жи Флорвиль, одной изъ своихъ выдающихся артистокъ. Она предоставила королевскимъ гостямъ свою гостиную, и тѣ улеглись спать на полу на матрацахъ. Ихъ, впрочемъ, разбудили на разсвѣтѣ, чтобы приготовиться къ торжественной церемоніи.

Викторъ Гюго далъ живое и картинное описаніе обряда.

«На другой день утромъ,—писалъ онъ,—гости актрисы въ французскихъ фракахъ, съ шпагами на боку, немного стѣсненные своими пышными придворными костюмами, явились къ дверямъ собора. Контролеръ, принадлежавшій къ числу тѣлохранителей, спросилъ у нихъ пригласительные билеты и указалъ имъ ихъ ложи. Соборъ былъ убранъ расписнымъ картономъ, прикрывавшимъ строгую архитектуру зданія и поднимавшимся готическими бумажными стрѣлками надъ тремя рядами галлерей, биткомъ набитыхъ толпою. Главный «нефъ» храма кишѣлъ сверху донизу разряженными мужчинами и женщинами въ кружевахъ и драгоцѣнныхъ камняхъ. Несмотря на картонныя расписныя декораціи, церемонія вышла очень величественной. По лѣвую сторону трона, окруженнаго внизу принцами, затѣмъ посланниками, расположилась палата депутатовъ, по правую—палата перовъ.

Викторъ Гюго былъ доволенъ убранствомъ древняго собора, убранствомъ, согласовавшимся съ вѣковой внѣшностью зданія, и видѣлъ въ немъ прогрессъ романтическихъ идей. «За шесть мѣсяцевъ,—писалъ онъ своей женѣ,—древняя церковь франковъ превратилась въ греческій храмъ». Но если онъ радовался, замѣчая вліяніе своего искусства даже въ публичныхъ церемоніяхъ, то былъ испуганъ, съ какой быстротой изсякаетъ его маленькая казна: въ коронаціонные дни яичница стоила 15 франковъ, блюдо гороха 13 франковъ, пять небольшихъ хлѣбовъ 42 су!

Спѣша увидѣться съ Аделью и своей дочкой Дидиной, онъ отправился изъ Реймса 31 мая, только проѣздомъ заглянулъ въ Парижъ и явился въ Блуа, покрытый новыми лаврами. Затѣмъ, исполнивъ свои обязанности по отношенію къ генералу, онъ вернулся въ свою квартиру на улицѣ Вожираръ и въ мирной атмо-

сферѣ вновь найденнаго семейнаго счастья написалъ «Оду на коронованіе». Ода появилась въ печати, ее прочитали съ восторгомъ, и Карлъ X, желая наградить сына, назначилъ отца почетнымъ генералъ-лейтенантомъ своей арміи. Викторъ Гюго попросилъ у короля аудіенціи, и просьбу его исполнили, но какъ явиться ко двору? Этикетъ требовалъ короткихъ штановъ при чулкахъ и

Викторъ Гюго, слушающій голоса океана. *Скульптура Огюста Родэна* въ Парижѣ.

башмакахъ, а у него такихъ не было—надо полагать, что онъ остался недоволенъ тѣми, которые предлагалъ ему Суме, такъ какъ занялъ эту принадлежность костюма у Шарля Брифо, свѣтскаго человѣка, своего бывшаго сотрудника по «Французской Музѣ». Король принялъ его милостиво, и въ «Мониторѣ» отъ 25 іюня 1825 г. была помѣщена слѣдующая замѣтка, являющаяся какъ бы эхомъ аудіенціи, данной Виктору Гюго.

«Виконтъ Состенъ де Ларошфуко, завѣдующій департаментомъ изящныхъ искусствъ, увѣдомилъ молодого поэта, что Его Величе-

ство, во изъявленіе удовольствія, доставленнаго ему чтеніемъ этой оды, повелѣлъ отпечатать ее со всею типографскою роскошью въ королевской типографіи».

Въ томъ же самомъ 1825 г. Викторъ Гюго предпринялъ путешествіе въ Швейцарію. Издатель Урбенъ Канель—тотъ самый, который такъ мило говорилъ послѣ своего разоренія, что его съѣли стихи—далъ авансъ въ 3.500 франковъ Виктору Гюго и Нодье, которые обязались доставить ему описаніе своихъ впечатлѣній. Это была долгая увеселительная прогулка. Они взяли съ собою своихъ женъ и дѣтей и одни въ берлинѣ, другіе въ коляскѣ, тронулись въ путь короткими переходами, останавливаясь, чтобы полюбоваться красивыми видами и старинными памятниками. Пріѣхавъ въ Маконъ, они посѣтили Ламартина, который жилъ въ своемъ замкѣ Сенъ-Пуснѣ. Они вели бесѣды о высокихъ предметахъ, при чемъ каждый изъ трехъ возвышенныхъ умовъ вносилъ въ эти бесѣды свою особую ноту. У Ламартина сохранилось живое воспоминаніе о проѣздѣ двухъ путешественниковъ-писателей черезъ его помѣстье.

«Межъ тѣмъ какъ женщины и дѣти играли въ плодовомъ саду,—писалъ онъ, спустя тридцать лѣтъ,—мы съ Гюго и Нодье наслаждались тѣнью лѣсовъ, шелестомъ вѣтра, прохладой источниковъ, тишиной долины, лепетомъ будущихъ стиховъ, которые дремали и пѣли въ насъ, какъ дѣти двухъ молодыхъ матерей, лежа у нихъ на колѣняхъ... Поэтическая компанія направилась къ Альпамъ. Я видѣлъ, какъ она исчезла за горою». (Воспоминанія и портреты). Путешественники проѣхали черезъ Женеву, прибыли въ Шамуни, гдѣ мужчины совершили подъемъ на ледникъ. Во время этой экскурсіи Викторъ Гюго едва не погибъ по неосторожности одного молодого проводника. Однако надо было вернуться въ Парижъ, прервать отдыхъ на лонѣ природы, на вольной волѣ, такъ какъ авансъ, данный Урбеномъ Канелемъ, приходилъ къ концу. Когда на возвратномъ пути берлинъ и коляска разстались у шлагбаума, у Нодье оставалось только двадцать два франка, у Виктора же Гюго, получившаго меньше, всего восемнадцать. Что же касается книги, за которую заплатилъ впередъ добрякъ Канель, то она такъ никогда и не появилась!..

Литературная дѣятельность Гюго въ 1825 г. какъ будто пріостановилась, но въ 1826 г. онъ выпустилъ два тома, одинъ въ прозѣ—«Бюгъ Жаргаль», другой въ стихахъ—«Оды и Баллады». По поводу этого послѣдняго произведенія Викторъ Гюго познакомился съ Сентъ-Бевомъ и свелъ съ нимъ ту знаменитую дружбу, благодаря которой они стали какъ бы братьями. Гюго нашелъ, наконецъ, своего критика, который долженъ былъ увлекательно, талантливо и даже геніально превозносить его сочиненія, излагать и защищать его теоріи воинственнымъ и не допускающимъ возраженій тономъ. Въ январѣ 1827 г. Сентъ-Бевъ написалъ въ «Globe» двѣ статьи объ «Одахъ и Балладахъ», отличавшіяся необычайно проникновеннымъ пониманіемъ. Викторъ Гюго отправился поблагодарить его, и между ними тотчасъ же установились близкія и интимныя отношенія.

Въ «Одахъ и Балладахъ» талантъ Виктора Гюга проявился опредѣленнѣе, принялъ болѣе индивидуальный и опредѣленный обликъ, чѣмъ въ его прежнихъ произведеніяхъ. Онъ былъ уже мастеромъ слова и художественныхъ образовъ, которыми владѣлъ съ несравненнымъ искусствомъ, и все, что теперь выходило изъ-подъ его пера, отличалось все новымъ и новымъ блескомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и мышленіе его все больше и больше зрѣло и принимало другое направленіе. Его роялизмъ значительно поблѣднѣлъ, онъ началъ склоняться въ сторону либерализма и былъ готовъ настроить свою лиру въ честь великаго имени, которое онъ впослѣдствіи такъ великолѣпно воспѣлъ. Наполеонъ все больше и больше начиналъ дѣйствовать на воображеніе Гюго, онъ все больше и больше поддавался обаянію блѣдной, но жизненной и могучей тѣни. Онъ какъ будто слышалъ надъ собой шумное вѣяніе императорскихъ знаменъ и не могъ устоять противъ его притягательной силы. Это тайное поклоненіе памяти императора внезапно обнаружилось по поводу одного дипломатическаго инцидента.

Одна изъ статей Парижскаго трактата, подписаннаго въ 1814 г., которая была включена по требованію Австріи, гласила, что титулы, данные Наполеономъ своимъ генераламъ и связанные съ какой-нибудь мѣстностью Австрійской имперіи, считаются не дѣйствительными и не признаются за лицами, которымъ они были даны. Съ согласія договаривавшихся сторонъ статья эта не была обнародована, и Австрія не требовала ея исполненія, когда въ началѣ 1827 г. рѣшила вдругъ ее примѣнить. По распоряженію австрійскаго правительства графъ Аппоньи на одномъ изъ своихъ вечеровъ приказалъ доложить о маршалѣ Удино, герцогѣ Реджіо, и маршалѣ Сультѣ, герцогѣ Далматскомъ, назвавъ ихъ только по фамиліямъ и пропустивъ ихъ титулы. Маршалы удалились, и инцидентъ, сдѣлавшись извѣстнымъ, вызвалъ въ Парижѣ сильное волненіе, отразившееся даже въ палатѣ депутатовъ.

Викторъ Гюго, узнавъ объ инцидентѣ съ маршалами, выразилъ народныя чувства и, побуждаемый сильнымъ гнѣвомъ, написалъ въ порывѣ энтузіазма свою оду къ «Вандомской колоннѣ»:

Ода къ Вандамской колоннѣ была помѣщена 9 февраля въ «Journal des Débats» и перепечатана многими газетами; она надѣлала необычайнаго шума и доставила Виктору Гюго популярность, которой онъ раньше не пользовался, но возстановила противъ него его друзей роялистовъ, привыкшихъ къ другимъ пѣснямъ.

1827 г. имѣлъ важное значеніе для литературной карьеры Виктора Гюго. Ода къ Вандомской колонны распространила его имя въ такихъ кругахъ, гдѣ онъ былъ раньше неизвѣстенъ, и привлекла къ нему симпатіи цѣлаго ряда другихъ, относившихся къ нему враждебно; выходъ его «Кромвеля» съ его предисловіемъ манифестомъ сдѣлалъ его признаннымъ вождемъ молодого движенія въ литературѣ и въ искусствахъ. Это была цѣлая революціонная программа. Она была подготовлена Шатобріаномъ, новыми взглядами на національную исторію, нравы и памятники древней Франціи, и знакомствомъ съ великими иностранными произведеніями, и

англійскими и нѣмецкими. «Кромвель» Виктора Гюго и его предисловіе появились какъ разъ во-время, какъ все, чему предназначено оказывать сильное вліяніе на общество Теофиль Готье писалъ въ своей «Исторіи романтизма»: «Предисловіе Кромвеля» сіяло въ нашихъ глазахъ, подобно скрижалямъ закона на горѣ Синаѣ, и доводы его казались намъ неопровержимыми». Около предисловія возгорѣлась борьба, какой не знавали до той поры въ литературѣ. Викторъ Гюго писалъ: «Дѣйствіе предисловія оказалось сильнѣе дѣйствія драмы. Оно прозвучало, какъ объявленіе войны принятымъ доктринамъ, и вызвало газетную и журнальную полемику. Противники нападали на все: на слогъ и на мысли».

Противники писали въ рѣзкомъ тонѣ, тонъ друзей былъ восторженный.

Въ этомъ предисловіи Викторъ Гюго набросалъ исторію поэзіи, которую раздѣлилъ на три періода. «Первобытныя времена—это эпоха лирики, писалъ онъ, античныя—время эпоса, новѣйшія—эпоха драмы. Ода питается идеальнымъ, эпопея—грандіознымъ, драма—реальнымъ. Эти три рода поэзіи вытекаютъ изъ трехъ великихъ источниковъ: библіи, Гомера и Шекспира». Для поэта и для драматурга онъ требовалъ полной свободы и вводилъ въ ихъ область все, что было оттуда изгнано устарѣвшими правилами. Съ той поры Викторъ Гюго, которому было только двадцать пять лѣтъ, становится побѣдоноснымъ вождемъ молодой, восторженной рати.

V.

„Эрнани". Борьба классиковъ и романтиковъ.

Прежде чѣмъ начать на французской сценѣ достопамятную борьбу, Викторъ Гюго испробовалъ силы подъ именемъ своего молодого шурина Поля Фуше. Одинъ изъ романовъ Вальтеръ Скотта «Замокъ Кенильвортъ», будучи переведенъ на французскій языкъ, имѣлъ такой блестящій успѣхъ, что содержаніе его послужило матеріаломъ для нѣсколькихъ драмъ. Викторъ Гюго также рѣшилъ извлечь изъ него драму для театра подъ заглавіемъ «Эми Робсартъ». Его пьеса, для которой Эженъ Делакруа нарисовалъ костюмы, была представлена 13 февраля 1828 г. въ Одеонѣ. Это была драма въ пяти актахъ, написанная прозой, гдѣ положенія, придуманныя Вальтеръ Скоттомъ, ухудшались ошеломляющимъ діалогомъ. Она была освистана, и представленіе окончилось посреди такого шума, что не было возможности объявить фамилію автора. Съ трудомъ допускали, чтобы «Эми Робсартъ» была произведеніемъ Поля Фуше, молодого человѣка двадцати семи лѣтъ, и называли вслухъ Виктора Гюго. Послѣдній въ письмѣ, напечатанномъ въ газетахъ, признался въ своемъ сотрудничествѣ—онъ одинъ былъ авторомъ пьесы—и объявилъ, что драма снята съ репертуара. Она была представлена только одинъ разъ. Этотъ шумный провалъ, мало повредившій ему въ мнѣніи публики, не смутилъ Виктора Гюго и только далъ ему хорошую подготовку къ борьбѣ, которую ему пришлось повести въ скоромъ времени.

Въ августѣ, черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ представленія «Эми Робсартъ», онъ выпустилъ окончательное изданіе «Одъ и Балладъ», затѣмъ въ январѣ 1829 г. «Восточные мотивы» и въ февралѣ того же года книгу въ прозѣ «Послѣдній день приговореннаго къ смерти», гдѣ началъ излагать свои гуманитарныя идеи.

Жизнь Виктора Гюго была счастлива и озарена славой. Въ 1829 г. у него было трое дѣтей, дочь Леопольдина и два сына, Шарль-Викторъ, родившійся въ 1826 г., и Франсуа-Викторъ—въ 1828 г., которые внесли въ его семью тихую и свѣтлую радость. Съ весны 1827 г. онъ устроилъ у себя салонъ, гдѣ собирались его друзья. Однако онъ читалъ еще нѣкоторыя изъ своихъ произведеній у Шарля Нодье, и тѣ самые посѣтители, которые въ 1824 г. слушали его съ изумленіемъ, внимали ему теперь съ почтительнымъ восторгомъ. Онъ былъ теперь главою литературной школы.

Понимая, что ему необходимо завоевать театръ, чтобы произвести въ французской литературѣ полный переворотъ, о которомъ онъ мечталъ, Викторъ Гюго написалъ въ три недѣли драму «Маріонъ Делормъ», называвшуюся первоначально «Дуэль въ правленіи Ришелье». Въ іюлѣ мѣсяцѣ онъ прочелъ ее съ большимъ успѣхомъ въ своемъ салонѣ, въ присутствіи довольно многочисленныхъ слушателей, въ числѣ которыхъ былъ Оноре де-Бальзакъ. Директора театровъ оспаривали другъ у друга пьесу, Тайлоръ желалъ получить ее для Французскаго театра, Жусленъ Лассаль для театра Портъ-Сенъ-Мартенъ, а Гарель для Одеона. Въ концѣ концовъ пьеса досталась первому изъ нихъ «Маріонъ Делормъ» была подвергнута цензурѣ, и цензора рѣшили ее запретить. Викторъ Гюго не подчинился ихъ рѣшенію. Онъ испросилъ аудіенцію у министра внутреннихъ дѣлъ, Мартиньяка, но послѣдній, присоединившись къ мнѣнію своихъ служащихъ, не разрѣшилъ представленія пьесы, подрывавшей престижъ королевской власти. Поэтъ не счелъ себя побѣжденнымъ, исходатайствовалъ, чтобы его принялъ самъ король, и Карлъ X, принявшій его благосклонно, обѣщалъ прочитать его драму безъ предвзятаго мнѣнія, желая сдѣлать ему пріятное. Однако послѣ чтенія «Маріонъ Делормъ», онъ не нашелъ возможнымъ снять запрещеніе, и чтобы смягчить свой отказъ, предложилъ поэту новую пенсію въ двѣ тысячи франковъ, отъ которой послѣдній отказался.

Эта неудача не остановила Виктора Гюго. Въ сентябрѣ 1829 г., въ продолженіе мѣсяца, онъ написалъ «Эрнани» и 1-го октября прочиталъ свою новую драму членамъ комитета французской комедіи, которые встрѣтили ее восторженными одобреніями. Распредѣлили главныя роли: m-lle Марсъ играла донну Соль; Фирменъ—Эрнани; Джоанни—дона Рюи Гомеца; Мишле—дона Карлоса. Немедленно начались репетиціи, доставившія автору кучу непріятностей и безпокойства.

Во время репетицій г-жа Марсъ держалась по отношенію къ новой драмѣ, которая нарушала всѣ ея театральныя привычки, такимъ вызывающимъ образомъ, что Виктору Гюго пришлось при-

грозить ей отнять у нея роль, послѣ чего она стала относиться къ пьесѣ съ какимъ-то холоднымъ безразличіемъ.

Объявленіе о постановкѣ «Эрнани» раздуло до крайней степени литературныя страсти, такъ какъ романтики и классики понимали, что эта драма должна послужить поводомъ для перваго большого сраженія. Каждая партія подготовляла свое оружіе.

Ни одна пьеса не поднимала такого шума, еще не будучи сыгранной. Любопытство и страсти были возбуждены до крайности, когда объявили, что 25 февраля 1830 г. въ Французскомъ театрѣ будетъ представлена въ первый разъ «Эрнани или Кастильская честь», новая драма въ стихахъ, въ пяти актахъ. Викторъ Гюго, подвергавшійся сильнымъ нападкамъ, принялъ мѣры, чтобы не провалиться въ первый же вечеръ.

Драма, довольно медленно развивавшаяся въ первомъ актѣ, завоевала мало-по-малу всю залу; даже ложи присоединились къ изступленнымъ браво, которыми была встрѣчена фамилія автора. Романтики одержали полную побѣду.

Издатель Мамъ, ловкій, дальновидный господинъ, почувствовалъ эту побѣду уже со второго акта и, смѣло представившись тутъ же въ театрѣ Виктору Гюго, купилъ у него за шесть тысячъ франковъ право изданія его побѣдоносной драмы. Онъ не хотѣлъ даже ждать до слѣдующаго дня, чтобы кончить дѣло и, отправившись съ авторомъ «Эрнани» въ табачную лавочку, взялъ листъ гербовой бумаги, составилъ договоръ, попросилъ подписать его и унесъ съ собою, уплативъ автору шесть билетовъ по тысячѣ франковъ. Деньги эти пришлись Виктору Гюго очень кстати, такъ какъ у него былъ только одинъ кредитный билетъ въ пятьдесятъ франковъ.

Цѣлую ночь послѣ представленія гостиная Виктора Гюго была переполнена извѣстными и неизвѣстными друзьями, спѣшившими засвидѣтельствовать свое уваженіе молодому герою.

Высокомѣрный и замкнутый Шатобріанъ написалъ Виктору Гюго трогательное письмо:

«Я былъ на первомъ представленіи «Эрнани». Вамъ извѣстно, что я принадлежу къ числу вашихъ поклонниковъ. Ваша лира питаетъ мое тщеславіе, вы знаете почему. Я ухожу, а вы идете мнѣ на смѣну. Я полагаюсь на память вашей музы. Вѣрующій человѣкъ, увѣнчанный славой, долженъ молиться за умершихъ предшественниковъ».

Большинство критиковъ поддались увлеченію перваго вечера и за исключеніемъ «Constitutionnel» и «Gazette de France», газеты не обнаруживали вражды къ драмѣ, совершившей переворотъ въ театрѣ.

Въ короткое время «Эрнани» выдержалъ сорокъ пять представленій.

VI.

Побѣдоносный поэтъ.

Іюльская революція 1830 г. отвлекла на нѣсколько недѣль вниманіе общества отъ литературныхъ споровъ. Карла X смѣнилъ Людовикъ Филиппъ, что означало побѣду либераловъ надъ почти

самодержавной королевской властью. По всей Франціи какъ бы пронеслось дуновеніе политической свободы. Викторъ Гюго былъ застигнутъ народными волненіями, едва устроившись на новой квартирѣ. Онъ работалъ надъ «Соборомъ Парижской Богоматери», котораго требовалъ у него его издатель Госселенъ; онъ обѣщалъ въ апрѣлѣ 1829 г. передать ему рукопись, задержанную репитиціями «Эрнани». Несмотря на работу и семейныя радости—28 іюля у него родилась дочка, Адель—наружные звуки проникали въ его убѣжище, и онъ слушалъ ихъ съ душевнымъ волненіемъ. Такъ какъ смутная надежда, сопровождающая всякія перемѣны режимовъ, согласовалась съ его собственной надеждой, то онъ соединилъ переворотъ, совершонный имъ въ литературѣ, съ состоявшимся политическимъ переворотомъ. Благодарность привязывала его къ старому королю Карлу X, удалившемуся въ изгнаніе, но его влекло туда, гдѣ кипѣла жизнь, гдѣ подготовлялось будущее. Онъ проводилъ печальнымъ прощальнымъ словомъ государя, лишившагося престола и вернувшагося въ чужіе края, и въ то же время радостно воспѣлъ одержавшій побѣду народъ.

Объ іюльскихъ дняхъ у него должно было остаться глубокое воспоминаніе, и когда правительство Людовика-Филиппа захотѣло въ 1831 г. отпраздновать въ Пантеонѣ память убитыхъ во время революціи, то оно обратилось къ Виктору Гюго съ просьбой написать по этому случаю поминальный гимнъ, что тотъ охотно исполнилъ.

Однако политика не отвлекла Виктора Гюго вполнѣ отъ его искусства и его работъ. Онъ скорѣе черпалъ въ ней новое вдохновеніе. Въ это время онъ былъ очень занятъ «Соборомъ Парижской Богоматери». Издатель согласился ждать только до 1 февраля 1831 г., такъ что у него осталось немного больше пяти мѣсяцевъ, чтобы написать романъ. Чтобы избавиться отъ всякаго соблазна выходить изъ дома, онъ заперъ свое платье на три замка, купилъ пузырь чернилъ и, одѣтый въ сѣрое шерстяное трико, работалъ, не вставая съ мѣста и отрываясь только для ѣды. Его единственное развлеченіе состояло въ томъ, чтобы прочитать иногда вечеромъ друзьямъ страницы, написанныя въ теченіе дня. Случилось такъ, что рукопись была окончена 14 января 1831 г., въ тотъ самый день, когда въ пузырѣ вышли всѣ чернила. Это совпаденіе, подавало ему мысль назвать романъ: «Всѣ чернила, какія есть въ пузырѣ!» Однако это заглавіе мало подходило къ такому блестящему произведенію, какимъ былъ «Соборъ Парижской Богоматери», и имъ воспользовался Альфонсъ Карръ, которому Викторъ Гюго великодушно уступилъ его.

Вопреки мнѣнію г-жи Госселенъ, жены издателя, которая прочитала рукопись и нашла романъ адски скучнымъ, «Соборъ Парижской Богоматери» по выходѣ въ свѣтъ имѣлъ необычайный успѣхъ. Число изданій очень быстро увеличивалось, хотя время, заполненное народными волненіями, отнюдь не благопріятствовало твореніямъ фантазіи. Альфредъ де Мюссе посвятилъ ему легкую и пикантную рронику въ газетѣ «Temps», въ которой замѣчалъ не безъ тонкой

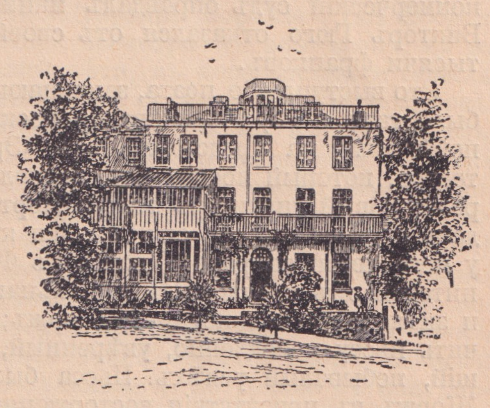
насмѣшки—будто бы со словъ Виктора Гюго, но это была выдумка—что «Соборъ Парижской Богоматери», вышедшій въ свѣтъ во время мятежа, былъ брошенъ въ Сену вмѣстѣ съ архіепископской библіотекой.

Успѣхъ «Собора Парижской Богоматери» привлекъ издателей, которые просили новыхъ романовъ. Викторъ Гюго обѣщалъ Ранделю два романа, въ которыхъ онъ собирался докончить изложеніе своихъ идей о средневѣковьи. Произведенія эти совсѣмъ не были написаны, тѣмъ болѣе, что въ эту эпоху Викторъ Гюго предпочиталъ театръ, какъ средство литературнаго выраженія. Онъ находилъ въ немъ больше силы, больше блеска, прямое воздѣйствіе на публику, котораго не имѣла книга, шумъ борьбы, имѣвшій большую привлекательность для его воинственной натуры. Его безпокоили только закулисныя интриги, отъ которыхъ ни одинъ авторъ не можетъ избавиться, поэтому въ 1831 г. онъ мечталъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ имѣть свой собственный театръ,—которымъ онъ самъ не управлялъ бы, но въ которомъ онъ былъ бы хозяиномъ. Такъ какъ эта надежда не осуществилась и такъ какъ послѣ іюльской революціи цензура была отмѣнена, то онъ рѣшилъ поставить на сцену «Маріонъ Делормъ». Памятуя непріятности, испытанныя въ Театръ-Франсе, онъ передалъ свою пьесу Кронье, директору театра Портъ-Сенъ-Мартенъ. Въ качествѣ исполнителей были назначены м-мъ Дорваль, Бокажъ, Прево, и репетиціи проходили гораздо спокойнѣе репетицій «Эрнани». Но молодые люди, содѣйствовавшіе успѣху первой романтической драмы, куда-то разбрелись, и представленіе «Маріонъ Делормъ», данное 8 августа 1831 г., прошло почти незамѣченнымъ. Однако это отнюдь не помрачило его славу, и въ томъ же году вышелъ въ свѣтъ томъ его стихотвореній «Осенніе листья».

Въ 1832 г. Викторъ Гюго, желая жить ближе къ Шарлю Нодье, бросилъ свою квартиру на улицѣ Жанъ-Гужонъ и перебрался на площадь Ройяль, въ домъ № 6, бывшій отель Гемене. Вниманіе общества, нѣсколько отвлекшееся, если не отъ его произведеній, то, по крайней мѣрѣ, отъ него самого, было снова внезапно и сильно возбуждено борьбою, возгорѣвшейся изъ-за пьесы «Король забавляется». Онъ началъ писать эту драму 1 іюня 1832 г. и кончилъ ее въ нѣсколько недѣль, послѣ чего сейчасъ же принялся за «Лукрецію Борджіа», первоначально озаглавленную «Ужинъ въ Феррарѣ». «Французскій» театръ, ставившій «Маріонъ Делормъ», не хотѣлъ, чтобы новая пьеса Виктора Гюго была поставлена гдѣ-нибудь, кромѣ первой національной сцены. Баронъ Тайлоръ, бывшій попрежнему ея директоромъ, другъ Виктора Гюго со времени его дебютовъ, попросилъ у него для своего театра пьесу «Король забавляется», которую авторъ поспѣшилъ ему отдать. Послѣ распредѣленія ролей—Трибуле игралъ Лізнье; Сенъ-Валье—Джанни; Сатабадиля—Боволле; Франциска I—Перрье; Бланшъ—м-ль Анаисъ; и Магеллону — м-ль Дюпра — начались репетиціи, проходившія большею частью безъ участія автора. Викторъ Гюго былъ очень близокъ съ Бертеномъ старшимъ, редакторомъ «Журналь-де-Деба» и почти

каждый годъ проводилъ нѣсколько лѣтнихъ мѣсяцевъ въ его помѣстьи «Рошъ», близъ Бьевра, съ женою и дѣтьми. Здѣсь онъ жилъ, окруженный покоемъ и радостью, среди друзей, вмѣстѣ съ семьею, въ прекрасномъ паркѣ, усаженномъ вѣковыми деревьями, и не любилъ никуда выѣзжать. Лѣтомъ 1832 г. Энгръ писалъ здѣсь знаменитый портретъ Бертена, находящійся въ Луврѣ, и Викторъ Гюго ѣздилъ иногда въ Парижъ съ художникомъ въ его каретѣ, завозившей его въ Французскій театръ. Но онъ всегда торопился вернуться въ Бьевръ.

Онъ сталъ усердно являться на репетиціи своей пьесы «Король забавляется» только по отъѣздѣ изъ Роша, въ октябрѣ, да и тогда ему часто мѣшалъ посѣщать ихъ переѣздъ съ квартиры, происходившій въ теченіе этого мѣсяца.

Домъ Виктора Гюго на островѣ Гернсеѣ (Отвиль-Гаузъ), гдѣ поэтъ прожилъ въ изгнаніи 20 лѣтъ.

Драма «Король забавляется» была поставлена 22 ноября 1832 г., и хотя въ распоряженіи Виктора Гюго имѣлась часть его прежнихъ сторонниковъ съ представленій «Эрнани», предводимыхъ Теофилемъ Готье и Селестеномъ Нантейлемъ, представленіе прошло не совсѣмъ гладко. Политическая борьба партій велась съ большимъ ожесточеніемъ, и молодые люди, впущенные въ залу раньше публики, явились сюда съ тѣми же мыслями, какими были заняты на улицѣ и въ клубахъ. Пѣніемъ марсельезы и карманьолы встрѣтили они первыхъ зрителей; вскорѣ въ залѣ распространилось извѣстіе о покушеніи на Людовика-Филиппа, цѣлый вечеръ приковывавшее къ себѣ любопытство публики. Несмотря на геройскую защиту, которой сто пятьдесятъ вѣрныхъ и смѣлыхъ сторонниковъ поэта старались поддержать драму «Король забавляется», представленіе, поминутно прерываемое помѣхами, свистками и криками, окончилось посреди ужасающаго гама.

Классики вообразили себя жестоко отомщенными за свое пораженіе на представленіяхъ «Эрнани», и Поль Деларошъ въ ложѣ м-ль Анаисъ говорилъ, что романтики потерпѣли полный разгромъ.

Передъ представленіемъ министръ общественныхъ работъ Даргу, въ вѣдомствѣ котораго находились театры, потребовалъ отъ Виктора Гюго рукопись его пьесы, но тотъ отказался исполнить это требованіе. Послѣ перваго же представленія драма «Король забавляется» была сначала снята съ репертуара подъ предлогомъ безнравственности, затѣмъ въ тотъ же день запрещена окончательно послѣ засѣданія совѣта министровъ. Это запрещеніе довершило неудачу поэта; Виктора Гюго посѣтилъ только одинъ Теофиль Готье.

Но онъ былъ не изъ тѣхъ, которые способны покорно сносить несправедливость. Имѣли ли министры право послѣ іюльской революціи, уничтожившей цензуру, послѣ свободъ, дарованныхъ конституціонной грамотой, запрещать произведеніе поэта, писателя? Викторъ Гюго обратился съ жалобой въ коммерческій судъ, и хотя имѣлъ защитникомъ Одильона Барро, самъ защищалъ свое дѣло въ рѣчи, заранѣе написанной и отличавшейся сильной логикой и блестящимъ краснорѣчіемъ. Однако, онъ проигралъ процессъ; коммерческій судъ оправдалъ министровъ. Въ качествѣ протеста Викторъ Гюго отказался отъ своей литературной пенсіи въ двѣ тысячи франковъ.

Это выступленіе поэта, защищающаго свое произведеніе на судѣ, было такъ ново, что снова привлекло живой интересъ къ имени побѣдителя на представленіяхъ «Эрнани», и нашелся директоръ театра, который поспѣшилъ воспользоваться этимъ. То былъ Гарель, новый директоръ театра Портъ-Сенъ-Мартенъ. На другой же день послѣ процесса онъ явился къ Виктору Гюго и попросилъ у него чести сыграть «Ужинъ въ Феррарѣ»- Въ качествѣ исполнителей онъ предложилъ геніальнаго актера Фредерика Леметра и знаменитую актрису m-lle Жоржъ; онъ торопился и хотѣлъ получить пьесу немедленно, увѣренный, что она будетъ имѣть блестящій, небывалый успѣхъ. Пьеса была прочитана въ салонѣ m-lle Жоржъ въ присутствіи восторженныхъ слушателей, и по просьбѣ Гареля «Ужинъ въ Феррарѣ» былъ замѣненъ «Лукреціей Борджіа», заглавіемъ болѣе подходящимъ къ драмѣ, изобиловавшей красотами. Фредерикъ Леметръ взялъ роль Дженнаро, m-lle Жоржъ—Лукреціи. Репетиціи сошли гладко. Запрещеніе драмы «Король забавляется» послужило на пользу «Лукреціи Борджіа». Изъ опасенія или въ надеждѣ, что эта новая драма Виктора Гюго будетъ имѣть только одно представленіе, мѣста разбирали нарасхватъ; разсказы о ея безнравственности, о нападкахъ, которымъ она подвергалась до своей постановки на сцену, возбуждали любопытство, точно наканунѣ большого сраженія. Ложи разобрали такъ быстро, что Лафайетъ былъ вынужденъ написать самому Виктору Гюго, чтобы добиться ложи для княгини Бельджіозо.

«Лукреція Борджія» по своему размѣру не могла занять всего времени, отведеннаго для спектакля, и потому передъ нею собирались сыграть коротенькую пьеску «Ужинъ у Людовика XV». Но въ вечеръ перваго представленія, 2 февраля 1833 г., зала, состоявшая изъ всѣхъ парижскихъ знаменитостей, настойчиво потребовала драмы Виктора Гюго, такъ что «пьеса для съѣзда» не могла быть сыграна. Передъ публикой, дрожавшей отъ волненія, развернулись сцены «Лукреціи Борджіа», въ которыхъ Фредерикъ Леметръ былъ безподобенъ, а m-lle Жоржъ была восхитительна; зрители, которыхъ все больше и больше захватывали положенія дѣйствующихъ лицъ и діалогъ, задыхались, кричали отъ восторга, въ концѣ драмы повскакали съ своихъ мѣстъ, аплодируя, топая ногами, и устроили овацію автору, вызывая его самого на сцену, чтобы снова аплодировать ему. Успѣхъ былъ явный, безспорный,

выдающійся. При выходѣ изъ театра выпрягли лошадей изъ кареты Виктора Гюго, и толпа съ торжествомъ отвезла бы его на площадь Роаяль, если бы онъ не прошелъ изъ однихъ дверецъ кареты въ другія и не пробрался проворно на тротуаръ. Всѣ его друзья вернулись къ нему, его проводили до квартиры, и его салонъ былъ такъ же переполненъ, какъ въ великіе вечера первой побѣды. Тѣмъ временемъ разбитые классики попытались перейти въ наступленіе, но напрасно.

Не извнѣ грозила опасность «Лукреціи Борджіа», она продолжала свое тріумфальное шествіе, несмотря на всѣ козни; ей въ самомъ театрѣ были разставлены сѣти, въ которыя она и попала. Тридцать первыхъ представленій дали сумму въ 84.769 франковъ, сборы, какихъ не давала никакая другая пьеса въ Портъ-Сенъ-Мартенѣ; и однако, вслѣдствіе закулисныхъ интригъ и сплетенъ отношенія между директоромъ Гарелемъ и Вакторомъ Гюго изъ холодныхъ сдѣлались чрезвычайно натянутыми. Поэтому однажды вечеромъ авторъ «Лукреціи Борджіа» увидѣлъ на театральной афишѣ объявленіе, что его драму не будутъ больше ставить. Пьеса приносила деньги, почему же директоръ снималъ ее съ репертуара, несмотря на полный успѣхъ? Викторъ Гюго предложилъ этотъ вопросъ Гарелю, и между ними завязался такой горячій споръ, который едва не кончился дуэлью. Дѣло уладилось, но только съ виду, потому что когда въ ноябрѣ 1833 г. Викторъ Гюго далъ въ Портъ-Сенъ-Мартенъ новую драму «Марія Тюдоръ», Гарель скоро снялъ съ репертуара эту пьесу, имѣвшую, впрочемъ, очень мало успѣха.

Борьба, которую Викторъ Гюго велъ со времени постановки «Эрнани», съ ея побѣдами и пораженіями, укрѣпила его положеніе, какъ главы литературной школы, и если онъ служилъ мишенью для всѣхъ враговъ новаго искусства, то былъ и безспорнымъ учителемъ всѣхъ тѣхъ, кто отдалялся отъ узкаго и сухого классицизма. Онъ совершилъ переворотъ въ литературѣ, но въ то же время и оживилъ ее. Современники преклонялись передъ его творческимъ геніемъ. Въ своемъ салонѣ на площадь Роаяль онъ былъ окруженъ поклоненіемъ своихъ учениковъ и принималъ съ спокойной любезностью самыхъ знаменитыхъ современниковъ: Ламартинъ, Беранже, Давидъ Данжеръ, Кутюръ, Теофиль Готье, Оноре де Бальзакъ, Шарль Нодье, Эженъ Делакруа и множество другихъ часто посѣщали его домъ, какъ будто онъ былъ домомъ литературы и искусствъ. Мысль его, безпрерывно развивавшаяся, склонялась теперь къ политическимъ и соціальнымъ вопросамъ. Онъ ввелъ въ употребленіе слова, которыя хорошій вкусъ изгналъ изъ французскаго языка, онъ порвалъ путы просодіи, уничтожилъ правила, стѣснявшія театръ, могъ ли онъ не быть братомъ тѣхъ, кто хотѣлъ свободы человѣчества? По поводу изданія Лукою Монтиньи «Мемуаровъ» Мирабо онъ написалъ очеркъ, гдѣ примирялся съ дѣятелями французской революціи, онъ, который въ юности такъ дико ненавидѣлъ грабителей и цареубійцъ. Свобода, которой онъ всегда требовалъ для художника, препятствія, которыя ставили ему, борьба, которую ему пришлось

вести, вывели его изъ области искусства и словесности, и онъ сталъ требовать всей свободы для всѣхъ.

Новая мысль его мирилась, впрочемъ, очень хорошо съ конституціонной королевской властью Луи-Филиппа, и если онъ питалъ злобу къ правительству, запретившему пьесу «Король забавляется», то къ королю чувствовалъ только симпатію и въ особенности къ его сыну герцогу Орлеанскому, которому рекомендовалъ разныхъ несчастливцевъ, заслуживавшихъ сочувствія. Позже ему пришлось сдѣлаться приближеннымъ герцога и герцогини, рожденной принцессы Елены мекленбургъ-шверинской, одной изъ его поклонницъ, заучившей его поэмы наизусть.

Такъ какъ съ театромъ Портъ-Сенъ-Мартенъ и его директоромъ Гарелемъ всѣ отношенія были порваны, то новую драму «Анджело «Викторъ Гюго отдалъ во Французскій театръ Эта драма требовала двухъ первоклассныхъ актрисъ; для роли Тисбеи въ театрѣ имѣлась m-lle Марсъ, а для роли Катарины ангажировали г-жу Дорваль. Во время репетицій между двумя актрисами вспыхнула открытая борьба, первая не прощала своей соперницѣ на которую смотрѣла, какъ на выскочку, ея таланта и успѣха. Ея манера держаться сдѣлалась до такой степени оскорбительной для г-жи Дорваль, что Викторъ Гюго пригрозилъ снять съ репертуара свою пьесу, чтобы принудить ее къ сколько-нибудь корректному поведенію. «Анджело», поставленный въ 1834 г., встрѣтилъ холодный пріемъ. Въ томъ же году Викторъ Гюго выпустилъ сборникъ статей, посвященныхъ спеціальнымъ вопросамъ, подъ заглавіемъ «Литература въ связи съ философіей», затѣмъ повѣсть «Клодъ Гё», гдѣ заявлялъ горячій протестъ противъ смертной казни.

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Виктору Гюго не пришлось возвращаться къ театру, не потому, чтобы онъ былъ утомленъ борьбою, а потому, что оторвался отъ внѣшняго міра и предался внутреннему созерцанію, чувствуя въ сокровенной глубинѣ своего духа живой родникъ спокойной, грустной и нѣжной поэзіи, которую излилъ въ «Пѣсняхъ сумерекъ».

«Въ этой книжкѣ есть много несбыточнаго, призрачнаго, навѣяннаго мечтою» — говоритъ онъ въ предисловіи къ изданію 1835 года.

«На нѣкоторыхъ страницахъ этого сборника, въ разбросанныхъ тамъ и сямъ стихотвореніяхъ авторъ старался выразить то странное сумеречное состояніе души и общества, которымъ отмѣчено настоящее столѣтіе; тотъ наружный туманъ и внутреннюю неувѣренность, то неопредѣленное и наполовину освѣщенное, что насъ окружаетъ и живетъ внутри насъ.

«Отсюда въ этой книжкѣ радостные крики надежды, смѣшанные съ раздумьемъ, пѣсни любви, прерванныя жалобами, душевная ясность, проникнутая печалью, уныніе, внезапно смѣняющееся весельемъ, душевное изнеможеніе, сразу исчезающее, безмятежность, нарушенная страданіемъ, внутреннее волненіе, едва прорывающееся наружу сквозь строфы стиха, политическія смуты въ спокойномъ освѣщеніи, благоговѣйное возвращеніе съ обществен-

ной площади въ семью, боязнь, чтобы мракъ не окуталъ собою всего, и минутами радостная, порывистая вѣра въ возможный расцвѣтъ «человѣчества».

Черезъ два года по выходѣ «Пѣсенъ сумерекъ», этой книги полутѣней, гдѣ Викторъ Гюго, по его словамъ, принадлежалъ не къ тѣмъ, которые утверждаютъ, и не къ тѣмъ, которые отрицаютъ, а къ тѣмъ, которые надѣются, появились «Внутреннiе голоса», служившие, повидимому, ея естественнымъ продолженiемъ. Эти сборники стиховъ, въ которыхъ выразился его поэтическiй талантъ, прiобрѣли ему друзей среди его противниковъ; они не отличались боевой смѣлостью его драмъ, вызывавшихъ либо аплодисменты, либо свистки. Книги его не вызывали той жестокой оппозицiи, какой онъ былъ встрѣченъ въ театрѣ, поэтому вскорѣ по выходѣ въ свѣтъ «Пѣсенъ сумерекъ» онъ счелъ возможнымъ поставить свою кандидатуру въ члены французской академiи.

Однако здѣсь ему пришлось встрѣтиться съ послѣднимъ сопротивленiемъ своему господству, Викторъ Гюго предложилъ себя въ кандидаты вмѣсто Лене, и на выборахъ 18 февраля 1836 г. получилъ только девять голосовъ изъ тридцати двухъ. Конкурентами были Моле, Кератри, Дюмоларъ и Дюпати, который оказался избраннымъ. Викторъ Гюго снова пытается попасть въ члены академiи, пользуясь покровительствомъ Гизо, но на выборахъ 29 декабря оказывается выбраннымъ Минье, а онъ получаетъ только шесть голосовъ.

За мѣсяцъ передъ тѣмъ въ Оперѣ была поставлена «Эсмеральда», либретто которой онъ извлекъ изъ «Собора Парижской Богоматери» для Луизы Бертенъ, написавшей музыку. Это произведенiе было не изъ тѣхъ, что поднимаютъ бури; разыгранное 14 ноября, оно имѣло посредственный успѣхъ и выдержало только шесть представленiй.

Какъ успѣхи, такъ и неудачи, не имѣли, повидимому, никакого влiянiя на поклоненiе, которымъ его окружали его вѣрные приверженцы. Это была эпоха, когда его посѣщали на площади Роаяль его почитатели, Петрусъ Борель, Бушарди, Эскиросъ, Лассайли, Теофиль Готье, музыканты, художники, Луи Буланже, Огюстъ Шатильонъ, Селестенъ Нантейль, Жанъ Жигу, двое Жоганно. Поклонники приходили на площадь Роаяль, чтобы посмотрѣть, какъ онъ стоитъ у своего окна, блѣдный, серьезный, съ гладко выбритымъ лицомъ, скромно одѣтый посреди изысканныхъ костюмовъ своихъ гостей. Давидъ Данжеръ сдѣлалъ его бюстъ, гдѣ онъ изображенъ исполненнымъ горделивой и эгоистичной силы, настоящимъ олимпiйцемъ.

Герцогъ Орлеанскiй принималъ его съ исключительной благосклонностью на празднествахъ, которыя устраивались въ Версалѣ по случаю женитьбы этого принца на Еленѣ Мекленбургской. Онъ былъ приглашенъ вмѣстѣ съ Жюлемъ Жаненомъ, Мюссе, Бальзакомъ, Сентъ-Бевомъ, Александромъ Дюма и отправился на костюмированный вечеръ 10 iюня 1837 г. въ мундирѣ нацiональной гвардiи. Бальзакъ былъ одѣтъ маркизомъ. Принцесса была

особенно милостива съ Викторомъ Гюго, котораго попросила себѣ представить и которому прочитала наизусть одно стихотвореніе изъ «Пѣсенъ сумерекъ».

Несмотря на всю увѣренность въ своей геніальности, поэтъ съ восхищеніемъ слушалъ герцогиню и узналъ, что она часто говорила о немъ съ Гете, что въ Германіи у него несмѣтное множество поклонницъ. Викторъ Гюго получилъ офицерскій крестъ Почетнаго Легіона, и вскорѣ послѣ празднества въ Версали герцогъ и герцогиня Орлеанскіе снова нашли случай для проявленія своихъ чувствъ къ нему. «Внутренніе голоса» вышли въ свѣтъ 26 іюня 1837 г., а въ началѣ іюля поэтъ получилъ картину Сентъ-Эвра, изображавшую коронованіе Инесы Деанстро. На рамѣ картины было написано: герцогъ и герцогиня Орлеанскіе Виктору Гюго. Викторъ Гюго былъ, вообще, очень близокъ съ герцогомъ Орлеанскимъ. Онъ принималъ участіе въ знаменитыхъ вечерахъ, извѣстныхъ подъ названіемъ «Шемине», которыя устраивались у наслѣдника французскаго престола. Эти собранія, гдѣ говорили не только объ искусствѣ и литературѣ, но также и о политикѣ, собранія, имѣвшія видъ легкой оппозиціи правительству короля, были запрещены Луи-Филиппомъ.

Слава Виктора Гюго провращалась теперь въ монету, и будучи человѣкомъ, себѣ на умѣ и очень расчетливымъ, онъ долженъ былъ сдѣлаться поэтомъ, зарабатывающій «много денегъ». Въ 1834 г. онъ продалъ Рандуэлю право перепечатки своихъ произведеній на опредѣленное время за 60.000 франковъ и въ томъ же году получилъ премію въ 4000 за «Анджело», кромѣ денегъ, приносимыхъ ему представленіями этой пьесы. Состояніе его безпрерывно возрастало, издатели оспаривали другъ у друга его произведенія, которыя онъ уступалъ только за значительныя суммы. Такъ въ 1838 г. Деллуа купилъ у него за 300.000 франковъ право пользованія его сочиненіями на одиннадцать лѣтъ. Въ качествѣ отца семейства Викторъ Гюго отдавалъ деньги на сбереженіе и, кромѣ расходовъ на прожитіе, которые были довольно ограниченны, тратилъ значительныя суммы на бездѣлушки, которыя онъ усердно собиралъ. Онъ предпочиталъ деревянныя рѣзныя вещи въ готическомъ вкусѣ, голландскій и мавританскій фаянсъ, старинные ковры и рѣдкія вещи страннаго, блестящаго или живописнаго вида. У него не было вкуса; въ размѣщеніи его коллекцій было что-то грандіозное и варварское.

Въ 1838 г. онъ написалъ «Рюи Блаза». Такъ какъ онъ порвалъ съ театромъ Портъ-Сенъ-Мартенъ и не забылъ тѣхъ препятствій, какія встрѣтилъ во Французскомъ театрѣ, то для постановки его новой драмы нужна была другая сцена.

Давно уже ему хотѣлось имѣть въ своемъ распоряженіи театръ. Онъ не желалъ больше подвергаться мелкимъ непріятностямъ, неизбѣжнымъ за кулисами, и хотѣлъ быть самъ хозяиномъ. Съ этой цѣлью онъ вмѣстѣ съ Александромъ Дюма получилъ отъ Гизо привилегію для Антенора Жоли, основавшаго театръ Ренессансъ. Здѣсь былъ представленъ «Рюи Блазъ» въ исполненіи посредствен-

ныхъ актеровъ, среди которыхъ блисталъ, однако, геніальный Фредерикъ Леметръ.

«Роберта Макера больше нѣтъ, а писалъ Теофиль Готье послѣ представленія; но изъ кучи лохмотьевъ возстаетъ, подобно богу, выходящему изъ своей могилы, Фредерикъ, настоящій Фредерикъ, котораго вы знаете, меланхоличный, страстный Фредерикъ, полный силы и величія, который умѣетъ найти слезы, чтобы смягчить сердце, и громы, чтобы угрожать, Фредерикъ, одаренный присущимъ ему голосомъ, взглядомъ и жестомъ, геніальный исполнитель Фауста, Рочестера, Ричарда Дарлингтона и Дженнаро, величайшій изъ современныхъ трагиковъ и комиковъ. Это большое счастье для драматическаго искусства».

Фредерикъ Леметръ, игравшій Рюи Блаза, имѣлъ небывалый успѣхъ и драма была встрѣчена аплодисментами. Однако «Рюи Блазъ» не выдержалъ больше пятидесяти представленій. Пылъ прежней борьбы угасъ съ побѣдой того, за кого сражалась вся молодежь. Да онъ и не представлялъ уже собою больше идеала новыхъ поколѣній. Это былъ побѣдитель, которому стоило сдѣлать только одно усиліе, чтобы выказать всю власть, а молодые люди любятъ борьбу, эстетическія и политическія идеи, нуждающіяся въ защитѣ и распространеніи.

Въ декабрѣ 1839 г. Викторъ Гюго продложилъ себя въ третій разъ кандидатомъ въ члены французской академіи вмѣсто Мишо, но такъ какъ академики не могли прійти къ соглашенію относительно одного изъ кандидатовъ, то избраніе было отложено на три мѣсяца. Оно имѣло мѣсто въ февралѣ 1840 г. Другое мѣсто стало вакантнымъ, мѣсто Келена, умершаго тѣмъ временемъ; Викторъ Гюго поддерживалъ свою кандидатуру на кресло Мишо, но 20 февраля академія предпочла ему Флуренса 17-ю голосами противъ двѣнадцати.

Какъ бы затѣмъ, чтобы отомстить академіи за свой провалъ, Викторъ Гюго выпустилъ въ 1840 г. «Свѣтъ и Тѣни», которые заставили преклониться передъ нимъ самыхъ непримиримыхъ его противниковъ. Оноре Бальзакъ написалъ въ «Ревю Паризьенъ» критическую статью объ этомъ сборникѣ, гдѣ, несмотря на оговорки, признаетъ геніальный талантъ поэта, своего соперника по извѣстности.

Выбранный, наконецъ, 7 января 1841 г. въ члены французской академіи вмѣсто Непомюсена Лемерсье, бывшаго однимъ изъ его злѣйшихъ противниковъ на предыдущихъ выборахъ, 17-ю голосами противъ 15, поданныхъ за Ансело, онъ занялъ мѣсто 3 іюня того же года во время собранія, какого никогда еще не бывало въ старомъ дворцѣ Института. Встрѣча его была настоящимъ событіемъ, и войскамъ пришлось вмѣшаться, чтобы возстановить порядокъ въ толпѣ элегантныхъ женщинъ и знаменитыхъ людей, желавшихъ присутствовать на ней. Сидя за своимъ пюпитромъ съ гладко выбритымъ, блѣднымъ лицомъ, осѣненнымъ высокимъ, властнымъ лбомъ и длинными черными волосами, онъ поистинѣ имѣлъ видъ главы всѣхъ собравшихся. Деломени въ своей «Галереѣ совре-

менниковъ» оставилъ эскизъ поэта съ натуры, очень искусно набросанный. Онъ пишетъ:

«Бѣлый воротникъ, повязанный чернымъ шелковымъ галстукомъ, чудесно оттѣнялъ его еще молодое, но блѣдное и серьезное лицо. Его академическій фракъ съ прямою спиною и открытой грудью, скроенный по послѣдней модѣ и ловко облегавшій тѣло, былъ украшенъ крестомъ почетнаго легіона и какимъ-то другимъ, неизвѣстнымъ мнѣ орденомъ. Зеленое шитье, въ изобиліи украшавшее его широкую грудь, какъ нельзя лучше гармонировало съ бѣлымъ атласнымъ жилетомъ съ маленькими золотыми узорчатыми пуговками; черные панталоны, хорошо сидѣвшіе на ногѣ, дополняли этотъ костюмъ, который я описалъ съ мелочностью портного. Прибавьте къ этому бѣлые перчатки, съ которыми вновь избранный членъ не разставался, даже произнося свою рѣчь, великолѣпную манеру держать голову, видъ побѣдителя, вступающаго въ завоеванный городъ, и вы не будете удивлены неудержимымъ энтузіазмомъ, который вызвало съ самаго начала появленіе г-на Гюго за его пюпитромъ, особенно среди женской части собранія. Голосъ у г. Гюго не звученъ, а скорѣе даже немного глуховатъ, но силенъ и выразителенъ. Его рѣчь и жесты хотя и напыщены, однако не слишкомъ страдаютъ аффектаціей».

Въ рѣчи Виктора Гюго, которой ждали, какъ литературнаго манифеста, выразилось скорѣе его желаніе играть общественную роль.

Съ цѣлью подготовить себѣ доступъ къ депутатству, о чемъ онъ давно уже мечталъ, согласно своему желанію, онъ совершилъ путешествіе въ Германію въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ 1840 г. и привезъ оттуда книгу «Письма на Рейнѣ», вышедшую въ январѣ 1842 г., гдѣ вслѣдъ за литературной частью излагалъ свои идеи по иностранной политикѣ. Одна изъ поддержекъ, на которую онъ больше всего разсчитывалъ, у него неожиданно исчезла—герцогъ Орлеанскій умеръ вслѣдствіе несчастнаго случая въ 1842 г. Однако онъ сохранилъ симпатію къ себѣ герцогини, а вскорѣ ему довелось сдѣлаться приближеннымъ Луи-Филиппа.

Путешествіе на берега Рейна внушило Виктору Гюго его послѣднюю драму «Бургграфы». Пьеса, прочитанная въ комитетѣ Французскаго театра 23 ноября 1842 г., была представлена 7 марта 1843 г., однако совсѣмъ не имѣла успѣха. Публика лишила своей благосклонности романтическія драмы. Рашель заставляла аплодировать трагедіямъ Корнеля и Расина, дѣлая сборы по 5,527 франковъ, между тѣмъ какъ «Бурграфы» съ трудомъ собрали 1,328 франковъ на одиннадцатомъ представленіи. Селестенъ Нантейль, бывшій главнымъ вербовщикомъ войскъ для представленій «Эрнани», на просьбу привести геройскія банды отвѣтилъ, что молодежи больше нѣтъ. Драма, предоставленная самой себѣ, была снята съ репертуара, а Понсаръ торжествовалъ въ Одеонѣ, гдѣ давали его драму «Лукреція», которая, какъ онъ утверждалъ, возстанавляла связь съ классической традиціей.

Викторъ Гюго, привыкшій къ борьбѣ и побѣдѣ въ театрѣ, страдалъ отъ равнодушія публики больше, чѣмъ отъ пораженія.

Онъ оставилъ недоконченной начатую пьесу «Близнецы» и уѣхалъ въ Испанію. Его возвращеніе было отмѣчено ужаснымъ несчастьемъ. Незадолго до того — 15 февраля 1843 г. — онъ выдалъ замужъ свою дочь Леопольдину за Шарля Вакери, брата своего друга Огюста Вакери, и молодые уѣхали въ Нормандію. Однажды 4 сентября 1843 г.—когда они плыли въ лодкѣ по Сенѣ, близъ Виллекье, внезапный порывъ вѣтра опрокинулъ суденышко, и ихъ нашли утонувшими и крѣпко обнявшимися. Викторъ Гюго не сообщалъ маршрута своихъ путешествій и только черезъ пять дней послѣ несчастія, 9 сентября, читая въ какомъ-то кафе газету «Вѣкъ», узналъ о смерти своей нѣжно-любимой дочери. Этотъ страшный ударъ поразилъ его до глубины души, и когда скорбь его нѣсколько успокоилась—но не забылась—онъ излилъ ее въ трогательныхъ стихахъ, принадлежащихъ къ самымъ лучшимъ изъ его стихотвореній. Но душою его овладѣло такое уныніе, что онъ много мѣсяцевъ не могъ писать, не могъ выразить своей печали и страданія.

Однако сердце его успокоилось и, благодяря своей желѣзной волѣ, своей безграничной гордости, онъ продолжалъ жить, покорившись своей судьбѣ. Желаніе, высказанное имъ Суме, когда ему едва сравнялось шестнадцать лѣтъ, теперь исполнилось: указомъ отъ 13 февраля 1845 г. онъ былъ назначенъ пэромъ Франціи. Въ теченіе 1844 г. онъ часто видался съ Луи-Филиппомъ, и разсказываютъ, будто однажды вечеромъ ихъ бесѣда затянулась до такого поздняго часа, что слуги, полагая, что всѣ посѣтители ушли, заперли двери и погасили огонь и что король самъ провожалъ поэта по лѣстницамъ Тюльери и самъ свѣтилъ ему. Викторъ Гюго засѣдалъ среди консерваторовъ, и его первая рѣчь, очень скромная, произнесенная въ палатѣ пэровъ 14 февраля 1846 г., была сказана въ пользу художниковъ, чтобы укрѣпить за ними право собственности на ихъ произведенія. Во второй разъ онъ говорилъ только мѣсяцъ спустя послѣ этого вступленія на трибуну, 10 марта, и сказалъ политическую защитительную рѣчь, гдѣ требовалъ возстановленія польской національности. Но самая значительная его рѣчь въ палатѣ пэровъ была произнесена 17 іюня 1847 г.; въ ней онъ защищалъ петицію Жерома-Наполеона Бонапарта, гдѣ тотъ просилъ позволенія своей семьѣ вернуться во Францію. Викторъ Гюго доказывалъ, что слѣдуетъ возвыситься надъ династическими спорами и разрѣшить всѣмъ французамъ жить въ своемъ отечествѣ.

Его политическая роль въ качествѣ пэра была коротка и довольно незамѣтна: февральская революція 1848 г. лишила трона Людовика-Филиппа и уничтожила пэровъ и пэрство. Въ быстрой смѣнѣ событій, окончившейся провозглашеніемъ республики, застигнутый врасплохъ Викторъ Гюго не имѣлъ времени составить себѣ опредѣленное мнѣніе и занять ту или иную позицію. Въ качествѣ пэра Франціи онъ присягалъ въ вѣрности правительству Людовика-Филиппа; какъ долженъ былъ отнестись къ новому режиму и могъ ли онъ примкнуть къ нему, не совершивъ вѣролом-

ства? Такъ значитъ онъ долженъ отстраниться отъ воинствующей политики! Ламартинъ былъ на самомъ верху своей славы и популярности, Виктору Гюго не хотѣлось отказаться отъ своихъ честолюбивыхъ плановъ, и онъ записался на выборы въ Учредительное Собраніе въ числѣ консерваторовъ. Онъ поставилъ свою кандидатуру въ Парижѣ, 23 апрѣля происходили выборы, и Ламартинъ вышелъ первымъ, получивъ 259.800 голосовъ; Викторъ Гюго оказался лишь сорокъ восьмымъ и не былъ избранъ. Такъ какъ оказались необходимыми дополнительные выборы, то Викторъ Гюго записался въ число приверженцевъ конституціи вмѣстѣ съ Тьеромъ, Шангарнье и др. и 4 іюня былъ избранъ седьмымъ, получивъ 86,965, прежде Людовика-Бонапарта, который оказался только восьмымъ, получивъ 84,420 голосовъ.

Учредительное Собраніе собралось 13 іюня 1848 г., и въ водоворотѣ страстей и интересовъ Викторъ Гюго отнюдь не занималъ замѣтнаго мѣста, голосуя то съ правой, то съ лѣвой, и лучшимъ его выступленіемъ была рѣчь противъ смертной казни.

31 іюля 1848 г. онъ выпустилъ въ свѣтъ при содѣйствіи Поля Мёриса и Огюста Вакери и въ сотрудничествѣ съ своими сыновьями Шарлемъ и Франсуа-Викторомъ Гюго ежедневную газету «Эвенеманъ», носившую слѣдующій эпиграфъ: «Дикая ненависть къ анархіи, нѣжная и глубокая любовь къ народу». Онъ боролся въ ней съ генераломъ Кавеньякомъ въ пользу Луи-Наполеона Бонапарта, политику котораго онъ поддерживалъ, и когда принцъ предложилъ себя кандидатомъ на постъ президента республики, онъ лично вотировалъ за него и поддерживалъ его кандидатуру. «Эвенеманъ» прочилъ Виктора Гюго въ министры, объявляя нелѣпымъ и пошлымъ предразсудкомъ мнѣніе, что поэтъ не можетъ быть искусенъ и свѣдущъ въ людскихъ дѣлахъ, и утверждая, что онъ можетъ быть «рукою и головою, сердцемъ и мыслью, мечомъ и свѣтильникомъ, кроткимъ и сильнымъ, завоевателемъ и законодателемъ, царемъ и пророкомъ, лирой и мечомъ, апостоломъ и миссіей».

Викторъ Гюго принималъ больше участія въ преніяхъ партій, чѣмъ въ Учредительномъ Собраніи. 9 іюля 1849 г. онъ говорилъ объ уничтоженіи бѣдности, 19 октября о римскихъ дѣлахъ, причемъ окончательно разошелся съ своими друзьями, принадлежавшими къ правой, 15 января 1850 г. о свободѣ преподаванія, 5 апрѣля объ изгнаніи, 20 мая о всеобщей подачѣ голосовъ, подвигаясь въ каждой рѣчи все лѣвѣе, 9 іюла о свободѣ прессы — громкая рѣчь, которую Эмиль де-Жирарденъ попросилъ напечатать отдѣлной брошюрой, распространившейся во всей Франціи. Журналистъ предложилъ, кромѣ того, по этому случаю выбить медаль, которая должна была обезсмертить автора. Викторъ Гюго надѣялся, что принцъ президентъ Луи - Бонапартъ призоветъ его въ министерство. Его надежды не сбылись и по причинѣ ли этого разочарованія или потому, что онъ въ президентѣ республики предугадывалъ Наполеона III, онъ внезапно напалъ на того, кого поддерживалъ и за кого подалъ голосъ. Его газета «Эвенеманъ» открыла ожесточенную кампанію, гдѣ всѣ дѣйствія правительства

подвергались строгой критикѣ и даже самой особѣ президента не было пощады. Газета подвергалась штрафамъ, сотрудники были осуждены на нѣсколько мѣсяцевъ тюремнаго заключенія, и Викторъ Гюго самъ защищалъ своего сына Шарля передъ Сенскимъ судомъ присяжныхъ, произнеся по этому поводу сильную рѣчь противъ смертной казни.

Во время государственнаго переворота 2 декабря 1851 г. Викторъ Гюго оказался въ числѣ недовольныхъ. Послѣ напрасной попытки поднять народъ, понявъ, что всякое сопротивленіе безполезно, онъ покинулъ Парижъ 11 декабря, одѣтый въ блузу и съ паспортомъ рабочаго въ карманѣ, которымъ снабдилъ ег шуринъ, Викторъ Фуше, совѣтникъ кассаціоннаго суда. Онъ прибылъ въ Брюссель 12 декабря, а 8 января 1852 г. былъ присужденъ къ изгнанію вмѣстѣ съ шестьюдесятью шестью депутатами собранія. Это изгнаніе сообщило ему баснословное величіе. Живя на своемъ островѣ, онъ былъ осѣненъ ореоломъ высшей славы, подобно вождямъ народа и пророкамъ, и казался благороднымъ отцомъ новѣйшей поэзіи.

VII.

Въ изгнаніи.

Викторъ Гюго прибылъ въ Брюссель 12 декабря 1851 г. Жена его съ дочерью Аделью осталась въ Парижѣ, а оба сына, Шарль и Франсуа-Викторъ находились въ тюрьмѣ за нарушеніе законовъ о печати. Онъ жилъ сначала въ Отелѣ Лимбургъ, на улицѣ Дассо, но вскорѣ 22 января 1852 г. поселился въ скромномъ домѣ на большой площади Меріи. Не успѣвъ отдохнуть отъ путешествія, еще взволнованный до глубины души событіями, которыя заставили его удалиться изъ Франціи, онъ взялъ свое геройское перо и, закусивъ губы отъ гнѣва, стиснувъ пальцы, принялся писать уже 13 декабря «Исторію одного преступленія», вышедшую въ свѣтъ только въ 1877 г.; затѣмъ онъ напалъ прямо на особу того, кого считалъ своимъ личнымъ врагомъ, и въ теченіе одного мѣсяца, съ 12 іюня по 14 іюля 1852 г. написалъ «Наполеонъ Малый», трепещущій отъ злости памфлетъ, который бросилъ въ лицо принцу-президенту, будущему императору французовъ.

Онъ жилъ очень уединенно, среди изгнанниковъ, избравшихъ своимъ мѣстожительствомъ столицу Бельгіи, съ своими сыновьями, освобожденными изъ тюрьмы и пріѣхавшими къ нему. Г-жа Гюго послѣ распродажи домашней обстановки, окончившейся 7 и 8 іюня 1852 г., отправилась въ Бельгію съ Аделью, и вся семья собралась теперь вмѣстѣ. Ей не пришлось прожить долго въ Бельгіи. Послѣ выхода въ свѣтъ «Наполеона Малаго» бельгійское правительство увѣдомило Виктора Гюго, что его присутствіе нежелательно, и онъ былъ вынужденъ 1 августа 1852 г. уѣхать изъ Брюсселя, выбравъ вторымъ этапомъ своего изгнанія островъ Джерсей. Онъ присталъ къ берегамъ Англіи и 5 августа оказался

на островѣ, гдѣ уже поселилось много непримиримыхъ изгнанниковъ. Послѣдніе встрѣтили его съ великой радостью. За тысячу пятьсотъ франковъ онъ нанялъ домъ на берегу моря, извѣстный подъ названіемъ Морской Террасы, коттэджъ съ плоской крышей въ одинъ этажъ, окруженный садомъ.

На островѣ Джерсеѣ, въ маленькой комнаткѣ Морской Террасы, Викторъ Гюго написалъ «Возмездіе», сборникъ огненныхъ, грозныхъ, страстныхъ стихотвореній, гдѣ раздаются громкіе крики, гдѣ клокочетъ великій гнѣвъ. Книга вышла на самомъ островѣ, отпечатанная въ мѣстной типографіи на счетъ автора и нѣкоторыхъ его друзей, Виктора Шельхера и полковника Шарра. Она надѣлала необычайнаго шума. Во Франціи вырывали другъ у друга изъ рукъ экземпляры, доставленные контрабандой. Этой книжкой Викторъ Гюго снова завоевалъ сердца молодежи, не примирившейся съ имперіей и читавшей наизусть зажигательные стихи, какъ нѣкогда стихи побѣдоносной драмы «Эрнани».

Послѣ «Возмездій», этого бурнаго, шумнаго потока ядовитыхъ словъ и лирической брани, Викторъ Гюго занялся «Созерцаніями», которыя онъ началъ во Франціи до 1848 г. и медленно заканчивалъ. Въ эту эпоху поэтъ былъ склоненъ къ спиритизму, поддавшись сильному впечатлѣнію тайны вертящихся столовъ. 4 января 1855 г. онъ писалъ г-жѣ Эмиль де-Жирарденъ: «Говорилъ ли вамъ Поль Мёррисъ, что цѣлая чуть ли не космогоническая система, порожденная мною и наполовину записанная въ теченіе двадцати лѣтъ, была подтверждена столомъ съ чудесными дополненіями? Мы живемъ въ таинственномъ кругозорѣ, который измѣняетъ перспективу изгнанія, и думаемъ о васъ, кому мы обязаны этимъ открытымъ окномъ. Столы предписываютъ намъ молчаніе и строгую тайну. Поэтому въ «Созерцаніяхъ» вы не найдете ничего, исходящаго отъ столовъ, за исключеніемъ двухъ подробностей, очень важныхъ, правда, на сообщеніе которыхъ я *испросили позволеніе* (я подчеркиваю) и которыя я укажу замѣткой.

Вечеромъ въ гостиной посѣтители Морской Террасы занимались столоверченіемъ, и Викторъ Гюго предлагалъ вопросы знаменитымъ мертвецамъ, съ которыми велъ діалоги, помѣщавшіеся въ «Journal de l'Exil».

Спокойствіе изгнанниковъ, нашедшихъ убѣжище на островѣ Джерсеѣ, скоро было нарушено. Англійская королева Викторія посѣтила Францію по случаю всемірной выставки 1855 г., и Феликсъ Піа воспользовался этимъ, чтобы обратиться къ ней съ открытымъ письмомъ, напечатаннымъ во французской газетѣ «l'Homme», выходившей на островѣ, главными сотрудниками которой были Шарль Делеклюзъ, Шарль Рибейроль, Альфонсъ Эскиросъ, Марсъ Дюфессъ. Письмо было напечатано въ номерѣ отъ 10 октября 1855 г. и такъ какъ Феликсъ Піа насмѣхался въ немъ надъ королевой по поводу ея визита Наполеону III, то преданное королевѣ населеніе Джерсея возмутилось; въ Сенъ-Гелье, столицѣ острова, былъ созванъ митингъ протеста противъ изгнанниковъ

подъ предсѣдательствомъ кеннетабля, который потребовалъ ихъ изгнанія за оскорбленіе королевы, а также запрещенія газеты. Вслѣдствіе этой манифестаціи генералъ-губернаторъ 15 октября подписалъ приказъ редактору газеты «l'Homme» Рибейролю, ея издателю Францини и продавцу Томасу покинуть черезъ недѣлю Джерсей. Викторъ Гюго вмѣшался. 17 октября онъ выпустилъ протестъ, расклеенный въ Сенъ-Гелье, въ которомъ требовалъ свободы для изгнанниковъ. Отвѣта не пришлось долго ждать: по рѣшенію англійскаго правительства ему было запрещено жить на островѣ Джерсеѣ, и онъ долженъ былъ покинуть его вмѣстѣ съ сыновьями до 5 ноября. 31 октября онъ сѣлъ вмѣстѣ съ Франсуа-Викторомъ на судно «Диспечъ», захвативъ съ собою самое цѣнное — рукописи своихъ произведеній, набросанныхъ начерно или долгое время подвергавшихся обработкѣ: «Созерцанія», «Отверженные», «Пѣсни улицъ и лѣсовъ» и т. д.,—все уложенное въ огромный, окованный желѣзомъ сундукъ. Отецъ съ сыномъ пристали къ острову Гернсея въ рейдѣ его главнаго города Сенъ-Пьера и поселились на улицѣ Готвиль, въ домѣ № 20, гдѣ къ нимъ вскорѣ присоединилась вся остальная семья. И трудовая жизнь началась снова.

«Созерцанія» появились въ двухъ томахъ въ маѣ мѣсяцѣ 1856 г. въ книгоиздательствѣ Мишеля Леви и Паньерра. Это было первое произведеніе, которое Викторъ Гюго выпускалъ во Франціи послѣ 1845 г., когда были изданы его «Письма на Рейнѣ»: оно имѣло быстрый и шумный успѣхъ. Къ меланхоличной и проникновенной красотѣ произведенія присоединился теперь почти легендарный образъ поэта, живущаго въ изгнаніи на островѣ подъ необъятнымъ куполомъ небесъ, въ виду моря. Въ своемъ далекѣ онъ принималъ фигуру пророка, и голосъ его, доносившійся изъ чужихъ краевъ, казался звучнѣе, суровѣе и трогательнѣе. Казалось, что, будучи изгнанъ, онъ, который являлся торжествующимъ баловнемъ всѣхъ режимовъ, сдѣлался символомъ страждущихъ,— страждущихъ отъ голода, страждущихъ отъ лишенія свободы, страждущихъ сердцемъ и мыслью. Онъ снова вошелъ въ соприкосновеніе съ народной душою и обрѣлъ энтузіазмъ пылкой юности, подъемъ и энтузіазмъ, утраченные имъ среди почестей пэрства. «Созерцанія» имѣли не только литературный успѣхъ, но и успѣхъ матеріальный—выходъ въ свѣтъ этого сборника далъ ему возможность пріобрѣсти Отвиль-Гаузъ, домъ, ставшій знаменитымъ и священнымъ, какъ храмъ, для всѣхъ поэтовъ, художниковъ и мыслителей.

«Представьте себѣ, что въ эту минуту, писалъ Викторъ Гюго Жюлю Жанену, я строю почти цѣлый домъ; не имѣя отечества, я хочу имѣть кровъ. Однако Англія отнюдь не лучше охраняетъ мой домашній очагъ, чѣмъ Франція. Ахъ, этотъ бѣдный домашній очагъ! Франція его разорила, Бельгія его разорила, Джерсей его разорилъ; а я строю его снова съ терпѣніемъ муравья. На сей разъ, если меня опять прогонятъ, я заставлю честный и суровый Альбіонъ сдѣлать неслыханное для него дѣло; я заставлю его попрать но-

гами домашній очагъ... И любопытно, что средства для этого политическаго опыта доставила мнѣ литература.

«Домъ на Гернсеѣ, съ своими тремя этажами, своей крышей, садомъ, крыльцомъ, склепомъ, заднимъ дворомъ, дозорной башенкой и террасой построенъ весь цѣликомъ на средства, доставленныя «Созерцаніями». Отъ послѣдней балки до послѣдней черепицы «Созерцанія» платятъ за все. Эта книга дала мнѣ кровъ; прошу васъ, которому нравилась поэма, пріѣхать какъ-нибудь, когда у васъ будетъ возможность потерять время, а намъ дать выиграть его, посмотрѣть домъ».

Викторъ Гюго пріобрѣлъ Отвиль-Гаузъ за 24.480 франковъ, изъ которыхъ 13.920 уплатилъ наличными, что было недорого, принимая въ соображеніе стоимость владѣнія. Но оно долгое время пустовало, такъ какъ пользовалось дурной славой, говорили, что въ домѣ не чисто и что по ночамъ тамъ являются привидѣнія. Оно было расположено въ высокой части страны, при выходѣ изъ узкой, кривой улицы, на вершинѣ береговой скалы, господствующей надъ моремъ. Въ теченіе трехъ лѣтъ Викторъ Гюго отдѣлывалъ внутренность дома по своему вкусу и сдѣлалъ изъ него что-то варварское, наивное, причудливое и великолѣпное.

Верхніе этажи отличались неменьшей пышностью, чѣмъ нижній, гдѣ находились прихожая, столовая, бильярдная и маленькая гостиная. Второй этажъ, занятый комнатами г-жи Гюго, ея дочери Адели и ея сыновей, затѣмъ двумя гостиными, былъ загроможденъ рѣдкими и дорогими вещами: коврами, изготовленными для королевы Христины, тканями, затканными серебромъ и золотомъ; третій состоялъ изъ галлереи, отдѣланной дубомъ, изъ кабинета-пріемной Виктора Гюго и изъ комнаты, оставленной имъ для Гарибальди; послѣдній этажъ принадлежалъ цѣликомъ Виктору Гюго: это было его сокровенное убѣжище. Онъ приходилъ сюда по узкой лѣсенкѣ, и все помѣщеніе состояло изъ бельведера и двухъ маленькихъ комнатъ, спальни, скромно меблированной низкой кроватью, едва возвышающейся надъ поломъ, туалетнымъ столомъ и зеркаломъ, и другой, меблированной диваномъ, гдѣ онъ читалъ и отдыхалъ. Обѣ комнаты выходили на бельведеръ. Послѣдній былъ залитъ свѣтомъ. Потолокъ и стѣны были стеклянные, и когда Викторъ Гюго стоялъ за маленькимъ столикомъ, на которомъ онъ писалъ, то казалось, что онъ виситъ между небомъ и моремъ. Единственный въ своемъ родѣ рабочій кабинетъ, ничѣмъ неограниченный въ пространствѣ, для единственнаго поэта, грезы котораго стремились дальше всѣхъ человѣческихъ мыслей.

Викторъ Гюго любилъ ручной трудъ, особенно работу изъ дерева, что объясняется, вѣроятно, наслѣдственностью, такъ какъ дѣдушка его былъ столяромъ въ Нанси. Купивъ въ Гернсеѣ старыя рѣзныя панно и обыкновенную мебель, онъ велѣлъ разобрать ихъ на части и изъ этихъ различныхъ элементовъ сдѣлалъ новую мебель, имѣвшую странную и грандіозную форму. Онъ не гнушался ни рубанкомъ, ни долотомъ и превращалъ деревянныя до-

ски въ панно, убранныя мелкими украшеніями и цвѣтами. Иногда онъ покрывалъ едва отесанныя доски лакомъ и красками, изготовляя декоративныя картины, отличавшіяся поразительной оригинальностью. Онъ вколачивалъ гвозди, обивалъ стѣны тканями, рѣзалъ дерево, расписывалъ стѣны, выдумывалъ цѣлую фантастическую флору и цѣлую фантастическую фауну по прихоти своего воображенія. Словомъ, это былъ геніальный ремесленникъ.

Извѣстно, что Викторъ Гюго рисовалъ и что эти рисунки представляютъ больше интереса, чѣмъ обычныя работы любителей. Онъ пользовался всякимъ матеріаломъ, чтобы набрасывать свои фантазіи на бумагу; чернила, перья, карандаши служили ему для того, чтобы рисовать фантастическіе зáмки, призрачные пейзажи, готическія зданія, осѣненныя грозовыми тучами, соборы, окутанные сумракомъ или озаренные яркимъ свѣтомъ. Онъ достигалъ поразительныхъ, трагическихъ эффектовъ. Иногда его неизмѣримое вдохновеніе выражалось въ карикатурахъ, поражавшихъ своими странными уродствами. Теофилъ Готье писалъ объ этихъ рисункахъ.

За завтракомъ собиралась вся семья. Викторъ Гюго—родившійся такимъ хилымъ, что его считали неспособнымъ къ жизни—былъ атлетическаго тѣлосложенія. Аппетитъ у него былъ огромный. Онъ дѣлалъ въ своей тарелкѣ чудовищную смѣсь изъ рыбы, мяса, овощей, которую его желудокъ превосходно переваривалъ. Онъ разгрызалъ своими сильными челюстями клешни омаровъ и самыя твердыя косточки отъ фруктовъ. Викторъ Гюго воздерживался отъ спиртныхъ напитковъ и ничего не курилъ.

Послѣ завтрака разбирали почту, которая прибывала въ значительномъ количествѣ. Не было молодого автора, который не прислалъ бы изъ Франціи своего произведенія великому учителю. Слава его распространилась во всемъ мірѣ, и достаточно было написать ему письмо съ адресомъ: «Виктору Гюго, Океанъ», чтобы оно дошло. Онъ отвѣчалъ своимъ поклонникамъ коротенькими записочками, составленными въ величественной формѣ, и любилъ привѣтствовать молодежь, напоминая, что онъ свѣтило, которое скоро погаснетъ. Иногда онъ получалъ странныя или трогательныя посылки. Такъ однажды ему былъ доставленъ маленькій ящикъ, отправленный однимъ рабочимъ изъ предмѣстья Сенъ-Антуанъ и содержавшій драгоцѣнный даръ. Скромный читатель нашелъ случайно, шатаясь по книжнымъ лавчонкамъ, на набережныхъ экземпляръ стихотвореній Виктора Гюго, въ первый разъ напечатанныхъ, и поднесъ ему этотъ экземпляръ, рѣдкій и прекрасный даръ, на бѣломъ листкѣ котораго стояла надпись: «Моему дорогому отцу, генералу Гюго мои первые напечатанные стихи, отъ почтительнаго сына Виктора Гюго». Передъ отправкой рабочему пришла трогательная мысль наполнить ящикъ душистыми фіалками.

Послѣ завтрака снова принимались за работу или прогуливались для моціона. Въ Отвиль-Гаузѣ не было никого, кто не занимался бы дѣломъ. Шарль Гюго писалъ романы. Франсуа-Викторъ переводилъ Шекспира, а мать ихъ подъ диктовку мужа описывала

приключенія поэта, появившіяся подъ заглавіемъ: «Жизнь Виктора Гюго, разсказанная очевидцемъ». Словомъ, это былъ настоящій трудолюбивый улей, при чемъ, однако, не было недостатка и въ развлеченіяхъ.

По вечерамъ Викторъ Гюго отправлялся къ старинному другу, г-жѣ Друэ, которая послѣдовала за нимъ въ изгнаніе. Затѣмъ часто являлись гости, нарушавшіе однообразіе семейной жизни. Къ изгнанному поэту нерѣдко пріѣзжали изъ Франціи литераторы, политическіе дѣятели, журналисты и просто поклонники. Г-жа Викторъ Гюго устраивала балы для молодыхъ дѣвушекъ и обѣды для бѣдныхъ дѣтей острова. Наконецъ предпринимались морскія купанья и длинныя экскурсіи для открытія естественныхъ красотъ страны.

Стоя между небомъ и моремъ въ своей пронизанной свѣтомъ клѣткѣ, Викторъ Гюго писалъ въ ту пору короткія эпическія поэмы, вошедшія въ сборникъ «Легенда вѣковъ» и главы «Отверженныхъ», лирическаго и гуманнаго романа, стоящаго на вершинѣ его поэтической дѣятельности. Со времени молодыхъ лѣтъ характеръ его почерка сильно измѣнился. Будучи сначала тонкимъ и сжатымъ, онъ мало-по-малу становился все болѣе разгонистымъ, толстымъ, отрывистымъ и энергичнымъ. Онъ набрасывалъ внушенное ему вдохновеніемъ на первую бумажку, оказавшуюся у него подъ рукою, на извѣщенія, визитныя карточки, оберточную бумагу, но въ 1840 г. избралъ прочную бумагу малаго формата, на которой писалъ до глубокой старости. Онъ употреблялъ толсто очиненныя гусиныя перья, дѣлавшія его почеркъ сильнымъ и энергичнымъ. Въ одно утро онъ писалъ, чаще всего безъ помарокъ, сто пятьдесятъ стиховъ или двадцать листковъ прозы.

Викторъ Гюго кончилъ «Легенду вѣковъ» въ августѣ 1859 г., когда Наполеонъ объявилъ амнистію для изгнанниковъ. Поэтъ могъ бы вернуться во Францію, но онъ отказался отъ милости своего врага и сдѣлался добровольнымъ изгнанникомъ. Этотъ поступокъ усилилъ его славу, которую «Легенда вѣковъ», появившаяся въ сентябрѣ 1859 г., довела до еще болѣе яркаго блеска. Волненіе, произведенное выходомъ въ свѣтъ «Легенды вѣковъ», еще не улеглось, какъ великій труженикъ выпустилъ въ 1862 г. свое самое крупное сочиненіе—«Отверженные». Образовалась компанія книгопродавцевъ для изданія этого романа, которое являлось однимъ изъ величайшихъ литературныхъ предпріятій девятнадцатаго столѣтія. Въ очень любопытномъ письмѣ Викторъ Гюго опредѣляетъ свои условія своему сыну Шарлю, который велъ за него переговоры съ издателями. «Дорогой Шарль,— пишетъ онъ,—вотъ мой отвѣтъ на вопросы гг. Лакруа и Вербекловена:

«Сочиненіе это отчасти не историческое. Политическая часть всецѣло принадлежитъ исторіи: Ватерлоо, царствованіе Луи-Филиппа, возстаніе 1832 г. (похороны генерала Ламарка), стало-быть, романъ начинается въ 1815 г. и оканчивается въ 1835 г. Слѣдовательно, никакого намека на современный режимъ. Кромѣ того, онъ пред-

ставляетъ собою драму, соціальную драму,—драму нашего общества и нашего времени. Онъ выйдетъ, по меньшей мѣрѣ, въ восьми томахъ, быть-можетъ, въ девяти, и будетъ раздѣленъ на три части, каждая подъ особымъ заглавіемъ, которыя должны выходить другъ за другомъ черезъ промежутки времени, какіе издатели найдутъ для себя подходящими, напримѣръ, ежемѣсячно. Просмотръ, который я дѣлаю, кончится самое позднее черезъ два мѣсяца. Слѣдовательно, книга можетъ выйти въ февралѣ, подобно «Собору Парижской Богоматери». И если это будетъ 13 февраля, то, значитъ, черезъ тридцать лѣтъ послѣ него, день въ день. «Собору Парижской Богоматери» это 13 число не принесло несчастья.

«Что касается цѣны, то она извѣстна тебѣ: 250.000 франковъ наличными за восемь лѣтъ пользованія, съ условіемъ не перепечатывать въ теченіе послѣднихъ шести мѣсяцевъ. Я оставляю за собой право перевода. Если бы захотѣли купить у меня и это право, то вся цѣна была бы 300.000 франковъ; доходъ отъ перевода, я думаю, будетъ значителенъ. Тебѣ извѣстно, что въ Англіи мнѣ заплатятъ 300 фунтовъ стерлинговъ наличными за одно только право перевода двухъ томовъ «Легенды вѣковъ».

Дѣло было покончено съ издателями Лакруа, Вербекговеномъ и Паньерромъ, и «Отверженные» вышли въ свѣтъ въ десяти томахъ въ 8-ю долю листа 3 апрѣля 1862 г. одновременно въ Парижѣ, Брюсселѣ, Лейпцигѣ, Лондонѣ, Миланѣ, Мадридѣ, Роттердамѣ, Варшавѣ, Пештѣ, Ріо-де-Жанейро; успѣхъ былъ неслыханный. Парижское изданіе, выпущенное въ семи тысячахъ экземпляровъ, разошлось въ два дня. Сочиненіе проникло въ самыя отдаленныя страны, появилось въ русскомъ переводѣ; американскіе солдаты, сражавшіеся въ войнѣ за отдѣленіе Юга отъ Северо-Американскаго союза, читали его въ англійскомъ переводѣ въ такъ назывыемомъ изданіи Волонтеровъ. Во Франціи критики, Барбей д'Орвильи, Маріо Протъ, Монтегю долгое время говорили о немъ; Ламартинъ посвятилъ ему нѣсколько изъ своихъ дружескихъ бесѣдъ, озаглавленныхъ «Разсужденіе объ образцовомъ произведеніи или опасность генія».

Въ эту пору изгнанія, имѣя больше шестидесяти лѣтъ отроду, Викторъ Гюго работалъ съ поразительной плодовитостью и необычайной энергіей. Однако у него не было недостатка въ домашнихъ непріятностяхъ и огорченіяхъ. Его дочь Адель влюбилась въ офицера англійскаго флота, съ которымъ секретно обвѣнчалась, несмотря на родительское запрещеніе. Несчастная молодая женщина, которую Викторъ Гюго, оскорбленный пренебреженіемъ къ своей любви и неуваженіемъ къ своей отцовской власти, отказался видѣть, уѣхала съ своимъ мужемъ, м-ромъ Пенсономъ въ Америку, на Новую Шотландію, откуда вернулась послѣ его смерти, претерпѣвъ дурное обращеніе, съ разсудкомъ, помрачившимся до такой степени, что ее пришлось помѣстить въ лѣчебницу. Гюго переносилъ эти испытанія съ горделивымъ спокойствіемъ, скрывая отъ всѣхъ свою скорбь.

Въ 1864 г. онъ выпустилъ критическое сочиненіе «Вильямъ Шекспиръ», гдѣ дѣлалъ обзоръ всѣхъ формъ искусства и всѣхъ проявленій человѣческаго духа; въ октябрѣ 1865 г. «Пѣсни улицъ и лѣсовъ», сборникъ поэмъ, проникнутыхъ юношеской свѣжестью; въ мартѣ 1866 г. романъ «Труженики моря», который не произвелъ такого шума, какъ «Отверженные», однако все же имѣлъ полный успѣхъ. Со времени провозглашенія имперіи драмъ Виктора Гюга не играли во Франціи; въ 1867 г. Наполеонъ III разрѣшилъ возобновленіе «Эрнани» на сценѣ Французскаго театра. Эта знаменитая драма, освятившая начало романтическаго движенія, была встрѣчена съ тѣмъ же энтузіазмомъ, какой она вызвала въ отдаленные дни великой борьбы. Она выдержала семьдесятъ одно представленіе отъ 20 іюня по 27 декабря 1867 г., принеся всего 366.625 фр. 50 с. сбора и давъ поэту 54.994 фр. 70 см. вознагражденія.

Семья его увеличилась; у Шарля Гюго, женатаго на Алисѣ Легенъ, родился сынъ Жоржъ, котораго дѣдушка нѣжно любилъ. Но скоро его постигъ жестокій ударъ. Онъ лишился жены. Г-жа Гюго въ послѣдніе годы жизни страдала сердечной болѣзнью, которая медленно ухудшалась, несмотря на лѣченіе, и приливомъ крови къ глазамъ, отъ котораго она почти ослѣпла. Возвращаясь изъ Парижа, куда она ѣздила лѣчиться, она была проѣздомъ въ Брюсселѣ вмѣстѣ съ своимъ мужемъ, какъ вдругъ 25 августа 1868 г. упала, пораженная ударомъ, а черезъ день, 27 августа въ семь часовъ утра умерла, не приходя въ сознаніе.

Хотя между супругами не было такой близости, какъ въ первые годы женитьбы, и хотя семейный миръ ихъ много разъ нарушали бури, однако Викторъ Гюго былъ сильно огорченъ утратой подруги, которую онъ такъ горячо любилъ въ прекрасную пору ея юности. Согласно ея желанію, она была погребена на кладбищѣ Вилькье, рядомъ съ своей дочерью Леопольдиной.

Меньше чѣмъ черезъ годъ послѣ смерти жены, въ маѣ 1869 г., Викторъ Гюго выпустилъ романъ «Человѣкъ, который смѣется», гдѣ проявляется въ преувеличенномъ видѣ его любовь къ антитезѣ, но гдѣ содержатся прекрасныя рѣчи въ защиту человѣческой свободы. Онъ жилъ въ это время одинъ. Его сыновья Шарль и Франсуа-Викторъ были въ Парижѣ съ Огюстомъ Вакери и Полемъ Мерисомъ, который основалъ демократическую и оппозиціонную имперіи газету «Раппель». Умами во Франціи овладѣло волненіе, всегда предшествующее концу режима, и несмотря на успѣхъ плебисцита, проницательные люди чувствовали непрочность императорскаго трона.

15 іюля 1870 г. вспыхнула война между Франціей и Германіей: несчастія слѣдовали быстро одно за другимъ, и скоро можно было предвидѣть гибель имперіи. 17 августа Викторъ Гюго покинулъ Гернсей и поселился въ Брюсселѣ, чтобы слѣдить за событіями. 4 сентября была провозглашена республика, и послѣ девятнадцати лѣтъ изгнанія онъ могъ снова ступить ногою на почву отечества, къ несчастью, теперь разореннаго.

VIII.

Возвращеніе на родину.

На другой же день послѣ паденія имперіи Викторъ Гюго, не будучи въ силахъ сдержать свое нетерпѣніе, отправился въ Парижъ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ Шарлемъ, Антоненомъ Пру и Жюлемъ Клареси, который правдиво описалъ возвращеніе поэта во Францію: «Въ этотъ день, 5 сентября,—пишетъ онъ,—Викторъ Гюго въ мягкой фетровой шляпѣ на головѣ, съ кожаной сумкой на ремнѣ черезъ плечо, съ блѣднымъ, взволнованнымъ лицомъ инстинктивно посмотрѣлъ на часы, подходя къ кассѣ, чтобы взять себѣ билетъ. Казалось, онъ хотѣлъ знать въ точности, въ которомъ часу кончится его изгнаніе. Столько лѣтъ прошло съ того дня, какъ ему пришлось покинуть въ этомъ Парижѣ, покоренномъ его геніемъ, всю обстановку своей жизни: свой домъ, любимыя книги, мебель, картины и даже едва высохшіе листки, на которыхъ были написаны его послѣдніе стихи. Теперь все миновало. Уже не мѣсяцами, а минутами считалъ онъ время, остававшееся до того момента, когда онъ воскликнетъ: Франція!

— Вотъ уже девятнадцать лѣтъ, какъ я жду этой минуты!— сказалъ онъ мнѣ, посмотрѣвъ на часы. Лицо его было очень блѣдно.

«Вѣрные друзья проводили его на платформу до дверецъ вагона.

«Въ Тернье—другое воспоминаніе, которымъ я горжусь,—Викторъ Гюго въ первый разъ обѣдалъ во Франціи. О его пріѣздѣ уже успѣли извѣстить; въ буфетѣ толпились любопытные, окружившіе его со всѣхъ сторонъ. Обѣдъ кончился очень скоро. Въ буфетѣ почти ничего не оказалось.

— Есть только хлѣбъ, сыръ и вино! — сказалъ я Виктору Гюго.

— Да этого даже слишкомъ много!—возразилъ онъ.

Послѣ этого я попросилъ у Виктора Гюго чести предложить ему первый обѣдъ во Франціи.

— Вамъ непремѣнно этого хочется?—спросилъ онъ, улыбаясь.

— Пожалуйста!—просилъ я.

— Ну, что же! Съ удовольствіемъ!

Затѣмъ послѣ обѣда онъ взялъ съ волненіемъ и положилъ въ карманъ первый кусокъ хлѣба, отломленный на вновь обрѣтенной родинѣ, и мы сѣли въ вагонъ. Онъ сберегъ этотъ хлѣбъ, захваченный въ Тернье и составлявшій почти все, что онъ ѣлъ въ этотъ день, такъ какъ отъ волненія у него сжималось горло, и иногда въ разговорѣ любилъ вспоминать о немъ.

— Вѣдь это вы угостили меня первымъ обѣдомъ, которымъ я подкрѣпился при возвращеніи на родину, — говорилъ онъ мнѣ много разъ.—Объ этомъ кускѣ хлѣба, отданномъ мною г-жѣ Друэ, я сочинилъ даже стихи, которые будутъ помѣщены въ слѣдующемъ сборникѣ.

Дорогой, по мѣрѣ того, какъ мы приближались къ Парижу, Викторъ Гюго становился задумчивымъ, волновался, еще сильнѣе поблѣднѣлъ.

— Мнѣ хотѣлось бы вернуться въ осажденный городъ тихо, одному!—говорилъ онъ.—Да, прибыть туда ночью, въ одиночествѣ такъ же, какъ я уѣхалъ оттуда.

На дворѣ смеркалось, затѣмъ наступила ночь.

— Пройти по улицамъ Парижа съ чемоданомъ въ рукахъ и переночевать, гдѣ придется! У Мериса, конечно.

Въ десять часовъ поѣздъ остановился у Сѣвернаго вокзала. Мерисъ, Вакери и сынъ Гюго, Франсуа-Викторъ находившійся въ ту пору въ Парижѣ,—бросились къ дверцамъ вагона, обняли его и увлекли съ собою.

У выхода съ вокзала его ожидала толпа, встрѣтившая его радостными криками.

— Я явился сюда, чтобы исполнить свой долгъ!—сказалъ онъ собравшимся.

Послѣдніе проводили его до авеню Фрошо, и на углу улицы Лаваль онъ еще разъ поблагодарилъ толпу.

— Вы вознаградили меня въ одинъ часъ за девятнадцать лѣтъ изгнанія!—сказалъ онъ ей.

На другой день Викторъ Гюго перебрался изъ квартиры Поля Мериса—прежде чѣмъ поселиться на улицѣ Риволи—въ маленькій отель, на улицѣ Наваринъ, «Отель Наваринъ».

При возвращеніи Виктора Гюго Парижъ переживалъ трагическіе дни. Правительство въ смятеніи организовало оборону, принимая отчаянныя рѣшенія. Иностранныя войска были у воротъ столицы, которой вскорѣ пришлось героически выдерживать ожесточенную осаду. Поэтъ пережилъ всѣ патріотическія тревоги націи и выразилъ въ то же время ея мужество и беззавѣтную отвагу въ воззваніи «къ французамъ», выпущенномъ 17 сентября, когда непріятель, осаждавшій Парижъ, собирался окружить Лучезарный Городъ желѣзнымъ кольцомъ. Вскорѣ послѣ того, 20 октября, появилось первое изданіе «Наказаній», исполненное во Франціи, и экземпляры книги расходились въ раскаленной атмосферѣ, гдѣ имперію обвиняли во всѣхъ несчастіяхъ. Изъ первыхъ барышей, полученныхъ отъ нея, Викторъ Гюго пожертвовалъ пятьсотъ франковъ по подпискѣ, открытой съ цѣлью собрать средства для отливки пушекъ. «Наказанія», казалось, возбудили народный энтузіазмъ. 6 ноября общество литераторовъ устроило въ Портъ-Сенъ-Мартенѣ литературное утро, гдѣ было прочитано нѣсколько самыхъ сильныхъ пьесъ изъ этого сборника, и часть сбора была внесена въ кассу Національной обороны, на изготовленіе двухъ пушекъ, при чемъ одну изъ нихъ назвали «Викторъ Гюго», а другую — «Наказаніе».

Несмотря на весь героизмъ осажденныхъ парижанъ и войска, набранныя въ провинціи правительствомъ Обороны, Парижъ капитулировалъ, и пришлось подумать о мирѣ.

8 февраля 1871 г. на выборахъ въ Національное Собраніе Викторъ Гюго былъ избранъ въ Сенскомъ департаментѣ вторымъ изъ

сорока трехъ депутатовъ 214, 169 голосами послѣ Луи Блана и прежде Гарибальди. Собраніе, которое должно было рѣшить вопросъ о продолженіи войны, состоялось 12 февраля въ Бордо, куда Викторъ Гюго явился на другой день. Совѣщанія открылись 1 марта, онъ говорилъ противъ мира, который былъ, однако, вотированъ 546 голосами противъ 107, согласно желаніямъ Франціи.

Поэтъ стоялъ выше практической политики, и по поводу одной рѣчи, которую онъ произнесъ за Гарибальди 8 марта 1871 г., онъ сложилъ съ себя депутатскія полномочія посреди шума, вызваннаго въ Собраніи его словами.

Оскорбленный въ своихъ патріотическихъ чувствахъ, Викторъ Гюго подвергся вскорѣ тяжкому испытанію и въ своей отцовской привязанности. Его старшій сынъ, Шарль, умеръ отъ удара 13 марта, и онъ возвратился въ Парижъ, пораженный горемъ, вмѣстѣ съ тѣломъ своего сына. Похороны происходили 18 марта, въ первый день рабочаго движенія—парижской коммуны, и во время траурнаго шествія черезъ столицу народъ привѣтствовалъ Виктора Гюго радостными криками. Исполнивъ свой священный долгъ, онъ тотчасъ же отправился въ Брюссель, чтобы устроить имущественныя дѣла двоихъ дѣтей, оставленныхъ ему сыномъ, Жоржа и Жанны, двухъ прелестныхъ херувимовъ, радовавшихъ его старость. Такъ какъ бельгійское правительство объявило, что оно не допуститъ на свою территорію побѣжденныхъ коммунаровъ, которыхъ не считаетъ политическими дѣятелями, то Викторъ Гюго написалъ открытое письмо, помѣщенное 26 мая въ «Indépendance Belge», въ которомъ извѣщалъ, что онъ предлагаетъ имъ убѣжище въ своемъ домѣ на площади Баррикадъ, въ домѣ № 4. Вслѣдствіе появленія этого письма, нѣсколько возбужденные молодые люди принялись ночью бросать камнями въ окна поэта, въ знакъ протеста противъ его великодушія, а бельгійское правительство увѣдомило его, что онъ долженъ удалиться изъ предѣловъ Бельгіи. Викторъ Гюго укрылся въ іюнѣ въ Віанденѣ, въ великомъ герцогствѣ Люксембургскомъ и, побывавъ затѣмъ проѣздомъ въ Англіи, вернулся во Францію только въ октябрѣ мѣсяцѣ 1871 г.

Его кандидатура, поставленная на выборахъ два раза, въ іюлѣ 1871 г. и въ январѣ 1872 г., не имѣла успѣха среди политической смуты, послѣдовавшей за великими потрясеніями, причиненными военной коммуной. Вернувшись въ Парижъ, онъ поселился на улицѣ Ларошфуко, въ домѣ № 66 и, несмотря на свой преклонный возрастъ и жестокія испытанія, не хотѣлъ отдыхать и снова принялся за работу. Въ апрѣлѣ 1872 г. онъ выпустилъ въ свѣтъ «Ужасный годъ», гдѣ слышатся рыданія и крики негодующей души патріота, но гдѣ выражается въ то же время его непоколебимая вѣра въ судьбы Фраціи. Умы мало-по-малу успокоились, и онъ сталъ казаться какъ бы предкомъ, какъ бы отцомъ новыхъ поколѣній, окружавшихъ его благоговѣйнымъ поклоненіемъ. Онъ еще при жизни сдѣлался безсмертнымъ, и годы, которые ему пришлось прожить, представлялись какъ бы длиннымъ апоѳеозомъ

Однако, послѣдній прерывался новыми скорбями и печалями. Въ то время, какъ онъ работалъ надъ своимъ романомъ «Девяносто третій годъ», 26 декабря 1872 г. умеръ его сынъ Франсуа-Викторъ, и отецъ остался теперь одинъ съ своими внуками.

Съ печалью въ сердцѣ окончилъ Викторъ Гюго «Девяносто третій годъ», появившійся въ трехъ томахъ въ февралѣ 1874 г. Онъ жилъ тогда на улицѣ Клиши, въ домѣ № 21, и каждый день принималъ у себя поэтовъ, писателей, политическихъ дѣятелей, преклонявшихся передъ его геніемъ.

«Поднявъ эту портьеру,—говоритъ Густавъ Риве въ своемъ сочиненіи «Викторъ Гюго у себя дома»,—мы оказываемся въ салонѣ, оклеенномъ красными обоями съ желтыми полосами, обвитыми гирляндами цвѣтовъ. По бокамъ камина венеціанская накладная работа. Рядомъ большой шкафъ съ оловянной инкрустаціей, изображающей сказочныя сцены изъ Рейнеке Лиса.

«Посрединѣ салона, раздѣляя его на двѣ части, возвышается пьедесталъ, а на немъ образцовое произведеніе японскаго искусства, слонъ, ведущій борьбу, съ грозно поднятымъ хоботомъ и съ бронзовой башенкой на спинѣ, надъ которой съ потолка спускается люстра изъ стариннаго венеціанскаго хрусталя съ разноцвѣтными рожками, изогнутыми въ видѣ спиралей и украшенными изящными цвѣтами.

«Въ углу направо отъ камина, почти подъ самыми часами, прелестной вещицей во вкусѣ Людовика XV, на которыхъ сидитъ время съ традиціонною косою, помѣщается зеленое бархатное канапе, обычное и излюбленное мѣсто отдохновенія поэта.

«На этомъ диванчикѣ садится онъ послѣ обѣда. Онъ и не думаетъ стоять, выпрямившись, у камина, въ позѣ человѣка, позирующаго для потомства или говорящаго съ трибуны, какъ нѣкоторые разсказываютъ. Наоборотъ, онъ сидитъ въ своемъ уголкѣ, одѣтый безъ церемоній въ короткій домашній вестонъ, непринужденно смѣясь и болтая со всѣми, кто является повидаться съ нимъ, какъ будто они ему ровни и товарищи. Въ немъ незамѣтно ни малѣйшей торжественности!..

«Въ этой красной гостиной кругомъ учителя собирается по вечерамъ несмѣтное множество людей, которыхъ привлекаетъ его величіе и доброта. Сюда являются сенаторы и депутаты, поэты и живописцы, романисты и журналисты, чтобы принести *отцу* дань уваженія и выразить ему свое восхищеніе.

«Подобно тому, какъ на горной вершинѣ воздухъ чище, такъ и онъ кажется овѣяннымъ какимъ-то идеальнымъ и поэтическимъ дуновеніемъ, и всѣ, и художники и мыслители, идутъ къ нему, чтобы подышать немного воздухомъ, который его окружаетъ.

«Гомеръ устами герольда перечисляетъ иногда воиновъ, слѣдующихъ за вождемъ. Я не кончилъ бы, если бы захотѣлъ перечислить всѣхъ людей, видѣнныхъ мною у Виктора Гюго».

Великій старецъ подавалъ своимъ посѣтителямъ высокій примѣръ того, какъ слѣдуетъ работать. Дня не проходитъ, чтобы не было написано строчки, говаривалъ онъ часто и писалъ, стоя,

при открытомъ окнѣ даже въ сильные холода, съ утра до полдника. Такимъ образомъ, ему удалось и въ старости, меньше чѣмъ за десять лѣтъ, выпустить въ свѣтъ сочиненія, которыя могли потребовать всего существованія геніальнаго человѣка. Послѣ «Девяносто третьяго года» появилась вторая серія: «Легенда вѣковъ» (26 февраля 1877 г.), «Искусство быть дѣдомъ» (14 мая 1877 г.), «Исторія одного преступленія» (два тома, 1 октября и 1 декабря 1877 г.), затѣмъ «Папа», «Высшее сожалѣніе» (1879 г.), «Религии и религія» (1880 г.), «Четыре дуновенія Духа» (1881 г.), «Торквемада», «Видѣніе Данте», а послѣ смерти онъ оставилъ множество сочиненій, вышедшихъ позднѣе, какъ «Театръ на свободѣ», «Конецъ Сатаны», «Вся лира», «Изъ пережитаго».

На выборахъ въ сенатѣ, въ январѣ 1876 г., онъ былъ избранъ вмѣстѣ съ Фрейсине, Толеномъ, Герольдомъ и 22 мая 1876 г. сказалъ рѣчь въ пользу политической амнистіи. Его роль въ сенатѣ была довольно незначительна, однако, онъ говорилъ еще разъ противъ распущенія палаты депутатовъ, котораго требовалъ въ іюнѣ 1877 г. маршалъ Макъ Магонъ, въ послѣдній разъ въ іюлѣ 1880 г., когда просилъ забыть политическіе споры. открывъ ссыльнымъ доступъ на французскую территорію.

28 іюня 1878 г. у Виктора Гюго вслѣдствіе спора съ Луи Бланомъ по поводу Жанъ-Жака Руссо сдѣлалось сильное сотрясеніе мозга, и когда онъ былъ въ состояніи путешествовать, врачи посовѣтовали ему вести совершенно спокойную жизнь и поселиться въ своемъ домѣ на островѣ Герней. Онъ пробылъ тамъ до 9 ноября, а по возвращеніи въ Парижъ поселился въ маленькомъ особнякѣ на авеню Эйлау, № 130, бывшемъ его послѣднимъ жилищемъ. Оно было описано исторіографомъ Барбу.

«Домъ Виктора Гюго,—говоритъ исторіографъ,—извѣстенъ въ кварталѣ подъ названіемъ «дома съ большой маркизой»; маркиза. дѣйствительно, служитъ его отличительнымъ признакомъ, и подъ нею прохожіе, застигнутые дождемъ въ этомъ пустынномъ кварталѣ, укрываются на нѣсколько минутъ.—Мое жилище всегда будетъ служить убѣжищемъ,—говоритъ Викторъ Гюго, смѣясь.

«Особнячокъ состоитъ изъ нижняго жилья и еще изъ двухъ этажей; въ нижнемъ жильѣ помѣщается библіотека и кухня, выходящія на улицу. Между этими двумя помѣщеніями находится комната, служащая гардеробной, и прихожая, ведущая въ пріемную.

«Въ первомъ этажѣ помѣщается спальня, гостиная и рабочій кабинетъ.

«Въ первомъ этажѣ поэтъ работаетъ. Тутъ онъ находится, такъ сказать, въ лѣсу. Съ одной стороны открывается видъ на деревья авеню; съ другой на садъ, разбитый при отелѣ, нарядный и прелестный садъ, сплошь усаженный прекрасными деревьями, съ лужайками, цвѣточными клумбами, ручейкомъ, на которомъ крякаютъ бѣлыя утки мадмуазель Жанны, и маленькимъ фонтаномъ, откуда каскадомъ падаетъ вода.

«Вставъ, по обыкновенію, въ пять часовъ, онъ остается въ спальнѣ, сдѣлавшейся его любимымъ рабочимъ кабинетомъ. Эта

самая изолированная комната, лучше всего защищенная отъ внѣшняго шума; она меблирована очень просто. Въ ней стоитъ комодъ съ туалетомъ во вкусѣ Людовика XV, и около окна, выходящаго въ садъ, очень высокая конторка, за которой поэтъ пишетъ, стоя.

«Онъ спитъ въ кровати съ витыми колоннами, поддерживающими плоскій балдахинъ во вкусѣ шестнадцатаго столѣтія. Комната обтянута шелковой камчатной тканью ярко-краснаго цвѣта.

«Постель совершенно горизонтальна; спящій на ней не пользуется ни изголовьемъ, ни подушкой; говоря объ этихъ интимныхъ подробностяхъ, скажемъ къ слову, что онъ никогда не носилъ пальто и не бралъ съ собою зонтика. За этотъ недостатокъ предосторожности онъ не разъ расплачивался насморкомъ; только въ самые послѣдніе годы жизни по совѣту одного ученаго врача отказался онъ отъ холодной, какъ ледъ, ванны, которую бралъ каждое утро.

«Извѣстны пріемы его работы. Онъ думаетъ, онъ смотритъ, устремивъ глаза вдаль и ничего не видя передъ собою; въ головѣ у него происходитъ работа мысли, которую онъ прерываетъ и возобновляетъ и въ результатѣ которой бѣгло пишетъ, не останавливаясь и не обдумывая больше».

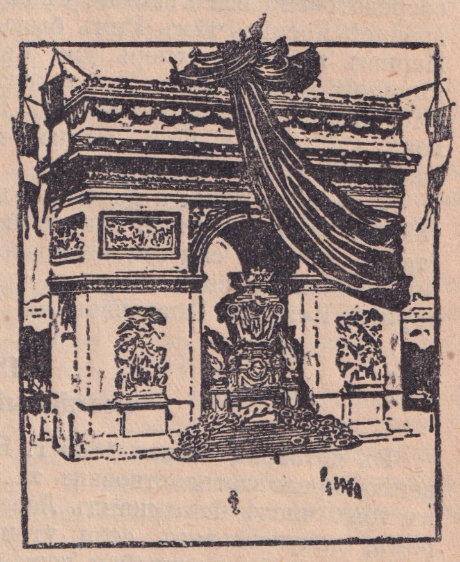
Окончивъ работу, онъ совершалъ послѣ завтрака длинныя прогулки, во время которыхъ мечталъ, затерявшись въ толпѣ. Чаще всего онъ поднимался на имперіалъ омнибуса, направлявшагося изъ Пасси на биржу, и покачиваясь отъ спокойной рыси лошадей, обдумывалъ свои произведенія. Какая бы ни была погода, онъ не садился внутрь кереты. Какъ-то разъ, когда подъ открытымъ небомъ валилъ снѣгъ, кондукторъ крикнулъ ему: «Нѣтъ мѣста!— А наверху?—отвѣтилъ ему Викторъ Гюго.—Ага! если вамъ угодно на солнышко, тогда есть,—возразилъ кондукторъ. И старикъ бодро вскарабкался на имперіалъ, гдѣ оказался въ полномъ одиночествѣ посреди снѣжныхъ вихрей. Вернувшись домой, онъ набросалъ интересный эскизъ этой сцены.

По вечерамъ, къ обѣду, онъ принималъ у себя друзей. Столъ былъ обильный, хотя подавали обыкновенно только два сорта винъ, мадеру и сентъ-эмильонъ, и то и другое настоящее. Викторъ Гюго сохранилъ свой превосходный аппетитъ и былъ очень веселъ и привѣтливъ съ своими гостями и всегда очень любезенъ съ дамами. Но самымъ большимъ удовольствіемъ для него было болтать и играть съ своими внуками, имѣвшими большую власть надъ авторомъ «Искусства быть дѣдомъ». Онъ разсказывалъ имъ сказки, представлявшія собою то настоящія драмы, то веселыя комедіи; то были: «Сказка о доброй блохѣ», «Собака, обернувшаяся ангеломъ», «Оселъ съ двумя ушами», «Злой король».

Сказки эти доставляли дѣтямъ огромное удовольствіе, и они не могли вдоволь наслушаться интересныхъ разсказовъ добраго, нѣжно любящаго ихъ дѣда.

Кромѣ семейныхъ радостей Виктору Гюго довелось пережить на старости лѣтъ высшія общественныя почести. Въ ноябрѣ 1877 г. его знаменитая драма «Эрнани» была возобновлена на сценѣ Ко-

меди-Франсэзъ съ блестящимъ успѣхомъ и выдержала больше ста представленій. 25 февраля 1880 г., черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ перваго представленія, которое привело къ обновленію драматическаго искусства, въ Комеди была отпразднована ея славная годовщина. Пятый актъ кончился среди аплодисментовъ, занавѣсъ снова взвился, всѣ участники, одѣтые въ костюмы лучшихъ ролей поэта, окружили его мраморный бюстъ, стоявшій на столѣ, украшенномъ вѣнками. Артистка Сара Бернаръ, создавшая при возобновленіи драмы роль доньи Соль, выступила впередъ съ пальмовой вѣтвью въ рукахъ и произнесла своимъ серебристымъ голосомъ извѣстные стихи Франсуа Коппе; написанные поэтомъ на этотъ случай.

Гробъ съ тѣломъ Виктора Гюго подъ Тріумфальной аркой въ Парижѣ.

При послѣднемъ стихѣ, произнесенномъ Сарой Бернаръ, извѣстный театральный критикъ, Францискъ Сарсэ,—который не всегда былъ справедливъ къ поэту — воскликнулъ: «встать!» и вся зала, поднявшись на ноги, какъ одинъ человѣкъ, сдѣлала Виктору Гюго овацію, какой не знавалъ до него ни одинъ писатель.

27 февраля 1881 г., въ день, когда поэту пошелъ восьмидесятый годъ, состоялось новое торжество болѣе общаго и всенароднаго характера. Его прославляло не одно только избранное общество, а весь Парижъ, несмѣтная безымянная толпа, которую онъ такъ безподобно воспѣвалъ. Апоѳеозъ начался въ полдень исполненіемъ марсельезы, которую заиграли и запѣли сто четыре музыкальныхъ общества, заключавшихъ въ себѣ пять тысячъ исполнителей. Авеню Эйлау было пышно убрано, какъ будто для національнаго празднества, домикъ поэта былъ украшенъ цвѣтами и вѣнками, а самъ Викторъ Гюго съ своими внуками стоялъ у окна перваго этажа. Больше семи тысячъ человѣкъ прошли передъ величавымъ старцемъ, привѣтствуя его радостными криками, французскія делегаціи, смѣшанныя съ иностранными делегаціями, какъ будто человѣкъ, котораго хотѣли почтить живымъ, какъ божество, былъ всемірнымъ геніемъ.

Викторъ Гюго сказалъ делегаціи муниципальнаго совѣта:

— Привѣтствую Парижъ. Привѣтствую огромный городъ. Привѣтствую его не отъ своего имени, такъ какъ я ничтожество, а отъ имени всего того, что живетъ, разсуждаетъ, думаетъ и надѣется на семъ свѣтѣ.

«Города—благословенныя мѣста; это мастерскія для божественной работы. Божественная работа, это работа человѣка. Она остается работой человѣка, пока она индивидуальна; становясь коллективной, задаваясь цѣлью, которая перерастаетъ работника, она дѣлается божественной. Отъ времени до времени исторія отмѣчаетъ знакомъ городъ. Этотъ знакъ единственный. За четыре тысячи лѣтъ исторія отмѣтила такимъ образомъ три города, гдѣ сосредоточено все дѣйствіе цивилизаціи. Чѣмъ Аѳины были для древней Греціи, чѣмъ Римъ былъ для древнихъ римлянъ, тѣмъ Парижъ является теперь для Европы, для Америки, для всего цивилизованнаго міра. Это городъ и въ то же время это весь міръ. Кто обращается съ словомъ къ Парижу, тотъ обращается съ словомъ къ цѣлому міру. Итакъ—привѣтствую священный городъ Парижъ.

Ночь наступила, а делегаціи все еще дефилировали подвижною темною толпою, откуда доносились радостные крики до великаго старца, могучій силуэтъ котораго смутно виднѣлся во мракѣ, немного наклонившись впередъ, какъ будто затѣмъ, чтобы благодарить. Викторъ Гюго плакалъ. Таковъ былъ его апоѳеозъ.

IX.
Всемірный вѣнецъ.

Въ четвергъ 14 мая 1885 г. Викторъ Гюго, по своему обыкновенію, предсѣдательствовалъ за столомъ, гдѣ собрались его друзья, въ томъ числѣ Фердинандъ Лессепсъ и Густавъ Риве, когда вечеромъ, почувствовавъ себя утомленнымъ, онъ былъ вынужденъ удалиться изъ гостиной и лечь въ постель, чтобы больше не вставать. Недомоганіе показалось сначала очень легкимъ—никто не думалъ, чтобы великій старецъ былъ серьезно боленъ—но въ воскресеніе 17 мая доктора Жерменъ Се и Эмиль Алликсъ подписали слѣдующій бюллетень: «Викторъ Гюго, страдавшій порокомъ сердца, занемогъ отъ прилива крови въ легкія». Хотя въ этомъ бюллетенѣ не было ничего особенно страшнаго, однако онъ внушалъ опасеніе, что состояніе знаменитаго больного можетъ ухудшиться.

Какъ только въ газетахъ появилось извѣстіе о болѣзни Виктора Гюго, весь Парижъ взволновался; домикъ на авеню Эйлау осаждался толпою, съ нетерпѣніемъ ждавшей листковъ съ извѣстіями о его здоровьѣ.

Неутомимый работникъ, ложась въ постель, не обманывался въ исходѣ болѣзни: онъ чувствовалъ, что смерть, скосившая всѣхъ его дорогихъ и близкихъ, возьметъ также и его. Но этотъ старикъ былъ такъ живучъ, что сначала, казалось, не хотѣлъ повиноваться велѣніямъ судьбы. Онъ пытался подняться на постели, напрягая все свое сильное и безукоризненно прекрасное тѣло, какъ бы съ тѣмъ, чтобы вступить въ борьбу съ Невидимкой, которая всюду бродитъ и одна только не знаетъ пораженія. Но скоро онъ примирился съ побѣдой Другого, онъ, всегда побѣждавшій, и во время длиннаго томительнаго ожиданія говорилъ:

— О, какъ долго, скорѣе бы смерть...

Больному было то лучше, то хуже, однако всякая надежда была потеряна. Несмотря на покорность, престарѣлый атлетъ все еще порывался противиться. Какъ-то вечеромъ онъ крикнулъ громкимъ голосомъ:

— Здѣсь идетъ сраженіе между ночью и днемъ.

Однако легкія все больше и больше переполнялись кровью, и черезъ недѣлю, утромъ 22 мая, началась агонія. Изъ груди его при дыханіи слышался громкій хрипъ. Къ нему подвели внуковъ. Глаза его, уже сдѣлавшіеся стеклянными, вспыхнули послѣднимъ лучомъ.

— Прощай, Жанна,—сказалъ онъ.

Это были его послѣднія слова: въ половинѣ второго угасъ одинъ изъ самыхъ яркихъ свѣточей, озарявшихъ пути человѣчества.

Когда узнали о смерти поэта, казалось, весь Парижъ внезапно облекся въ трауръ, какъ будто каждый лишился отца. Вскрыли его завѣщаніе, хранившееся у Огюста Вакери, чтобы узнать его послѣднюю волю. Въ немъ было сказано:

«Отказываю пятьдесятъ тысячъ франковъ бѣднымъ. Желаю, чтобы меня отвезли на кладбище на ихъ траурныхъ дрогахъ. Прошу не говорить мнѣ надгробнаго слова въ церквахъ. Прошу молитвы за всѣхъ усопшихъ. Вѣрую въ Бога».

Завѣщаніе было просто, величественно и согласовалось съ философскими мнѣніями, которыя онъ безпрестанно выражалъ. На другой день послѣ смерти на авеню Эйлау стали приходить депеши со всѣхъ концовъ свѣта, и правительство совѣщалось о средствахъ устроить поэту Франціи національныя похороны. Были получены депеши отъ президента республики Жюля Греви, отъ Эмиля Золя, Поля Деруледа, Жюля Ферри, Гамбетты и отъ многихъ высокопоставленныхъ лицъ изъ-за границы. Ученыя и литературныя общества всего свѣта черезъ своихъ предсѣдателей и секретарей извѣщали Францію, что они принимаютъ участіе въ ея траурѣ.

Въ самый день смерти Виктора Гюго Дешанъ обратился съ ходатайствомъ въ муниципальный совѣтъ Парижа, гдѣ просилъ вернуть Пантеону его первоначальное назначеніе, чтобы поэтъ былъ въ немъ погребенъ. На другой день президентъ совѣта министровъ Анри Бриссонъ, внесъ въ Сенатъ проектъ закона, постановлявшій, чтобы похороны Виктора Гюго были національными, и проектъ этотъ былъ принятъ единогласно. Затѣмъ, когда правительственнымъ декретомъ Пантеону было возвращено его первоначальное назначеніе, Викторъ Гюго былъ положенъ въ храмѣ, на фронтонѣ котораго находится надпись: «Великимъ сынамъ благодарное отечество».

При министерствѣ внутреннихъ дѣлъ образовался комитетъ, которому было поручено устройство національныхъ похоронъ. Въ него вошли писатели и художники: Огюстъ Вакери, Эрнестъ Ренанъ, Далу, Мерсье, Бугеро и др., которые должны были найти средства сдѣлать похороны грандіозными и торжественными. Оста

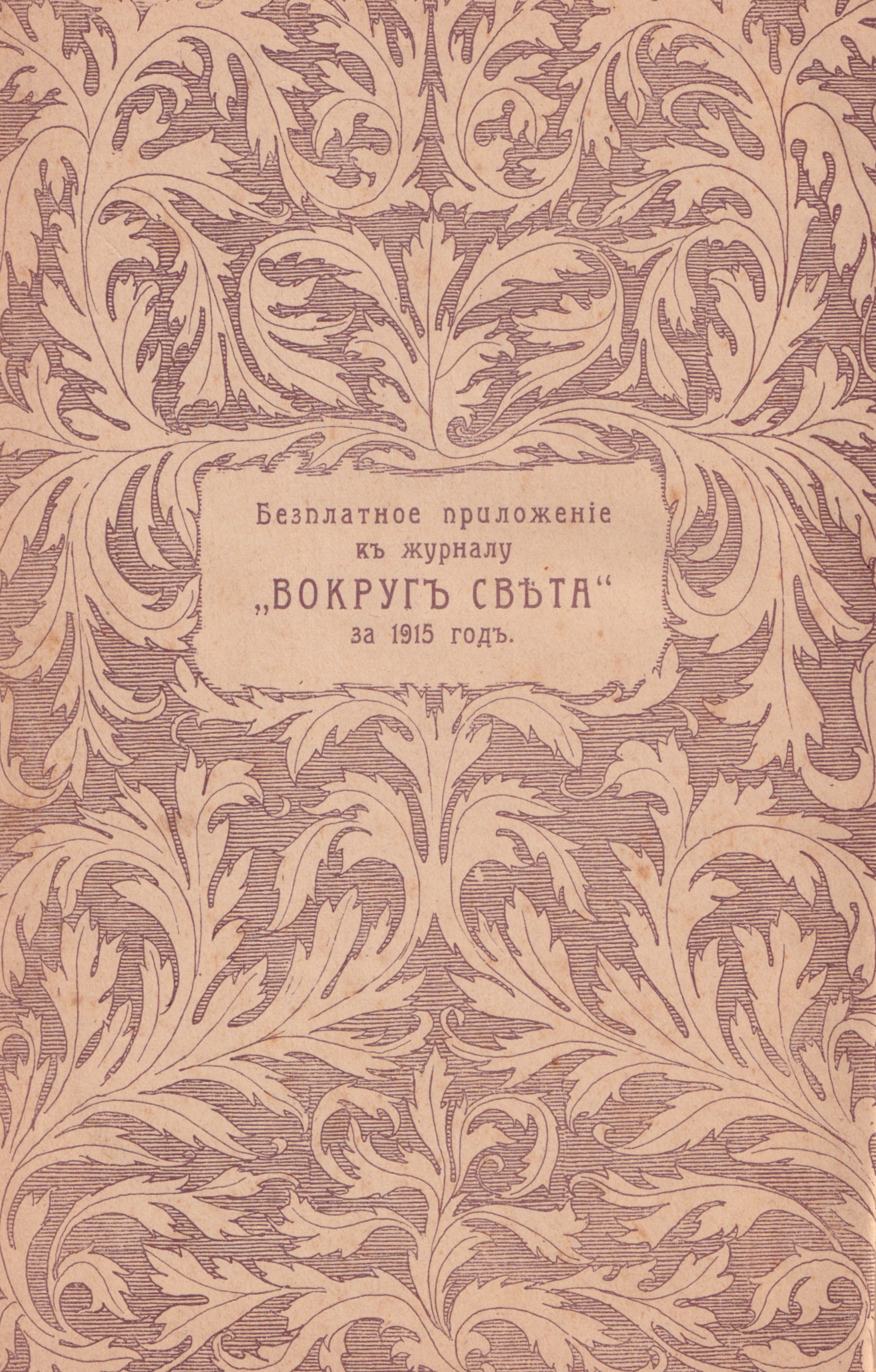
новились на проектѣ Гарнье, архитектора, строившаго Оперу. Тріумфальная арка была украшена траурнымъ флеромъ и подъ ней былъ поставленъ монументальный катафалкъ. Тѣло Виктора Гюго было выставлено въ немъ въ воскресенье 31 мая, и несмѣтная толпа дефилировала передъ смертными останками великаго поэта. Почетный батальонъ сталъ на стражѣ кругомъ тѣла. Черное украшеніе изъ траурнаго крепа съ серебряными позументами, огни, затѣненные крепомъ, имѣли величественный и торжественный характеръ.

Похороны состоялись въ понедѣльникъ 1 іюня. Въ одиннадцать часовъ утра 21 выстрѣлъ изъ пушки въ Монъ-Валерьенѣ возвѣстилъ о началѣ церемоніи. Процессія изъ ста тысячъ человѣкъ сопровождала траурныя дроги для бѣдныхъ, дефилируя среди парижанъ, провинціаловъ и иностранцевъ, которыхъ собралось больше милліона человѣкъ. Въ числѣ делегацій находились 141 муниципалитетъ, 107 гимнастическихъ обществъ, 38 иностранныхъ обществъ, 122 школьныхъ группы и т д., и т. д. Въ 2 часа 20 минутъ кортежъ прибылъ къ Пантеону, задрапированному чернымъ, и шестнадцать ораторовъ произнесли прощальное слово. Въ числѣ ихъ были: президентъ Сената Руайе, президентъ палаты депутатовъ Флоке, министръ народнаго просвѣщенія Гобле, говорившій отъ имени правительства; Эмиль Ожье, отъ Французской академіи; Мишленъ, отъ парижскаго муниципальнаго совѣта; Лефевръ, отъ Сенскаго генеральнаго совѣта; Жюль Кларси, отъ общества литераторовъ и др.

Во время рѣчей дефилировала несмѣтная толпа, и только въ половинѣ седьмого прошла послѣдняя депутація, привѣтствуя великаго покойника торжественными криками. Церемонія кончилась: тѣло Виктора Гюго было опущено въ склепы Пантеона

Такъ завершился погребальный апоѳеозъ, но во время всего славнаго пути, пройденнаго имъ, поэтъ получалъ дань восхищенія отъ тѣхъ, кто былъ ослѣпленъ его блескомъ, и изъ этихъ даровъ составился всемірный, неувядаемый вѣнокъ, лучшіе цвѣты котораго принадлежатъ перу Сентъ-Бёва, Альфреда Мюссе, Франсуа Коппе, Леконта де-Лилля и др.

Безплатное приложение
къ журналу
„ВОКРУГЪ СВѢТА"
за 1915 годъ.